Министерство образования и науки Российской Федерации

АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКИЙ ХАРБИН, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ В СЛОВЕ

Выпуск 5

Проблемы источниковедения и текстологии

Благовещенск

2012

ББК 83.3 (2 Рос=2 Рус) 6
Р 89

Печатается по решению ученого совета Амурского государственного университета

Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 270 с.

Пятый выпуск сборника посвящен источниковедческим и текстологическим проблемам изучения культуры и литературы русского Китая. В нем собраны работы филологов, историков, архитекторов, музейных работников, посвятивших себя архивным поискам, текстологическому анализу и источниковедческой систематизации материалов, касающихся культуры и литературы русского Китая. Многие работы – результат новейших находок и изысканий.

Издание адресовано, в первую очередь, специалистам – исследователям культуры и литературы русского зарубежья, но оно будет интересно и учителям-гуманитариям, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей, культурой и литературой.

Рецензенты: *О.И. Федотов*, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник МИОО (г. Москва);
А.Л. Ястребов, доктор филологических наук, профессор кафедры истории, философии, литературы ГИТИС (г. Москва).

При подготовке и издании сборника использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Президента Российской Федерации (проект МК–6409.2010)

ISBN 978-5-93493-169-9

© Амурский государственный университет, 2012
© Кафедра литературы и мировой художественной культуры, 2012
© Коллектив авторов, 2012

Предисловие

Изданием пятого выпуска сборника «Русский Харбин, запечатленный в слове» мы отмечаем пусть скромный, но – юбилей. Позади – пять лет, четыре не очень толстых, но весьма содержательных книги.

С 2008 г. мы обозначили свое кредо, с одной стороны, достаточно узко – «Литературоведческая россика». С другой же стороны – весьма пространно, что логично определяется и спецификой литературного наследия дальневосточных эмигрантов, и нашим пониманием литературоведческого подхода к изучаемому феномену. Нас интересует, в первую очередь, литературно-художественное наследие дальневосточных беженцев: история литературного процесса в русском Китае, поэтологические особенности данного корпуса литературы, версификационные координаты лирических ориентиров дальневосточных поэтов, пути формирования литературной критики. Но мы исходим из интегративной природы литературоведения, ориентированного в отечественной традиции на лингвистические, исторические, религиоведческие, философские, социологические и этнографические сферы познания. Потому концептуальная программа наших исследований строится на изучении литературного наследия дальневосточной эмиграции сквозь призму социокультурного, этнорелигиозного и историко-философского подходов. Именно этот путь определяет основное научное направление кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета.

Основное пространство наших изысканий – это архивы и, если крупно повезет, частные коллекции. География наша – обширна: Москва, Хабаровск, Владивосток, Франция, Китай… За последние шесть лет наш научный коллектив неоднократно работал в ГАРФе (Государственном архиве Российской Федерации), в РГИА ДВ (Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока), в ГАХКе (Государственном архиве Хабаровского края), в РГБ (Российской государственной библиотеке), в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына, в рукописном отделе Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН...

Судьба и случай – любимые категории харбинских писателей (одна другую упреждая) – в научных штудиях нам благоволят. И то, что кажется, на первый взгляд, случайностью, оказывается в результате судьбоносным. Случай (судьба?) свел нас с Владимиром Вениаминовичем Агеносовым и Инной Ли в Харбине. Благодаря этому мы познакомились с дорогими нашим сердцам поэтами – Владимиром Александровичем Слобод-

чиковым[1] и Лариссой Николаевной Андерсен[2], историком культуры русского Харбина Еленой Петровной Таскиной. Потому атмосфера русского Харбина знакома нам не только по книгам и опубликованным воспоминаниям, а что называется – из первых уст.

Во многом успешные результаты наших начинаний зависели и зависят от доброй воли хранителей архивов. Среди них – Наталья Васильевна Рыжак (отдел литературы Русского зарубежья РГБ), Алексей Анатольевич Федюхин (научная библиотека ГАРФ), Наталья Петровна Гребенюкова (литературный отдел ХККМ им. Н.И. Гродекова), Ольга Феликсовна Кузнецова (отдел рукописей ИМЛИ РАН) и др.

Мы открыты для сотрудничества и научного обмена, сами проявляем творческую мобильность и стараемся совершенствовать свою исследовательскую методику. Судьба (случай?) постоянно скрещивают наши пути с исследователями-подвижниками – Светланой Сергеевной Левошко, Татьяной Васильевной Пищиковой, Виктором Александровичем Суманосовым, Маргаритой Борисовной Солодкой. Благодаря их человеческой открытости и научному бескорыстию открываются неожиданные исторические и художественные реалии, уточняются неизвестные факты, попадают в руки редкие текстовые материалы. Осень этого года подарила нам знакомство с совсем молодым, но уже маститым исследователем литературы русского Харбина – Владиславом Резвым. И мы рады дружескому расположению Амира Александровича Хисамутдинова, его желанию сотрудничать в сборнике, делиться совершенно новыми материалами, найденными в зарубежных архивах.

Вместе с нашим изданием развиваемся и мы, его инициаторы и основной коллектив авторов. Взрослеет не первое поколение студентов, обучающихся в семинаре «Литература русского Харбина», оперяются новые аспиранты. Защищаются кандидатские диссертации, вынашиваются прожекты докторских исследований. Опубликована серия монографических изданий[3]. В настоящее время готовится в печать первый (из четырех задуманных), 900-страничный, том хрестоматии «Литература русского зарубежья. Восточная ветвь», посвященный прозе эмигрантов-дальневосточников. Следом ждет своего часа монография «В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов».

---

[1] Памяти В.А. Слободчикова был посвящен 2-й выпуск сборника «Русский Харбин, запечатленный в слове» (2008).

[2] 95-летнему юбилею Лариссы Андерсен посвящен 3-й выпуск сборника «Русский Харбин, запечатленный в слове» (2009).

[3] *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009.

Каждый новый выпуск «Русского Харбина, запечатленного в слове» сопровождают публикации редких литературных текстов, писем, воспоминаний, связанных с художественным процессом в дальневосточном зарубежье (публ. и подг. текстов Г.В. Эфендиевой). И чем дальше мы углубляемся в изучаемый материал, тем шире становится круг наших интересов. Интернет раздвигает пространство доступных каталогов и изданий. Собираются новые архивные материалы, открывается новый взгляд на уже имеющиеся источники. Весьма плодотворным для нас был опыт работы в международных конференциях, проводимых совместно Домом русского зарубежья им. А.И. Солженицына и Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН. И, что представляется наиболее перспективным, сфера исследуемых нами проблем и нарабатываемая методология смыкается с новейшими текстологическими и источниковедческими изысканиями в области литературы и культуры западной ветви эмиграции и литературы метрополии 1920–1930 гг.[1]

В нашем случае архивная революция, говоря словами харбинского поэта Арсения Несмелова, «приближается, – / Но / Пора сознаться, / Накопляет уже / Обратный стаж» («Р.В.15» из сб. «Без России»)[2]. Накоплен огромный архивный и текстовый материал, наработан серьезный опыт его обработки и интерпретации. Дело – за временем и терпением.

Мы – за использование новейших методологий, за исследование структуры и концептосферы произведения, версификационной поэтики лирики. Но наш ориентир, в первую очередь, – это те «архаисты-консерваторы», которые «идут к писателю, считают его персону главной и самой таинственной фигурой в истории литературы, а текст произведения, его историю и в целом текстологическое и источниковедческое обследование XX в. основанием реальной истории литературы»[3].

Поэтому в 5-м выпуске мы обращаемся к истокам – к проблемам текстологии и источниковедения литературы и культуры дальневосточной эмиграции (хотя, конечно, никогда и не уходили от них). С точки зрения источниковедения и текстологии литература дальневосточного зарубежья – не только самый малоизученный, но и наиболее проблемный объект. Большинство текстов и материалов было утеряно, многие архивы либо уничтожены, либо изъяты в 1945 г. НКВД и попросту утрачены в результате многострадального пути русских китайцев по городам и весям Евро-

---

[1] Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. 768 с.; *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. 504 с.; В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / Отв. ред. О.А. Казнина. М., 2010. 608 с.;

[2] Цит. по*: Несмелов А.И*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Владивосток, 2006. С. 110–111.

[3] *Корниенко Н*. От редактора // Текстологический временник. Указ. изд. С. 4.

пы и Америки. Мы не можем, например, проследить, как складывался замысел того или иного произведения харбинского писателя, какова была авторская редакция, когда имеем в наличии только публикацию из еженедельника «Рубеж», ежемесячника «Луч Азии» или газеты «Молодая Чураевка» – зачастую там встречаются опечатки или редакторские купюры, вызванные издательскими требованиями формата, размера, тематики. Имея счастливую возможность сопоставить журнальный вариант публикации и его редакцию в авторском сборнике, мы не можем восстановить логику изменения авторского замысла, так как уже никогда не увидим ни авторских записных книжек, ни дневников. Обращение к харбинистам, в свое время получившим доступ к архивам репатриированных эмигрантов (Л. Хаиндровой, Н. Щеголева, Ф. Дмитриевой, А. Ачаира), приводит зачастую к курьезным ситуациям: рождаются фантастические нарративы о несуществующих людях и их отношениях, появляются субъективные интерпретации тех или иных литературных фактов, событий личной и творческой жизни интересующих нас персон. Некоторые владельцы коллекций, волею случая ими ставшие, уверены, что только они обладают правом «правильного» понимания творчества того или иного писателя. Архивы зачастую рассматриваются как самоценное личное достояние, а это только вредит общему делу.

Поэтому в процессе реконструкции художественной жизни, реалий литературного процесса русского Китая и нюансов развития индивидуального творчества русских харбинцев мы обращаемся к тому, что можно определить как *архивные, источниковедческие и текстологические маргиналии*: найденные в частных архивах и коллекциях эпиграммы, надписи на подаренных книгах, публицистические статьи поэтов и писателей, тексты их литературных и политических докладов, записки, анкеты разного рода, даже – редакторские (гонорарные) пометы на журнальных полосах и... доносы тайных сотрудников японских спецслужб (материалы Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии)[1].

Мы рады, что находим себе единомышленников, готовых поделиться результатами своих трудов. В сборнике принимают участие ученые самых разных регионов и городов нашей страны (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Челябинск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток). Действительно, от Москвы до самых до окраин… Среди публикуемых материалов – и недавно обнаруженные образцы эпистолярного наследия, и первые неизвестные до сегодняшнего дня публикации известных авторов, и описи архивов, и редкие фотографии, и текстологические штудии, и материалы творческих биографий.

---

[1] Об этом: *Забияко А.А.* Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1.

Нет на карте русского Харбина. Но есть «Русский Харбин, запечатленный в слове», теперь уже – **пятый выпуск**[1]. Приглашаем читателя и исследователя в очередное путешествие по страницам давно ушедшего, но имеющего продолжение в настоящем. Надеемся, что открываем новые маршруты. И, в свою очередь, готовы к интересным знакомствам и долгим дискуссиям.

Анна Забияко

[1] Выражаем искреннюю благодарность Н.П. Гребенюковой, О.Ф. Кузнецовой, С.С. Левошко, В.А. Резвому, В.А. Суманосову, А.А. Хисамутдинову за предоставление архивных материалов, использованных в оформлении фотоприложения к этой книге.

Источниковедение дальневосточной россики: архивы и частные коллекции

О СУДЬБЕ ТВОРЧЕСКОГО И АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО КИТАЯ[1]

Г.В. Эфендиева

«Мало что сохранилось до сего времени от моего богатого архива тех лет…»
(Из воспоминаний В. Перелешина)[2];

«Пропали все эти и другие мои рукописи. Пропали семь тетрадей моих стихов. Пропал весь труд моей жизни…»
(Из воспоминаний М. Шапиро)[3];

«…Решила посмотреть мой архив, вернее, завал… Часть потеряна где-то в переездах (сгорел целый ящик с бумагами и картинами)…»
(Из письма Л. Андерсен)[4].

Творческое наследие русских эмигрантов Китая вот уже третье десятилетие привлекает внимание исследователей[5]. В настоящее время история литературы русского зарубежья немыслима без изучения поэтических и прозаических произведений представителей ее дальневосточного крыла. Зарубежными и отечественными харбинистами проделана колоссальная поисковая и архивная работа, результатами которой стали диссертационные исследования, научные монографии, биобиблиографические справочники, а также литературно-художественные издания (антологии, собрания

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту МК–6409.2010.6 «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)».

[2] *Перелешин В.Ф.* Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая. Амстердам, 1987. С. 81.

[3] *Шапиро М.Л.* Харбин, 1945 // Память: Исторический сборник. 1978. Вып. 1. С. 3–92.

[4] Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Крузенштерн-Петерец от 6 декабря 1982 г. // *Андерсен Л.* Одна на мосту. М., 2006. С. 346.

[5] В России первые очерки о литературной жизни русского Китая и публикации текстов харбинских авторов появились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. См., например, подборки стихов А. Несмелова в журналах: Отчизна. 1986. №.11; Голос Родины. 1987. 9 февраля; Юность. 1988. №. 9. С. 80–82; Знамя. 1988. №. 9. С. 76–86; Октябрь. 1988. №. 9. С. 144–149; Рубеж. 1992. № 1.

избранных сочинений)[1]. Правда, почти все они страдают как фактическими, так и текстологическими погрешностями (в передаче текста, его атрибуции, датировке и т.п.).

Реконструкция личных и творческих биографий, а также истории хранения писательских архивов дальневосточного зарубежья, поиск новых возможных мест хранения личных документов, писем, рукописей, материалов, собиравшихся для литературной работы – вызывает первоочередной интерес для специалистов – литературоведов, историков, музейных и архивных работников.

Однако исследовательский процесс и эдиционную практику осложняют в первую очередь разбросанность художественных текстов по страницам многочисленных газет и журналов, а также разобщенность (а то и полное отсутствие) архивных источников.

Утраченным считается архив знаменитой «Чураевки», который, как сообщает В. Перелешин, хранился у руководителя студии А. Ачаира, «впрочем, не весь, ибо часть его я видел в руках исключенного секретаря кружка, поэта Георгия Гранина, в то время, когда уже не могло быть и речи о возвращении этой части архива Алексею Ачаиру»[2].

Много вопросов связано с личными архивами поэтов Алексея Ачаира, Николая Щеголева, Марианны Колосовой, беллетристов Альфреда Хейдока, Михаила Щербакова, Павла Северного, Владимира Рамбаева… Так, например, архив Всеволода Иванова после его кончины оказался разбросанным – что-то у родственников, что-то в других частных руках, в Хабаровске, Москве, Петербурге[3]. Как справедливо пишет В.В. Иванов-Ардашев, «если вы думаете, что рукописное наследие Всеволода Никаноровича Иванова хорошо изучено и систематизировано, хранится в двух-трех архивах, где вас ждут-недождутся, то вы ошибаетесь. Немало документов еще "блуждает" невесть где, другие же вам просто не выдадут…»[4]

Серьезную текстологическую проблему представляет собой творческое наследие поэтов Лариссы Андерсен, Арсения Несмелова. Немалая часть из общего корпуса опубликованных сегодня произведений Несмелова восстановлена по памяти самых разных людей. «Около 30 стихотворений записал по памяти Индриксон, – сообщает Е.В. Витковский. – Глубо-

---

[1] См., например: Харбин. Ветка русского дерева: Проза. Стихи. Новосибирск, 1991; Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001; Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Пекин, 2005; *Хисамутдинов А.А*. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. 360 с.; *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток, 2006 и др.

[2] *Перелешин В*. Дальний Восток в «Якоре» // Новый журнал. 1973. № 111. С. 298.

[3] Об этом см.: *Букреев Ю*. Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) и его литературное наследие // *Иванов Вс.Н*. Из неопубликованного: Сборник. Л., 1991. С. 304–318.

[4] *Иванов-Ардашев В.В*. Эхо русского зарубежья. Хабаровск, 2007. С. 13.

ко не уверен, что все входили в сборники»[1]. Отдельные тексты реконструированы со слов А. Румянцева – бывшего директора русской гимназии в Шанхае. «Записано в 1954 году в Караганде, – уточняет Е. Витковский в письме к В. Перелешину. – В таком виде это стихотворение ["Последний рубль дорог". – *Г.Э.*] досталось мне. Откуда оно, что оно – не ведаю. *Нет никакого подтверждения, что это подлинный Несмелов – кроме моей уверенности, что никто, кроме него, этого написать не мог, что это его почерк*. Если никогда не отыщется более достоверный источник текста – что же, пусть, как десятки стихов Осипа Мандельштама, считается "сохранившимся в памяти" – притом заметьте, я его получил через вторые руки – от человека, который ведать не ведал о Несмелове иначе как по этому стихотворению…» (курсив здесь и далее мой. – *Г.Э.*)[2]. В другом его письме читаем: «Как видите, по почерку принадлежность этих стихов ["Выскребает из архивной пыли". – *Г.Э.*] Несмелову не подлежит сомнению. Тем более, что многие из записанных им стихов нашлись в разных сборниках и в журнальных публикациях. Надеюсь, что и эти стихи когда-нибудь найдутся <…>. *Увы, в этих стихах наверняка есть дефекты, а в лучшем – в последнем – даже строфы нет*… Однако сие лучше, чем ничего…»[3]

Многие сочинения Несмелова, как и других дальневосточных авторов-эмигрантов, вообще не сохранились до наших дней. Утерян, например, ряд стихов Евгения Яшнова – известного в Китае экономиста-востоковеда и поэта, который «часто писал на клочках бумаги, на календарных листках или черновиках своих научных работ и мало беспокоился об их сохранности»[4]. Другие произведения (будучи опубликованными) – были серьезно искажены редакторами, корректорами, наборщиками... Так, в харбинской заметке 1944 г. о выходе в свет новой книги популярного писателя-натуралиста Н.А. Байкова «Таежные пути» сообщается: «…Это сборник его новых рассказов из жизни маньчжур-звероловов, русских охотников и хунхузов, которую так хорошо знает и изучил маститый писатель во время своих многолетних скитаний по горам и лесам Маньчжурии. <…> К сожалению, эта книга, несмотря на свое художественное выполнение и солидную внешность, имеет большой технический дефект, а именно: *в рассказе "Зеленка"*, на стр. 80 и 81 *перепутан текст, есть повторения и не хватает значительной части рассказа*» (курсив мой. – *Г.Э.*)[5].

---

[1] Письмо Е.В. Витковского В.Ф. Перелешину // ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 15.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Об этом: *Хисамутдинов А.А.* Е.Е. Яшнов – ученый и поэт // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 169–177.
[5] <*Б.п.*> Таежные пути // Время. 1944. 6 января. С. 4.

Любопытные примеры различных вмешательств в авторские тексты содержатся в воспоминаниях журналистки Ю.В. Крузенштерн-Петерец. Так, она пишет: «Самым важным он [Н. Шилов (Коля Шило). – *Г.Э.*] считал рекламу, и если для какого-нибудь объявления не было места, то не трудился даже переверстывать страницу. Выгребал из набора мешавшие ему строки и всаживал клише. Потом автор читал в своем рассказе что-нибудь вроде: "По лакированной крышке рояля… громыхала китайская арба"»[1]. Вспоминая период работы в харбинском журнале «Рубеж», она также сообщает: «Главное его [редактора Г.Н. Шипкова. – *Г.Э.*] требование к рассказу было – местная тема. В первом своем рассказе я, отступив от правила, расписала драму из шанхайской жизни. Шипков одобрил рассказ, но забраковал город и перенес драму в Харбин. Со всем шанхайским фольклором! Тоже своего рода ноздревщина»[2].

О факте существования того или иного произведения[3] (как и авторской воле), порой, можно узнать лишь из короткой фразы в мемуарах, письмах, газетной рецензии или объявлении. Приведем одно из таких печатных свидетельств – письмо 1922 г. А. Несмелова в редакцию газеты «Владиво-Ниппо»:

«Прошу не отказать напечатать следующее:

Всеволод Иванов заявляет, что я предложил свои услуги в качестве сотрудника "Вечерней газеты". Этого не было. Несколько месяцев назад Всеволод Иванов предложил мне через В.Н. Рябинина, работать в "Вечерней газете". Я передал свой отказ через В.Н. Рябинина и Б.И. Тугаринова.

Позднее тот же Всеволод Иванов предложил мне участие в литературном журнале. Предложение было мне передано через Л.Е. Ещина. Ввиду того, что предполагалось издание литературно-художественного журнала – я дал свое согласие. Стихи были переданы через Л. Ещина.

Одно из стихотворений В. Иванов купил.

Увидев, что вышел не литературно-художественный журнал, а "Serenitas" я через Л.Е. Ещина просил снять мою фамилию из числа участников.

Этой просьбы исполнено не было. *Мое же стихотворение Всеволод Иванов разорвал на части, одну часть напечатал в "Вечерней газете", другую в "Serenitas", а третья еще оставалась у него*.

---

[1] *Крузенштерн-Петерец Ю.В*. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 62.

[2] Там же. С. 64–65.

[3] Так, например, о поэме «Опустошенная душа» А. Несмелова см.: <*Б.п.*> Салон поэтов // Владиво-Ниппо. 1922. 12 октября. С. 3.

Появление моих стихов в "Вечерней газете" мной своевременно было опротестовано в газетах "Курьер" и "Сумерки". С совершенным почтением, Арсений Несмелов (курсив мой. – *Г.Э.*)»[1].

Особую трудность для выявления и собирания творческого наследия поэтов и писателей русского Китая создают псевдонимные и анонимные тексты, которыми просто изобилуют харбинские газеты и журналы. Отметим, что принадлежность произведения тому или иному автору может быть доказана не только в результате анализа архивных, эпистолярных или мемуарных материалов[2]. Так, после изучения периодических изданий (сличения текстов, анализа редакторских помет и пр.) нами установлены такие ранее неизвестные литературные имена, как «Арум», «Софит» (псевдонимы С. Алымова в журнале «Гонг»)[3], «Л. Казин» (псевдоним Я. Ловича в журнале «Кстати»)[4], «Загогулинка» (псевдоним Л. Андерсен в журнале «Оккультизм и йога»)[5] и другие. Интересная история по «разоблачению» псевдонимов А. Несмелова обнаружена на страницах газеты «Восток» за 1925 г., где он выступал как фельетонист «Гри». Одновременно с этим поэт писал фельетоны для газеты «Эхо», используя псевдоним «Коготь». Дабы отвести подозрения, Несмелов несколько раз «сталкивал» своих «Гри» и «Когтя»:

Грязному ногтю

Некто «Гри» из «Востока» нацарапал гнусные стишки о вице-консуле СССР в Харбине т. Козловском.

Коготь (газ. «Эхо»).

…Вам Гри наверно не понравился,
Попав не в бровь, а прямо в глаз:
Со злобы «Коготь» весь излаялся,
Но знают здесь давненько Вас!

Помои лить для «Эхо» – трудно ли,
С Трибуны в сем беря пример;

---

[1] *Несмелов А*. Письмо в редакцию // Владиво-Ниппо. 1921. 27 ноября. С. 3.

[2] Подробнее о способах и приемах атрибуции см.: *Гришунин А.Л*. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 250–278.

[3] См., например: *Арум*. В книжной чаще // Гонг. 1923. № 1. С. 20; *Софит*. Ха-Ха (харбинская халтура) // Гонг. 1923. № 1. С. 24–26.

[4] См., например: *Казин Л*. Татьяна // Кстати. 1940. № 7. С. 2, 4, 6, 8, 17–18, 20; *его же*. Два мира. Из прошлого // Кстати. 1940. № 12. С. 15, 18–20; *его же*. Через 19 веков // Кстати. 1940. № 18. С. 3–7, 28–30.

[5] См., например: *Загогулинка*. Письмо из Вьетнама // Оккультизм и йога. 1966. №. 36. С. 70–74; *ее же*. Письмо из Таити // Оккультизм и йога. 1969. № 41. С. 150–152; *ее же*. Письмо из Таити // Оккультизм и йога. 1970. №. 44. С. 142–143.

Но что за дело мне до ругани
Из уст трибунствующих стерв?[1]

Правда, когда Несмелов («Коготь») обрушился с критикой на своего коллегу по «Востоку» Колю Шило (после публикации фельетона «Совет советским» за подписью «Лейтенант Глан»):

Пес облезлый – Коля Шило,
Некудышный мелкий бес,
Коля Шило, что без мыла
На «восточный» хлеб залез.
Коля лает, ветер носит,
Коля вздорных виршей «спец»,
Но читатель все же спросит:
– В чем же дело, наконец?
В этом, милый, и загвоздка
(Тут провал продажных душ!)
Ведь, газетчик, пьян до лоска,
Раздраконивает чушь…[2]

в его адрес моментально последовал ответ:

А вот *Коготь*, грязный ноготь,
Тот, что Шило начал трогать,
Адъютантом в Омске был
И колчаковцам служил.

А потом в «Владиво-Ниппо»
Был он самым правым типом,
Но теперь он левым стал
И поет «Тырнацынал».

Раньше был он *Митропольский*,
Но, но на путь, вступивши скользкий,
Стал *Несмеловым* потом
С продающимся пером.

(курсив мой. – *Г.Э.*)[3].

---

[1] *Гри*. Грязному ногтю // Восток. 1925. 7 июня.
[2] *Коготь*. Но так, чтобы понял идиот // Эхо. 1925. 14 июня. С. 5.
[3] *Курбский А*. А при чем тут Коля Шило? // Восток. 1925. 16 июня.

Но несмотря на все находки и открытия, в истории харбинской литературы и биографиях отдельных ее представителей неизбежно останется много «белых пятен». До сих пор неизвестны ни точная дата смерти (условная дата – 6 декабря 1945 г.), ни место захоронения поэта Арсения Несмелова, писателя Бориса Юльского и др. Аресты и депортация в 1945 г. целого ряда известных журналистов, литераторов и общественных деятелей породили в свое время огромное количество слухов и домыслов. Так, в 1947 г. на страницах харбинской газеты «Русское слово» вместе с публикацией поэтического текста А. Ачаира (1896–1960) «Уроки истории» редакция поместила следующее примечание: «*По рассказам бежавших из Харбина*, автор этого стихотворения, Ачаир – Грызов, был посажен в советскую тюрьму, где и сошел с ума» (курсив мой. – *Г.Э.*)[1].

Долгое время ничего не было известно о судьбе Марианны Колосовой, Марии Коростовец (после их отъезда из Шанхая). Только в 1990 г., когда на могилу Колосовой случайно набрел корреспондент ТАСС, выяснилось, что последним пристанищем поэтессы стал Чили (г. Сантьяго)[2]. О М. Коростовец В. Пелелешин в 1987 г. сообщал следующее: «Мария Павловна с мужем, сестрами и сыном проехала в Австралию еще в пятидесятых годах. Получил я от нее несколько писем о ее потерях: одна за другой умерли ее сестры Елена, Ольга, Вера, а еще до них умер Флавий Иванович Коростовец. Потом письма прекратились. *Прошел слух о смерти Марии Павловны* (*и тогда я написал о ней некролог,* напечатанный в "Новом Русском Слове"). Позднее, когда я находился у Лариссы Андерсен в Иссанжо (в октябре 1973 года), Ирина Лесная сообщила нам из Парагвая, что Мария Павловна жива, но разбита параличом» (курсив мой. – *Г.Э.*)[3]. Только недавно (в результате работы с подшивкой парагвайского журнала «Оккультизм и йога») нами были обнаружены точные сведения о последних днях и дате смерти этой поэтессы (публикуем найденную заметку полностью):

«Сообщаю вам, дорогие друзья, печальную весть: в Брисбене умерла Мария Павловна Коростовец, талантливая русская поэтесса и переводчица, сотрудница «Оккультизма и Йоги». После мозгового удара (Apoplexia cerebri) она так и осталась парализованной, не могла передвигаться, почти совсем потеряла дар речи и способность творчества, что было для нее самым важным и значительным, осмысливало ее жизнь. Она тяжело переносила свою беспомощность несмотря на хороший, внимательный и заботливый уход, ее угнетала потеря радости творчества и ей хотелось поки-

---

[1] От редакции // Русское слово. 1947. 15 июля. С. 3.

[2] См.: *Медведенко А.* Такая судьба… // Советская культура. 1990. 18 августа; *его же*. Русский след в Латинской Америке // Эхо планеты. 2001. № 35.

[3] *Перелешин В.Ф.* Два полустанка. Указ. изд. С. 129.

нуть физический план своего существования. И вот, наконец, желание ее исполнилось, – она покинула земной мир. Думаю, что за последние годы жизни она вполне искупила свою Карму и выпила чашу свою до дна, хотя не мне об этом судить.

Незадолго до смерти я ей опять читала ее стихи и стихи других авторов, напечатанные на страницах «Оккультизма и Йоги». Она внимательно слушала и, по-видимому, была очень довольна.

По словам матроны госпиталя, Мария Павловна умерла тихо и спокойно, не мучилась перед уходом. Правда, умерла она ночью и в самый момент смерти около нее никого не было. Кончились ее страдания. Слава Богу! Теперь она уже находится в Девакане. Мир ее душе!

День ее ухода: 18 июня 1975 года. Брисбен. Австралия»[1].

Число подобных примеров можно множить до бесконечности… Ясно, что такая (почти патовая) ситуация в литературоведческой харбинистике напрямую связана с самой историей русской колонии в Китае.

***

После японской оккупации северо-восточной части Китая и продажи Японии КВЖД начался массовый исход русских из Харбина. Судьбы харбинских литераторов сложились по-разному: одни переехали в Шанхай, другие приняли советское гражданство и вернулись на родину, третьи уехали дальше: в Австралию, Америку. Второй исход русских из Китая пришелся на вторую половину 1940-х гг., после окончания Второй мировой войны.

Поступательное развитие русской эмигрантской литературы на Дальнем Востоке было прервано приходом Советской Армии в августе 1945 г.

По воспоминаниям очевидцев, «вступление советских войск в Маньчжурию сопровождалось невероятными книжными ауто-дафе. Многие книги жглись самими авторами, книгопродавцами, библиотекарями из боязни репрессий; многие сжигались победителями за ненадобностью»[2]. «…Зайдя в Коммерческое Собрание и открыв каталог его богатейшего книгохранилища, я не поверила своим глазам, – писала в мемуарах Е. Рачинская, – это было море красных чернил. Некоторые страницы были вычеркнуты чуть ли не целиком: Алданов, Амфитеатров, Адамович, Бунин, Гребенщиков, Достоевский, Зайцев, Мережковский, Осоргин, Розанов, Леонтьев, Соловьев – да стоит ли перечислять – были изъяты, не говоря уже, конечно, о мемуарах и воспоминаниях русских государственных и общественных деятелей последних десятилетий. Все это было отправлено на свалку. Горы этих зловредных книг были потом сожжены на дворе

---

[1] *Мейя Н.В*. Уход М.П. Коростовец // Оккультизм и йога. 1976. № 64. С. 149.

[2] *Крузенштерн-Петерец Ю.В*. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 52.

Коммерческого Собрания <…> Другие харбинские библиотеки, вероятно, постигла та же судьба»[1].

Были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время», «Заря», журнала «Рубеж». Надо сказать, что на сегодняшний день полного комплекта дальневосточных изданий, в том числе и самого долговечного и популярного харбинского журнала «Рубеж», нет ни в одной библиотеке мира.

«Хуже оказался слух <…>, – вспоминал Валерий Перелешин, – что все вывозимые газетные вырезки и рукописи должны быть сданы на просмотр в одну из полицейских инстанций. "Просмотр" мог занять много времени. Обсудив положение, мама и я решили – с огромной болью сжечь все ее письма ко мне. Я сжег альбомы вырезок, относившихся к моей работе в Харбине в качестве репортера "Гун-бао" и чуть раньше "Рупора", <…> но сберег часть своего литературного архива: вырезки и копии, напечатанных стихов и два альбома вырезок статей о моей малости и серости.

Помню, как мы жгли мамины переводы с английского (часть их была все-таки провезена) и затем все ее письма ко мне, полные отголосков советской оккупации Маньчжурии. А когда ее письма сгорели, она под каким-то предлогом услала меня и писем моих и моего брата не сожгла, а, перевязав их пачками, спрятала среди одежды и белья»[2]. Сегодня одна часть архива Валерия Перелешина находится в библиотеке Лейденского университета (Нидерланды). В ней, кроме документов и материалов, касающихся творчества В. Перелешина, хранятся некоторые фотографии из его альбомов и письма к нему (в частности, от Ю. Иваска, Н. Моршена, Г. Струве, А. Раннита, Я. Горбова и др.)[3]. Вторая коллекция оказалась в Москве в Отделе рукописей ИМЛИ РАН после его смерти. Наследники передали архив представителям российского посольства в Рио-де-Жанейро. Оттуда чемоданы с бумагами и книгами Перелешина приплыли на корабле в Россию. Среди бумаг – автографы стихов, публикации самого Перелешина и поэтов из его окружения, переписка[4].

Другой дальневосточный поэт-эмигрант, *Михаил Спургот*, возвращаясь в СССР в 1947 г., весь свой литературный архив оставил в Китае с тем, чтобы его потом привезла жена. «Она должна была выехать вслед за мной,

---

[1] *Рачинская Е.* Перелетные птицы. Париж, 1990. С. 187.

[2] *Перелешин В.* Письма к матери // ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Оп. 2.1. Ед. хр. 4.

[3] См.: Valeriy Perelesin (1913–1992): Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library. Leiden, 1997. 184 с.

[4] Об этом: *Кузнецова О.* О бразильском архиве Валерия Перелешина; *Кириллова Е., Слободчиков В.* Архив Перелешина будет передан в Россию // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 181–183.

однако приехала только через несколько лет. Перед отъездом же сожгла все мои книжки, вырезки напечатанного из газет и журналов и даже рукописи, опасаясь везти с собою, подозревая, что я репрессирован. Так оно и было…»[1]

Разумеется, не все документы, которые образовались за годы проживания русских в Маньчжурии, были уничтожены (в том числе и японским правительством). Во второй половине 1945 г. – начале 1946 г. в Китае работала большая группа работников государственных архивов советского Дальнего Востока и НКВД. Хабаровским архивистам удалось собрать и вывезти около трех тонн документов, книг, газет, журналов[2]. Многие годы все эти документы и печатные издания, хранящиеся теперь в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), были недоступны исследователям. В 1992–1993 гг. они были переданы с секретного хранения на общее, печатные издания поступили в научно-справочную библиотеку архива. В одном из фондов архива содержатся уникальные документы Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ) и в частности личные дела поэтов А. Ачаира, М. Колосовой, В. Перелешина, Л. Андерсен, Л. Гроссе, Н. Резниковой, Е. Рачинской и др. Правда, некоторые из них, побывав в архиве Хабаровского управления КГБ, заметно «похудели» (как, например, дела А. Несмелова или Я. Ловича). Другая часть эмигрантских документов была вывезена в Москву и сейчас находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Там содержатся личные фонды видного общественного деятеля русского Китая И.И. Серебренникова, писателя и публициста Вс.Н. Иванова. Не так давно в ГАРФ поступил личный архив поэтессы Л.Ю. Хаиндровой[3].

Лидия Хаиндрова вернулась в Советский Союз в 1947 г. По стечению обстоятельств (отсутствия жесткой таможенной проверки при въезде в СССР), поэтесса привезла с собой большую часть личного архива: письма,

---

[1] Цит. по: «Будто нет расстоянья и времени нет…» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко). Хабаровск, 2006. С. 48–49.

[2] Об этом: Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году. Хабаровск, 2003. С. 4–8.

[3] Изначально архив Лидии Юлиановны Хаиндровой находился в Краснодаре у дочери поэтессы – Т.А. Серебровой. Именно она занялась разборкой архива матери и ее рукописей. Передавала отдельные материалы в разные издательства. В 2002 г. с помощью Т.А. Пищиковой выпустила книгу «Сердце поэта», куда вошли стихи Л. Хаиндровой, ее очерки, воспоминания, дневники, отрывки из писем поэтов А. Несмелова, В. Перелешина и др. В 2010 г. объемный литературный архив Л.Ю. Хаиндровой был передан в ГАРФ, образовав фонд 10247. См.: Новые поступления в 2010 году в Государственный архив Российской Федерации // Официальный сайт Государственного архива Российской Федерации. Режим доступа: http://statearchive.ru/447.

книги, журналы, рукописи и черновики стихов и прозы, автографы литературных деятелей Харбина и Шанхая[1]. Из Находки она приехала в Казань, а в 1950 г. вместе с дочерью перебралась в Краснодар. С 1947 г. по 1967 г. стихов Л. Хаиндрова не писала. Только выйдя на пенсию, она вернулась к творчеству. Стала членом литературного объединения, печаталась в альманахах, читала стихи по местному радио, участвовала в поэтических конкурсах. Завела переписку со многими харбинскими поэтами и писателями: Вс. Ивановым (Хабаровск), В. Перелешиным (Рио-де-Жанейро, Бразилия), Л. Андерсен (Моншо, Франция) и др. Переписывалась с собирателями материала о поэтах русского Китая (А. Ревоненко, Е. Витковским). Частный архив Л.Ю. Хаиндровой – ценный источник документов по истории культурной и литературной жизни дальневосточной эмиграции.

В том же 1947 г. в СССР вместе с женой и младшим сыном приехал писатель *Альфред Хейдок*. В 1950 г. он был арестован органами ГПУ: 10 лет с конфискацией имущества «за переписку с буржуазией», которая выражалась в одном-единственном письме Н.К. Рериху[2]. В мае 1956 г. Альфреда Петровича освободили по состоянию здоровья, а через несколько лет писатель добился полной реабилитации. Однако весь архив писателя бесследно исчез. «У меня ничего не сохранилось», – вспоминал писатель. Хейдоку вернули два документа: свидетельство о рождении и свидетельство Шанхайского общества советских граждан о том, что он состоял членом Союза советских журналистов и был председателем секции беллетристов. Остальное, и фотографии в том числе, которых у писателя было множество, как ему сообщил следователь, сожгли[3].

Еще один писатель-дальневосточник – *Павел Северный* – вернулся на родину после почти 30-летнего пребывания на чужбине – в 1954 г. По словам сына (А.П. Северного), у них была возможность выехать из Китая в Австралию, Бразилию, Канаду, но отец настоял на своем: только Россия. «Помытариться пришлось изрядно, – вспоминает Арсений Павлович. – Во-первых, сама дорога. По Китаю еще ничего: ехали с вещами в вагонах второго класса <…>. Китайские пограничники отнеслись к переселенцам лояльно, особо нас не трясли. А вот с советской стороны встречали солдаты с автоматами и собаками – в шеренгу, через каждые 20 метров. Теплушки приказано было задраить, выходить по одному. Само название станции чего стоило – "Отпор"! При осмотре вещей сразу отобрали ящик с отцовскими книгами.

---

[1] Об этом*: Хаиндрова Л.Ю*. Сердце поэта. Калуга, 2003; *Солодкая М.Б*. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае (Харбин, Шанхай: 1917–1947 гг.): АКД. Краснодар, 2006. С. 18–20.

[2] *Хейдок А.П*. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 7, 42.

[3] Там же. С. 43.

Правда, дали расписку. Книги вернули только через полгода и то не полностью. <…> После проверки багажа и документов всех репатриантов – с детьми, стариками, вещами – как есть, погрузили в теплушки. Сразу предупредили: повезут на целину. 13 дней продолжалось путешествие. <…>. Выгрузили, как сейчас помню, на станции Дубиновка. Местом жительства определили совхоз "Бурлыкинский"»[1]. Вскоре вся семья перебралась в город Чкалов (ныне Оренбург), а к конце 1950-х гг. в Подольск (Московская обл.). Начиная с 1956 г., в России у Павла Северного вышло несколько книг: «Топтыгин с Косьвы», «Синий поясок», «Шумит тайга Маньчжурии», «Сказание о старом Урале», «Ледяной смех» и др. При этом многое в биографии П. Северного остается неясным, и восстановлению, увы, не подлежит. Сведения о жизненном пути писателя скудны и зачастую больше похожи на легенды. Туманом покрыты годы пребывания Северного в эмиграции, ничего неизвестно об участии в экспедициях Н.К.Рериха, о парижском периоде жизни, о путешествиях в Индию и Японию, о легендарном пешем переходе из Харбина в Шанхай. Его сын признается: «К сожалению, многого я не знаю, так как родители оберегали меня от лишней информации, ибо жизнь жестока и переменчива…»[2]

Судьба поэта-эмигранта *Владимира Слободчикова* сложилась более удачно. В 1953 г. он был арестован китайскими властями и отправлен из Шанхая в Москву: сначала в Бутырскую тюрьму, затем – на Лубянке. Пока его везли – умер Сталин, а вскоре был арестован Берия. В. Слободчикова освободили так же как задержали: внезапно и без объяснения причин. После этого он уехал к сестре матери в Саратов. Там он закончил университет, защитил диссертацию. В 1970 г. переехал в Москву[3].

Незадолго до своего ареста В. Слободчиков, предполагая уехать в Австралию, упаковал все свои книги, газеты, журналы и передал их в швейцарскую фирму «Бриннер». Спустя 10 лет, в период хрущевской оттепели, он послал запрос в Шанхай и неожиданно получил ответ, что фирма сохранила порученный груз и готова отправить ящики владельцу. После долгих хлопот собрание прибыло в Москву. К сожалению, компетентными органами были изъяты газеты и журналы, имевшие, по их мнению, антисоветскую направленность. Так В.А. Слободчиков снова стал владельцем более чем 250 книг, почти полного собрания поэзии русского Китая.

---

[1] Цит. по: *Ржевская Н.* В прошлое – на трамвае. В гостях у сына П.А. Северного // Подольские новости. 2006. 12 июля.

[2] Цит. по: *Черникова Л.* Мост в прошлое // *Черникова Л.* Павел Северный: жизнь, творчество, судьба. Режим доступа в Интернет: http://www.russianshanghai.com/articles/post5326.

[3] Об этом: *Слободчиков В.А.* О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. М., 2005. 431 с.; *Агеносов В.В.* Слово о В.А. Слободчикове и его коллекции // Коллекция «русского харбинца»: Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006. С. 4–8.

Наиболее уникальными экземплярами в коллекции Слободчикова являются книги, которые принадлежали писателю Михаилу Щербакову. Из коммунистического Китая он решил уехать во Францию. «Перед отъездом, – вспоминал В. Слободчиков, – он пригласил меня и сообщил, что <…> вряд ли вернется в Китай. Боясь, что имеющиеся у него книги дальневосточных авторов (многие с авторскими надписями) без него погибнут, а взять их с собой он не имел возможности, Михаил Васильевич передал их мне, сказав при этом, что, если мне удастся их сохранить, он был бы рад, если я пожелал бы когда-нибудь передать их в государственное хранилище в России»[1].

К сожалению, Щербаков сложил свое собрание в подвале, который залило водой. Поэтому В.А. Слободчиков мог спасти только часть этих книг. По мере возможности он продолжал пополнять свое собрание. В 2005 г. Владимир Александрович подарил свое уникальное книжное собрание Российской государственной библиотеке (РГБ)[2].

Среди других литераторов-репатриантов следует также назвать имена Льва Гроссе, Наталии Ильиной, Александры Паркау, Николая Щеголева, Николая Светлова, Варвары Иевлевой, Владимира Померанцева. Литературным творчеством никто из них (кроме Н. Ильиной) на Родине не занимался. Судьбы многих бывших эмигрантов сложились трагически[3], а архивное наследие (в большей своей части) безвозвратно утрачено…

Необратимый урон наследию русской дальневосточной общины нанесла и «культурная революция» в Китае 1965–1976 гг., после окончания которой все архивы оказались наглухо закрыты. Ситуация несколько изменилась после 2000 г. Однако основные русские фонды все еще остаются засекреченными с санкции правительства КНР, и получить к ним доступ практически невозможно. Даже при официальных запросах китайская сторона утверждает, что она не располагает теми или иными материалами.

След библиотечных собраний на русском языке можно отыскать в крупнейших хранилищах страны. В *Шанхайской городской библиотеке* (в научном отделе иностранной периодики «Зи Ка Вэй») хранятся русские печатные издания, в том числе полные подшивки газеты «Слово», «Вечерняя заря», «Шанхайская заря»[4].

Пекинская государственная библиотека (ПГБ) постоянно пополняла свое русское собрание, принимая книги, хранившиеся ранее в небольших эмигрантских библиотеках. Судьба самой богатой русской библиотеки КВЖД до сих пор не прояснена.

---

[1] *Слободчиков В.А.* О судьбе изгнанников печальной… Указ. изд. С. 216.

[2] См.: Коллекция «русского харбинца»… Указ. изд.

[3] См., например: *Таскина Е., Мухин И.* Русские из Китая: Судьбы репатриантов 40–50-х годов XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91-99.

[4] Об этом: *Ван Чжичэн*. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; *Черникова Л.П.* Источники по русскому искусству и архитектуре в архивах и библиотеках Шанхая. СПб., 2008. С. 451–452.

Часть уцелевших фондов находится в Харбине в плачевных условиях. *Хэйлунцзянский государственный университет*, прародителем которого было Училище русского языка, сохранил в своих стенах не только учебные фонды, но и многочисленную продукцию русских харбинских издательств и часть библиотеки КВЖД. В *Хэйлунцзянской провинциальной библиотеке* тоже есть уцелевшие остатки эмигрантской печати.

Значительная часть архивных документов дальневосточной эмиграции хранится в США (в государственных архивах; в архивах музеев, университетов, библиотек; в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами; в личных архивах эмигрантов и их потомков)[1].

Именно там находятся личные фонды таких журналистов и писателей, как Ольга Морозова, Евгения Сентянина, Юстина Крузенштерн-Петерец, Таисия Баженова. В *фонде Т. Баженовой* интерес представляет, например, ее переписка с поэтами Б. Бета, А. Ачаиром, М. Колосовой, Вс. Ивановым, А. Несмеловым, М. Волковой и др. *В фонде Ю. Крузенштерн-Петерец*, помимо личных документов (писем, воспоминаний) содержатся статьи о жизни русских в Шанхае и их исходе оттуда после установления коммунистической власти в Китае. Она собрала немалый материал о русских литераторах в Китае: Арсении Несмелове и Валерии Перелешине[2].

Из личных архивов в США большую ценность имеет коллекция *Павла Васильевича Шкуркина*[3]. В декабре 1942 г., незадолго перед смертью, этот известный харбинский востоковед писал своей невестке И.П. Лапикен: «Отбросим пока всякие сантименты в сторону, и коснемся одной материальной стороны, вернее – одной части ее: моей библиотеки. Вы, вероятно, знаете, что у меня есть редчайшие книги, или даже целые отделы таких книг; для человека знающего, толкового, с мозгами и т.д. – эти книги являются целым сокровищем (не материальным). Но что ожидает эти книги в ближайшем будущем? ...мои книги скоро могут сделаться бесхозяйным имуществом... Имущества – не жалко; а книг – жалко до слез и обидно за ту массу труда и забот, которые были положены и вложены в них. ...эта проклятая война под корень подсекла мои мечты ... и убила на-

---

[1] См., например: Россика в США. М., 2001. 352 с.; Музей Русской Культуры в Сан-Франциско: Официальный сайт. Режим доступа: http://www.mrcsf.org/ru_home; Архив Гуверовского института: Официальный сайт. Режим доступа: http://www.hoover.org/library-and-archives/collections/27565

[2] См.: *Шмелев А.В*. К истории русской эмиграции в Китае: архивные фонды Музея русской культуры на микрофильме // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. М., 2005. С. 176–186.

[3] Подробнее о нем см.: *Хисамутдинов А.А*. Синолог П.В. Шкуркин: «… не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбов // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 150–160.

дежду на напечатание целого ряда книг, уже приготовленных к печати. И эти мои работы, плоды многих дум и опытов долгой жизни, – также пропадут бесследно, разбросанные по улицам и пустырям...»[1] Вопреки опасениям П.В. Шкуркина, архив его сохранился. После многих лет хранения и расширения членами его семьи он был собран в одно место внуком В.В. Шкуркиным в Сиэтле.

«Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина» представляет собой уникальную коллекцию документов, рукописей, опубликованных и неопубликованных научных и литературных работ, фотографий, карт, книг и периодики, собранную тремя поколениями породнившихся семей Шкуркиных и Лапикенов[2].

Кстати, в 1930-х гг. некоторые книги из личной библиотеки П. Шкуркина попали и в Европу. Известно, что он «собрал обильную жатву своих книг» для Музея в Праге[3]. В ноябре 1938 г. он сообщал В. Булгакову, что послал «Легенды в истории» (единственный экземпляр, разысканный им в Шанхае), «Историю капитана Догерти», комплект издающейся в Сиэтле газеты «Русский Листок», редактором которой был он сам[4]. В ответ Булгаков писал: «Лично я должен искренно благодарить Вас за Ваши прекрасные книги о Китае, которые я читаю с большим интересом, просвещаясь насчет великой, ныне такой несчастной страны Востока. Вспоминаю своего незабвенного учителя и старшего друга, покойного Л.Н. Толстого: с каким бы интересом прочел он Ваши "Китайские легенды и истории" или "Картины из древней истории Китая". Верю, что он даже как писатель-художник отозвался бы на эти книги, которых он, к сожалению, не знал. Интерес же его к Востоку был необычайный...»[5] Булгаков вспоминает и о том, с каким огромным интересом читал он одну за другой книги «Китайские рассказы и сказки», «Легенды в истории», даосское сказание «Путешествие восьми бессмертных за море». В сборнике исторических очерков «Картины из древней истории Китая» (1927) Булгаков неожиданно для себя находит сюжет, который опрокидывает его душевный покой. «Вся эта фантастическая история и почти феерия, с происходящим на сце-

---

[1] Письмо П.В. Шкуркина И.П. Лапикен от 28 декабря 1942 г. Цит. по: *Бакич О.* Вступление // *Бакич О.* Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. Сан-Пабло, 1997. С. 4.

[2] См.: *Бакич О.* Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. Сан-Пабло, 1997. 133 с.

[3] Об этом: *Россов В.* Кто поднимет цветок небес?.. Заметки к первой публикации пьесы В.Ф. Булгакова «Цветок Небес», или «Выставка Сокровищ» // Ариаварта. 1999. № 3. С. 253–257.

[4] Там же.

[5] Письмо В.Ф. Булгакова П.В. Шкуркину от 28 ноября 1938 г. // ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 549. Цит. по: *Россов В.* Указ. соч.

не взрывом великолепной праздничной палатки, где устроена была выставка, с декламацией, пением и танцами прелестной дочери князя-заговорщика и т.д., и т.д., невольно захватила меня. Написавши эти сцены из древнекитайской жизни, я назвал их по имени главной героини, Цветок Небес...»[1]

Как видим, обращение к архивным источникам и документам помогает не только реконструировать основные вехи жизненного пути писателей-эмигрантов, но и дополнить знания об их творчестве, пролить свет на творческую историю отдельных произведений. Надеемся, что текстологический и источниковедческий ракурс дальнейших исследований художественного наследия восточной ветви русской эмиграции позволит еще больше расширить наши представления о литературном процессе в русском Китае и зарубежье в целом.

[1] *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь. Рукопись. Часть XXII // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 75. Л. 144. Цит. по: *Россов В*. Указ. соч.

О МАТЕРИАЛАХ АРХИВА А.В. РЕВОНЕНКО В СОБРАНИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Н.И. ГРОДЕКОВА

Н.П. Гребенюкова

Основная социальная функция музея – функция документирования, которая предполагает отражение объективных процессов в обществе посредством музейного предмета. С 1990-х гг. изменилось отношение к документированию явлений культуры, появилась возможность широкого изучения и научного комплектования собрания по культурному наследию российской эмиграции, в том числе, ее восточной ветви. Еще раньше, в 1984 г., собрание Хабаровского краеведческого музея пополнилось материалами архива Н.Н. Матвеева-Бодрого (1891–1979), в котором представлены и документы дальневосточной эмиграции.

Интерес исследователей Хабаровска к теме эмиграции стал заметен с 1960-х гг. В это время в городе жил поэт, книголюб и коллекционер А.В. Ревоненко (1934–1995); он собирал материалы бывших эмигрантов, а также информацию о них. Часть архива, значительное количество единиц которого посвящено дальневосточному русскому зарубежью, была продана музею вдовой А.В. Ревоненко в 2004 г.

О жизни эмиграции, ее восточной ветви, А.В. Ревоненко имел хорошее представление: в культурной среде Хабаровска можно было встретить бывших эмигрантов, которым после возвращения на Родину запрещалось проживание в центральных областях России. Исследователь длительное время поддерживал отношения с писателем, философом, автором исторических романов и повестей Вс.Н. Ивановым (1888–1971), советским подданным с 1925 г., проживавшим в Китае до 1945 г. Позже, когда А.В. Ревоненко переехал в Сочи, он состоял со Всеволодом Никаноровичем в переписке, и некоторые из этих писем находятся в архиве.

В течение нескольких десятилетий исследователь вел нелегкий поиск поэтов, бывших эмигрантов, репатриированных в СССР. Многие из них были впоследствии репрессированы, прошли ИТЛ. После лагерей большинство поэтов оставило творческую работу. Так, М.П. Шмейссер (1909–1986), депортированный в СССР в 1945 г., писал 11 февраля 1968 г.: «…с 1945 года я фактически перестал быть поэтом и писателем. В 1945 году был репрессирован (как и Ачаир, и Несмелов), сначала был на Урале, потом в Воркуте, в 1954 году вышел из мест заключения, в 1957 году был реабилитирован. <…> Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения»[1].

[1] «Будто нет расстоянья и времени нет…» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. Хабаровск, 2006. С. 78.

Главной задачей А.В. Ревоненко было вернуть на Родину имена поэтов-эмигрантов, их книги. Эта цель диктовала исследователю научные методы: ведение многочисленных картотек и фотофиксацию редких изданий. Творческие картотеки А.В. Ревоненко содержат вырезки из различных изданий, конспекты, копии, тетради, блокноты с рабочими записями и каталогом личной библиотеки, а также журналы и фотопленки. А.В. Ревоненко собирал харбинские и шанхайские издания, рукописи с авторскими правками, подлинные фотографии, программы, экслибрисы, карикатуры. В письме поэту М.Ц. Спурготу (1901–1993), редактору многих харбинских и шанхайских газет и журналов, «поэту гостиных», он с воодушевлением писал: «Материал собран уже большой. Много фотокопий. Все это собрано и в архивах, и в библиотеках, и у людей, связанных с поэзией русской в Китае». М.Ц. Спургот, выражая мнение многих оставшихся в живых поэтов-эмигрантов, отвечал: «Душевно рад Вашему начинанию, приветствую его…»[1]

Материалы архива были востребованы: с 1960-х гг. А.В. Ревоненко выступал с публичными лекциями, планировал издание основательного исследования и переиздание раритетных книг бывших эмигрантов, но была издана лишь глава о поэзии периода Гражданской войны – о поэтах-партизанах[2].

Не ставя перед собой цели дать глубокий анализ материалов архива, определим свою задачу скромнее – дадим лишь отдельные сведения о них. Значительное место в архиве занимает эпистолярный блок – в том числе, письма литераторов и художников. Письма всегда отражают нравственный облик и образовательный уровень пишущего, а письма литераторов вызывают особенные чувства. В отличие от книги, письма оставляют в душе некую недосказанность, легкость, печатное слово не тяготит своей бесповоротностью, категоричностью… В архиве представлены письма Б. Бета (Б.В. Буткевича) к В.М. Штемпель, Л.Ю. Хаиндровой – к Вс.Н. Иванову и А.В. Ревоненко, И.Г. Баранова – к П.Е. Скачкову, письма к А.В. Ревоненко Е.Д. Петряева, Е.А. Афанасьевой, А.Е. Степанова, П.В. Иванова, В.С. Присяжникова, Н.И. Ильиной, Л.Ю. Хаиндровой, М.Ц. Спургота, Н.А. Щеголева, М.П. Шмейссера, В.Ф. Рамбаева, В.А. Слободчикова, М.И. Матовской, Г.В. Логиновой, В.Ю. Янковского, письма Вс.Н. Иванова к Н.К. Бруни, дочери К.Д. Бальмонта, его же – к В.Ф. Рамбаеву и другим адресатам. Временные рамки писем архива – 1920–1980 гг.

Из писем бывших эмигрантов мы узнаем о личностных качествах поэтов, о неизвестных доныне их талантах. Например, Л.Ю. Хаиндрова вспоминала, что «Л. Ещин был не только одаренный поэт, но и хороший

---

[1] Там же. С. 3.

[2] *Ревоненко А.В*. Трубачи на заре. Хабаровск, 1972. 32 с.

художник»[1]. Известно, что у А.И. Несмелова есть немало стихов о Боге, но был ли сам поэт человеком религиозным? Ответ мы находим в письме Л.Ю. Хаиндровой: «…Вам необходимо составить верное лицо поэта, как с достоинствами, так и с недостатками. Между прочим, в сборнике есть стихи о "Сочельнике" и Касьяне и Миколе, но религиозным Арсений Иванович не был. Просто он был очень разносторонним человеком»[2].

А.В. Ревоненко обладал большой культурой переписки. Он не просто излагал адресату свои идеи, которые были его интеллектуальным слепком, а мог расположить к себе собеседника своей душевной заинтересованностью в разговоре, поэтому письма бывших эмигрантов очень информативны и несут большой творческий и эмоциональный заряд. Экономя время адресата, Анатолий Васильевич сразу задавал интересующие его вопросы в виде анкеты, а потом собеседник, погруженный в стихию воспоминаний, писал обо всем, что было связано с литературной и культурной жизнью русского зарубежья. Литераторы вспоминали стихи своих друзей-поэтов, рассказывали забавные и трагические случаи из их жизни, обрисовывали обстановку тех лет. М.Ц. Спургот, рассказывая об А.Н. Вертинском, вспоминал историю, связанную с созданием «Песенки о моей собаке»: «Ранним утром, возвращаясь с работы в ночном художественном кабаре – дело было в Шанхае, – я зашел в кафе, где часто собиралась богема. Было пусто. Только за одним столиком сидел А.Н. [Вертинский. – *Н.Г.*] и что-то писал на бумажных салфетках. Я подсел. А.Н. протягивает мне листок телеграммы. Читаю: "Любочка сдохла" – телеграмма прислана женой А.Н. из Парижа <…> А.Н. объяснил: "Любочка – это моя любимая собака, оставшаяся с женой в Париже. И вот – показывает исписанные салфетки – я написал". А.Н. подозвал бродившего между столов хозяйского песика, дал ему кусочек чего-то <…> и, обращаясь к нему, стал читать…»[3] Автор письма приводит текст песенки и вспоминает, как посетил А.Н. Вертинского в 1950 г. в Москве в его кабинете, «заполненном редкостями…» Таких примеров можно привести немало.

В архиве А.В. Ревоненко представлены и биографические данные деятелей искусства, культуры, науки восточной ветви зарубежья. Среди его материалов – автобиографические справки деятелей науки русского Китая со списками их научных работ: справки синолога И.Г. Баранова, «Библиография Китая» известного китаиста П.Е. Скачкова, работы по истории Восточной Азии Г.Г. Авенариуса. Исследователи найдут в архиве материалы Н.А. Байкова – ученого и литератора, Ф.Ф. Даниленко – одного из основателей и преподавателей Института ориентальных и коммерче-

---

[1] «Будто нет расстоянья и времени нет…» Указ. изд. С. 13.
[2] Там же. С. 15.
[3] Там же. С. 51–52.

ских наук и литератора, В.В. Поносова – этнографа и палеонтолога, профессора В.А. Рязановского, А.В. Спицына – востоковеда экономиста, дипломата, советника в правлении КВЖД, А.П. Хионина – редактора, директора Института ориентальных и коммерческих наук, профессора монголоведения в Японо-русском институте в Харбине и многих других.

В архиве представлены редчайшие экземпляры книг поэтов и прозаиков дальневосточного русского Зарубежья. О некоторых изданиях трудно дать исчерпывающие сведения: в выходных данных иногда отсутствует тираж, год и место издания. Например, издательство «Восточное обозрение» использовало не только типографию в Дайрене, но и полиграфические предприятия в Японии[1]. Среди уникальных изданий архива А.В. Ревоненко – книги М.Г. Гребенщикова (1887 г.), С.Я. Елпатьевского (1897 г.), Л.П. Волкова (1902 г.), В.А. Петрушевского (1912 г.), Фаина (Гавриила Матвеева) и В. Марта (1919 г.), В. Марта (1916 г., 1919 г., 1932 г.), Н.Н. Асеева (1921 г., 1922 г.), П.Л. Далецкого (1922 г., 1927 г. и не указан год), А.Б. Ярославского (год и место издания не указаны), А.И. Несмелова (1922 г., 1924 г.), Н.А. Толпегина (1927 г.), А.А. Богданова (1934 г.), С.Я. Алымова (1921 г.), Вс.Н. Иванова (1928 г, выходные данные отсутствуют), В. Статьевой (Перевощиковой) (1920 г.), Н.Ф. Светлова (1934 г.), Л.Н. Андерсен (1940 г.), В.Ф. Перелешина (1941 г., год не указан, 1944 г., 1970 г.), Л.Ю. Хаиндровой (годы не указаны, 1941 г.), А.П. Паркау (1942 г.), М.В. Щербакова (1931 г., 1944 г.), И.Г. Баранова (1920 г., 1934 г.), сборник стихов группы русских поэтов Шанхая (1941 г.). Есть и отдельные экземпляры журнала «Врата» (1934 г., 1935 г.), «Рубеж» (1936 г.), «Эпоха» (1945 г., 1947 г.), «Сегодня» (1947 г.), «Родная речь» (1946 г.), газеты «Серебряный голубь» (1922 г.) и др.

Архив также содержит рукописи произведений поэтов и прозаиков восточной ветви русского зарубежья. В нем представлены очень редкие черновики, написанные рукой авторов, и машинописные рукописи стихов (некоторые с правками). Среди них – стихи поэтов А.А. Ачаира, А.И. Несмелова, Л.В. Гроссе, О.Я. Тельтофт, В.К. Обухова, В. Марта (В.Н. Матвеева), М.П. Шмейссера, Ю.В. Крузенштерн-Петерец, Л.Ю. Хаиндровой, В.Ф. Перелешина, Б. Беты (Б.В. Буткевича), Вс.Н. Иванова и др. Есть и машинописные рукописи рассказов А.И. Несмелова, Б.В. Бета, М.П. Шмейссера. Рукописи с авторскими правками, и особенно черновики-протографы, наиболее интересны, но и машинописная рукопись завораживает и достойна пристального внимания: по своим приметам она выдает время. В архиве представлены и рукописи работ А.В. Ревоненко, по-

[1] Печатные издания харбинской россики. Хабаровск, 2003. С. 11.

священных судьбе и творчеству поэтов и прозаиков Дальнего Востока, в том числе, из дальневосточного русского зарубежья.

В архиве А.В. Ревоненко немало оригиналов и копий фотографий харбинских деятелей искусства и науки: В. Марта, Н.К. Рериха, Б. Бета, Л.Ю. Хаиндровой, Вс.Н. Иванова, Л.Н. Андерсен, А.Е. Степанова, И.Г. Баранова, Б.П. Сальмонта и др.

Материалы архива А.В. Ревоненко по зарубежью научно востребованы: музеем уже издана книга «Будто нет расстоянья и времени нет...» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко (Хабаровск, 2006) и антология «Мне так страстно хочется в Россию...» (Хабаровск, 2007). Издания подготовлены автором этих строк. Кроме этого, в ежегодно издаваемых сборниках сектора истории культуры и искусства Дальнего Востока «Записки Гродековского музея» ведется рубрика «Русские в Китае», в которой публикуются статьи исследователей Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Владивостока о поэтах и прозаиках дальневосточного русского зарубежья.

Музей, в отличие от научно-исследовательского института и учреждений образования, занимается экспозиционной деятельностью, которая предполагает создание целостной предметно-пространственной системы, объединенной концептуальным научно-художественным замыслом. Для создания экспозиции особенно необходимы подлинные предметы, и архив А.В. Ревоненко располагает благодатным материалом для демонстрации.

Архив А.В. Ревоненко бесценен: он приобщает нас к достоянию носителей культуры дальневосточного русского зарубежья, к творческому наследию прошлой эпохи и служит хорошим источником его изучения для исследователей литературы, историков, этнографов, китаеведов, библиографов, лингвистов и для самого широкого круга читателей.

КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ «КИТАЙСКОЙ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Л.Ю. ХАИНДРОВОЙ

М.Б. Солодкая

Проблема собирания и сохранения печатных изданий восточной («китайской») русской эмиграции (1918–1945) занимает внимание архивистов, библиографов, ученых-славистов разных стран несколько последних десятилетий. Исследователей поражает интенсивность издательской деятельности русских в Китае: доктор Ольга Бакич (Торонтский университет), составившая харбинскую библиографию публикаций, выявила свыше четырех тысяч названий. Но были и другие крупные по количеству изданий центры в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Дайрене, других городках и станциях[1].

Основная часть печатной продукции издавалась в Харбине в самые благоприятные с точки зрения политических и экономических условий 1920–1930-е гг. Однако этим богатством, «чуждым» для советской власти, пренебрегли организаторы репатриации бывших российских граждан, осуществляемой НКВД в 1945–1947 гг. Некоторая часть изданий все же попала в Россию, бесстрашные «возвращенцы», нарушая запрет, провозили книги в багаже. В 1990-е гг., после распада СССР, Патриция Полански несколько лет приезжала в дальневосточные города России (основные места жительства вернувшихся) и приобретала «китайские» книги у бывших эмигрантов для Гуверовской библиотеки[2].

Однако несчитанное количество изданий – горы книг, газет, журналов – китайские националисты сожгли на кострах. Поэтому среди изданий русского зарубежья первой волны, собранных на сегодня в хранилищах мира усилиями специалистов разных стран, меньше всего отмечено созданного в «русском Китае».

Особенно мало такой печатной продукции хранится в России. Так, в РГБ, как следует из самого полного отечественного указателя «Книга Русского Зарубежья в собрании РГБ», русских книг из Китая только 126[3]. Зато в фондах одной только библиотеки Гавайского университета (США), как следует из указателя П. Полански «Русская печать в Китае, Японии и Корее», – 720[4].

---

[1] *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. С. 6.

[2] Там же. С. 29.

[3] Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки. 1918–1991: Библиографический указатель: В 3 ч. Ч. 1. СПб, 1996; Ч. 2. СПб., 2001; Ч. 3. СПб., 2002. Оп. № 3965, 3966.

[4] *Полански П.* Указ. соч.

Тем более интересен частный архив Лидии Юлиановны Хаиндровой (1910–1986), в котором содержится небольшая коллекция книг, изданных в Харбине и Шанхае. На сегодня все они – раритеты.

Лидия Хаиндрова родилась в русском городе Харбине, здесь окончила гимназию. Поэтическое творчество начиналось в харбинской литературной студии «Чураевка», вырастившей целую плеяду поэтов. В России оказалась в 1947 г., с 1950-го и до кончины жила в Краснодаре, преподавала в школе английский язык, долго не печаталась из-за «эмигрантского» прошлого. Все же к концу жизни в местном издательстве вышла ее небольшая книжечка стихов. В ее архиве, кроме книг, хранится обширная переписка с литературными друзьями молодости – и вернувшимися в Союз, и оставшимися за рубежом. Материалы архива способствовали созданию книг и научных исследований специалистов, изучающих «китайскую» эмиграцию, которым раскрывала Лидия Юлиановна свой архив в частном порядке (Е. Витковский отметил это в комментариях к книге о Несмелове)[1].

Представляем каталог собрания книг из архива Л.Ю. Хаиндровой. В данной работе они расположены по разделам, авторским и тематическим. Сокращения в описаниях изданий даны в орфографии оригиналов. Тираж, как правило, указывался редко и был не более 300 экземпляров.

Книги Л. Хаиндровой:

Свою настоящую фамилию по отцу грузину Хаиндрава Лидия изменила с его согласия, когда в юности стала печататься, в дальнейшем в этом варианте фамилия осталась официальной.

1. Лидия Хаиндрова. Ступени. Стихи. 1931–1938 [Памяти моего отца Иулиана Левановича Хаиндравы]. – Харбин: Изд. В.В. Плотников, 1939. – 62 с.

Размер всех трех ее книжек – 9 см. ширина, 12 см. высота. В книге имеются посвящения харбинским поэтам над текстами стихотворений: Валерию Перелешину (С. 39, 49), Л.В. Гроссе (С. 47).

2. Лидия Хаиндрова. Крылья. Вторая книга стихотворений (1939–1941). – Харбин: Изд. В.В. Плотников. Тип. «Заря», 1941. – 72 с.

Посвящения над текстами стихотворений: В. Перелешину (С. 7), брату Леке (С. 8), Архиепископу Виктору (С. 10, 39), М.П.Г. [Михаилу Петровичу Григорьеву. – *М.С.*] *(С. 21, 57), Т.В. Пищиковой (С. 67).*

3. Лидия Хаиндрова. На распутьи. Третья книга стихотворений (1938–1943). [Дочери посвящаю]. – Шанхай: «Nort China Press», 1943. – 38 с.

---

[1] *Несмелов А.И.* Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. 462 с.

Посвящения над текстами стихотворений: Таточке [дочь Хаиндровой. *– М.С.*] *(С. 1, 10, 13), В. Перелешину (С. 2), М.П.Г. (С. 13), Арсению Несмелову (С. 25).*

<u>Книги Арсения Несмелова (1889–1945):</u>

Арсений Несмелов (настоящая фамилия Митропольский, Арсений Иванович), один из лучших поэтов русского зарубежья. Много печатался в эмигрантских периодических изданиях как поэт, прозаик, журналист. Автор писем к Хаиндровой, литературный наставник молодых харбинских поэтов.

4. Арсений Несмелов. Полустанок. – Харбин: Изд. А.З. Белышев. Тип. «Заря», 1938. – 30 с. Тираж 150 экз.

На титульном листе – автограф А. Несмелова: «Прекрасному поэту и милому человеку Лидии Хаиндровой от Арс. Несмелова. 14 (28). 1Х. 38».

5. Арсений Несмелов. Протопопица: поэма. – Харбин: Изд-во Н.А. Гаммера. Тип. «Заря», 1939. – 16 с.

Размер книжного блока – 13 на 16 см. На титульном листе автограф: «Дорогой Лидии Иулиановне Хаиндровой, поэту глубокому и тонкому. Арс. Несмелов. 28. Х11. 39».

Редактором-издателем этой небольшой книжечки выступил сам автор под своей официальной фамилией А.И. Митропольский.

6. Арсений Несмелов. Белая флотилия. Стихи. – Харбин, 1942. – 63 с.

*Размер книжного блока – 12,5 на 18,5 см. На титульном листе под фамилией автора: «Привет вам, Лидия И**ю**лиановна! Видите, я все еще жив. Арс. Несмелов».*

Судьба этой книги, привезенной в Союз в 1947 г., требует объяснения. В ней отсутствует несколько страниц, на которых были следующие стихи: «В затонувшей субмарине», «В этот день», «Цареубийцы», «В Нижнеудинске». Т.А. Сереброва, дочь Хаиндровой, рассказала, что в 1950 г. арестовали дядю Л.Ю., Александра Ивановича Галича. Он, востоковед, переводчик русского посольства в Японии, по возвращении на родину вынужден был преподавать английский язык школьникам в кубанской станице Бесскорбной. На педагогической конференции он выступил с похвалой в адрес коллеги, которая успешно вела преподавание немецкого языка. Кто-то донес искаженную информацию об этом выступлении. Дядя был осужден и отправлен в исправительный лагерь, откуда его выпустили после смерти Сталина. Хаиндрова была напугана арестом родственника, пересмотрела вывезенные из Китая книги Несмелова (бывшего белого офицера) и вырвала страницы со стихами, которые ей казались опасными.

Первые две из названных книг А. Несмелова имеются в РГБ[1]. Книга «Белая флотилия» ни в одном известном в России указателе не отмечена.

7. Александр Блок. Избранные стихотворения / Сост. и предисловие Арсения Несмелова; ред.-изд. Е.С. Кауфман. – Харбин: изд-во и тип. «Заря», 1941. – 98 с.

Книжный блок – 13 на 19,5 см.

Идея издания и составление книги принадлежали Несмелову, в предисловии он объяснил, какую задачу ставил – создать сборник «для широких читательских кругов…, чтобы читатель… имел полное представление о творческом облике поэта, бывшего властителем дум предреволюционного десятилетия России». Он отобрал 100 стихотворений и расположил их в соответствии с этапами творчества Блока. Книгу приобрела Л.Ю. Хаиндрова и написала вверху титульного листа свою фамилию и город, где купила книгу – Шанхай.

Эта книга, судя по отсутствию записей о ней во всех доступных нам библиографических указателях русской литературы в Китае, является редчайшим изданием. Она упомянута единственный раз в «Хронике литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Шанхай (1918–1945)», составленной «по сведениям из периодических журналов Харбина и Шанхая и по архивным материалам», как пишет автор «Хроники» О.А. Бузуев[2]. Очевидно, «живую» книгу О.А. Бузуев не видел.

<u>Книги Валерия Перелешина (1913–1992):</u>

Валерий Францевич Перелешин (настоящая фамилия Салатко-Петрище) в Харбин привезен ребенком, здесь получил образование, поэтическое творчество начиналось в «Чураевке». Знал в совершенстве китайский язык, переводил классических китайских поэтов. После Китая до конца жизни находился в Бразилии, вел активную переписку с Хаиндровой. Находясь в Китае, поэт В.Ф. Перелешин издал 4 сборника собственных стихотворений и поэму С.Т. Кольриджа в своем переводе. Все они имеются в архиве Л. Хаиндровой.

8. Валерий Перелешин. В пути. Стихи. 1932–1937 [Моей матери Евгении Александровне Сентяниной]. – Харбин: Изд. Сентянина Е.А. Тип. «Заря», 1937. – 63 с. Тираж 200 экз.

Книжный блок – 13 на 19 см. На шмуцтитуле книги в левом верхнем углу над посвящением матери наискосок надпись: «Дорогой Лидии Юлиановне Хаиндровой на память. Валерий Перелешин. 21. X. 37». Вверху справа подпись: «Л. Хаиндрова» (Л.Ю. ставила свою подпись на всех его книгах).

---

[1] Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки... Указ. изд.

[2] *Бузуев О.А.* Хроника литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Шанхай (1918–1945) // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 293.

9. Валерий Перелешин (монах Герман). Добрый улей. Вторая книга стихотворений. – Харбин: Изд. Плотникова В.В. Тип. «Заря», 1939. – 29 с.

Книжный блок – 13 на 19 см. Вверху титульного листа имеется рукой Л.Ю. надпись: «Л. Хаиндрова».

10. С.Т. Колридж. Сказание старого моряка. Перевод Валерия Перелешина / Редактор-издатель Валерий Перелешин (Иеромонах Герман). – Харбин: Издательство и типография «Заря», 7-й год Кан-Дэ (1940). – 29 с.

Размер книги – 13 на 19 см. На внутренней стороне обложки надпись: «Дорогой Лидии Юлиановне на добрую память. Валерий Перелешин. 4. IX. 1940. Харбин».

11. Валерий Перелешин. Звезда над морем. Третья книга стихотворений / Редактор-издатель Валерий Перелешин (Иеромонах Герман). – Харбин: Издательство и тип. «Заря», 8-й год Кан-Дэ (1941). – 31 с.

В левом верхнем углу под фамилией автора – автограф, текст расположен наискосок: «Дорогой Лидии Юлиановне с дружеским приветом. Иеромонах Герман. Харбин, 10. 1X. 1941». Выше фамилии автора подпись: «Л. Хаиндрова».

Книга оригинально оформлена: обложка из плотной бумаги синего цвета, в ней вырезана семиугольная звезда (5 см. в окружности). На белом титульном листе с точным совпадением вклеена синяя звезда и напечатаны выходные данные. На белом шмуцтитуле – очертание звезды, и в нем как в рамке напечатано название книги и повторены библиографические данные о книге.

12. Валерий Перелешин. Жертва. Четвертая книга стихотворений. – Харбин: Издательство и типография «Т-во Заря» [полное название учреждения – «Товарищество Заря». – *М.С.*], **11 г. Кан-Дэ (1944). – 53 с. Тираж 300 экз.**

Размер книги – 12 на 18 см. На третьей стороне обложки помещена библиография: «Книги Валерия Перелешина». Названы все перечисленные выше книги и 6-я – «Стихи на веере»: сборник стихотворений старых китайских поэтов, с пометкой «готовится к печати».

Книга в плотной бумажной обложке темно-серого цвета, фактура рисунка имитирует тиснение. Фамилия автора в левом верхнем углу, название «Жертва» в центре, расположено наискосок, внизу справа – «4-я книга стихов». Сборник был подарен Хаиндровой с надписью в верхней части шмуцтитула над четверостишьем – девизом, объясняющим название книги. Перелешин обращается к Хаиндровой по имени, придуманном как раз в эти годы, которое с тех пор он неизменно ставил в начале всех своих писем к ней: «Золотой Лидо» на добрую память о совместной работе в Шанхае в 1943–1945 гг. Валерий Перелешин. 2. III. 1945 года. Шанхай».

В тексте этого экземпляра автор сделал большое количество редакторских исправлений чернилами. Сама книга вышла 20 мая 1944 г., а в 1945-м поэт уже со многим не соглашался, он был необычайно чуток к слову и часто переделывал собственные тексты. В 1969 г., когда через много лет между Перелешиным и Хаиндровой возобновилась переписка, он прислал еще один экземпляр этой книги с новым посвящением. На этот раз надпись была сделана выше фамилии автора и продолжилась справа от фамилии: «Золотой Лидо "через тысячи верст…" Валерий Перелешин. Рио де Жанейро, 14 сентября 1969 г.» На обложке этого сборника, где были перечислены книги поэта, к 6-й, «Стихи на веере», сделана приписка: «Вышла в Рио-де-Жанейро».

Судя по имеющимся отечественным библиографическим справочникам, этих книг Перелешина в хранилищах РГБ нет. В каталоге библиотеки Гавайского университета отмечены 2 книги: «Добрый улей» и «Звезда над морем». Все книги Перелешина есть в личных коллекциях нескольких европейских славистов, с которыми он вел активную переписку и литературное сотрудничество вплоть до своей кончины.

Книга Лариссы Андерсен:

Поэтесса Ларисса Николаевна Андерсен (1914 г.р.) – еще один адресант активной переписки Л. Хаиндровой. Она попала в Харбин вместе с родителями, эмигрировавшими из Владивостока, в возрасте 8 лет и здесь сформировалась как поэт. В начале 1950-х гг. Ларисса Андерсен вместе с мужем уехала из Китая и поселилась на его родине – во Франции. В архиве Л. Хаиндровой имеется многолетняя переписка с ней 1960–1980-х гг. В настоящее время Л.Н. Андерсен живет во Франции.

13. Ларисса Андерсен. По земным лугам… – Шанхай: Издание журнала «Современная женщина», 1940. – 56 с.

Размер книги – 12 на 16 см. Обложка из плотной бумаги зеленоватого цвета. Лишь одно стихотворение имеет посвящение: «Моей маленькой подруге Шу-хой».

Книги других русских поэтов в Китае:

14. Елена Недельская. У порога. Первая книга стихотворений. – Харбин: Издательство А.Ф. Недельского. Тип. «Заря», 7 год Кан-Дэ (1940). – 53 с.

Размер книги – 13 на 19 см. На титульном листе через имя и фамилию автора надпись: «Лидии Хаиндровой на память о дайренской встрече Елена Недельская 9 октября 1940 г.» [вместо необходимых знаков – ступенчатое расположение текста. – *М.С.*]

15. Василий Обухов. Песчаный берег. Стихи. – Харбин: Издательская часть Главного БРЭМ [Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. – *М.С.*] **Типография Н.А. Френкеля, 8 г. Кан-Дэ (1941). – 40 с.**

Размер книги – 14 на 21 см. На первом шмуцтитуле напечатано только заглавие, а вверху надпись: «Милой Лидии Хаиндровой. Василий Обухов. 12. IV. 41». На втором шмуцтитуле (С. 5) – напечатано официальное посвящение книги: «Арсению Несмелову».

В библиографических указателях русских печатных изданий книги Василия Константиновича Обухова не отмечены. О его жизни мало что известно. Только в антологии «Русская поэзия Китая» дается о нем достоверная биобиблиографическая справка[1].

16. Ольга Тельтофт. Бренные песни. – Харбин / Редактор Е.А. Сентянина [журналистка, мать Валерия Перелешина. – *М.С.*] **Издательство и типография «Заря», 10 г. Кан-Дэ (1943). – 50 с.**

Размер книги – 13 на 19 см.

17. Ю. Крузенштерн-Петерец. Стихи. Книга первая. – Шанхай, 1946. – 81 с.

Размер книги – 12 на 18 см. На титульном листе мини-посвящение без авторской подписи: «Лиде». Дата не поставлена.

Юстина Владимировна – жена харбинского поэта Н. Петереца, внучка известного мореплавателя адмирала И.Ф. Крузенштерна. Поэтесса, фельетонистка, журналистка. После Китая – редактор сан-францисской газеты «Русская жизнь». С Л. Хаиндровой в 1970–1980-е гг. она лично не переписывалась, но они знали друг о друге через В. Перелешина.

<u>Коллективные поэтические сборники:</u>

18. Излучины – Стихи – тысяча девятьсот тридцать пятый год / Издатель М.Н. Володченко. Редактор В. Перелешин. – Типография изд-ва «Товарищество Заря», Харбин, 1935. – 47 с. Тираж 200 экз.

На шмуцтитульном листе в алфавитном порядке перечислены фамилии 8-ми поэтов. Вверху – подпись Хаиндровой и дата приобретения книги – 1935 г.

19. Остров. Сборник стихотворений / Предисловие Н. Щеголева. – Шанхай: изд. «Дракон», 1946. – 292 с.

Размер книги – 17,5 на 21 см.

<u>Прозаические книжные издания:</u>

20. Н. Петерец., Н. Щеголев. Возвращение. Сборник статей. – Шанхай: Типография издательства «Дракон», 1945. – 267 с.

---

[1] Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 686.

Размер книги – 14 на 20 см. На листе шмуцтитула надпись: «Лиде Хаиндровой на память. Николай Щеголев. 7 дек. 1945». Ниже рукой другого человека (хозяина гаража, где собиралась шанхайская литературная студия «Пятница») – «В. Серебряков».

Первый автор – Петерец к моменту выхода книги из печати умер, его фамилия на обложке взята в траурную рамку. В. Серебряков был одним из членов «Пятницы», присутствие его фамилии под автографом – свидетельство того, что к изданию этой книги он имел отношение как организатор. В Предисловии поясняется, что «в книге собраны отдельные статьи, печатавшиеся их авторами в трех советских изданиях в Шанхае: в десятидневной общественно-политической газете "Родина", издававшейся с 18 июня 1940 г. по 15 октября 1941 г.; в ежедневной газете "Новая Жизнь" и двухнедельном литературно-публицистическом журнале "Сегодня" (издавался с 1940 по 1947 гг.)»

21. Книга о Порт-Артуре. Сборник статей / А. Лишин, К. Шуберт, М. Канин. – Дайрен: Попечительный совет по охране и приведению в порядок порт-артурского и других русских военных кладбищ в Маньчжудиго и Квантунской области, издательство журнала «Восточное обозрение», 1940. – 158 с., прил.: карта Порт-Артура, ближайших военных укреплений.

Размер книги – 12 на 18 см.

22. Коотару Самукава. Браконьеры (Мицуреся) / Перевод с японского М.П. Григорьева. – Харбин, 1940. – 38 с.

На титульном листе: «Милому доброму другу Лидии Юлиановне на добрую память. М. Григорьев. 27. VI. 1940». На обороте титульного листа примечание: «Отдельный оттиск из журнала "Восточное обозрение", № 3, Апрель – Июнь 1940 г.» Книга в плотной бумажной обложке, заглавие взято в зеленую рамочку.

М.П. Григорьев – близкий друг Л.И. Хаиндровой, что объясняет присутствие связанных с его деятельностью переводчика книг японских авторов в ее архиве. Китайский город Дайрен русское население диаспоры называло Дальний, он был одним из центров издательской деятельности эмигрантов.

23. Кан Кикучи. По ту сторону мести. Сборник рассказов и пьес / Перевод с японского и предисловие М.П. Григорьева. – Дайрен: «Восточное обозрение», 1941.

На титульном листе автограф: «Моему дорогому другу Лидии Юлиановне эту книгу, создававшуюся под настроением какой-то необыкновенной дружбы, с признательностью посвящаю. М. Григорьев. 19. VI. 41 г. Дайрен».

Место и год издания на крышке переплета книги и на титульном листе русским текстом не указаны, но на последней ненумерованной

странице имеются записи по-японски и обращение к читателям по-русски с адресом редакции: «Дайрен, "Восточное обозрение"».

24. Соосеки Нацумэ. Кокоро (Сердце) / Перевод С. Шахматова и Х. Хираи; предисловие М. Григорьева. – Дайрен: Издательство журнала «Восточное обозрение», б. г. – 309 с.

Размер книги – 12 на 17,5 см. На титульном листе выше фамилии автора надпись: «Л. Хаиндрова. 5. 1. 43» [очевидно, это и есть год издания. – *М.С.*]

25. Соосеки Нацумэ. Барчук (Боччан) / Перевод с японского и предисловие М.П. Григорьева. – Дайрен: «Восточное обозрение», 1943. – 216 с.

В верхней части титульного листа подпись Хаиндровой.

26. Пушкин и его время. Альбом автотипий с сопроводительным текстом / Составители: К.И. Зайцев, П.А. Казаков, П.И. Савостьянов; общая редакция: К.И. Зайцев. – Харбин: Центральный Пушкинский комитет при Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи, тип. «Заря», 1938. – 216 с.: ил.

Размер книжного блока – 19 на 26 см. Обложка украшена рамочкой и цветочным орнаментом, под названием – изображение лиры в цветах. Бумага высокого качества. На шмуцтитуле рукой М.П. Григорьева надпись: «Дорогому Жуку на добрую память о такой горькой и такой счастливой поре последних двух лет Дайренской жизни. 6. 1. 1943 г. Подпись» [именем Жук Григорьев называл Хаиндрову в письмах. – *М.С.*]

Тираж необычный – 1160 экземпляров: это памятное издание к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина.

27. Русский язык. Практический учебник. Часть 1-я: для китайцев / И.С. Заверняев, Сюй И-Цзэн. – Шанхай: «Шанхайская Заря», 1942. – 98 с.

Высота книжного блока 25 на 18,8 см. Это крупная брошюра в мягкой обложке. Заглавие дано по-русски и по-китайски.

28. Камчатка: Юбилейный сборник. 1740–1840–1940 / ред.-издат. о. Василий Герасимов. – Харбин: Издат-во Дома Милосердия, 1940. – 77 с.

Размер книжного блока – 17,8 на 27 см. На третьей странице книги рукой Высокопреосвященного Нестора, Архиепископа Камчатского и Петропавловского надпись: «Милому, любимому моему сотруднику по Камчатской-Нови о. протоиерею Михаилу Ерохину на добрую память. Архиепископ Нестор. 1940 г.»

29. Камчатка: Юбилейный сборник в память 200-летия основания города Петропавловска на Камчатке / ред.-издат. А.А. Пурин. – Шанхай: «Слово», 1940. – 248 с., ил.

Размер книжного блока – 19 на 26 см. Обложка мягкая. На шмуцтитуле – автограф Архиепископа Нестора: «Дорогому камчадалу о. протоиерею Михаилу Ерохину на память о дорогой Камчатке. А. Нестор. 1940 г.»

Две последние книги попали в домашний архив Хаиндровой в 1998 и 2000 гг. Они присланы из США (Калифорния) внучкой протоиерея Т.С. Ерохиной подруге детства Т.А. Серебровой в архив ее матери, т.к. она знала об интересе исследователей к архиву Хаиндровой.

30. Женская гимназия М.А. Оксаковской в г. Харбине: к 20-летию существования. – Харбин: Типо-литография Л.М. Абрамович, 1931. – 46 с.

Размер книжного блока 19 на 27 см. Книга в бумажном переплете, На страницах издания представлены портреты преподавателей и списки выпусков, окончивших гимназию, по годам. В списке за 1925 г. отмечена выпускница Л.Ю. Хаиндрова. На титульном листе автограф: «Всегда спокойному сотруднику Ивану Андреевичу Брынских на добрую память. М. Оксаковская. 16 / V1. 31».

Книга была подарена Л. Хаиндровой бывшим учителем математики этой гимназии, ставшим позднее священнослужителем и уже в России в 50-е гг. служившим протоиереем в станице Староминской на Кубани, отцом Иоанном (И.А. Брынских). Он похоронен на Славянском кладбище в Краснодаре.

31. Песни Родины: сборник текстов русских народных и советских песен. – Шанхай: «Эпоха», 1946. – Вып. № 3. – 24 с.

Размер – 10 на 14 см. Бумажная обложка красного цвета. Сериальное издание.

32. Песни Родины: сборник текстов русских народных и советских песен. – Шанхай: «Эпоха», 1946. – Вып. № 4. – 24 с.

Оформление то же.

33. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 6 т. Т. 1: Стихи 1812–1829 гг. [Биографический очерк Н.В. Яковлева (С. 5–51). – *М.С.*] – **Берлин: «Слово», 1921. – 540 с.**

Размер – 15,5 на 11 см. Толщина с обложкой – 3 см. Внешний вид книги: небольшой томик в твердом переплете ярко-синего цвета.

Журналы:

К раритетным изданиям в коллекции Л. Хаиндровой относится также подшивка из 15 номеров шанхайского журнала «Сегодня» за 1943 г. и несколько отдельных номеров за 1947 г. Об этом журнале известно только то, что он начал издаваться в 1941 г. (зафиксированы два номера в вышеназванном каталоге П. Полански). Отечественным библиографам он не

известен. Журнал литературно-художественный, в нем печатались стихи, прозаические произведения, литературно-критические и литературоведческие статьи, журналистские очерки об интересных людях и событиях, материалы философского характера. С выпусками журнала за 1947 г. работал китайский ученый Диао Шаохуа, издавший в 2001 г. оригинальную библиографию – «Список книг и публикаций в периодических изданиях Харбина и Шанхая»[1].

Подшивку за 1943 г. Л. Хаиндрова переплела как книгу, сняв при этом бумажные обложки с журнальных тетрадей. На первых страницах номеров вверху значилось:

«Сегодня»: литературно-художественный журнал. Год издания 3-й / Редактор-издатель Ю.А. Штраус. – Шанхай: изд-во «Сегодня», 1943.

Номера журналов в подшивке с 22-го по 36-й; издавались с 29 марта по 1 ноября дважды в месяц – 1-го и 15-го числа. Цена отдельного номера – 3 доллара. Количество страниц в журнальных номерах всегда одинаковое – 32, иллюстраций нет. Размер журнальной тетради – 18 на 26 см. Оформлялась ли обложка художественно – неизвестно. Нумерация журнала продолжающаяся, что совершенно очевидно из редакционной статьи в № 22, который представлен как первый за 1943 г.

За 1947 г. в архиве Хаиндровой сохранилось три номера журнала. На первой странице каждого номера сообщается:

«Сегодня»: литературно-художественный иллюстрированный журнал / Издатель И.М. Закгейм. Ред. коллегия: В.С. Валь (ответственный редактор), В.Н. Иевлева, Э.Ф. Индриксон, В.А. Серебряков, Г.В. Тараданов, Л.Ю. Хаиндрова, Е.А. Шавшуков, Н.А. Щеголев. – Шанхай, 1947.

Это последние попытки издательской деятельности эмигрантов. Редакция ведет общую нумерацию: № 91 (2), май; № 92 (3), июнь; № 93–94 (4–5), июль–август. Но уже идет массовый отъезд россиян: одни – в спецпоездах в Союз, другие – в разные страны мира.

Все перечисленные номера (даже сдвоенный) имеют, как и в 1943 г., одинаковое количество страниц – 32, но теперь размер журнальной тетради большой – 35,5 на 25,5 см. Обложки из глянцевой бумаги, оформлены рисунками или фотографиями, заголовок крупный, белые буквы на красной широкой полосе. Во всех номерах публикуется много фотографий, особый интерес представляют те, на которых изображены писатели и журналисты Шанхая.

---

[1] Литература русского зарубежья в Китае (г. Харбине и Шанхае): Библиография / Сост. Диао Шаохуа. Харбин, 2001. 217 с.

Книги и журналы русского Китая из архива Л.Ю. Хаиндровой – уникальная коллекция, расширяющая знания о творческой деятельности незаслуженно забытых писателей 1920–1940-х гг., отторгнутых от Родины роковыми событиями истории. Завершая этот обзор, отметим, что дальневосточная эмиграция имеет большую историю, и, соответственно, история формирования совокупности архивного наследия эмиграции тоже имеет свою историю, во многом являющуюся зеркальным отражением истории эмиграции.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ФАРАФОНТОВ: ИСТОРИЯ ПОИСКА[1]

Т.В. Пищикова

Память возвращает меня в лето 1997 года… Поездом Москва – Санкт-Петербург ехала я тогда в северную столицу, где в XIX в. жили и учились мои дедушки и бабушки, а в начале XX в. и мои родители… Сегодня живут там родные моей мамы, никогда не покидавшие Россию, и друзья, с которыми были связаны наши детство и юность, проведенные в далеком Харбине.

Наши родители были эмигрантами. Разными путями они оказались за пределами Родины, в Маньчжурии. У кого-то отцы работали еще на строительстве, а потом и на эксплуатации КВЖД, многие остались там после продажи дороги Китаю. У кого-то, как у меня – родители эмигрировали, стараясь пережить смутные годы, наступившие после революции 1917 г. и последующей за ней гражданской войны. Мы, родившиеся в Харбине, узнавали о России и из книг, и от родителей, но тогда мы были малы, не могли разобраться во всем, а потом… Потом настало другое время, появились другие обстоятельства…

8 августа 1945 г. началась война СССР – Япония. В Маньчжурию пришла Советская Армия, и мы в 1946 г., по закону об оккупированных зонах, получили гражданство СССР. Мы не спрашивали и тогда о предках, а родители молчали, унося с собой в могилу то, что знали только они… И не узнали мы о наших того, что должны были узнать! Ни тогда, ни позднее не представляли мы, что придет иное время, обстановка политическая изменится коренным образом, появится возможность подробно узнать о своих корнях, и нам так будет не хватать рассказов старшего поколения, которое знало очень многое…

В России, в любой семье, независимо от сословия, берегли память предков, сохраняли семейные реликвии, а с конца XIX в. уже и фотографии, не говоря о письмах и дневниках, которые часто вели в те годы и женщины и мужчины. Родителей наших нет, время упущено, и то, что не узнали мы от них, приходится искать в архивах (которые кое-где сохранились!), в печатных публикациях, в переписке. У наших родителей в Харбине тоже были фотографии, как привезенные с собой, так и присланные из СССР родными и друзьями[2], были письма, возможно, и документы, но они не сохранились. Почти все было сожжено перед отъездом в Советский Союз, куда мы получили возможность приехать в 1954 г., по репатриации.

---

[1] Статья печатается по черновику, сохранившемуся в результате переписки А.А. Забияко и Т.В. Пищиковой.

[2] Переписка была запрещена после продажи Китаю в 1935 г. КВЖД, принадлежавшей СССР.

Мало кто из репатриантов ослушался запрета на провоз фотографий, приклеенных в альбомы, – их требовалось отрывать. Книги и журналы, изданные до 1917 г. в России, и все, что издавалось за пределами СССР, включая и пластинки, было запрещено нам брать с собой, не говоря о рукописях и письмах. Исключение было сделано только для тех, кого вывозили в СССР из Шанхая в 1947 г. Никаких запретов на вывоз литературы и личных архивов не было и для тех, кто уезжал в Европу, Австралию и США. Их библиотеки и архивы представляют сегодня огромную ценность.

Когда мы ехали на целину, на границе отбирали это все «для уничтожения», а скорее всего, пограничники забирали себе, из любопытства... Правда, я ослушалась и привезла с собой ноты для фортепиано «не советских» изданий, и ничего не изъяли у меня на границе, как это было с другими репатриантами на границе.

И вот мы на Родине предков, – казалось бы, стали полноправными гражданами СССР, но еще долгие годы мы старались умалчивать не только о происхождении родителей, но и о жизни в эмиграции... Многие пострадали за свое происхождение по приезде в СССР – и морально, и даже были судимы, ведь придраться можно было к любому пустяку. Многие не смогли подняться по служебной лестнице и занять достойное место в соответствии со своими знаниями и опытом работы – срабатывала графа «Жил ли за границей»…

Не знали мы, не представляли, что теперь, когда наша жизнь изменилась коренным образом и мы захотим узнать о прошлом своих предков, нам так будет не хватать рассказов родителей, которые, в отличие от современных поколений, знали очень многое.

Так и стало большинство из нас «не помнящими родства». Только теперь, когда я приступила к восстановлению прошлого предков, я поняла горькое значение этого крылатого выражения, и в память своих предков, и в память погибших в годы репрессий родных, я решила написать семейную хронику. Но пришла я к этому не случайно.

Скоро минет 55 лет, как мы приехали по репатриации в Советский Союз, и прошло более 40 из них, пока мы получили возможность начать заново то, что было прервано в 1917 г. – собирание семейных легенд и реликвий.

Много лет тому назад, узнав о том, что бабушка Катя[1] писала Льву Толстому и получила от него ответ, я очень удивилась, ведь моя мама (ее дочь), никогда об этом не рассказывала. Теперь-то я понимаю, что родители старались не говорить нам правду, облегчая нашу жизнь отсутствием «лишних» (для тех лет) знаний.

---

[1] Екатерина Андреевна Ждан, урожденная Спицына (1865–1902).

Прочитав бабушкины письма в Рукописном отделе Литературного музея Л.Н. Толстого, я поняла, что не могу остаться равнодушной не только к истокам ее семьи, но и всех моих родных.

Так, начиная с 1994 г., уйдя на пенсию и по возрасту и по инвалидности, я посвятила свою жизнь поискам и обработке сведений о предках по всем ветвям родства нашей семьи. В этой работе не было ни одного попадающегося мне на глаза издания, мимо которого я проходила бы, не заглянув в него, – нет ли там каких либо сведений, которые могут мне помочь разобраться в том, что я затеяла. Возможно, я бросалась не в ту сторону, теряла время на просмотр заведомо ненужных материалов, но постепенно пришел необходимый опыт. Помог мне в этом навык работы со справочной литературой, которая была мне всегда необходима в моей инженерной работе. Сначала смотришь в оглавление, а если есть – в алфавитный список, а затем уже просматриваешь содержание. Конечно, метод прочтения «по диагонали», может, и несовершенный, но очень удобный тогда, когда хочешь сберечь время. Так за короткий срок мне удалось найти самые-самые необходимые сведения о большинстве наших предков. Расширив поиск, я начала работать в архивах и в результате составила родословные по всем ветвям родства – в виде рукописных книг. Подготовила к изданию самую большую из них – Толпыго (род матери моего отца)[1] и издала книгу, составленную из опубликованных статей, рассказов и писем бабушки[2]. Продолжать работу в архивах и библиотеках, по состоянию здоровья, я больше не могу, и не все родословные будут иметь законченный вид, останутся вопросы. Надеюсь, что потомки, неравнодушные к своему прошлому, используя собранные мною сведения, смогут найти ответы на них. Желаю им успеха!

Итак, я ехала в тот год не только к родным и друзьям, но, в основном, для работы в архивах, и просматривала книгу «Россияне в Азии», которую меня попросили передать друзьям в Петербурге. Остановилась на разделе «Коллекции и архивы». В статье А. Хисамутдинова описан ряд изданий, хранящихся в Гамильтоновской библиотеке Гавайского университета[3]. То, что я там увидела, меня буквально сразило! Это были фамилии, которые меня интересовали: Михаил Петрович Григорьев – японовед, писатель и переводчик (1899, Мерв – 1943, Дайрен), поэт Лидия Юлиановна Хаиндрова (1910, Харбин – 1987, Краснодар) и описание под-

---

[1] *Пищикова Т.В*. Толпыго. 1570–2000. Память рода. Калуга, 2000. 199 с.
[2] *Ждан Е.А. (Спицына)*. Из далекого прошлого. Калуга, 1999. 335 с.
[3] *Хисамутдинов А.А*. Русская печать в Китае: Описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 254–282.

борки журналов «Рубеж»[1] с дарственной надписью А.П. Фарафонтова. Имя это было мне известно – Александр Павлович – отец Игоря, моего зятя. Правда, он носит отчество и фамилию своего отчима, но это – другая история. Я тогда знала только имя и отчество Фарафонтова, но о его журналистской деятельности представления не имела[2]. Последующие годы, предприняв все возможные, и, казалось, невозможные пути, я нашла много статей и научных работ Александра Павловича, и мне был передан его неизданный дневник, который хранился в Москве у Елены Козловой, его внучки. К сожалению, родословную Фарафонтовых составить не удалось, да и биография Александра Павловича осталась неполной[3] – дописать ее еще кому-то предстоит.

Грустная песня моя

Грустно. Тоскливо.
Не спится...
И разве можно уснуть, когда в сердце звучат колокольчики,
когда сад в серебре и так нежно и страстно он шепчет...
И разве можно уснуть, когда хочется жить,
Когда в шепоте слышны призывы любви...
    Разве я виноват, что люблю горячо
    И любовь не дает мне покоя...
Я мечтою живу... Так хотелось мне быть у тебя на груди.
Целовать твои милые лапки...
Быть с тобою вдвоем вдалеке, вдалеке от людей...
И глядеть в ненаглядные глазки...
    Гладить нежно головку твою
    И опять целовать, целовать без конца...
То была лишь мечта
Дорогая мечта.
Наяву – были холод и мрак. И мороз шел по коже.
Так печально порою звучит тетива на верном, состарившем луке...

---

[1] Рубеж – журнал, издававшийся в Харбине с 1926 г. по 1945 г. Подшивка журналов «Рубеж» была приобретена библиотекой Гавайского университета в книжном магазине «Глобус» в Сан-Франциско (Сообщение А. Хисамутдинова. Гонолулу, декабрь 2000 г.).

[2] Фарафонтов Александр Павлович (1889, Красноярск – 1958, Сан-Франциско) – литератор и общественный деятель. Жил в Харбине. В 1935 г. эмигрировал в США, обосновался в Сан-Франциско. Корреспондент журнала «Рубеж». Автор сборника рассказов «Из прошлого Сибири. Легенды Азии: Из жизни животных» (Харбин, 1917), исторического эссе «Форт Росс, аванпост былой российской славы России в Америке: к 125-летнему юбилею, 1812–1937» (Шанхай, 1937). – *Прим. ред*.

[3] *Пищикова Т.В*. А.П. Фарафонтов // На сопках Маньчжурии. 1999. № 70.

Разве можно уснуть, когда сердце болит,
Когда муки рождают все муки...
Разве можно уснуть, когда ад впереди,
Когда камень огромный лежит на груди...
Нет. Тогда не уснешь. Не сомкнешь даже век.
Не поможет и сад в серебре, не усыпит и звон колокольчика звучный...
Лишь под утро забылся, мечтою с тобой...
И мечту я принес и сюда. Здесь увидел тебя.
Улыбнулась ты мне...
И снова... зазвенели глубоко, глубоко
В душе колокольчики милые пустозвончики...
Звенят... говорят; ласку и нежность,
любовь мне сулят...

Бухэду, 1915 г.

Печатается по: Фарафонтов А.П. Книга III. Заметки Действительного Члена императорского Русского Географического Общества Александра Павловича Фарафонтова. Благовещенск, 1916 г. (Рукопись).

Елочке

Если, друг, тебе плохо живется,
Если чувствуешь грозы, ненастья,
Если сердце тревожно забьется,
От суровой грозы и ненастья, –
Ты меня позови!
Где бы ни был тогда я,
Услыхав твой трепещущий стон,
Я откликнусь тебе, дорогая,
И, как тихий полуночный сон, –
Успокою тебя.

26 июня 1915 г.

Печатается по: Фарафонтов А.П. Книга III. Заметки Действительного Члена императорского Русского Географического Общества Александра Павловича Фарафонтова. Благовещенск, 1916 г. (Рукопись).

МОИ УЛЫБКИ

Посвящаю моему доброму другу – жене, Елене Григорьевне Фарафонтовой, рожд. Фяскиной. Автор. Харбин, 1917 г.

Я пошутил

По натуре я очень смешлив. Я пользуюсь всяким удобным случаем, чтобы посмеяться. Я смеялся всегда. Скажу больше, как только я появился на этот вконец развращенный свет, то первым долгом я счел за «хороший тон» улыбнуться всем присутствующим. Первые мои улыбки были для окружающих меня милых людей огромным и неисчерпаемым источником различного рода выводов, предположений, хитроумных умозаключений, а подчас были самым развеселым удовольствием.

Но по мере моего роста, мой смех и мои обворожительные улыбки не возбуждали в окружающих меня лицах того энтузиазма, который наблюдался в ближайший момент ко времени моего рождения...

Мой смех и мои улыбки становились значительно остроумнее, обдуманнее, отличались необыкновенной оригинальностью, неожиданностью и острой пикантностью.

Помню, над одной своей шуткой я так хохотал, что дохохотался до самого близкого знакомства с одним из представителей министерства Юстиции... Это уже я остроумным не считал, так как подобное знакомство мне не особенно улыбалось.

Дело было так.

Один мой хороший знакомый, после бесцельного шатания от «Урала до Кавказа и от Дуная до Днепра» пришел, наконец, к очень странному в наше время выводу, что ему необходимо жениться. Обсудив эту приятную для него мысль, сулящую для него много приятного, интересного, прекрасного, еще неизведанного, он первым долгом решил найти подходящий объект для своей цели...

В этом направлении он приложил всю свою изобретательность, подвижность, все связи, и усилия этого милого, но тупоголового малого даром не пропали. Свой идеал он нашел в девице очень скромной, очень нежной, очень доброй и т.д. Она – женщина, каких можно насчитать с самого сотворения человека не больше трех, хотя впоследствии оказалось, что она, по характеру, родная сестра жены одного из древних греческих философов, но ведь это оказалось только впоследствии.

Вполне понятно, что такое необыкновенное счастье, выпавшее на долю моего приятеля, вскружило ему голову самым естественным и безалаберным образом.

Я не буду говорить о первых днях знакомства, влечения, сватовства и т.д., не буду говорить потому, что все это испытал, наверное, на себе сам читатель, а затем своим описанием я боюсь потревожить воспоминания читателя, быть может, давно уже забытые...

Короче говоря, она, эта милая девушка, дала свое согласие, чем привела моего приятеля в такой восторг, что у меня не на шутку явилась мысль: не спятил ли он, чего доброго, с ума, тем более было у меня основание думать это, что он и раньше не отличался своими умственными способностями. Но, по зрелом размышлении, я пришел к заключению, что сойти с ума он при всем своем желании не мог, так как последний у него и так давно отсутствовал.

Как бы то ни было, но приятель мой стал готовиться к свадьбе. Как сумасшедший, только что вырвавшийся из больницы, или как столичный репортер, он носился по магазинам, пассажам, кондитерским, закупал, торговался, приказывал, волновался и мешал другим. Носился в поисках квартиры, обстановки, прислуги и т.д.

В самый разгар его бешеной скачки я зашел к нему на только что нанятую им какую-то тюремную камеру, принимаемую близорукими за квартиру.

– Ну как, устраиваешься?

– А, здравствуй! Помоги, голубчик, поддержать вот тут. Вот, хорошо! А теперь, дай вот ту карточку… да не ту... вот, вот, что на окне. Ах, какой ты разиня!

– Это я-то разиня?! – Окончательно мой приятель потерял голову, подумал я, но мыслей ему своих не высказал.

– Ну и устал же я со всеми этими хлопотами... Теперь почти я все сделал, нет только прислуги... Вот что, нет ли у тебя на примете кого-нибудь?

– Плевое дело, как не быть! Дай только объявление в любую редакцию, сейчас же к тебе привалит целый эскадрон.

– Боюсь я, да и времени нет забежать в редакцию. Я так занят, так занят...

У меня блеснула симпатичная и приятная мысль. Я предложил приятелю свои услуги. Он с радостью принял мое предложение. И вот на другой день в одной из газет появилось скромное объявление, извещающее о желании молодого человека, очень симпатичного, милого, иметь молодую прислугу, за все на приличное вознаграждение, общее внимательное отношение. Объявление было снабжено полным адресом моего милого приятеля.

Что произошло после того, как мое объявление увидело свет, я не знаю, но в 2 часа 20 минут мой приятель получил от невесты письмо, а в

2 часа 30 минут с этим письмом он был у меня, всклокоченный, бледный, с бурой пеной в углах рта...

После небольшого диалога, я решил, что будет весьма благоразумным с моей стороны, если я пройдусь прогуляться, что я и сделал с маленькой военной хитростью, удрав через окно...

Мой приятель не женился. Мне пришлось познакомиться довольно коротко с одним из представителей министерства юстиции. В минуту раздумья мне приходит мысль: что я находил хорошего в моем приятеле.

Своим приятелем теперь я его не считаю...

Поцеловал...

I

Никогда мы еще не проводили время так весело, так оживленно, с таким искренним весельем, как провели мы сегодня. Беззаботному смеху, веселым и остроумным шуткам и, казалось, безграничному веселью не будет конца... Все были особенно как-то веселы, а я – в ударе (не смешивать с апоплексическим ударом). Среди общего бурного и веселого настроения я не раз ловил на своем облике милый взгляд, украдкой брошенный из полуопущенных бровей моим кумиром Лидочкой... Пойманный мной ее взгляд вызывал на ее лице такую обворожительную улыбку, что меня бросало в такой жар, что я боялся, как бы не воспламениться и не сжечь окружающих меня друзей...

В свою очередь Лидочка, наверное, испытывала такое же состояние, как и я, так как в этот вечер... выпила неимоверное количество танзана... Наконец мы друг друга поняли. Наши 18 лет сделали свое дело. Этот возраст хорош уж тем, что не признает условностей нашего больного и развращенного века и руководится только органом, который сыграл такую видную роль в жизни наших бабушек и прабабушек.

Поняв друг друга, мы незаметно как-то для себя и других удалились в гостиную, где нашли исход нашей взаимной симпатии, не замедлившей перейти в самую горячую любовь, какую могут испытывать молодые люди в 18 лет.

Когда нас хватились наши друзья, то было уже поздно: мы любили друг друга, как тридцать тысяч любовников, взятых вместе да еще в кубе...

II

В два часа ночи я, Лидочка-кумир, моя радость и мученье моего истерзанного в жизненной борьбе сердца, учительница гимназии Нина Александровна, она же Маримонда, романтик, девица в 36 лет, две гимназистки и один реалист возвращались из гостей домой.

Ночь была хороша: тиха, морозна и светла. Далеко, далеко в чистом, морозном воздухе раздавались наши веселые, жизнерадостные голоса. Но вот мы подошли к своему дому. Вошли во двор, но прежде чем попасть в квартиру, мы должны были пройти обширные темные сени, дойти до двери в квартиру, позвонить и ожидать, когда проснется прислуга и впустит нас в дом. Мы совершили первое, второе, третье и стали ждать.

В темноте я почувствовал около себя шуршанье женского платья, и мои обонятельные способности открыли присутствие духов, любимых моим кумиром. Я почувствовал легкое головокружение, и почему-то мне стало очень жарко. Последующие мои поступки не отличались ни обдуманностью, ни последовательностью...

Я снял папаху, высморкался, в темноте нашел ручку моей Лидочки, сжал ее...

И когда, наконец, совершенно неожиданно для меня отворилась дверь, и блеснул яркий луч света из комнаты, то я уже держал в своих объятиях и страстно целовал... учительницу гимназии и старую деву 36 лет Нину Александровну. Я потерял Лидочку и с тех пор не выношу темноты и мрака...

Перед разлукой

Жалобно плакал вдали соловей –
Грусть нагонял он песней своей.
Сердце сжималось от горя тоскливо.
Грустно смотрела ты, очень пытливо...

И вдруг побледнела, слезу уронила,
Головку со стоном на грудь опустила
И разрыдалась... А в гуще ветвей
Песню прощальную пел соловей.

Мой крест

I
Невеста

О, вы не знаете эту чудную девушку, которая в тихий задумчивый вечер, при свете розовых лучей заходящего светила, спокойно облокотившись на барьер резной веранды, грустно-задумчиво смотрит в даль, как бы желая поднять ту таинственную завесу, за которую каждый из нас хотел бы заглянуть прежде, чем это бывает нужно.

Вы не знаете это кроткое существо, которое плачет, видя падающие пожелтевшие листья с деревьев, и рыдает, долго и страстно, видя слепеньких новорожденных котят, страстно сетуя на несовершенство природы, не давшей возможности этим милым «царапушкам» видеть Божий мир в ближайший момент ко времени рождения...

Вы не можете представить себе это нежное существо с глазами пугливой газели и манерами изнеженной ласками любимой кошечки, томящейся в неге под благотворными лучами благодатного солнышка...

Вы не знаете эту добрую девушку, готовую отдать вам все, вы понимаете – все.

Вы не видели эту скромницу, всегда краснеющую, как золотистый персик, и так мило опускающую свои бархатные глазки, обещающие так много красивого, таинственного...

Вы никогда, наверное, не слышали этого чудного, чарующего своей музыкальностью голоса, голоса, заставляющего вас невольно напрягать весь свой слух, дабы уловить те оттенки, те вибрации, которыми так богат этот милый, жизнерадостный, низко вибрирующий голос.

Вы ее знаете, эту чудную девушку?

– Это – моя невеста.

II
Жена

Вы не знаете эту торговку, которая из-за одного вашего самого скромного желания или невинного замечания готова размозжить вам голову и пустить вас в мир ужасным калекой, показывающим свои раны и собирающим с прохожих пятачки и копейки...

Сварливость этой женщины, так неожиданно превратившейся в дьявола, равняется с ее заносчивостью, а эта последняя – безгранична.

Вы не знаете этого характера, вспыхивающего при одном намерении только прикоснуться и разгорающегося в необъятное пламя, которое не в силах потушить ни одно из средств, располагаемых современной культурой... Вы не видели, с какой завистью и восхищением на нее любуются все базарницы и лабазники, когда она является во всеоружии своего оригинального красноречия...

Мстительности этой бешеной женщины, вырвавшейся будто бы только что из сумасшедшего дома, позавидовал бы самый старый и мстительный черкес, зарезавший на своем долгом веку не один десяток неверных гяуров...

Вы никогда, наверное, не слышали этого дребезжащего, как старая разбитая таратайка, и поскрипывающего, как дрянная рассохшаяся дверь у сарая, голоса, голоса, бросающего вас в жар и холод, заставляющего нервно подниматься ваши волосы на вашей спокойно поблескивающей лысине...

Вы никогда не слышали (о, как вы счастливы!) этой сплетницы, мечущей своими острыми, как колючки ежа, глазами молнии ненависти и злобы и извергающей на своих близких и дорогих людей целые каскады пошлости, помоев и грязи, перевитых и украшенных фантастическими и пикантными подробностями, создавшимися только в голове этой злой пародии на женщину...

Вы не видели это весьма полное и компактное издание злобы, ненависти, сварливости, мести и проч., дополненное и скрепленное цементом ехидства и коварства...

– Вы не знаете ее, эту ошибку фокусницы-природы?!

– Это – моя жена, мое мучение, моя могила, мой крест...

III

Все те, кто на своем жизненном пути встретил такого ангела, каким была моя невеста, бегите, несчастные, дальше, дальше; хоть на край света, а то вы можете получить такую же прекрасную жену, какая попалась мне, благодаря моей слабости к ангелам и безграничному доверию к людям вообще, а к женщинам в частности...

Экзаменационная страда

Из недавнего прошлого. Написано еще до отмены экзаменов

I

Перед экзаменами

Надвигалась гроза.

Во всех учебных заведениях атмосфера мало-помалу стала сгущаться. В воздухе чувствовалось затаенное дыхание гимназистов, реалистов, гимназисток, коммерсанток и других индивидуумов, тянущихся и подтягивающихся к светочу знания, их глубокие вздохи, отдающиеся эхом в сердцах их товарищей, печально и хмуро глядевших на окружающий мир; тяжелый шепот, доносившийся из какого-либо уголка коридора, тревожно несся по коридору, рассыпался по классам и, как назойливая муха, проникал во все слуховые органы собравшейся в школьных стенах детворы...

Надвигалась гроза.

Беззаботные шутки, детские шалости, безграничное веселье золотого детства исчезли, и в бесшабашных только головах еще остались кое-какие отрывки прекрасного прошлого в образе красивой звучной сказки...

Было мрачно и жутко...

За стенами школы в весеннем воздухе разливался благоухающий аромат, неслось беспорядочное, веселое, разноголосое пение птиц, а здесь, в стенах школы, начинало уже пахнуть кровью...

Пахнуть кровью тех беззащитных младенцев, которые с таким трепетом и ужасом ждали и ждут надвигающуюся грозу – весенние экзамены...

Надвигалась гроза.

II

С вечера было все готово. Отец Коли, маленького второклассника-реалиста, разослал всем родным письма, где извещал их о надвигавшейся грозе. Завтра в 6 часов утра все родственники и знакомые придут к отцу Коли. Мать Коли только что вернулась из монастыря, куда ходила пешком на богомолье. Все последние дни за Колей ухаживали: отец купил ему новый лакированный пояс с блестящей медной бляхой; мать Коли принесла ему из монастыря кипарисовый крестик и со слезами на глазах и тяжелыми вздохами надела на шею Коли, а потом долго гладила – по вихрастой его головке...

Даже маленький его брат – Мишка, забияка и задира, как-то необычно размяк: он обещал не говорить отцу, что Коля подрался вчера с мальчишками, оторвал кошке Маряське хвост и насыпал бабушке в табакерку перцу, и обещал сегодня вечером подарить Коле очень интересный обломок старого кухонного ножа, выброшенного в помойку кухаркой Марфой, и показать Коле место, куда сестры прячут свои игрушки...

Сегодня с самого утра отец Коли запер его в отдельную комнату и приставил казачка – Фильку караулить его, чтобы он не убежал.

Предварительно из комнаты вынесли все, что представляло какую-либо опасность для жизни пленника: мало ли, что человек в это время может сделать над собой?..

Шутка ли? – завтра экзамены...

Второй день Коля сидит на строгой диете...

Бедняга сидит на разостланном на полу ковре и тихо что-то говорит про себя. Старая няня Власьевна осторожно подкралась с улицы к окошку, поглядела в него и отошла:

– Ишь ты, болезный! Напасть-то какая!.. И за что это мальчонку мучают?.. Слава Тебе Господи, что моих-то Ты вовремя прибрал, а то бы также страдали... О, Господи!..

И старая няня Власьевна, обтирая концом грязного передника накатившуюся слезу, грустно поплелась на кухню поделиться своими впечатлениями...

Отец Коли сегодня на службу не ходил: он занят приготовлениями... Домашние были все в грустно-сосредоточенном настроении.

Обед был постный.

Старшая сестра Коли ходила к гадалке, живущей на конце города, в какой-то грязной хибарке.

Пришла вся в слезах...

Вечером огней не зажигали. Ночь прошла очень тревожно. Никто не ложился спать, никто не раздевался...

III

Коле, сидящему в комнате, казалось, что из каждого угла на него смотрят по экзаменатору, таинственно подзывающего его пальцем к себе...

А один из них, математик Числительный, или (как его называл про себя Коля) «Старая Долбня», хитро прищурившись, сказал:

– А вот я вам, господин Обреченный, покажу сегодня «Старую Долбню»...

Бедного Колю прошиб холодный пот, и он закрылся своими трясущимися от страха руками...

Утомление и тревоги последних дней взяли свое: Коля погрузился в сон, тревожный, беспокойный, кошмарный сон...

Ему казалось, что он стоит перед «Старой Долбней», который смотрит на него злыми глазами, ехидно улыбается и спрашивает:

– А ну-ка, господин Обреченный, скажите, пожалуйста, что называется простым именованным числом и что называется составным? Ну, что же, забыли? А, ну-ка, господин Обреченный, скажите, кого вы называете «Старой Долбней»? Что это вы лицо-то от меня отворачиваете? А поставлю-ка я вам, Обреченный, единицу...

Скривив на бок голову, злорадно улыбаясь, «Старая Долбня» аккуратно выводил против фамилии Коли ядреную единицу...

У бедного Коли тряслись поджилки, холодели руки, во рту была страшная сухость, в висках стучало, и пальцы нервно перебирали полы тужурки... Коля в изнеможении опустился перед экзаменатором на колени, но тут подошел к нему «Старая Долбня» и положил ему на голову тяжелейший учебник арифметики с хитросплетенными задачами. Коля почувствовал сильную тяжесть, и голова его закружилась, а перед глазами заплясали минусы, плюсы...

Затем по очереди подходили: учитель географии – «Нарымский край», преподаватель истории «Жижка», преподаватель немецкого языка «Плюсквамперфектум», преподаватель французского языка монсьер Лгунье, учитель английского языка мистер Мони, преподаватель русского

языка Прилагательный, он же: «Ах ты, сравнительная степень», и много других... Все они подходили, и каждый клал на голову Коли по здоровеннейшему учебнику, которые нестерпимо давили и мучили несчастного маленького страдальца, под их тяжестью гибли лучшие наклонности будущего государственного работника... А кругом в безумной пляске, сплетясь тонкими высохшими руками, кружились с отвратительными гримасами единицы, двойки...

И вдруг все это разом замолкло. Коля взглянул немного в сторону и к своему ужасу увидел своего отца, который, держа в одной руке дневник с отметками, а в другой – только что купленный лакированный пояс, шел хмурый к Коле...

От страха Коля громко крикнул и проснулся... Кругом было тихо, в окно брезжил рассвет.

IV

Раннее утро застало всех на ногах. К семи часам стали собираться родные и знакомые. Приходили, тихо разговаривали и осторожно смотрели в замочную скважину на Колю, который сидел на полу и бессмысленно смотрел все в одну точку; так же осторожно отходили и вели шепотом разговоры.

Приехавшая бабушка прежде всего спросила, водили ли Колю в баню?

И, получив в ответ, что водили, успокоилась.

Старая няня Власьевна, глядя на бедного Колю, не выдержала и всплакнула:

– Муки-то какие, болезный, принимает... Не иначе, как за грехи родительские. – И тут же она спрыснула Колю с «уголька»... Так-то оно все-таки вернее...

После молебна все по очереди стали прощаться с Колей. Все плакали. Мать Коли упала в обморок, и ее унесли в спальню. Мишка ревел громче всех и давал честное слово прибить к полу гвоздями калоши директора, а потом убежать в лес...

Половина девятого, Колю одели, посадили на извозчика, на которого сели отец Коли и его дядя, и извозчик тронулся. Родные провожали: все махали, кто платком, кто шляпой.

Всю дорогу отец и дядя держали Колю за руки, Коля смотрел по сторонам, и ему все казалось чужим, каким-то далеким, прошлым.

Благополучно подъехали к училищу, около которого было много извозчиков, и бродили какие-то тени, как оказалось, это были родители, привезшие своих детей на экзамены. Тут же на всякий случай стояли: карета скорой помощи и несколько бочек пожарной дружины...

Отец и дядя ввели Колю в училище. С болью в сердце и грустными предчувствиями оставили они его, а сами вышли на улицу и растворились в толпах таких же родителей...

V
Экзамены

В коридорах училища было очень грустно. По углам на потолке и стенах трепетала паутина, пахло сыростью и плесенью. Атмосфера была тяжелая: на окнах виднелись дохлые мухи, павшие в неравной борьбе со школьной атмосферой...

В коридорах, в ожидании экзаменов, бродили пришибленные молчаливые тени бывших учеников. И только время от времени царившее уныние и тишина нарушались скрипом шагов какого-либо педагога, продвигавшегося в экзаменационную комнату...

И вдруг окружающую тишину и безмолвие резко нарушили дребезжащие звуки старого школьного звонка, зовущего к годичному покаянию всех тех, кто так стремится к светочу знания.

Тени затрепетали, сжались как-то, вытянули свои побледневшие и так уже бесцветные лица и бесшумной толпой тронулись вперед навстречу грядущим событиям – весенним экзаменам...

VI

Их было семь человек в наглухо застегнутых сюртуках, казенных, неумолимых.

И вот среди подавленных вздохов и бледных улыбок резко-отчетливо раздался голос одного из семи, призывающий на лобное место к доске...

Начались экзамены...

Художники-виртуозы, специалисты своего дела, с бесстрастным видом стали производить наитруднейшие операции...

– Господин Обреченный, пожалуйте сюда!

Механически тень Коли дернулась со своей парты, перешла машинально через класс и застыла у доски.

– А ну-ка, господин Обреченный, решите, пожалуйста, такую задачу:

– Первый купец продал второму 3 куска материи за 172 руб. 23 коп., а второй продал первому 6 бочек меду по 27 руб. 33 коп. за бочку; третий купец продал первому на 737 руб. 17 коп. разного товара, а четвертый дал каждому из трех по 144 руб. 11 коп. взаймы, взамен получил от первого 2 куска материи, от второго – 4 бочки меду и от третьего – на 122 руб. 54 коп. железа. Спрашивается, который купец и сколько должен додать другому и каковы были их семейные отношения?

Тень Коли вытянулась и превратилась в вопросительный знак.

– Ну, что же, не можете?.. Так, так. Дам-ка я вам тогда другую задачу, быть может, вы и решите ее.

– Отцу 45 лет, матери – 50, старшей дочери 37. Узнать, сколько лет ее троюродному брату?

– Вот-с, решите эту маленькую задачку, – улыбаясь самодовольно, сказал учитель математики.

Тень Коли съежилась, посинела, на лбу выступил пот и все конечности стали коченеть. Тень Коли пыталась было задать маленький вопрос экзаменатору, но вместо слов послышались только хриплые нечленораздельные звуки, которые тут же оборвались...

Впечатление от задачи было такое сильное, что даже одна пола Колиной тужурки как-то судорожно скрючилась, завернулась в трубочку, да так и застыла.

– Так-так... Не можете, значит. А задачка, право, пустячная... Батюшка, поспрашивайте-ка вы его теперь.

Погладив свою окладистую бороду и исключительное чрево, батюшка кашлянул, приняв елейный вид, и спросил:

– А скажите, отроче, как звали жену среднего брата Иосифа? А потом, как называлась та местность, в которой евреи сделали четвертую остановку, когда вышли из Египта?

Тень Коли теперь уж потеряла всякую способность реагировать на окружающее и изображала из себя или каменный столб в пустыне или замороженного судака.

А елейный батюшка не унимался:

– Ну, что же? Не знаете? А, может быть, отроче, скажете, как звали архитектора, который строил Вавилонскую башню? Нет? Ну, какие обстоятельства предшествовали рождению Господа нашего Иисуса Христа?

– Тоже не знаете? Ах, отроче, отроче, – сокрушался добрый батюшка.

– А не знаете, отроче, сколько детей было у Лота и как их звали?

Тень Коли застыла...

– Жаль, очень жаль, – соболезновал елейный батюшка, ставя Коле внушительную единицу и сейчас же забывая о ней.

– Садитесь, г. Обреченный, – сказал директор, вызывая другого ученика.

Тень Коли не шевелилась.

Повторив еще два раза свое приглашение с такими же результатами, директор позвонил, и вмиг явились четыре пожарных, подхватили Колю и вынесли его на свежий воздух...

Экзамены продолжались своим чередом...

В алфавитном порядке, сначала по одному, а потом и небольшими группами, экзаменаторы вызывали учеников и расправлялись с ними...

Пух и перья летели от бедных мучеников после каждого вопроса экзаменатора...

Избиваемые младенцы с тупой покорностью подчинились злому року и безропотно несли свои молодые жизни на алтарь человеческой жестокости...

Экзамены продолжались, и знаменитая «Варфоломеевская ночь» становилась все бледнее и бледнее: на смену ей из мрака министерских канцелярий пришли школьные экзамены, которые затмили собой все ужасы этой страшной ночи...

К 2 часам дня было все кончено. Десятки реалистов были отвезены домой в бесчувственном состоянии, трое застрелилось у подъезда училища, шесть сошло с ума, один «нырнул» со второго этажа в проход между лестницами и один удавился на поясе на дверной ручке директорской квартиры...

По общим уверениям, экзамены кончились благополучно, и господа преподаватели вздохнули свободно, предвкушая летние вакации...

И только учащиеся не могли отделаться от впечатления только что пережитых весенних экзаменов.

Из прошлого

Мы были с тобою родные,
Чужие – мы стали теперь
И думы и мысли другие
Меня уж волнуют, поверь...

Я вспомнил те ночи былые.
Твой грустный задумчивый взгляд,
Я вспомнил картины родные...
Вернуть все хотелось назад.

Но прошли мимолетные грезы,
Прекрасные минули дни,
Остались одни только слезы
И изредка – бледные сны...

Под звуки песни

Миниатюра

Все тихо кругом. Вечерняя мгла набросила свой эфирный покров на окружающие меня предметы, которые, потеряв резкость своих очертаний, кажутся таинственными. Разбросанные по всей гостиной цветы делают ее еще таинственнее, прекраснее и жутко-приятной... На мягком спокойном диване сижу я, глубоко задумавшись о прошлом, настоящем...

Сидя вблизи на качалке и тихо покачиваясь, ты изредка дарила меня своим жгучим взглядом, так странно блестевшим в темноте. Твою славную головку тоже волновала та же мысль, что и меня. Ты глубоко задумалась. И вдруг, сперва еле-еле слышно, полились слабые тихие звуки. Непонятно было: плакали ли эти звуки над разбитой жизнью, молили ли они о счастье и воле, призывные ли то были звуки – нельзя было угадать верно. Но вот голос твой, как молодой, только что вырвавшийся на волю орленок, стал брать все выше и выше... Теперь в нем слышались уверенность, сила, искренность и страстность.

Ты пела:

На груди молодой
Ты приди отдохнуть!

Страстным призывом звучали эти стихи. Чудилось в льющихся звуках желание, сила любви, молодые порывы...

С каждым мгновением звуки ширились, трепетали и проникали в самые затаенные уголки моего истерзанного мучениями и жизненной борьбой сердца.

Жизнь красивая, полная счастья и любви, чувствовалась в бурно льющихся звуках. Вместе с твоей песней, забыв земное, понеслись и мои лучезарные мечты...

Но вот так же неожиданно, как начала ты, замерли звуки этой чудной песни...

И вместе с последним аккордом, дрожащим еще в воздухе, унеслись безвозвратно и мои лучезарные мечты...

Зоська

В защиту погибшей женщины (посвящаю людям)

Человек! Эй, царь природы!
Посмотри, что сделал ты!..

Она сидела одна в своей печальной комнатке. Жгучее чувство одиночества, безысходной тоски, заставляли усиленно биться слабое Зоськино сердце.

Ей хотелось плакать. Но горе и все ее страдания были так велики, что даже плакать она не могла. Тяжелые, мрачные думы завладели головой Зоськи. Думы, думы и думы. Невольно она стала сравнивать свою теперешнюю жизнь, полную страданий и нравственных и физических, жизнь, полную постыдных унижений, возмутительного насилия, отвратительного пьянства с дикими оргиями, жизнь, омытую своими кровавыми слезами... с той жизнью, которая ей теперь представлялась в виде волшебного сна или красивой, сладко звучащей сказки... Она видит себя хорошенькой 6-тилетней девочкой в беленьком платьице с бантиком около пояса. Она бежит по мягкому ковру, а ее мама (бедная мама, если бы ты знала, что стало с Зосей твоей?!) догоняла ее. «Попалась, плутовка». И град поцелуев сыплется на кудрявую головку шалуньи. Она теребит свою маму, хохочет; как птичка, мило щебечет. И обе веселы, смеются, обе безгранично счастливы...

Но вот она большая. Ходит в гимназию. Она ученица 6 класса, при этом первая по успехам. Ее все любят, она – также. Зося думает, какие все люди хорошие, добрые, такие милые, так ее все любят. Зося живет той жизнью, когда все так кажется хорошим, прекрасным... Ее сердце жило высокой любовью ко всем людям. Она была счастлива, как можно быть счастливым в 16–18 лет.

Прошло два года. Зося окончила гимназию. Но она была еще молода, а учиться так ей хотелось... Тяжело и грустно было расставаться со своей любимой мамой. Как они обе плакали! Как эта милая, добрая старуха-мать просила ее учиться, быть осторожной; хотела ехать сама, но это было невозможно... Сколько блеска, роскоши! Сколько ощущений новых, прекрасных пришлось пережить ей! Курсы, подруги, новые знакомства, театр, лекции, хождение по музеям, галереям, споры в тесном кругу своих однокашников, наконец, увлечение «им» и любовь к «нему» же, любовь, не знающая ни границ, ни отступлений, безумная, красивая любовь!.. Как полно тогда жила она! Как была счастлива тем молодым и здоровым счастьем, которое не заглядывает в будущее. Она любила и была, как она думала, любима. Она готова была кричать о своем счастье...

Прошло еще полгода. И как все изменилось! Все как-то сразу оборвалось! Он уехал, даже не сказав, что уезжает... Она заболела. А потом стыд, слезы, отчаяние, горькая нужда и, наконец, панель...

И вот она, Зося, надежда и любовь своей матери, она теперь «барышня», живет в номерах... Теперь ее уже зовут не Зосей, она – Зоська. Каждый пьяница может купить ее, и она будет его. Он может делать с ней все, что вздумает его дикая, пьяная предприимчивость и опошленная фантазия...

Со страшной силой почувствовала Зоська ту бездонную пропасть, в которой очутилась она! Она ясно, как никогда, увидела весь позор, всю несправедливость своего бытия. Она вспомнила отношения к ней людей, почувствовала их ложь, и она поняла, глубоко поняла, как фантастичны были ее представления о тех людях, которых когда-то она любила и идеализировала. Она увидела все фарисейство людей, вспомнила всю грязь их, и крик, безумия крик замер в исстрадавшейся груди бедной Зоськи...

«О, люди, как я любила вас! Сколько искреннего, горячего чувства я отдала вам! Я молилась на вас! И что же? Вы же толкнули меня в этот несчастный вертеп. Вы, вместо искренней любви, ответили мне жалким фарисейством; вместо теплого чувства, вы постарались под красивым предлогом развратить меня, загрязнить мою душу и тело; вместо человеческого участия вы бросили меня в эту мерзкую тину! Вы бросаете в меня грязью, делая это с легким сердцем! Но я, я ведь тоже человек!!! О жалкие, жалкие люди! Где тот священный огонь, который должен гореть в вас? Где в вас божественное начало? Где оно? Где ваше сердце? – У вас его нет! У вас ничего нет!!.. О, как тяжело! О, люди, торжествуйте: вы сделали свое дело! Вы унизили человека, радуйтесь же его унижению!!.. Но нет! Еще не поздно! Победа не за вами! Я слаба, я бессильна и больна, но мы еще увидим, кто победит!»

Зоська подошла к столику, выдвинула ящичек и вытащила оттуда блестящую вещицу. Минуту она пристально смотрела на нее. Затем открыла альбом, взглянула на портрет своей старушки-матери, судорожно прижала его к своим губам, потом тихо, но твердо отошла к кровати и села на нее.

– «Прощай, добрая, славная мама! Ты больше не увидишь свою Зосю! Прости! Прощайте и вы, злые, нехорошие, жестокие люди. Вы искалечили, опозорили меня, но я вас прощаю! Прощайте!!»

Быстрым взмахом руки Зоська приложила блестящий предмет к виску, раздался выстрел... и Зоськи не стало...

Когда на звук выстрела сбежались люди, то было уже поздно. В своей слепоте они не догадались, что это дело их рук...

Женщине

Будь энергична, будь смела,
Настойчива и будь честна.
Не падай духом и в борьбе
Молись, борись и верь себе.

Картинка наших дней
(Набросок)

В больших городах стало наблюдаться, что по улицам ходят девочки подростки и пристают к прохожим мужчинам...

(Из газет)

Дневные заботы и шум большого города мало-помалу стихали. На смену им мягко надвигалась чудная весенняя ночь. Начиналась новая жизнь, вечерняя жизнь большого города. Мягко, бросая матовые отблески, зажглись громадные белые шары электрических фонарей, качаясь на изящных столбах.

С шумом и тревожным звоном неслись в разные стороны электрические трамваи, красиво проносились великолепные автомобили, покачиваясь на своих толстых шинах и оставляя после себя запах масла и бензина, раздавались звонки велосипедистов, моторов, звонки в красивых и богатых магазинах, изящно смотревших своими зеркальными окнами, освещенными цветными электрическими лампочками, и сверкающих золотом, бриллиантами, рубинами...

Радушные веселые улыбки прохожих, нарядные и дорогие костюмы изящных дам и мужчин, фланирующих по сторонам улиц, едущих в дорогих экипажах, автомобилях, ландо, дополняли картину вечерней жизни большого города.

Вечерняя мгла, смешавшись со светом электричества, придавала чарующую прелесть всему окружающему...

И наравне с роскошью, богатством и кажущимся весельем и радушием, приютились беспризорство, нищета, никем не сдерживаемый порок.

– Барин, милый барин, – услышал я впереди себя слабенький голосок, и я увидел подростка, лет 12–13, бедно одетую, миловидную, но подведенную и накрашенную, по-видимому, цветной бумажкой.

Она как-то боязливо сторонилась прохожих, порой робко прижималась в стене дома, робко, неуверенно подходила к какому-нибудь прохожему и окликала его:

– Барин, милый барин... – дрожа, порывалась то вперед, то назад, бедная, крашеная девочка, пугливо озираясь по сторонам и, встретив холодный безучастный взгляд, с болезненно жалкой улыбкой отскакивала прочь, опять собиралась с духом, и опять слышался ее слабенький голос:

– Барин, милый барин...

Меня обогнал какой-то господин, одетый весьма прилично: в модном пальто и дорогой шляпе, тщательно выбритый, лет 40–45, который

шел спокойно, уверенно, не торопясь, с холодным блеском мутных глаз. При встрече с дамой или девушкой незнакомец как-то особенно оглядывал их и иногда оборачивался назад и смотрел им вслед.

Нехороший это был взгляд.

– Барин, милый барин... – раздалось около него.

Незнакомец сперва не обратил внимания, но потом, не останавливаясь, повернул свое гладко выбритое лицо и внимательно оглядел девочку...

Никогда не забуду его взгляда.

Этот изящно одетый господин, так спокойно шагавший по панели, замедлил свои шаги и пристально оглядел всю хрупкую фигурку миловидной, крашеной девочки: он ее мысленно раздевал, он, этот изящно одетый господин, оценивал своим холодным взором голову, руки, плечи, грудь, ноги крашеной девочки, а она боязливо озиралась по сторонам и опускала свои хорошие, но подрисованные детские невинные глаза...

И вдруг незнакомец остановился, подозвал к себе девочку, достал изящный кожаный, с золотыми монограммами, портмоне, порылся немного в нем, достал несколько медяков, небрежно бросил их в руку дрожащей девочки, и до моего слуха долетело:

– Иди за мной. Я тебе куплю конфет...

Девочка как-то отшатнулась от звука его голоса, но потом направилась нерешительно-грустно за незнакомцем, который, пройдя до пересекающей улицы, свернул в нее, подозвал извозчика, усадил на него дрожащую девочку, и до моих ушей донеслось:

– Вези в номера...

Последние звуки голоса этого изящного господина были покрыты звуками мчавшихся автомобилей, электрических трамваев и рокочущим шумом фланирующей по панели нарядной, сытой, богатой, довольной и черствой толпы...

Печатается по: Фарафонтов А.П. Мои улыбки: Сборник рассказов и стихотворений. Вып. 5. Харбин, 1917.

Библиография сочинений А.П. Фарафонтова[1]

1. Чума. Цицикар // Восточное обозрение. – 1902. – № 190. *Подп. А. Фараф-в.*
2. Осень тихо плачет. Стихотворение // Восточное обозрение. – 1902. – № 228. *Подп. А. Ф.*
3. Зима идет… // Восточное обозрение. – 1902. – № 241. *Подп. Ал. Ф.*
4. Сплетня. Неисправимый // Байкал. – 1903. – № 48. *Подп. А. Ф-в.*
5. Из Маньчжурии // Байкал. – 1904. – № 78. *Подп. А.П.*
6. Железная дорога Мукден – Аньдун // Даурский край. – 1908. – № 29. *Подп. А. Ф-в.*
7. Вести из Китая. К отставке Сюй-Шичана. Автомобили у Японцев // Даурский край. – 1908. – № 33. *Подп. А. Ф-в.*
8. Смена вице-короля. Корреспонденция // Даурский край. – 1909. – № 1 (34). *Подп. А. Ф-в.*
9. Письмо в редакцию. Мукден, 11 марта 1909 г. // Даурский край. – 1909. – № 36. *Подп. А. Фарафонтов.*
10. Вести из Китая. Японцы в Порт-Артуре. Мукден, 27 марта 1909 г. // Даурский край. – 1909. – № 41. *Подп. А. Ф-в.*
11. Вести из Китая. Похороны китайского императора. Проезд ген. Палицына // Даурский край. – 1909. – № 53. *Подп. А. Ф-в.*
12. Самоотравление. О пьянстве среди детей на ст. Татьяновка Спасской волости Приамурской области // Свободное воспитание. – 1912–1913. – № 1. *Подп. А. Фарафонтов.*
13. Тарабаган // Забайкальская новь. – 1913. – № 1831. – *Подп. Ал. Фарафонтов.*

---

[1] Библиография составлена по: *Петряев Е.Д.* Краеведы и литераторы Забайкалья в дореволюционный период. Чита, 1981; *Петряев Е.Д.* Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862–1906). Киров, 1987; Русский фольклор. Библиография. Указатель 1981–1991. СПб., 1993; Систематический указатель статей помещенных в журнале «Вестник Азии» 1909–1927 гг. // Вестник Маньчжурии. 1927. № 53. С. 93–101; Систематический указатель статей помещенных в журнале «Вестник Азии» с 1909 по 1927 г. // Вестник Маньчжурии. 1927. № 54. С. 60–73; Список действительных членов Общества русских ориенталистов // Вестник Азии. 1913. № 17. С. 211–212; Список (дополнительный) действительных членов Общества русских ориенталистов // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 354; *Хисамутдинов А.А.* Русская печать в Китае. Описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 254–282; *Пищикова Т.В.* Фарафонтов А.П. // На сопках Маньчжурии. 1999. № 70; *Фарафонтов А.П.* По Дальнему Востоку, Маньчжурии и США / Сост. Т.В. Пищиковой. Калуга, 2001. 172 с.; *Фарафонтов А.П.* Библиографический указатель // Новая заря. №№ 2184, 2223, 2284, 2304, 2343; *Фарафонтов А.П.* Особый список исторической литературы, изданной в России за годы: конец 1898 – начало 1900 / Подг. текстов Т.В. Пищиковой <по материалам, присланным вице-директором Музея Русской Культуры в Сан-Франциско – Ю. Тарала>; *Фарафонтов А.П.* Хроника Русского Исторического Общества (РИО) // Записки РИО. 1938. № 1. С. 27–31.

14. Зоська. В защиту погибшей женщины // Забайкальская новь. – 1913. – № 1841. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
15. 26 бурятских загадок // Сибирский архив. – 1913 (1914?). *Подп. А.П. Фарафонтов*.
16. Начальное образование в Забайкальской области // Просветительское дело в Азиатской России. – 1914. – №. 2. – С. 107–115. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
17. Бухэду. КВЖД (От нашего корреспондента) // Забайкальская новь. – 1914. – № 1932. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
18. Я пошутил // Забайкальская новь. – 1914. – № 1933. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
19. К борьбе с пьянством // Забайкальская новь. – 1914. – № 1954. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
20. К экономическому обследованию Маньчжурии (От нашего корреспондента) // Забайкальская новь. – 1914. – № 1975. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
21. Корреспонденция, г. Харбин (От нашего корреспондента) // Забайкальская новь. – 1914. – № 1980. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
22. Корреспонденция, ст. Бухэду КВЖД (От нашего корреспондента) // Забайкальская новь. – 1914. – № 1989. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
23. Корреспонденция, г. Харбин (От нашего корреспондента) // Забайкальская новь. – 1914. – № 1990. *Подп. Ал. Фар.-Баримов*.
24. Гибель лесов в Приморской области // Забайкальская новь. – 1914. – № 2071. *Подп. Ал. Фарафонтов-Баримов*.
25. Поцеловал // Забайкальская новь. – 1914. – № 2125. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
26. Школьник: Сборник стихотворений / Сост. А.П. Фарафонтов (перепечатано из сборника М. Стожа). – Бухэду, 1915.
27. Три рассказа из жизни животных. – Харбин, 1915. – 15 с. *Подп. А.П. Фарафонтов.*
28. Легенда об Обо, находящихся вблизи г. Хайлар // Забайкальская новь. – 1915. – № 2157. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
29. Корреспонденция, г. Харбин // Забайкальская новь. – 1915. – № 2221. *Подп. Ал. Фарафонтов-Баримов*.
30. Под звуки песни. Миниатюра // Забайкальская новь. – 1915. – № 2223. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
31. Японцы в Южной и Северной Маньчжурии // Забайкальская новь. – 1915. – № 2393. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
32. Легенда о происхождении верблюда // Забайкальская новь. – 1916. – № 2443. *Подп. Ал. Фарафонтов*.

33. О лекторах. Ст. Бухэду КВЖД // Забайкальская новь. – 1916. – №2457(?). *Подп. Ал. Фарафонтов-Баримов*.
34. Легенда о трех богатырях // Забайкальская новь. – 1916. – № 2490. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
35. Легенда-сказка о Гысыр-Богдохане // Забайкальская новь. – 1916. – № 2492. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
36. Легенда о верблюде и мыши // Забайкальская новь. – 1916. – № 2499. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
37. Из бурятских загадок // Сибирский архив. – 1916. – № 2. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
38. Мои улыбки: Сборник рассказов и стихотворений. Вып. 5. – Харбин, 1917. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
39. По Забайкалью и Амуру. Заговоры, загадки, приметы и поверья / Ред. и предисл. П.В. Шкуркина // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 120–130. *Подп. А. Фарафонтов*.
40. Чудо строительной техники. Мост-гигант между Сан-Франциско и Оклэндом (От собственного корреспондента «Рубежа». Сант-Матео, Калифорния) // Рубеж. – 1935. – № 8. – С. 4. *Подп. К. Джарджуйский*.
41. Русские штыки на Вампу // Рубеж. – 1936. – № 12. – С. 9. *Подп. К. Чарджуйский*.
42. Жизнь полная ужасов…(По обложкам американских детективных романов) // Рубеж. – 1935. – № 26. *Подп. А.П.Ф*.
43. Шанхай растет ввысь. Новые гиганты-небоскребы на берегах Вампу // Рубеж. – 1935. – № 41. – С. 7. *Подп. К. Чарджуйский*.
44. Гавайи – рай среди океана. Страна ананасов, бананов, красивых женщин, вечного лета и… вулканов, в кратерах которых бурлит лава // Рубеж. – 1936. – № 4. *Подп. К. Чарджуйский*.
45. На русской реке в Америке. Живая память о русской некогда Калифорнии // Рубеж. – 1936. – № 14. – С. 5–6. *Подп. К. Чарджуйский*.
46. Кобэ // Рубеж. – 1936. – № 15. – С. 7. *Подп. К. Чжарджуйский*.
47. «Вакэйшн» – самые приятные дни в году! Летний отдых в Калифорнии // Рубеж. – 1936. – № 27. – С. 5. *Подп. К. Чжарджуйский*.
48. Кто сумеет это сделать? // Рубеж. – 1936. – № 27. – С. 14. *Подп. А.П.Ф.*
49. Жуткий остров молчания. Тюрьма на о. Алькатрац. Сан-Франциско // Рубеж. – 1936. – № 28. – С. 5. *Подп. К. Чжарджуйский*.
50. Золотая лихорадка в Калифорнии. Харбинец нашел богатые золотоносные площади! – Оживление промышленников. – К золоту через лишения и опасности. Сан-Франциско // Рубеж. – 1936. – № 29. – С. 6–7. *Подп. К. Чарджуйский*.

51. Секрет семейного счастья. Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок // Рубеж. – 1936. – № 38. – С. 9. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
52. Русская песня за океаном // Рубеж. – 1936. – № 39. – С. 7. *Подп. Ал. Фарафонтов.*
53. Православие в Америке. Четверть века собора в Сан-Франциско // Рубеж. – 1936. – № 40. – С. 5, 8. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
54. Русская деревня в Америке и ее хозяин. Как живет и работает талантливый писатель Гребенщиков // Рубеж. – 1936. – № 41. – С. 13–14. *Подп. Ал. Фарафонтов*.
55. Форт-Росс. Исторический альбом 1812–1937 гг. Славные страницы из родной истории: Альбом фотографий. – Шанхай, 1937. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
56. Семнадцать замечательных книг, изданных в России // Свет. – 1938. – № 7. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
57. К юбилейному торжеству 950-летия Крещения Руси // Новая Заря. – 1938. – № 2378. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
58. Константин Потапович Михайлов (Бриджпорт, Коннектикут) // Новая Заря. – 1938 – 22 дек. *Подп. А.П. Фарафонтов*.

Сборники, рассказы и статьи,
место издания которых не выявлено

59. Живая азбука. *Подп. А.П. Фарафонтов* // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1385. Л. 1. Фарафонтов А.П. – Горбунову-Посадову И.И.[1] Письмо от 10.03.1912.
60. Как мы занимались грамматикой. *Подп. А.П. Фарафонтов* // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1385. Л. 1. Фарафонтов А.П. – Горбунову-Посадову И.И. Письмо от 10.03.1912.
61. О собаках <название не точное>. *Подп. А.П. Фарафонтов* // Шкуркин П.В. – Фарафонтову А.П. Письмо от 02.05.1938.
62. Легенды Азии / Ред. и предисл. П.В. Шкуркина. – Харбин <до 1927 г.>. *Подп. А.П. Фарафонтов*.
63. Самоотравление. О пьянстве среди детей на ст. Татьяновка Спасской волости // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1385. Л. 1. Фарафонтов А.П. – Горбунову-Посадову И.И. Письмо от 10.03.1912.
64. <Названиея статьи не выявлено> // Забайкальская новь. – 1933. – № 990. *Подп. А. Фарафонтов*.
65. <Название статьи не выявлено> // Даурский край. – № 51. *Подп. А. Фарафонтов*.

[1] Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864–1940) – педагог, писатель, редактор и издатель. В 1907–1918 гг. редактировал журнал «Свободное воспитание». – *Здесь и далее прим. ред*.

66. <Название статьи не выявлено> // Даурский край. – № 63. *Подп. А. Фарафонтов*.
67. В Голден-Гейд парке // Рубеж <год и номер журнала не выявлены>. Подп. *К. Чарджуйский*.

Статьи, авторство которых, предположительно, принадлежит А.П. Фарафонтову

68. <*Б.п.*> Преподавание русского языка в китайских войсках // Даурский край. – 1909. – № 1.
69. <*Б.п.*> В Харбине // Забайкальская новь. – 1917. – № 2950.
70. <*Б.п.*> Некролог учителя. Алексей Николаевич Белоголовый. Старший учитель Половского 2-х классного училища // Забайкальская новь. – Чита. – 1917. – № 1967.

Рукописи

71. Заметки Действительного Члена императорского Русского Географического Общества Александра Павловича Фарафонтова. Кн. III. – Благовещенск, 1916. [По Маньчжурии, Забайкалью и Амуру. Отрывки из путевого дневника: I. От Харбина до ст. Хайлар; II. От ст. Маньчжурия до курорта Шиванда. Легенда о царе Куань-Юнъе. Легенда об отмене обычая убивать стариков. Стихотворения. Перечень легенд, тем и планов рассказов, эскизов и выпусков, копии служебных писем].

Перечень легенд, тем и планов рассказов, эскизов и выпусков, перечисленных в дневнике А.П. Фарафонтова:

Темы рассказов: Забытые, Таточка, Он отомстил, Шалости реалистов, На лодке, Он не берет, Они говорят (прогулка на заимку Д...), За минутой радости, Три письма (рабочего, солдата, большевика на тему текущих событий, 3.07.1917).

Планы рассказов: За золотом, Контрабандисты, Володька Медведников, За минутой радости, В тайге у костра, Всему виной фонограф, Провокатор «Квашня», Попечитель одной школы, Фасбушевич, На митинге кухарок.

Легенды Азии: О шаманизме, О собаках, О кошках, О пятнах на луне, Кисихаята, О табаке, О Бурхан-Будде, Озеро Бальджи, вторая легенда о Бальджи, О происхождении японцев, О происхождении Инь-шаня, О маяках, О происхождении Байкала, О петухе, О козах.

Планы сборников: В стране бродяг. Часть II. 1. Горбачи, 2. На Желтуге, 3. Чаерезы. 4. За золотом. 5. На ка́ре (наказание); Выпуск... 1. На лодке, 2. Отомстил, 3. Всему виной фонограф, 4. Он не берет, 5… стих., 6. На митинге кухарок, 7. Таточка, 8. Фасбушевич, 9... стих., 10. Провокатор «Квашня», 11. Из дневника столичного студента.

Библиотека моих маленьких друзей: Школьник (напечатано), Три рассказа (напечатано), Вино погубило (написано), Хунхузы, Жень-шень, Китайцы, Буряты, Поездка на Хинган, Тарабаган с рисунками, Маньчжуры.

72. Особый список исторической литературы, изданной в России за годы: конец 1898 – начало 1900. – Сан-Франциско, 1938.

Письма

73. Фарафонтов А. – Горбунову-Посадову И.И. Письмо от 10.03.1912. // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1385. Л. 1.
74. Фарафонтов А. – Потанину Г.Н.[1] Письмо <без даты> // РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 1.
75. Фарафонтов А. – Читинскому Краеведческому музею. Письмо от 12.09.1911. // ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. № 20. Л. 21, 22.
76. Фарафонтов Ал. – В Совет Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Письмо от 03.11.1916. // ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. № 22. Л. 22.
77. Фарафонтов Ал. – Mr. Anatole Mazur. Письмо от 30.11.1937. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
78. Фарафонтов А.П. – Фарафонтову М.П. Письмо от 18.06.1938 // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
79. Фарафонтов Ал. – Родионову Г.Е. Письмо от 13.11.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
80. Фарафонтов Ал. – Седых А.Ф. и М.Д.[2] Письмо от 19.12.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
81. Фарафонтов А.П. – Седых М.Д. Письмо от 19.12.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
82. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В.[3] Письмо от 27–29.01.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
83. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 28.02.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
84. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 19–22.03.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
85. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 11–12.04.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
86. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 15.04.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
87. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 22.04.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).

---

[1] Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – русский географ, этнограф, фольклорист, публицист. Один из основателей сибирского областничества.

[2] Седых Михаил Демьянович (1883–1956) – общественный деятель, председатель Русского Исторического Общества в Америке (1940–1947).

[3] Шкуркин Павел Васильевич (1868–1943) – востоковед и литератор. С 1913 г. жил в Маньчжурии. Один из основателей общества русских ориенталистов в Харбине, редактор журнала «Вестник Азии». В 1927 г. переехал в США. Член-учредитель Русского Исторического Общества в Америке.

88. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 30.04.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
89. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 25.05.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
90. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 6.06.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
91. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 15.06.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
92. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 19.06.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
93. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 20–21.06.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
94. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 27.06.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
95. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 4–5.08.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
96. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 11–12.08.1938. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
97. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 15–18.12.1938 // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).
98. Фарафонтов А.П. – Шкуркину П.В. Письмо от 02.01.1939. // Музей Русской культуры (Сан-Франциско).

ПРАВОСЛАВНЫЕ МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В МАНЬЧЖУРИИ ПЕТЕРБУРГСКИХ И ХАРБИНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ (1903–1913)

С.С. Левошко

Архитектура русских православных храмов и мемориальных сооружений в Китае в настоящее время является относительно разработанной темой по сравнению с другими регионами русского зарубежья. Однако события празднования в 2005 г. столетия Русско-японской войны побудили вновь обратиться к ней. Несмотря на имеющийся определенный опыт историко-художественного исследования храмов-памятников, возведенных Россией в Маньчжурии[1], необходимо отметить, что постоянно актуальной и трудноразрешимой задачей остается атрибутирование построек в Китае, и, в частности, определение авторства проектов. Эта проблема характерна вообще для исследования всего русского зарубежья. Изучение вновь обнаруженных в 2005 г. архивных источников (материалы фонда генерала А.Н. Куропаткина, бывшего командующего русской армией в Маньчжурии во время Русско-японской войны, хранящегося в РГВИА)[2] позволяет продвинуться и в этом направлении.

В качестве вводного замечания уместно остановиться на одной особенности русской архитектуры в Маньчжурии. Начиная с 1900-х гг. там работали десятки отличных специалистов архитектурно-строительного дела. Они получили образование по преимуществу в Санкт-Петербурге и были сразу же командированы на Дальний Восток, где и сделали свою творческую карьеру. Спустя непродолжительное время энергичная архитектурная жизнь Маньчжурии выдвинула своих мастеров первого и второго планов. Но «громких» имен зодчих, признанных уже на рубеже 1900-х

---

[1] *Левошко С.С.* Православные храмы-памятники русским воинам в Китае: идейное содержание и архитектурная символика // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. Вып. 5. С. 415–420; *ее же.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003; *ее же.* Храм Христа Спасителя в Мукдене (Китай) как отражение традиций памяти в православии (доклад на конференции «Религиозная деятельность русского зарубежья» (9–10 ноября 2005 г.) // Режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/texts/Levoshko01.htm; *ее же.* Архитектурные традиции памяти в православии: храмы-памятники павшим воинам на Дальнем Востоке (к 100-летию Русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Макарьевские чтения: Материалы четвертой международной конференции (21–22 ноября 2005 г.). Горно-Алтайск, 2005. С. 263–272; и др.

[2] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1456 (фонд Куропаткина, 1910–1911).

гг. в столичных кругах, Маньчжурия не знала. Пожалуй, самым известным до сих пор является имя А.И. фон Гогена, чья деятельность в качестве архитектора Военного министерства пришлась на 1898 – начало 1900-х гг., в силу чего он был активно вовлечен в проектирование вновь возводимого в эти годы Порт-Артура. Приходится признать, что градостроительная история Порт-Артура русского периода (1898–1904) изучена весьма поверхностно, а многим проектам фон Гогена не суждено было сбыться. Среди зодчих, хотя бы в какой-то мере причастных к Маньчжурии, можно назвать гражданского инженера В.А. Косякова (повторное строительство по его проекту Софийского храма в Харбине гражданским инженером М.М. Осколковым, а также проект церкви Русской духовной миссии в Сеуле с усыпальницей для воинов, погибших на Корейском полуострове в 1904–1905, не реализованы); инженера путей сообщения С.И. Кербедза (курировал градостроительные проекты для Маньчжурии и осуществлял надзор); архитектора Д.А. Крыжановского (проект здания управления КВЖД, 1897, не реализован). Можно вспомнить и В.А. Покровского, хотя указание на его деятельность в Маньчжурии можно найти только в справочнике «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга»[1].

Приведем еще один практически неизвестный факт из архитектурной летописи Маньчжурии. Художник Н.К. Рерих в 1934 г. разработал эскизы двух храмов в период научно-исследовательской экспедиции в Баргу, организованной департаментом земледелия США и им возглавляемой[2]. Это были (по заказу местного прихода поселка Барим) деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского (приблизительно 490 км. к западу от Харбина) и по просьбе архиепископа Нестора – часовня-памятник Николаю II и сербскому королю Александру I при Доме милосердия в Харбине. Они были одобрены правящим архиепископом Мелетием и Нестором, но не реализованы по причине возникшего недоверия к Рериху.

Подчеркну, что с 1920-х гг. в городах Маньчжурии появилось много эмигрировавших из России архитекторов и инженеров, среди которых были довольно известные зодчие, успевшие завоевать признание как в Петербурге, так и в других городах России – А.С. Хренов, А.А. Бернардацци, В.А. Федоров, В.В. Сахаров, А.И. Ярон, П.Ф. Федоровский, В.А. Рассушин, А.К. Левтеев и многие др. Однако в данной работе нас интересует самый ранний период колонизации Маньчжурии.

---

[1] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник / Под ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 248.

[2] Подборка газетных вырезок («Русское слово», «Новое русское слово», «Заря», «Воскресенье», «Свет») // Москва. Международный центр Рерихов. Группа рукописей. Фамильный фонд Рерихов. Временный инв. № 11054.

Имя Л.Н. Бенуа – выдающегося зодчего конца XIX – начала XX в. – пусть в самой незначительной степени, но тоже оказалось связано с Маньчжурией[1]. Исключительно любопытными представляются его дневниковые записи, в которых архитектор высказался относительно строительства Китайско-восточной железной дороги (заметим – на фоне крайне обострившихся политических событий). Известно, что Русско-японская война началась 26 января 1904 г. с вероломного нападения японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре. 4 февраля того же года Леонтий Николаевич записал:

«Встретил <…> В.В. Верещагина, вернувшегося с Востока. Его мнение очень интересно. Он говорит, что Порт-Артур вообще не к черту нам и залезть в Маньчжурию – грубейшая ошибка. Вести дорогу на протяжении тысячи верст полосою по вражеской стране с населением несколько миллионов не может привести к хорошему результату, вызывая вечную борьбу. Стоит отвернуться, как Вас вырежут. Иметь соседом Китай с тысячами верст границами, и если он будет прогрессировать, то вечно будет нас беспокоить. Нам же только одна драка и никакого удовольствия. Рассказывал про Японию, восхищался этой страной, благоустроенною, где в каждую деревню 4 раза в день приходит почта, дороги, прекрасная промышленность. <…>

Провести дорогу, свернув с нашей границы в Манчжурию, по-моему замечанию, дело кабинетное, решенное здесь и, главным образом, Витте. Вместо того, чтобы глядя на карту, огибать границу по Амуру, взял и напрямик срезал к Владивостоку, а от Харбина на Порт-Артур. Сибирская дорога[2] как коммерческое предприятие не выдерживает критики, а потому, чтобы выручать эксплуатацией, устроили Маньчжурскую дорогу[3], создав себе неодолимую вещь, – чтобы держать, надо охранять, а следовательно, и барыши уйдут на это. Мы свое в России распродали, а приобрели в конце света дыру, тратим туда деньги русские, а главное, самое дорогое – русскую жизнь! В выгоде одни американцы, немцы, французы и проч., и то последние, т.е. немцы и французы как удобный путь для коммивояжеров, а американцам – как сбыт товаров, мы же являемся как контрагенты, содержащие и охраняющие дорогу! Предприятие удивительное! Верещагин говорит, что надо отдать и сидеть у себя, устроив Владивосток в совершенстве – с ледорезами и проч. Теперь, конечно, это труднее сделать, все из-за престижа, понятно, не раз русским удастся побить японцев, необходимо все это отдать за выгодную сумму тому же Китаю и уйти из этой Азиатской клоаки. Разве могут китайцы примириться, что русские сидят в Мукдене – городе гробниц китайских императоров – священный город. Что стоит один Дальний[4]! Вообще вся эта фантазия, стоящая несметные деньги, энергии, знания и проч. – употребить бы в самой России, усилить центр, построить дороги, мосты, наладить низшее образование в народе, дать всему окрепнуть. Никогда желтая раса не может быть

---

[1] Подробнее см.: *Левошко С.С.* Леонтий Бенуа и его время. СПб., 2008. С. 236–249.

[2] Великая сибирская железная дорога строилась в конце XIX – начале XX в.

[3] Китайско-восточная железная дорога (КВЖД), Южно-маньчжурская железная дорога (ЮМЖД).

[4] Город Дальний был основан русскими на территории, полученной Россией на правах концессии от Китая по конвенции 1898 г. Ныне город Далянь в КНР.

опасною Европе. Это жупел – пугало, которого нельзя бояться и оно не страшно. <…> Право, если бы сидели дома, работали сильно и умело, не продавали бы свои богатства иностранцам, мы сделались бы действительно колоссом, сильными. Теперь разбросались, нутро свое кинули, на все свое плюем и только и указываем, что вот, мол, там хорошо, надо взять, и туда пойдем, а для чего, сами не знаем, и в результате попадаем в руки гешефт-махеров[1] и проматываем свое родное достояние! Нам говорят, что мы сидим на богатствах, а сами ничего не делаем – видно, время не пришло, если не мы, то наши дети-внуки будут делать и разрабатывать, а что же мы им ответим – свое распроданное, разоренное, а на окраинах вражду и яму, куда будут продолжать сливать остатки внутреннего благосостояния! Это называется – политика, хозяйство! Страшно, что на себя берут правители!»[2]

Безусловный авторитет и любовь воспитанников к своему педагогу заставляла молодых архитекторов, находившихся даже в самых удаленных местах Российской империи, обращаться к нему за советом и поддержкой. В этом отношении интересно письмо, посланное Бенуа К.Х. Денисовым из Харбина 25 декабря 1902 г.[3].

«Многоуважаемый Леонтий Николаевич!

<…> Прежде всего, приношу благодарность за то, чему я от Вас научился; хотя я у Вас был и посредственным учеником, но кое-что перенял, и вот это-то кое-что поставило меня здесь в Харбине на первое место. Через месяц уже весь Харбин говорил, что приехал архитектор-художник, а не такие мазилы инженеры, какие были до сих пор. Теперь только я сообразил, как много значит понимать хоть немного больше окружающих тебя, чтобы казаться среди них видным человеком – звездой первой величины. Вы сами, многоуважаемый Леонтий Николаевич, знаете, какими способностями я обладаю, но благодаря своей усидчивости за полтора месяца успел разработать три фасада по готовым планам: дом Управления дороги, гимназий мужской и женской с интернатами и железнодорожной гостиницы. Мой начальник[4], кроме нового стиля, ничего не признает. В библиотеке моего отдела, кроме увражей в новом стиле, ничего нет. Устроился я недурно. Вознаграждение для меня недурное: до 500 рублей в месяц, готовая квартира, отопление и электрическое освещение. Летом придется заведовать художественной отделкой всех больших построек. Работы у меня достаточно, скучать не приходится. Здесь на линии есть мраморный карьер верст на 15-ть. Предполагаю пустить его на обработку некоторых фасадов. Только одно несчастье – совсем нет каменотесов хороших. Я уже послал Ильяшеву телеграмму, в которой просил его подыскать артель человек до 30 итальянцев для притески из мрамора различных орнаментов, кронштейнов и проч., но ответа до сих пор не получил. Многоуважаемый Леонтий Николаевич, обращаюсь к Вам с просьбой помочь Ильяшеву – указать, где и как он может набрать такую артель: 2-х или 3-х хороших десятников и человек 25 обыкновенных каменщиков из мрамора и облицовочного песчаника. Могу

---

[1] Здесь – дельцы.

[2] Личный архив В.А. Фролова, которому приношу искреннюю благодарность.

[3] Город Харбин основан в 1898 г. в связи с постройкой Россией КВЖД. Ныне – китайский город.

[4] К.К. Иокиш.

предложить десятникам до 150 руб. в месяц, а обыкновенным работникам 75–90, даже до 100 рублей при готовой квартире и проч.

Примите уверения в искренней преданности и уважении Вашего покорного слуги, К. Денисова.

P.S. Если будет какое-либо затруднение, не откажите советом при моей просьбе»[1].

Деятельность Л.Н. Бенуа оказалась связанной с мероприятиями российской комиссии по увековечиванию героев Русско-японской войны, работавшей в Маньчжурии в 1909–1913 гг.

Резонанс от трагических событий Русско-японской войны в России был очень значительным. Имена героев, названия мест сражений, кораблей и т.п., связанные с этой войной, присваивались селениям и геологическим разрезам, улицам и комплексам строений. Так, например, первый в России многоквартирный дом-коммуна в Санкт-Петербурге получил название «Порт-Артур». Из задуманного комплекса подобных домов удалось построить еще один дом с названием «Маньчжурия» (1904). В Императорской Академии художеств студенты-архитекторы разрабатывали курсовой проект «Церковь-памятник в честь воинов, погибших на Дальнем Востоке»[2]. По проекту М.М. Перетятковича в 1910–1911 гг. в северной столице был возведен храм-памятник морякам, погибшим во время Русско-японской войны («Спас на водах»).

Что же касается храмов-памятников, часовен-памятников, памятных крестов и других мемориальных сооружений, то на Дальнем Востоке, в Южно-Уссурийском крае, в Японии их строили десятками, и особенно много таких сооружений появилось в Маньчжурии.

В 1908 г. Николаем II был издан указ о посылке на Дальний Восток на бывшие поля сражений особой Комиссии для обустройства военных кладбищ. Подразумевалось сооружение памятников, достойных совершенных подвигов. С этой целью в Петербурге под председательством великой княгини Ольги Александровны был создан Комитет по увековечиванию памяти русских воинов, павших в войне 1904–1905 гг. Для приведения в исполнение решений Комитета создали особую комиссию, во главе которой был поставлен генерал-майор С.А. Добронравов. Проекты часовен, памятников, оград и крестов делались по заказу Комитета в Петербурге и передавались специалистам для их детальной разработки на мес-

[1] НБА РАХ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1, 2 об. Приношу благодарность С.Б. Алексеевой за указание на этот документ.

[2] Лучшие проекты опубликованы в «Ежегоднике общества архитекторов-художников» за 1912 г. Вып. 7. С. 170–171.

те[1]. В комиссии Добронравова, кроме инженеров-строителей, состоял и опытный гражданский инженер В.К. Вельс, известный первостроитель КВЖД и Харбина, который, вероятно, и занимался детальной разработкой утвержденных эскизов и вел авторский надзор.

О размахе и трудности задуманного предприятия говорят подробные инструкции Комитета, тщательно регламентирующие весь процесс. Первые шаги – натурное обследование и выбор мест для захоронений – были предприняты осенью 1909 г. Все кладбища были разбиты на три разряда. К первому отнесены те, на которых предполагались каменное ограждение, часовни и храмы с памятными досками и мартирологами на камне, сторожки. Кроме тяжелой в психологическом отношении работы по переносу гробов и праха, сложной оказалась и техническая задача по сооружению часовен и их оград, памятных и намогильных крестов, плит и других мемориальных знаков. В 1910 г. в докладе великой княгине Ольге Александровне Добронравов указывал, что многие из 14 эскизов, предоставленных в его распоряжение, оказались непригодными для Маньчжурии: нет исполнителей, умеющих читать чертежи, не налажена доставка множества деталей из России, возникла необходимость отказываться от металлических частей сооружений из-за хищения их местным населением и т.д.[2] По всей вероятности, авторами всех этих эскизных набросков, выполненных в 1909 или 1910 г., являлись архитектор Л.Н. Бенуа, художник Поленов и сам С.А. Добронравов. Однако однозначно можно утверждать авторство лишь тех восьми эскизов, которые были отобраны к возможному исполнению и перечислены в отчете С.А. Добронравовым: это часовня на станции Шахэ и обелиск в Дашичао (Бенуа), монументальный памятный крест на Янзеленском перевале (Поленов), памятники в виде часовен в Вафангоу (Бенуа), Кинчжоу и Тюренчене (Поленов), курган в Гунчжулине и памятный камень в Тьелине (Добронравов)[3]. Если в отношении Бенуа сомнений нет (инициалы отсутствуют, но указывается, что архитектор и профессор), то идентификация художника Поленова условна – лишь предположительно это Василий Дмитриевич. Предложения Добронравова отличались наиболее полным учетом местных особенностей. Все эскизные наброски были опубликованы в очень мелком масштабе в одной из дальневосточных газет, название которой установить не удалось. В результате же только несколько проектных идей, отобранных комиссией к исполнению, было реализовано.

---

[1] Забытые могилы / Авт.-сост. М.Д. Плахов, В.В. Блонский, В.Н. Петухов. Харбин, 1938. С. 20.
[2] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1456. Л. 5, 6.
[3] Там же. Л. 27.

Установлено, что по эскизу Л.Н. Бенуа был возведен гранитный обелиск с крестом стоимостью в 4900 руб. в Дашичао, его высота составила 26 футов (7,8 м). В его верхней части высечен крест, в середине которого в кругу помещен выполненный в мозаике образ Спасителя. По эскизу Поленова сооружены памятные монументальные кресты на Путиловской сопке и на Русском кладбище в Порт-Артуре (первоначально планировалось строительство только на Янзелинском перевале). Они хорошо сохранились до настоящего времени, а кладбищенский крест в Порт-Артуре стал широко известен на русском Дальнем Востоке, о нем еще пойдет речь. В верхней части креста на Путиловской сопке помещен мозаичный образ Спасителя. Он был выполнен в 1887 г. художником-мозаичистом А.Н. Фроловым, использовавшим голову Христа в терновом венце из композиции «Бичевание» (худ. К.П. Брюллов, П.В. Басин), по которой была создана мозаика для Исаакиевского собора[1]. Вероятно, были реализованы еще какие-то проекты Бенуа и Поленова, но пока это остается не выявленным.

Проекты Добронравова (пирамидальный курган из гранитных валунов с венчающим их крестом и камень-памятник по типу санкт-петербургского «гром-камня») стали, как говорится, типовыми. Они реализованы многократно с небольшими видоизменениями и разными эпитафиями (на станции Телиссу [Вафангоу], Годзядань, на станции Ляоян, в Тюренчене, Гунчжулине, Кинчжоу [ныне Цзиньчжоу], на горе Каюян). Ряд из них сохранился по сегодняшний день.

Реализация каждого проекта была сопряжена, с одной стороны, с огромной перепиской по поводу командирования специалистов, получением из России чертежей, эскизов, церковной утвари и книг, а с другой – с необходимостью подробнейших докладов-отчетов председательнице княгине Ольге Александровне для получения санкций Комитета, отстоящего на тысячи километров[2]. Сумма, выделенная на увековечивание памяти защитников родины, была сравнительно небольшой, по поводу чего епископ Пекинской духовной миссии Иннокентий высказывал недоумение.

К сожалению, сравнение с памятниками, возведенными японцами на русских могилах в Порт-Артуре и Корее, оказалось явно не в пользу России. Осознание этого факта было волнующе-неприятным для государственных чинов. Военный министр В.А. Сухомлинов, а также член комитета А.И. Гучков при встрече с Добронравовым обсуждали пути обеспечения условий для возведения достойных памяти павших сооружений. В связи с этим Добронравов обратился к императору с просьбой выделить больше средств, чем ему первоначально отводилось, чтобы «…устанавливать [па-

[1] См.: *Фролов В.А.* Петербургская мозаика. СПб., 2006. С. 14.
[2] Забытые могилы. Указ. изд. С. 22.

мятники. – *С.Л.*] более изящными и величественными, чем те, которые были предложены в прошлом году…»[1] В результате казна затратила свыше 30000 золотых рублей, в том числе пожертвования были сделаны Николаем II и другими представителями царской фамилии. Работа комиссии Добронравова продолжалась четыре года, вплоть до начала 1914, но не была закончена полностью.

Надо отметить, что и до деятельности государственной комиссии в Китае по инициативе местного военного и гражданского населения были сооружены несколько мемориальных храмов в честь павших русских воинов – например, в городах Тяньцзине и Харбине. К этому же, «неофициальному» периоду, относится группа церквей-школ железнодорожных поселков КВЖД, в которых после событий Русско-японской войны разместились церковные, документальные и вещественные памятные объекты.

Это Спасо-Преображенская церковь в Хайларе (1902), Введенская церковь-школа в Ханьдаохецзы (1903), церковь Серафима Саровского в городе Маньчжурия (1903), церковь Святой мученицы царицы Александры на станции Бухэду и др. Все же больше всего памятных сооружений событиям Русско-японской войны было построено в результате целенаправленной деятельности комиссии Добронравова. Всего за этот период было возведено 18 воинских мемориалов в 16 пунктах[2].

В Порт-Артуре в 1912 г. на русском воинском кладбище, основанном еще до войны, была возведена часовня-памятник во имя Святого Равноапостольного князя Владимира. Автор проекта неизвестен. Возможно, это был инженер В.К. Вельс или Ю.П. Жданов. Порт-Артурское кладбище стало самым важным и большим мемориалом Русско-японской войны в Китае. Туда после капитуляции крепости по распоряжению японских властей с временных кладбищ было перезахоронен 14631 защитник города. Возведенная на месте исторического события часовня была призвана, как это принято в православной традиции, фиксировать фактом своего существования мемориальность места. Рациональный, прямоугольный в плане объем (здесь же находилась сторожка и жилище смотрителя кладбища) венчала луковичная главка, в шипцовом аттике над южным входом помещался мозаичный образ Богоматери, под которым находилась надпись: «Покой, Господи, души усопших раб твоих».

В часовне находилась символическая модель Голгофы, две хоругви, три высокохудожественных серебряных венка и несколько металлических, возложенных в разное время на могилы воинов их благодарными соотечественниками, в том числе «чудной работы» серебряные венки от

---

[1] В 1910 г.

[2] *Коваль А.И.* Воинские мемориалы России русско-японской войны 1904–1905 гг. в Китае // Третьи Елагинские чтения. СПб., 2005. *В печати.*

императора и императрицы[1]. Голгофа напоминала о жертве Христа, совершенной во искупление человеческих грехов, чему уподоблялся подвиг русских воинов во имя православной Веры, Царя и Отечества. Кроме этого, здесь хранилась шинель адмирала С.О. Макарова, что свидетельствовало еще и о музейной функции часовни-памятника – характерного признака всех храмов-памятников.

Мемориальную функцию величественного шестиметрового беломраморного креста-монумента на кладбище в Порт-Артуре, возведенного в 1912 г. по эскизу художника Поленова, усиливала надпись на западной стороне креста, где были перечислены все войсковые сухопутные части гарнизона крепости, принимавшие участие в его обороне[2]. Восточная сторона креста-монумента украшена мозаичной иконой Св. Николая Чудотворца с памятной надписью: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество, 1904 г.» и словами Иоанна Златоуста: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Крест-монумент, расположенный на круглой площадке, венчает насыпной холм, который находится по оси входа. Это – композиционная доминанта кладбища.

Русское кладбище города Дальнего появилось еще до Русско-японской войны в версте от города по дороге к курорту Рокотан у Желтого моря. Располагалось оно на фоне красивого природного ландшафта, в ущелье среди гор. Для размещения кладбищенской часовни был выбран утес, окаймленный полуамфитеатром гор, по спускающимся пяти террасам которых располагались могилы. Подножие утеса кольцом опоясывала дорога, к сооружению вели две лестницы: крутая и узкая – со стороны церковной усадьбы, и пологая и широкая – со стороны кладбища. Небольшой объем часовни, построенной в русском стиле, представлял собой восьмерик, перекрытый шатром, увенчанным луковичной главкой с полицей. Автор проекта не установлен, и в данном случае трудно даже сделать предположение.

Комиссия генерала Добронравова ограничилась восстановлением часовни (одновременно с кладбищем) в 1912 г., о чем свидетельствует надпись на скале около внутренних ворот[3]. Внутри здание было окрашено белой краской, у восточной стены располагался большой крест с распятием, а по бокам образа святых – Девы Марии и Апостола Иоанна[4]. К сожалению, это единственные обнаруженные данные об интерьере, оставшемся после восстановительных работ. Часовня первый раз была расширена

---

[1] Забытые могилы. Указ. изд. С. 36.
[2] Книга о Порт-Артуре. Дайрен, 1940. С. 149.
[3] Забытые могилы. Указ. изд. С. 41.
[4] Китайский благовестник. 1914. Вып. 5–6. С. 35.

приделом в 1927 г., а затем – в середине 1930-х. Храм-памятник освятили во имя Св. Архангела Михаила[1]. Архитектура пристраиваемых объемов выдерживалась в первоначальном стилевом ключе, и сооружение не утратило своей целостности.

Храм-памятник во имя Христа Спасителя на большом воинском кладбище в Мукдене стал венцом всей строительной деятельности комиссии по увековечиванию памяти погибших в Русско-японской войне. Церковь заложили 8 сентября 1911 г. посередине кладбища, расположенного к северо-востоку от вокзала Южно-маньчжурской железной дороги. На закладке храма присутствовали начальник Заамурского округа генерал-лейтенант Мартынов, управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, представители русского посланника в Пекине Б.П. Пелехин и российского генерального консула в Мукдене С.А. Колоколов.

Идея проекта храма принадлежала великому князю Петру Николаевичу, на что указывалось в докладе Добронравова, реализацией же его в натуре занимался опытный гражданский инженер КВЖД Ю.П. Жданов, приглашенный по рекомендации Хорвата. Строительство храма было завершено в 1912 г., но еще и в 1914 он не был освящен[2]. Позже на средства харбинского коммерсанта И.Ф. Чистякова сооружена звонница с семью колоколами в северной части кладбища. За оградой устроен церковный дом со сторожкой и хозяйственными сооружениями.

Художественный образ мукденского храма-памятника определяется своеобразной символикой его архитектуры. Храм-памятник Христа Спасителя в Мукдене представляет собой восьмигранный центричный объем из красного японского кирпича, облицованный тесаным штучным гранитом, на мощном цоколе. Он увенчан главой в виде стройного шлема на граненом трибуне с крестом, кровля храма – в виде «мягко свисающей» на грани восьмерика чешуйчатой «кольчуги», – все вместе создает запоминающийся яркий художественный образ – образ воина-богатыря, русского витязя. Тема древнерусского воинского одеяния – шлема, кольчуги, доспехов – пронизывает всю художественную структуру храма – от архитектурных форм до декоративных деталей, о чем свидетельствуют 20 фотографий экстерьера и интерьера храма, обнаруженные в архиве Института истории материальной культуры (ИИМК РАН). Фотоснимки сделаны единовременно и составляют комплект, специально подготовленный для представления в Комитет. Используя этот источник и описание проек-

---

[1] Забытые могилы. Указ. изд. С. 41.

[2] Китайский благовестник. 1914. Вып. 9–10. С. 26. Мукденский храм (как и храм в Дайрене) вследствие неканоничности существования церквей вне епископского ведения указом временного Архиерейского Синода русской Православной церкви за границей от 3/16 декабря 1922 г. за № 70 был передан в ведение начальника духовной миссии в Пекине.

та по архивным материалам[1] (хотя не все было воплощено в жизнь), можно составить весьма точное представление об архитектурных особенностях храма.

Четыре более узкие грани восьмерика были украшены двумя ярусами медальонов в виде воинских щитов, в центре которых выгравированы христианские и наградные кресты разнообразной формы (русский, греческий, Георгиевский, Андреевский), а по окружности – памятные надписи. Окна на северном и южном фасадах, апсиде выполнены в виде четырехконечных латинских крестов из толстого корабельного стекла, спаянного металлом. Крест, венчающий главу-шлем, сделан в форме Георгиевского креста – наградного знака солдат и унтер-офицеров Российской армии, а над западным входным приделом высится традиционный восьмиконечный православный крест. Кроме памятника в Мукдене, можно привести и другие примеры реализованных и нереализованных проектов этого своеобразного направления модерна, связанных с деятельностью комиссии Добронравова. Например, памятный знак на кладбище в городе Ляояне был построен в виде колокола из серого гранита, увенчанного мраморным крестом; в виде древнерусского шлема предлагался проектом памятный знак на русском кладбище в Дальнем, в Кинчжоу – в виде башни московского кремля и т.д.

Оригинален иконостас храма, в облике которого также можно увидеть стилизованное древнерусское воинское облачение. Его центральная часть завершается шлемообразной формой, а боковые фланги украшены покрытием-кольчугой и щитами с медальонами. Религиозные сюжеты картин проникнуты воинской тематикой: на царских вратах и стенах размещены святые образы Михаила Архангела и Георгия Победоносца. Все продумано и работает на художественный образ: металлические эмалированные подсвечники, паникадила, металлическая окантовка царских врат, картин и образов с отделкой декоративными заклепками, рисунок бронзовых клиросных решеток, декор с использованием известных форм и символов – Андреевских лент и Георгиевского креста и т.п.

Акты церковной мемориальности в экстерьере и интерьере храма представлены в разных формах. Во-первых, установлением храмовой иконы Спаса Нерукотворного у правого клироса. Во-вторых, словесными средствами выражения – надписями на стенах, над входами, на специальных настенных досках. На мраморной доске, укрепленной под окном-крестом на южном фасаде часовни, выгравировано: «Храм Христа Спасителя сооружен повелением его императорского Величества Государя императора Николая Александровича для увековечения памяти доблестных

[1] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1456. Л. 32, 33.

воинов, положивших жизнь свою за Веру, Царя и Отечество в Русско-Японскую войну 1904–1905 г.» Пять больших темно-бронзовых досок с перечислением войсковых частей русской армии, участвовавших в боях под Ляояном, на реке Шахэ, под Тюренченом, Сандепу и Мукденом, расположены в интерьере по обеим сторонам окон-крестов на южной и северной стенах. Еще одна мемориальная форма – мартиролог на камне – представлял сведения об общих потерях за Царя и Отечество в этих операциях. В-третьих, памятные надписи делались не только на частях здания, крупных формах и деталях, но и на предметах церковной утвари, образах, крестах малых форм. На храмовой иконе памятная надпись: «Сия икона Спаса Нерукотворного сооружена в храм Христа Спасителя в г. Мукдене на русскую братскую могилу в память доблестных воинов, положивших жизнь свою за Веру, Царя и Отечество в войну 1904–1905 г.»[1] На копии иконы Казанской Божьей Матери, пожертвованной императором и установленной в алтаре, тоже имелась надпись: «Благословление Его императорского величества». В храме хранились два серебряных венка, возложенных в свое время на братскую могилу защитников Порт-Артура от Российских императорских армии и флота, а затем перенесенные в храм[2].

Мукденский храм составлял единое целое с кладбищем, которое на 1911 г. (и по крайней мере по 1928 г.) являлось центральным в Маньчжурии[3]. Там покоилось около 60 тысяч погибших русских[4].

Трагические для России события 1904–1905 гг. были увековечены на Маньчжурской земле традиционным для православия способом: строительством храмов-памятников, часовен-памятников, монументальных крестов и других мемориальных сооружений. Все храмы-памятники составляли единое целое с крестами-монументами, надмогильными плитами, поминальными крестами, памятными камнями, ландшафтным окружением и представляли собой военные мемориалы.

Трагические события Русско-японской войны, которые потрясли всю Россию, не оставили равнодушным и петербургского архитектора Леонтия Николаевича Бенуа. Это отразилось и в его дневниковых записях, и в проектах мемориальных сооружений для Маньчжурии.

---

[1] Забытые могилы. Указ. изд. С. 39.
[2] Там же. С. 40.
[3] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1456. Л. 15.
[4] Забытые могилы. Указ. изд. С. 38. Эту цифру, по мнению публикатора, надо считать сильно преувеличенной.

Биографические справки

Вельс Валентин Карлович (1873–1933) – гражданский инженер. Выпускник ПИГИ, 1897. Один из первостроителей Харбина (с 1898). Автор оригинальной технологии ускоренного жилья. Изучал национально-китайские традиции. Автор крупных построек в Харбине, в т.ч., школы Пу-юй (1927) в китайском стиле.

Денисов Константин Хрисанфович (1873 – после 1920-х) – архитектор-художник, выпускник ИАХ, 1896. Ученик Л.Н. Бенуа. Был командирован для работы в Харбин (1902–1908?). Автор ряда значительных построек Нового города. Работал в Калуге (1911), Царском селе (1912), Гурзуфе (1918–1920). В 1920-х эмигрировал в Париж, где занимался архитектурной деятельностью.

Жданов Юлий Петрович (1877–1940) – выпускник Петербургского института гражданских инженеров (ПИГИ), 1903. Гражданский инженер КВЖД. Жил и работал в Харбине и других городах Китая с 1903 по 1940 гг. Один из наиболее известных русских зодчих Китая.

Иокиш Константин Карлович (2-я пол. XIX – 1-я треть XX в.) – гражданский инженер. Начальник технического управления КВЖД в начальный период возведения Нового города Харбина.

Кербедз Станислав Ипполитович (1844–1906) – инженер путей сообщения. Член совета министерства путей сообщения. Председатель правления общества Владикавказской железной дороги, вице-председатель правления общества КВЖД (1896–1903).

Крыжановский Дмитрий Андреевич (1847–1942) – архитектор-художник. Выпускник АХ (1896). Городской архитектор; секретарь комитета общества взаимопомощи русских художников. Член правления, старшина ПОА (1907–1917). Председатель совета общества архитектурных знаний. Гласный городской думы. Председатель правления Петроградского-Ленинградского общества архитекторов (до 1933), член правления ЛОССА (с 1933).

Левтеев Алексей Клементьевич (1868–1925) – гражданский инженер. Выпускник петербургского института гражданских инженеров (1893). Инженер Уссурийской железной дороги (1894, 1896). Основатель и первостроитель Харбина (1898–1901). Городской архитектор Хабаровска (с 1912).

Осколков Михаил Матвеевич (1872 – после 1944) – военный инженер. Выпускник Николаевской инженерной академии, 1904. На Дальнем Востоке с 1904; городской инженер в Хабаровске, эмигрировал в 1918 г. в Маньчжурию (Харбин). Городской инженер в Харбинском городском самоуправлении (1921–1937); преподавал в Северо-Маньчжурском университете. Председатель Общества русских инженеров в Маньчжоу-Го.

Петр Николаевич (1864–1931) – великий князь, генерал-инспектор по инженерной части (1904–1909), генерал-лейтенант (1908), после 1917 г. эмигрировал.

Рассушин Владимир Александрович (1858–1934) – гражданский инженер. Выпускник петербургского института гражданских инженеров, 1886. Городской архитектор Иркутска (1886–1894). Видный общественный деятель. После революции эмигрировал в Маньчжурию. Городской архитектор Харбина (1922–1932).

Сахаров Владимир Васильевич (1860–1904). Выпускник Николаевской военной академии, 1896. Военный инженер. Руководитель строительством порта во Владивостоке (1896–1898). Главный строитель и градоначальник г. Дальнего. Погиб при осаде Порт-Артура.

Федоров Владимир Александрович (1880-е – позже 1936) – гражданский инженер, выпускник петербургского института гражданских инженеров, 1904. Соавтор жилого комплекса «Гаванский рабочий городок» в Санкт-Петербурге. Инженер строительного отделения Приморского областного Правления, работал во Владивостоке до 1916 г. Эмигрировал в Китай (Харбин, Шанхай). Член Технического Совета строительства собора Божьей Матери в Шанхае (1936).

Федоровский Петр Федорович (1864–1944) – архитектор-художник, выпускник АХ. Работал в городах Сибири, учредитель политехнического института во Владивостоке. В эмиграции с 1922 г. Преподавал в Харбинском политехническом институте, в художественной студии «Лотос».

Хренов Александр Сергеевич (1860–1926) – архитектор-художник, художник-акварелист, член Технико-строительного комитета Министерства внутренних дел, гласный Городской думы (1910-е). В 1919 г. эмигрировал в Китай, жил и работал в Харбине, затем Шанхае. Работал в Чикаго. С 1925 г. жил в Париже.

Ярон Александр Иванович (1874–1935) – выпускник Николаевской инженерной академии (1900). Военный инженер. С 1900 по 1918 гг. работал в Ревеле (Таллине). Перед эмиграцией работал во Владивостоке (1919–1922). Автор крупных построек в Шанхае (1922–1935) и др. городах Китая.

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ АВТОГРАФОВ Р.Ф. УНГЕРНА ФОН ШТЕРНБЕРГА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА)[1]

И.А. Дябкин

(Предисловие, публикация, подготовка текста и примечания)

«Даурский разбойник», «обер-хунхуз», «маньчжурский Соловей-разбойник», «черный барон», «кровавый барон», «бог войны», «буддист с мечом», «воинствующий Будда», «рыцарь белой веры», «белый рыцарь Тибета», «воин Шамбалы» и т.д. – столь разными именами был награжден в народном и литературном сознании легендарный барон Унгерн (Роман Федорович Унгерн фон Штернберг; 16.12.1885 – 15.09.1921). В этом образе ярко воплотилась тенденция к мифологизации исторических процессов и личностей, в эти процессы втянутых.

Термин «дальневосточная унгерниана» неслучайно прочно закрепился в современной гуманитарной науке за целым потоком исторической, научно-популярной, мемуарной и художественной литературы, посвященной барону Унгерну фон Штернбергу. Легендарная личность барона Унгерна, его жизненный путь, военные подвиги, мировоззрение, религиозные взгляды и по сей день продолжают оставаться объектом пристального внимания писателей, поэтов, критиков, исследователей. Мифологическая интерпретация судьбы барона Унгерна присуща как произведениям эмигрантских и советских писателей и поэтов[2], так и воспоминаниям и мемуарам тех людей, которые знали его не понаслышке, а служили в его отрядах и лично столкнулись с безумствами «черного барона». Сре-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Амурского государственного университета в рамках выполнения исследовательского проекта «Неомифологизм как религиозно-философский феномен в культуре дальневосточной эмиграции». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Советом по грантам Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта МК–6409.2010.6 «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)».

[2] Об этом: *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Неомифологические тенденции в раннем творчестве Арсения Несмелова // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Благовещенск, 2009. С. 39–48; *Дябкин И.А.* Мифологизация истории в творчестве Арсения Несмелова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 426–433; *Дябкин И.А.* Дальневосточные мифологемы гражданской войны: герои и образы // Лосевские чтения–2010: Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. 3. Благовещенск, 2010. С. 66–75; *Дябкин И.А.* Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (На материале дальневосточного фольклора 20–30 гг. XX в.) // Лосевские чтения–2011: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2011. С. 189–200.

ди поэтов и писателей русского зарубежья, обращавшихся к образу «кровавого барона» в своем творчестве, стоит упомянуть имена Арсения Несмелова («Баллада о Даурском бароне»)[1], Альфреда Хейдока («Безумие желтых пустынь»)[2], Бориса Волкова («В царстве золотых Будд»)[3], Марианны Колосовой («Не в этом ли году?»)[4], Павла Северного («Бронзовые боги», «Ледяной смех»)[5], Фридриха Горенштейна («Под знаком тибетской свастики», «Унгерн»)[6].

Легендарный барон стал главным героем (или одним из персонажей) произведений многих советских и современных российских авторов: Ивана Новокшонова («Потомок Чингисхана»)[7], Сергея Маркова («Рыжий Будда»)[8], Константина Седых («Даурия)[9], Льва Прозорова («Юбилей»)[10], Сергея Кутолина («Хроника частной жизни»)[11] и других.

Барону Унгерну фон Штернбергу посвящен целый ряд мемуарных текстов тех людей, кто служил в его армиях, либо волею судьбы оказался свидетелем его жестокостей. Укажем, например, на воспоминания Бориса Волкова[12], Владимира Кислицына[13], Николая Князева[14], Александра Ма-

---

[1] *Несмелов А.* Баллада о Даурском бароне // *Несмелов А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 42–43. Впервые опубл.: Сибирские огни. 1927. № 5. С. 48.

[2] *Хейдок А.* Безумие желтых пустынь: Рассказ // *Хейдок А.П.* Звезды Маньчжурии. Владивосток, 2011. С. 32–41. Впервые опубл.: Рубеж. 1930. № 18.

[3] Роман не опубликован, были напечатаны только отдельные главы из этого произведения. См.: *Волков Б.* Потомок Чингисхана. Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935. С. 35–52.

[4] *Колосова М.* Не в этом ли году?: Стих. // *Колосова М.* Господи, спаси Россию! Харбин, 1930. С. 37.

[5] Повесть не опубликована, был напечатан только отрывок из этого произведения. См.: *Северный П.* Молитва серых лам. Понедельник. 1930. № 1; *Северный П.* Ледяной смех: Роман. М., 2007. 399 с.

[6] *Горенштейн Ф.* Под знаком тибетской свастики. Записки белоказачьего офицера: Кинороман. Н-Й., 1997. 210 с.; *Горенштейн Ф.* Унгерн: Киносценарий // Искусство кино. 2002. № 11. С. 127–157; Искусство кино. 2002. № 12.

[7] *Новокшонов И.* Потомок Чингисхана: Повесть. М., 1966. 196 с. Впервые опубл.: Ангара. 1965. № 3. Считается, что первый вариант повести был написан в 1920-х гг., второй вариант – в 1937 г. По другим данным, работа над повестью продолжалась с 1926 по 1933 гг. В 1928 г. режиссер В. Пудовкин по мотивам повести поставил одноименный фильм.

[8] *Марков С.* Рыжий Будда: Роман. М., 1992. 155 с. Произведение было написано в 1930-е гг., однако впервые опубликовано только в 1989 г. на страницах журнала «Сибирские огни».

[9] *Седых К.* Даурия: Роман. Благовещенск, 1951. 840 с.

[10] *Прозоров Л.* Юбилей: Рассказ // Священная война: Сборник. М., 2008. С. 63–64.

[11] *Кутолин С.* Хроника частной жизни: Опыт рефлексии в романе. Новосибирск, 1998. 220 с.

[12] *Волков Б.* В осажденной Урге (Впечатления очевидца). Впервые опубл. под псевдонимом «Случайный»: Русское обозрение. 1921. № 5. С. 148–199; см. также: Соколов Б. Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2010. С. 317–444.

[13] *Кислицын В.* В огне Гражданской войны: Мемуары. Харбин, 1936.

[14] *Князев Н.* Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / Сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004. 211 с. Отрывки из воспоминаний Н. Князева впервые опубл.: Луч Азии. 1934. №№ 2, 3.

кеева[1], Фердинанда Оссендовского[2], Дмитрия Першина[3], Николая Рериха[4], Григория Семенова[5], Ивана Серебренникова[6], Владимира Щайдицкого[7].

При этом авторы художественных текстов и воспоминаний – современники Унгерна и участники тех событий – не только продолжили тенденцию создания социокультурных мифологем вокруг образа легендарного барона, но и сами оказались втянутыми в этот процесс. Ярким примером может служить личность дальневосточного писателя-эмигранта Б. Волкова, ставшего, по справедливому замечанию исследователей, «главным обличителем» Унгерна. С «кровавым бароном» писатель был знаком лично, ему выпал тяжелый случай стать очевидцем произошедших в Урге драматических событий, вызванных жестокими действиями барона Унгерна. Волков оказался на территории Китая в 1917 г.: после подавления антибольшевистского восстания в Иркутске он эмигрировал в Маньчжурию, а с 1919 г. был представителем Омского правительства в Урге, откуда бежал в 1921 г.[8], скрываясь от преследований Унгерна, приговорившего его к смертной казни. Волков был ярым противником идеи панмонголизма, более того, увиденные им кровавые распри, совершаемые бароном Унгерном, послужили первопричиной отрицания автором деспотизма и «атаманщины». Отдельные фрагменты воспоминаний об Унгерне были опубликованы Волковым в харбинских газетах еще при жизни Унгерна в 1921 г. Скрываясь за вымышленными именами, писатель открыто высказывал свою неприязнь к начальнику «Дикой дивизии», не боясь оказаться распознанным[9]. Мемуары Бориса Волкова проникнуты ненавистью

---

[1] *Макеев А.С.* Бог войны барон Унгерн // Белая эмиграция в Китае и Монголии / Сост. С.В. Волков. М., 2005. С. 34–102. Впервые опубл.: *Макеев А.* Бог войны – барон Унгерн. Шанхай, 1934. 144 с. Рассказы-воспоминания есаула Макеева печатались также в харбинском журнале «Рубеж».

[2] *Оссендовский Ф.* И люди, и звери, и боги. М., 1994. Впервые опубл.: *Оссендовский Ф.* Люди, звери и боги. Рига, 1925.

[3] *Першин Д.* Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара, 1999. 280 с. Написаны мемуары в 1933 г. в Китае.

[4] *Рерих Н.* Сердце Азии. Н-Й., 1929.

[5] *Семенов Г.* О себе. Воспоминания, мысли, выводы. М., 2002.

[6] *Серебренников И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий 1918–1923. Харбин, 1936.

[7] *Щайдицкий В*. Генерал лейтенант барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг фон Пилькау // Белая эмиграция в Китае и Монголии / Сост. С.В. Волков. М., 2005. С. 102–105. Впервые опубл.: На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963.

[8] Об этом: *Соколов Б.* Барон Унгерн. Черный всадник. Указ. изд. С. 110–137.

[9] В числе вымышленных имен, которыми пользовался Б. Волков, называют следующие псевдонимы: «Случайный», «Ургинский», «Антиунгерновец», «Старый дурак», «Голубев», «Пономарев». Вокруг последнего даже сложилась целая мифология. Создание Б. Волковым личного мифа о «Пономареве» объясняют желанием продать свои «Записки» Гуверскому институту. Об этом: *Соколов Б.* Барон Унгерн. Черный всадник. Указ. изд. С. 414.

к идеям «сумасшедшего барона» и изобилуют натуралистическими подробностями в описании его действий[1].

Словно проецируя жизненные обстоятельства Бориса Волкова на творческий путь Арсения Несмелова – автора стихотворения «Даурская ночь» и знаменитой «Баллады о даурском бароне» – некоторые современные исследователи приписывают и этому харбинскому автору личное знакомство с Унгерном[2]. Сам Несмелов не упоминал о своих встречах с «диким бароном». Документальных свидетельств того, что А.И. Несмелов (тогда еще Митропольский) был в ставке Унгерна на ст. Даурия, тоже нет. Вопрос о личных контактах поэта с бароном остается открытым. Поэтому утверждение биографических основ несмеловской «Баллады» есть не что иное, как прямой результат попыток выдавать желаемое за действительное и создание очередных мифов. Более правдоподобным представляется суждение Е.В. Витковского и других исследователей о том, что в создании своей «Баллады» Несмелов руководствовался не обстоятельствами личного опыта, а разнообразными мифами и легендами о «даурском бароне», активно распространявшимися в периодических изданиях. Как пишет Е.В. Витковский, «легенда о том, как Унгерн вместе с любимым вороном появляется в песках пустыни Гоби как призрак, возникла в эмигрантской печати в 1924 году»[3].

Мемуары участников отрядов Унгерна фон Штернберга, созданные уже после его казни, хотя и представляют собой историческую ценность, но все-таки являются текстами, построенными на сопряжении документального воспроизведения исторических событий и их мифологического осмысления. С одной стороны, это объясняется спецификой жанра, с другой, мифологизацией истории как одной из категориальных основ человеческой ментальности.

Иначе говоря, в опубликованных художественных и мемуарных источниках, а также в отдельных научных работах можно заметить разнородные сведения и противоречивые суждения об этом видном деятеле Белого движения на Дальнем Востоке. В ряде случаев авторы мемуаров и биографий Унгерна, опираясь на архивный материал, в других – на собст-

---

[1] *Случайный.* В осажденной Урге (Впечатления очевидца) // Русское обозрение. 1921. № 5. С. 148–199; *Ургинский*. К событиям в Монголии // Русское обозрение. 1921. № 6. Об этом: *Соколов Б.* Барон Унгерн. Черный всадник. Указ. изд. Под псевдонимом «Н. Н» Б. Волков печатался в харбинской газете «Новости жизни». Об этом: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2001. С. 78.

[2] *Семенова Е.* Бояны Белого Креста // Белый стан: [сайт] – URL: http://belyi-stan.narod.ru/index.files/nes.htm.

[3] *Витковский Е., Мэн Ли*. Комментарии // *Несмелов А*. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Указ. изд. С. 514.

венный опыт службы в маньчжурских отрядах барона, так или иначе, способствовали рождению социокультурных, политических или же личностных мифов о бароне Унгерне.

Немаловажным обстоятельством, во многом способствующем расцвету мифологии вокруг образа барона Унгерна, стало отсутствие широкого доступа к документам и автографам[1] Р.Ф. Унгерна фон Штернберга, которые оказались в составе многих архивных фондов и частных коллекций. Так, одно из писем барона к П.П. Малиновскому, копия с которого была снята в 1920-е гг. писателем-эмигрантом И. Серебренниковым, попала на хранение в ГАРФ[2]. Этот пример является лишь небольшой иллюстрацией масштабного процесса подобного «рассеяния» личных материалов представителей дальневосточной ветви русской эмиграции. Однако государственные архивы и библиотеки, куда поступили материалы о белой армии, в советское время были закрыты для исследователей. Трагично сложились судьбы и самих эмигрантов: одни скоропостижно ушли из жизни, подвергшись политическим репрессиям, другие – рассеялись по миру, вынужденные скрываться от преследований. «Закрытость» архивов значительно затрудняла процесс научного поиска, поэтому биографические сведения о знаменитом Унгерне основывались в большей степени на мифах и легендах, сложенных еще в 1920–1930-е гг. Более того, жизненные подвиги барона на долгое время были забыты, а развитию исследовательского интереса к его личности в те годы препятствовал партийный циркуляр.

Только в 1990-е гг. стали доступны архивные собрания и фонды о белой эмиграции. В 1992 г. образовываются ГАРФ и РГВА. Именно с этого времени возрастает интерес исследователей к образу «кровавого барона». В исторической, религиоведческой, филологической науке намечается новый поворот: от мифологического постижения образа Унгерна к документальному освещению его жизненного пути, религиозно-философских и политических воззрений. Поэтому обращение современных исследователей к автографам барона становится наиболее актуальным: письма, заметки, черновые записи, приказы, хранящиеся в архивных фондах, становятся богатейшим источником для анализа его сложных мировоззренческих позиций. Автографы барона Унгерна в современных научных монографиях и статьях служат для исследователей первостепенным источником анализа сложных религиозных, философских, политических взглядов.

---

[1] Под термином «автограф» следует понимать не только написанный рукой автора либо напечатанный им на машинке или на компьютере текст, но и совокупность рукописей, черновых набросков, заметок, эпистолярных текстов // *Омилянчук С.П.* Текстология. Конспект лекций. М., 2006.

[2] ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 8 об.

При этом проследить историю публикаций автографов барона Унгерна достаточно сложно. Одна из первых публикаций его писем состоялась еще в 1921 г. в журнале «Народы Дальнего Востока», который отличался ярким обличением унгерновщины, семеновщины и идей панмонголизма на Дальнем Востоке. Так, в четвертом номере этого издания Б. Шумяцкий (уполномоченный НКИД в Сибири и Монголии и член Реввоенсовета 5-й Краснознаменной армии), принимавший участие в допросе Р.Ф. Унгерна 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске, публикует со значительными цензурными сокращениями одно из писем агенту Унгерна в Пекине К. Грегори (от 20 мая 1921 г.). В следующем номере этого журнала выходит статья Сергеева (предполагаемый псевдоним Б. Шумяцкого) «Унгерниада», в которой автор полностью воспроизводит одно из писем Р.Ф. Унгерна фон Штернберга Чжан Куню (от 2 марта 1921 г.)[1]. Публикации писем Унгерна Б. Шумяцким были обусловлены идейно-политической конъюнктурой: это был своеобразный акт советской власти против действий «черного барона», а его письма, в свою очередь, были расценены и прокомментированы как иллюстрация гибельных монархических идей, как яркий пример антисоветчины.

Можно предположить, что опыт первых публикаций писем барона был осуществлен и до 1921 г.[2] Отдельные фрагменты писем могли печатать в 1920–1930-е гг. авторы мемуаров об Унгерне в эмигрантском Китае. Так, в одном из периодических изданий за 1929 г. содержится упоминание о том, что в харбинской газете «Копейка» в 5 номерах подряд были опубликованы некоторые фрагменты из «Воспоминаний» атамана Г. Семенова[3], который не просто являлся соратником Унгерна по идейно-политическим взглядам, но и активно поддерживал с ним переписку (отдельные письма из которой представлены в настоящей публикации). Вполне возможно, что Семенов в этих воспоминаниях обращался к эпистолярным текстам своего единомышленника и комментировал его идеи.

В настоящее время автографы барона Р.Ф. Унгерн фон Штернберга находятся в составе фонда «Управление Азиатского Конного корпуса (бывшая отдельная конная туземная бригада, Туземная, Азиатская, Инородческая конные дивизии)» в Российском государственном военном архиве. Некоторые письма и заметки Унгерна находятся в составе личных фондов: И.И. Серебренникова в ГАРФ; М. Ивельского, Г. Ларина в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына; Б. Волкова в Гуверском институте войны, революции и мира Стэнфордскорго университета в США.

Далеко не весь корпус документов барона на сегодняшний день собран и обработан. Большая часть его автографов была утеряна, что во мно-

---

[1] *Сергеев.* Унгерниада // Народы Дальнего Востока. 1921. № 5. С. 63–64.

[2] Об этом: *Цыбиков Г.* Дневник поездки в Ургу в 1921 г. // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1991. С. 346.

[3] <*Б.п.*> Другая история: взгляд атамана Г. Семенова // Гун-бао. 1929. 10 июля. С. 3.

гом объясняется личной неприязнью барона ко всяческим «канцелярским» формам. Унгерн, как указывают его биографы, был равнодушен к литературе, сам писать не любил, приказы нередко заставлял составлять по его словам своих же сослуживцев, а иногда и вовсе посторонних людей. Уже упомянутый Б. Волков в письме к переводчице Е. Варнек отмечал: «Унгерн часто писал свои письма на клочках бумаги, не оставляя копий, без ведома начальника штаба. Правилом было, как я уже отмечал в своих записках, через короткий промежуток времени, уничтожать копии бумаг. "Никаких канцелярий", – говорил Унгерн»[1].

Несмотря на это, тексты многих доступных в архивных коллекциях писем «черного барона» уже опубликованы[2] и входят в состав научных и научно-популярных изданий. Наиболее авторитетными исследованиями, посвященными анализу жизненного пути, религиозно-философских взглядов «безумного барона», являются исследования Л. Юзефовича[3], Е. Белова[4], Б. Соколова[5], С. Кузьмина[6], В. Цветкова[7]. Приведенный список исследовательской литературы далеко не полный. С каждым годом научная «унгерниана» пополняется новыми именами, интересными фактами, гипотезами.

Обращаясь к публикациям писем Унгерна, можно столкнуться с рядом текстуальных неточностей. Многие авторы, комментируя определенные вехи жизненного пути барона либо его религиозно-философские, политические воззрения, нередко цитируют лишь отдельные части из писем Унгерна. При этом в ряде случаев анализ отдельных этапов жизненного пути Унгерна на основе приведенных фрагментов из его писем становится понятен только в условиях определенного контекста. Кроме того, в уже имеющихся публикациях автографов Унгерна (за исключением книг Л. Юзефовича и С. Кузьмина) почти полностью отсутствуют указания на архивную локализацию (учреждение, номер фонда), степень сохранности документов и т.п. характеристики. Не обращая внимания на указанные недостатки, отметим, что современные ученые внесли существенный вклад в исследование судьбы легендарного барона на основе анализа его документов.

---

[1] Цит. по: *Соколов Б.* Главный обличитель Унгерна // *Соколов Б.* Барон Унгерн. Черный всадник. Указ. изд. С. 114.

[2] См., например: Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004. 507 с.; *Юзефович Л.* Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 1993. 461 с.

[3] *Юзефович Л.* Самодержец пустыни... Указ. изд.

[4] *Белов Е.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2009.

[5] *Соколов Б.* Барон Унгерн. Черный всадник. Указ. изд.

[6] Барон Унгерн в документах и мемуарах. Указ. изд.

[7] *Цветков В.Ж.* На сопках Монголии. Белое дело барона Унгерна // Родина. 2005. № 1. С. 49–57.

Настоящая подборка автографов барона Унгерна является попыткой внести свой небольшой вклад в развитие научной «унгернианы». Материал для публикации был собран в результате работы в Российском государственном военном архиве: *Ф. 39454 «Управление Азиатского конного корпуса (бывш. отдельная конная туземная бригада, Туземная, Азиатская, Инородческая конные дивизии). Оп. 1. «Письма барона Унгерна (1918, нояб. 1920 – март 1921). Д. 1. Л. 2, 2 об, 8*.

Из 7 эпистолярных текстов, находящихся в указанном фонде, в нашей публикации внимание акцентируется лишь на двух письмах[1] барона Унгерна, адресованных атаману Г.М. Семенову. Эти письма ранее уже были опубликованы С. Кузьминым, правда, со значительными сокращениями. В настоящей публикации тексты писем приводятся в полном объеме. Кроме этих писем, помещаем также новый, ранее неизвестный документ – заметку, которая была обнаружена в одной папке с эпистолярием Унгерна. Этот рукописный текст, наклеенный (по частям) на листы небольшого формата, не подписан, но предположительно его можно атрибутировать барону Унгерну.

Предлагаемый архивный материал не был объектом специального научного изучения, однако он может представлять интерес как для ученых-филологов, так и для специалистов в области истории, религиоведения, социологии, этнографии.

Письмо Р.Ф. Унгерна – Г.М. Семенову[2].
7 апреля 1918 г.

Дорогой Семен[3],

Пожалуйста, прочти мое письмо.

Квартира в Маньчжурии из трех комнат с обстановкой и кухней еле нашлась, взята на имя Дзыно. Адрес сообщу позже. Не болтай только. За

---

[1] Тексты остальных писем были целиком воспроизведены Л. Юзефовичем и С. Кузьминым, а также приведены во фрагментах в работах Б. Соколова, В. Марковчина, Е. Белова и др.

[2] Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – генерал-лейтенант Белой армии, казачий атаман, один из предводителей Белого движения на Дальнем Востоке. В 1921 г. эмигрировал в Китай, где, совместно с бароном Р.Ф. Унгерном, разворачивал активные военные действия против большевиков. Именно Семенов произвел Унгерна в генерал-майоры и способствовал установлению в Даурии диктаторской власти барона. Во многих идейных воззрениях Семенов сходился с Унгерном, но впоследствии они разошлись во взглядах.

[3] Как известно, полное имя атамана Семенова – Григорий Михайлович. Настойчивое употребление Унгерном обращения «*Дорогой Семен*», производного от фамилии генерала, свидетельствует о неформальных (дружеских) отношениях между ним и Главнокомандующим всеми вооруженными силами в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. Очевидно, что Р.Ф. Унгерн воспринимал своего прямого начальника не столько как соратника или единомышленника, сколько как боевого товарища, однополчанина.

французским паспортом послал Спиржуна. Деньги у меня есть. Нужны ли тебе на личные дела?

Посылаю тебе прошения и жалобы золотопромышленников Нерчинского округа для почтения союзным атташе. Надо послать Кабанова туда, его родина, 10 человек и 100 винтовок итальянки ему даю, дай ему автомобиль довести все это и хоть настоящих 100 казаков. Как только он там совдеп разгонит, всего красногвардейцев там 60–70 человек, передаст распорядительную власть Варламову, а военную Зоркальцеву. Деньги отсюда будут. Зато реквизиция немалая, там должно быть много. Помощи из Читы едва ли будет[1].

Опарина отправь с японцем в Таннефу через Цицикар; он перекрыт. Купец в Цицикаре. Взял 2-х, в том числе переводчика паспорта. Деньги, ты говорил, что дал японцу 20.000. Отправляй их, наконец.

Крыжановского[2] надо обождать пока проводник вернется. Эти деньги надо будет дать. Но не раньше 10–14 дней, когда можно отправить. Шароглазов[3] обещает от 100–126 рублей каждому пешему монголу, который нанимается к нему, но это слух. Если это правда, то горе ему. Кабанов вечером у тебя будет, не слушайся, если будет просить много казаков.

Что твоя мага? Не засни ты опять.

Пишу по твоему вопросу. Если они, все эти прихвосты[4], сомневаются в искренности моей веры, то передай им, что я свято и искренне верую в Бога. Бог для меня есть источник чистого разума, высших познаний и Начала всех Начал. Не во вражде и спорах мы должны познавать Его, а в гармонии наших стремлений к Его светоносному источнику. Спор между людьми, как служителями религий, так и сторонниками того или иного культа, не имеет ни смысла, ни оправданий, ибо велика была бы дерзновенность тех, кто осмелился бы утверждать, что только ему открыто точное представление о Боге. Бог – вне доступности познаний и представле-

---

[1] Скорее всего, барон Унгерн подразумевает 1-й Читинский полк, который еще в 1917 г. начал действия против войск красных. Взятие Читы было в планах и у Семенова, в 1918 г. он обосновал в читинской гостинице «Селект» свою резиденцию, но взять Читу собственными силами так и не смог. Об этом: *Юзефович Л.* Самодержец пустыни. Указ. изд. С. 126.
В 1920 г. Унгерн со своей Азиатской конной дивизией планировал поход на Читу в тыл советским войскам, а также на Троицкосавск и Верхнеудинск. Об этом: *Цветков В.Ж.* На сопках Монголии… Указ. изд. С.49–57.

[2] Крыжановский В.В. – военоначальник, участник Белого движения на Дальнем Востоке, участник Ледяного похода. Покончил жизнь самоубийством, не желая сдаваться в плен армии Буденного. Об этом: *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России. Записки белого партизана. М., 2004. 384 с.; *Буденный С.* Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958. 449 с.

[3] Вероятно, один из сослуживцев барона. Герой с такой же фамилией действует в одном из фельетонов об Унгерне некого поэта с псевдонимом «Иван-Царевич». См.: *Иван-Царевич.* Маленький фельетон // Свет. 1920. № 392. С. 3.

[4] Сложно установить, о ком именно выражался подобным образом барон Унгерн. Скорее всего, он имел в виду своих противников, считавших его «палачом» и диктатором Маньчжурии.

ний о Нем человеческого разума. Бога нужно чувствовать сердцем. Споры и столкновения последователей той или иной религии между собой неизбежно должны порождать в массах сомнения в самой сути существования Бога. Божественное начало во Вселенной одно, но различность представлений о Нем породила различные религиозные учения. Руководители этих учений, во имя утверждения веры в Бога, должны создавать умиротворяющее начало в сердцах верующих в Бога людей на основе этически корректных отношений и взаимного уважения собственной веры. Еще раз повторяю: Бога надо чувствовать всем существом своим, всем сердцем. Ибо только так можно приблизиться к Нему.

Твой Унгерн.

Письмо Р.Ф. Унгерна – Г.М. Семенову
27 июня 1918 г.

Дорогой Семен!

Приходится опять писать. Теперь более приятное. Хунхуз[1] Тау-линг, письменные условия которого показывал тебе, наконец, открыл карты. Он сказал, что пока он тут с нами торговался, Мукденская бригада (генерал Танг-Магуй) взбунтовался и ушел от Мукдена к нам[2]. Сейчас они прошли 1500 верст, далее направление Таннефу и т.д. Их всех около 1000 вооруженных, пойти им надо более 1000 верст сухопутом. Срок прибытия в окрестности Даурии 1–2 месяца. Никаких авансов не взял, говорит, что ты наградишь его, как подобает, если их доведет до тебя. Только 1000 руб. всучили на здешние расходы, переводчика и т.д.

Теперь сам не спи. Китайцы примут, наверное, все от них зависящее, чтоб задержать их. Маньчжурские переговорщики когда придут, не задерживай их. Если китайцы пошлют их на Цицикар, они в Цицикаре освободятся и смогут прийти к нам также сухопутом.

Вообще, мое частное мнение, что именно надо стремится, чтобы китайские войска на твоей службе воевали с большевиками, а маньчжуры с Китаем. Комбинация эта должны быть выгодна и для Японии. Завтра дам определенную телеграмму, где и когда можно видеть маньчжурских уполномоченных.

---

[1] Хунхузы (в пер. с кит. «краснобородые») – маньчжурские разбойники, обитающие целыми отрядами в дебрях маньчжурской тайги и осуществляющие массовые набеги на мирных жителей с целью грабежа. Об этом: *Ершов Д.В.* Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М, 2010. 347 с.

[2] Точных сведений о взаимоотношениях Унгерна с мукденским генералом Танг-Магуем нет, поэтому сложно сказать, какое историческое событие в данном случае подразумевает барон. Скорее всего, Унгерн имеет в виду отряды в Мукдене, которые перешли на его сторону перед захватом Урги.

Дауры[1] меня изводят. Они обещали наконец дать 100 конных баргут[2], но говорят, что, так как китайцы тебе не подчиняются, то они будут самостоятельно воевать на Даурии. Главное, столкать их отсюда, а там пускай Шароглазов с ними торгуется. Здесь не смогу их обезоружить: не дают обратно винтовок, а так их меньше не станет и, если я у оставшихся возьму с собой обратно винтовки, то в Маньчжурии со 100 баргутами всегда справится можно.

Под каким-нибудь предлогом верни мне, пожалуйста, Веремеева[3] и японскую банку варенья.

Что это за слухи невероятные распускает про меня пресса? Читал ли про золото в «Новостях дня»?[4]

Преданный Унгерн.

Из заметок Р.Ф. Унгерна [?]
1919 г. Урга

…Бог есть высшая Истина… Вероотступников не понимаю[5]. Только вера способна сохранить и возвысить человеческую душу. Вероотступников надо только казнить. <*нрзб.*>

Только казни и порка помогут создать четко организованную и непобедимую армию, которая своими успехами приблизит Срединное Царство и восстановит святую монархию. И я, в чьих жилах течет кровь Аттилы[6], не верю ни во что другое…

---

[1] Вероятно, Унгерн подразумевает сам народ, проживавший на территории Даурии.

[2] Баргуты – изначально племена, входившие в состав тюркско-телесских племен. Проживали на территории Монголии и Китая. Баргуты, действительно, входили в состав Азиатской конной дивизии Забайкальского Казачьего полка Г.М. Семенова и в конную дивизию Унгерна. Об этом: *Акунов В.* Барон Унгерн – белый бог войны. М., 2010. 369 с.; *Соколов Б.* Барон Унгерн... Указ. изд.

[3] Сослуживец Р.Ф. Унгерна фон Штернберга.

[4] Речь идет о знаменитой истории с «маньчжурским кладом» Унгерна, слухи о котором активно распространялись в харбинской периодике, в том числе, в газете «Новости дня». Издание является библиографической редкостью, поэтому сложно установить, какую именно статью имеет в виду Унгерн. Заметки про «маньчжурское золото» Унгерна можно было встретить также в газете «Свет». См.: <*Б.п.*> Клад черного барона // Свет. 1918. № 420. С. 3; <*Б.п.*> Захват золота Унгерном // Свет. 1920. №434. С. 2; <*Б.п.*> Захваченное бароном Унгерном золото // Свет. 1920. №441. С. 2; <*Б.п.*> Золото разбойника // Свет. 1920. № 435. С. 3.

[5] Несмотря на упомянутую самим Унгерном программу его эстетических и религиозных воззрений, его неприязнь к вероотступничеству и симпатии к православию, сам Унгерн не был последователен в своих религиозных декларациях. Став диктатором Монголии, он окружил себя не только ламами, но и цыганами, буддийскими и даосскими монахами и, как свидетельствуют воспоминания современников, отдавал предпочтение буддизму.

[6] Аттила – завоеватель, вождь гуннов. Унгерн, как отмечают многие историки и исследователи его жизненного пути, всегда отличался фанатичностью и неустойчивостью психики, что и служило главной причиной его тяги к созданию личной мифологизации. Примером такого личного мифа служила идея о том, что он последователь великого Аттилы и в его жилах те-

Мне кажется довольно оригинальным и любопытным, рассказанный мне кем-то, вид казней – сажание на кол, придуманный еще Владом Колосажателем[1]. Ноги жертвы привязать к двум лошадям и насаживать неверных на кол, – так, чтобы смерть не наступила мгновенно. Барон Дракула не заострял концы колов – это позволяло наблюдать агонию жертв. Колья делал высокие, располагал их кругом. Жертв насаживал вверх ногами…

И все-таки барон был великий завоеватель, но не палач, каким описывают его в румынских хрониках, и уж тем более в фольклоре. Он был вождь своего времени. Его боялись, а значит – почитали. И еще он был верующим человеком, иначе не объяснить его манию окружать себя католическими и православными священниками. Всегда, говорят, возил с собой распятие и Библию, в которую свято верил…

чет его кровь. Более того, своей жестокостью в завоеваниях он воплощал в жизни опыт нового повелителя. Мифемой «нового Аттилы» во многом объясняется и его фанатическая идея о воссоздании павших монархий: Великой Монголии в лице Богдо-гэгэна., династии Цин – в Китае, династии Романовых – в России, Гогенцоллернов – в Германии. Об этом: *Соколов Б.* Барон Унгерн... Указ. изд.

[1] Здесь подразумевается знаменитый завоеватель Влад Цепеш Дракула – государь Валахии, впоследствии ставший главным героем румынских легенд и послуживший прототипом образа вампира графа Дракулы в романе Б. Стокера. Народное прозвище «Влад Колосажатель» получил за практиковавшийся им во время войн с турками способ казни – сажания на кол. Известно, что и сам Унгерн практиковал подобный опыт казни. Об этом: *Шайдицкий В.* Генерал лейтенант барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг фон Пилькау. Указ. изд. Вероятно, интерес Унгерна к румынскому фольклору, к мифологии вампиризма и к образу графа Дракулы стал причиной одной из его странных «выходок», заключавшейся в том, что Унгерн на чердаке своего дома держал волков как орудие наказания провинившихся. Об этом: *Кислицын В.В.* В огне гражданской войны. Указ. изд.; *Юзефович Л.* Самодержец пустыни... Указ. изд. С. 136–147.

ДВА ПИСЬМА С.Г. ШАХМАТОВА А.И. МИТРОПОЛЬСКОМУ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА[1]

Г.В. Эфендиева
(Предисловие, публикация, подготовка текста и примечания)

Судьба архива Арсения Несмелова так же злополучна, как судьба самого поэта. Многое из его документов было утрачено, изъято, уничтожено… По большому счету, литературного архива у поэта никогда и не было. Беспокойная военная (а затем – эмигрантская) жизнь мало способствовала собиранию и хранению деловых бумаг, автографов, черновиков, писем и других творческих и биографических материалов.

Из России в Китай в конце мая 1924 г. Несмелов отправился с одним свертком в руке – кое-какая провизия и полсотни тоненьких книжечек – «Уступов», вышедших накануне во Владивостоке[2]. Тяжелое, почти нищенское существование в Харбине, неудачи в семейной жизни, бытовая неустроенность, не говоря уже об аресте смершевцами в августе 1945 г., принудительной депортации в СССР и скоропостижной смерти, – все противоречило необходимым условиям образования личного архива поэта.

Неудивительно, что именного фонда А.И. Несмелова на сегодняшний день не образовалось ни в одном из хранилищ мира. Вместе с тем, некоторые рукописи и письма Несмелова осели в различных редакционных архивах и личных коллекциях друзей и знакомых (П. Балакшина, И. Якушева, Л. Хаиндровой, Е. Васильевой, В. Перелешина, Т. Баженовой, Ю. Крузенштерн-Петерец и др.). Отдельные документы (или их копии) теперь находятся в Музее русской культуры в Сан-Франциско, в рукописном отделе ИМЛИ, в РГВИА, в ГАРФ, в ГАХК. В последнем, например, хранится личное дело А. Несмелова, заведенное в 1930-х гг. в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, – тоненькая пожелтевшая папка (всего 4 анкетных листочка). В других местах хранения можно найти книги поэта (с дарственными надписями), газетные и журнальные публикации его стихотворных и прозаических произведений, разнообразные критические материалы, некоторое количество автографов, а также эпистолярные тексты. Часть обнаруженных исследователями писем (отрывков из них) уже опубликована – это, например, письмо А.И. Несмелова

[1] Публикация подготовлена в рамках выполнения работ по проекту МК–6409.2010.6 «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)».

[2] Об этом см.: *Несмелов А*. Наш тигр // *Несмелов А.И*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Владивосток, 2006. С.680.

И.Н. Голенищеву-Кутузову (от 30 июня 1932 г.)[1], 22 письма из переписки с И.А. Якушевым (за 1929–1932 гг.)[2], 11 писем из переписки с П.П. Балакшиным (за 1936–1937 гг.)[3], 16 писем к Л.Ю. Хаиндровой (за 1938–1943 гг.)[4]. Эти документы представляют собой ценный вклад в исследование жизни и творчества писателя. Однако большая часть эпистолярного наследия Несмелова не только остается не введенной в научный оборот (как, например, переписка с Т.А. Баженовой, хранящаяся в настоящее время в Музее русской культуры в Сан-Франциско)[5], но и попросту не обнаружена. А ведь Арсений Несмелов находился в переписке с М. Цветаевой, Г. Гребенщиковым, М. Слонимом, М. Щербаковым, Я. Ловичем… Очевидно и то, что огромное количество адресатов писем Несмелова (как и отправителей писем к нему) остается нам неизвестным.

Но как бы ни было сокрыто и разбросано архивное (в том числе эпистолярное) наследие Арсения Ивановича Несмелова, источники, характеризующие жизнь и творчество поэта, продолжают выявляться.

Так, в государственном архиве Хабаровского края нами были обнаружены материалы, связанные с перепиской А.И. Несмелова и С.Г. Шахматова[6]. К сожалению, переписка представлена в архиве в неполном и одностороннем виде: всего два письма Шахматова из Шанхая (от 14 октября и 21 ноября 1935 г.), адресованных Митропольскому (Несмелову) в Харбин. Эти письма по неизвестным нам причинам оказались (и остались) в личном деле некого М.В. Щербакова – полного тезки известного шанхайского поэта и писателя, журналиста и редактора Михаила Васильевича Щербакова (1890–1956), имя которого фигурирует в данных письмах Шахматова. Как можно предположить из первого эпистолярного текста, изначально Несмелов обратился с письмом именно к Щербакову (с которым был хорошо знаком еще по Владивостоку), но тот, по каким-то своим соображениям, переручил его «дело» Шахматову – так осенью 1935 г. между Несмеловым и Шахматовым завязалась переписка. Содержание и ме-

---

[1] Письмо А.И. Несмелова И.Н. Голенищеву-Кутузову // Рубеж. 1995. № 2 (864). С. 248.

[2] Переписка А.И. Несмелова с И.А. Якушевым // Рубеж. 1995. № 2 (864). С. 238–248

[3] Из переписки Петра Балакшина с Арсением Несмеловым // Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 65–84.

[4] *Солодкая М.Б.* «Бессмертна вещая созвучность» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) // Четвертые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67. См. также: Из писем Несмелова // *Хаиндрова Л.Ю.* Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 338–342.

[5] В фонде Т. Баженовой хранится также ее переписка с поэтами Б. Буткевичем (Бета), А. Грызовым (Ачаиром), М. Колосовой, Вс. Ивановым, М. Волковой и др. См. опись коллекции Т.А. Баженовой // Электронный архив в Калифорнии: [сайт] – URL: http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/kt4870122g/

[6] Приношу благодарность К.А. Землянской за указание на эти документы и помощь в подготовке писем к печати.

стонахождение писем самого Несмелова, к сожалению, нам неизвестно. Но и эти сохранившиеся два письма Шахматова представляют значительный историко-литературный интерес и являются ценным источником для биографии Арсения Несмелова.

Кто же такой С.Г. Шахматов и чем именно он мог помочь А. Несмелову?

Шахматов Самсон Григорьевич (1897 – после 1959) – поэт, журналист, издатель и редактор. Основатель шанхайского издательства «Феникс» и одноименного литературно-художественного еженедельника[1].

Как видно из писем, публикуемых ниже, до переписки Несмелов и Шахматов не были хорошо знакомы. Нетрудно установить, однако, что оба поэта и журналиста «встречались» на страницах шанхайских изданий: «Врата», «Понедельник». Позднее Несмелов печатался и в шахматовском «Фениксе» (опыт, правда, оказался печальным)[2].

Основное содержание писем Шахматова связано с идеей Несмелова найти в Шанхае работу журналиста и перебраться туда из Харбина.

Напомним, что мысли уехать из Харбина посещали Несмелова еще в самом начале 1930-х гг.[3] К 1935 г. из Харбина постепенно разъехались основные члены «Чураевки» (Н. Петерец, Н. Щеголев, Л. Хаиндрова, Л. Андерсен, В. Слободчиков), из писателей старшего поколения уехал друг А. Несмелова Всеволод Иванов, бывший коллега по работе в «Рупоре» Яков Лович и др.

---

[1] Подробнее см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Странник (Самсон Григорьевич Шахматов) // Забытые имена: История Дальнего Востока России в лицах.Владивосток, 2001.Вып. 2.С. 61–89; *ее же.* «Феникс» восстает из забвения (Страницы жизни и творчества российского эмигранта С.Г. Шахматова) // Новый журнал. 1995. № 201. С. 257–274; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сборник документов / Сост. Е.Н. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994. С. 143.

[2] В «Фениксе» поэт публиковался как под своим основным литературным именем, так и под псевдонимом «А. Бибиков». О сотрудничестве с «Фениксом» А. Несмелов рассказывал в письмах к П. Балакшину: «Мой газетный издатель (Кауфман) запретил мне работать в "Фениксе", и я, чтобы обойти это запрещение, подписал несколько стихотворений девичьей фамилией моей матушки. И напрасно – "Феникс" бессовестнейшим образом обокрал меня» (от 1 марта 1936 г.); «Сейчас работаю над повестью: Рим, первый век. Начальные главы напечатал в шанхайском журнале "Феникс", будь он проклят: обокрали. И кто: фактическим хозяином журнала оказался татарин Алтадуков, издатель газеты "Слово", богатейший человек» (от 15 мая 1936 г.) // Из переписки Петра Балакшина с Арсением Несмеловым. Указ. изд. С. 67, 73.

[3] См., например, письмо А.И. Несмелова И.А. Якушеву от 4 апреля 1930 г.: «Как вы думаете, стоит ехать в Европу? Можно ли, например, найти там работу журналисту? В русских газетах, конечно. Мне на Д.В. ужасно надоело» // Переписка А.И. Несмелова с И.А. Якушевым. Указ. изд. С. 241.

Из писем видно, что С.Г. Шахматов всячески содействовал тому, чтобы Несмелов переехал тогда в Шанхай. Однако этому не суждено было осуществиться…

Близко дружившая с поэтом в те годы Лидия Хаиндрова позднее рассуждала: «Арсений Несмелов не последовал примеру остальных и не уехал из Харбина, задыхавшегося под японским гнетом. Это было роковой ошибкой. В том же Шанхае, этом городе-гиганте, он всегда смог бы найти себе какую-нибудь работу, хотя бы в одной из русских газет.

Теперь я часто задаю себе вопрос: почему он не уехал туда, где были его лучшие друзья, где было больше свободы <…>? Боялся потерять скудный заработок, который имел в газетах "Заря", "Рупор", журнале "Рубеж"? Боялся лишиться возможности время от времени выпускать сборники стихов в доступных типографиях? Боялся расстаться с любимой женщиной? Но большой любви к тому времени у него уже не было. Были увлечения, походившие на любовь. Или имел средства только на то, чтобы как-то существовать, переходить из одного дня в другой?

Думаю, что самая большая беда Несмелова заключалась в том, что у него хватало сил любить Поэзию и быть ее верным паладином, рыцарем, но не хватило сил бросить вызов собственной судьбе и рискнуть так, как рискнули молодые, уезжая в неизвестность и тоже на последние гроши.

<…>

Если бы Несмелов уехал в Шанхай, его творческая и жизненная биографии сложились бы по-иному. Не появились бы стихи "Дозорова", за которые он сам себя в глубине казнил…»[1]

Письма (ответы) Шахматова позволяют выявить и отношение к Несмелову некоторых его собратьев по перу, в частности, Михаила Щербакова, Павла Зайцева, а также многое другое из истории литературной жизни русского Шанхая 1930-х гг.

Предлагаемые письма публикуются по оригиналам, хранящимся в государственном архиве Хабаровского края: *Фонд Р–830 – бывший архив Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Оп. 3. Ед. хр. 55108 (Личное дело Щербакова М.В.). Л. 3–6.*

Тексты печатаются по современной орфографии и пунктуации, но с сохранением значимых особенностей авторского написания и графического оформления.

[1] *Хаиндрова Л.* Арсений Несмелов // *Хаиндрова Л.Ю.* Сердце поэта. Указ. изд. С. 169–170.

14-го октября 1935 г.

Г-ну А.И. Митропольскому,
Харбин.

Милостивый Государь
Арсений Иванович,

Сегодня, наконец, удосужился выслать Вам в счет гонорара шанх <айских> долларов ПЯТНАДЦАТЬ, остальное, Вам причитающееся, переведу в начале ноября.

Теперь хочу поговорить о Вашем письме, которое Щербаков дал мне для ознакомления. Прежде всего, желая во что бы то ни стало быть Вам полезным, я пошел к издателю газеты «Слово», И.М. АЛТАДУКОВУ[1] и просил его устроить Вас. Он мне сказал, что он нуждается сейчас в фельетонисте и просил Вас прислать ему на пробу два фельетона: один в стихах и другой в прозе. Говорит, что он в состоянии печатать по четыре фельетона в неделю. Какую составит это сумму, не могу сказать, но, во всяком случае, советую Вам не брезговать этим предложением, т.к. наряду со Словом, Вы могли бы иметь еще и другую подсобную работу, хотя бы в том же ФЕНИКСЕ[2]. Предупреждаю, что газета СЛОВО[3] – рутина, все сплошь, начиная от издателя и редактора и кончая последним служакой – бюрократы, имеющие такое же понятие в газетном деле, какое имеет в искусстве триолета человек, посвятивший себя изучению сапожного мастерства. Все же думаю, что принять их предложение следовало бы, т.к. для души в Шанхае в этом году можно будет, кажется, найти много и на стороне. Присылайте поскорей материал для пробы и высылайте его на меня.

Между нами говоря, меня несколько удивляет Щербаков: при его положении в настоящее время, он вполне бы мог пригласить Вас в Шанхай, даже не имея ничего заранее, – ни Бог весть как бы Вы его объели. Я говорю Вам это, конечно, строго конфиденциально, передавать этого Щербакову не следовало бы. Я лично поступил бы в отношении своего товарища именно таким образом, т.е. выписал бы его к себе и уже после искал бы работы. Вы будете правы, разумеется, если скажете, что это не мое дело, но как-то трудно все это понять, такие вещи я всегда воспринимаю болезненно.

---

[1] Алтадуков Измаил Муссаевич (1892–?) – издатель, владелец шанхайской ежедневной газеты «Слово». В 1937 г. (после ухода из редации «Слова» П.И. Зайцева) – главный редактор газеты.

[2] «Феникс» – литературно-художественный еженедельник, выходивший в Шанхае в 1935–1936 гг. под редакцией С.Г. Шахматова.

[3] «Слово» – газета, выходившая в Шанхае в 1929–1943 гг. Главными редакторами в разные годы были П.И. Зайцев (1929–1937), И.М. Алтадуков (он же издатель), В.С. Валь (1937–1941).

Крепко жму руку и желаю успеха в делах.

Уважающий Вас С.Ш……

В этом письме я пересылаю Вам квитанцию на получение денежного перевода. Деньги высланы С/О РУПОР[1].

С.Ш.

21-го ноября 1935 года.

Многоуважаемый

Арсений Иванович,

Извиняться не буду, т.к. за такое долгое свинское молчание никакие извинения не могут быть действительными. Постараюсь рассказать Вам, что за это время здесь произошло в отношении Вашего переезда в Шанхай.

Как Вы помните, я кончил свою переписку с Вами на том, что Вы прислали Ваши фельетоны и после этого я Вам больше не писал. Из моих разговоров с П.И. ЗАЙЦЕВЫМ[2], непромокаемым редактором «Слова», у меня создалось такое впечатление, что Вы им совершенно нужны, то же самое говорил мне и АЛТАДУКОВ. Сначала Алтадуков был согласен и на высылку Вам денег на дорогу, но потом почему-то заявил мне, что он по некоторым причинам взять на себя этого не может, и вообще стал говорить о том, что де «конечно, НЕСМЕЛОВ мог бы у нас работать, но заработать от нас много нельзя и, кроме того, неизвестно, что он за человек» и т.д. и т.п. Я склонен думать, что может быть, ЗАЙЦЕВ побоялся встретить в Вашем лице конкурента себе, который может взять его редакторское кресло, и отсоветовал Алтадукову. Теперь Алтадуков не говорит ни да, ни нет, и не знаю, как понимать его поведение. Мне кажется, было самое лучшее, если бы Вы написали ему лично с указанием точно Ваших условий, в отношении писем он, кажется, человек обязательный.

Задержка с пересылкой Вам денег получилась из-за слишком сложной конструкции нашего аппарата, да к тому же и главный напайщик и директор-распорядитель уходил на своем корабле в море и только вчера вернулся. Надеюсь, что в ближайшем будущем переведу Вам все Вам причитающиеся и к тому времени узнаю окончательно и о Вашей судьбе. Но Вы, не дожидаясь, во всяком случае, письма от меня, пишите сами Алтадукову.

---

[1] «Рупор» – газета, выходившая в Харбине в 1921–1938 гг. Главными редакторами в разные годы были С.Я. Алымов, А.А. Гзель, И.Л. Миллер, Е.С. Кауфман, Я.Л.Дейч (Лович), Г.Т. Мурашев.

[2] Зайцев Павел Иванович (1884–?) – журналист и общественный деятель. Жил в Шанхае с 1927 г. Редактор газеты «Слово» в 1929–1937 гг.

В отношении ЩЕРБАКОВА Вы правы, он разошелся с женой, я даже расписывался в качестве свидетеля, но на мой вопрос, как он это переживает, он ответил, что у него это переболело еще год тому назад и что теперь он, пожалуй, только рад тому, что все кончилось.

Итак, до следующего письма, Арсений Иванович, не ругайтесь очень, ибо я совсем запарился.

Желаю вам счастья и всяческих успехов.

Ваш

С.Ш……..

П.С. А зовут меня замечательно: Самсоном Григорьевичем.

Ради Бога пошлите рассказики для праздничных номеров. Не обязательно на праздничную тему, т.к. таковые у меня уже имеются.

<Карандашная помета: Щербаков, указанный в письме, очевидно, совсем другое лицо – только однофамилец. Щербаков Михаил Васильевич, которому принадлежит это дело жил в 1935 г. осенью в г. Хайларе, а не в г. Шанхае. В. Кибардин. 15/V–49»>.

ИЗ ПИСЕМ РЕДАКТОРА ХАРБИНСКОГО ЖУРНАЛА «РУБЕЖ»: МИХАИЛ РОКОТОВ – ВАЛЕРИЮ ПЕРЕЛЕШИНУ

О.Ф. Кузнецова

Михаил Сергеевич Рокотов (Бибинов, 1895–1985) был главным редактором выходившего с 1927 г. по 1945 г. в Харбине журнала «Рубеж», ставшего, благодаря ему, одним из лучших харбинских изданий. В 1941 г. Рокотов оставил пост редактора и переехал жить в Калифорнию, город Берлингейм под Сан-Франциско, совершенно отойдя от литературной деятельности. Летом 1967 г. он неожиданно получил письмо из Бразилии от «открытого» им в свое время поэта Валерия Перелешина (Салатко-Петрище, 1913–1992), когда-то тоже жившего в Харбине. Тогда, в 1932 г., девятнадцатилетний поэт был горд тем, что редактор известного журнала согласился напечатать его стихи. Печатал Рокотов их и впредь, признавая в Перелешине несомненный талант.

Несмотря на то, что не виделись они больше 20 лет, и на приличную разницу в возрасте, у них завязалась переписка, продолжавшаяся до смерти Рокотова.

Всего в архиве[1] ИМЛИ РАН сохранилось 42 письма М. Рокотова. Здесь публикуются, полностью или частично, некоторые из них, начиная с первого (от 13.10.1967). Перелешин, переехав в 1953 г. из Китая в Бразилию, на долгие годы и как поэт, и как журналист замолчал – перестал писать, печататься. И только в 1967 г. он возвращается в литературу. Выходит его пятая книга стихов «Южный дом», стихи его снова начинают появляться в эмигрантской печати, в газетах он публикует статьи о Китае, о Бразилии и, конечно, о Харбине. Перелешин расспрашивает Рокотова о русском Харбине 20–30-х гг.[2] – и как старшего, и как более него самого

---

[1] ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В.Ф. Перелешина. Оп. 2.2. Ед. хр. 41.

[2] В 1896 г. Россия и Китай заключили договор о строительстве между Читой и Владивостоком через территорию Китая Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Вдоль дороги была отведена территория отчуждения. Там действовали российские законы. В районе деревни Харбин Россией был куплен небольшой участок земли, где и начал строиться город. Валерий Перелешин в 1920 г. семилетним мальчиком приехал с семьей из Читы в Харбин, ставшим к тому времени цивилизованным русским городом и сохранившим дореволюционный уклад жизни. Но в 1924 г. было подписано соглашение между Китаем и СССР, лишающее эмигрантов многих прав. В частности, работать на КВЖД разрешалось только советским и китайским гражданам. В 1932 г. Харбин оккупировала японская армия. А в 1935 г., после создания Японией в Маньчжурии нового государства Маньчжоу-го, СССР продал этому государству свою долю КВЖД. И тысячи русских, имевших или принявших, например, после 1924 г., российское гражданство, были вывезены в СССР. Но русский Харбин все еще существовал. Выходили русские газеты, журналы, книги. Этот островок российской культуры ис-

включенного в журнальную жизнь прежних лет. Что-то потом попадает в статьи Перелешина.

Так, в «Новом русском слове» появились его статьи «Русские на Дальнем Востоке» (15.03.1970), «Арсений Несмелов. К двадцать пятой годовщине гибели поэта» (12.07.1970), «Харбинский журнал "Рубеж"» (1.09.1973) (их в письмах упоминает Рокотов) и многие другие публикации, рассказывающие о харбинской литературе и литераторах.

Перелешин пытался узнать что-то о судьбе Арсения Несмелова. И Перелешин, и Рокотов считали Несмелова самым талантливым из своих дальневосточных современников. Несмелов много печатался как раз в «Рубеже». И у Рокотова возникла идея – составить «Арсениану»: переписать из «Рубежа» стихи Несмелова и послать их Перелешину для издания книги. Что он и сделал. Но книгу издать они так и не смогли. Выяснилось, что книга будет стоить 2000 долларов. Такой суммы у них не нашлось. Перелешин бедствовал всю жизнь – как в Китае, так и в Бразилии. Рокотов в Америке в это время тоже жил небогато, ему было уже за семьдесят, он – в отставке, работала только жена.

«Русская культура жила и развивалась на Дальнем Востоке, преимущественно в Китае, ровно четверть века, – писал Перелешин. – В Харбине она перестала существовать чуть ли не в один день – в августе 1945 года, когда сгорели все библиотеки, закрылись все газеты, журналы и книжные магазины и когда были арестованы и увезены в СССР Арсений Несмелов, Алексей Ачаир, Василии Обухов и многие другие»[1]. Вошедшие в Харбин в 1945 г. советские войска первым делом позаботились об уничтожении пропагандистской машины прежнего, эмигрантского Харбина. Были арестованы и вывезены в СССР более ста пятидесяти журналистов, писателей. Даже сама память о прошлом должна была исчезнуть. Но память сохранилась – выжили те, кто уехал в конце тридцатых, в начале сороковых. И их было немало. Некоторым удавалось увезти с собой не только знания о прошлом, но и выходившие в Харбине книги, журналы. М. Рокотов оказался одним из таких хранителей прошлого. У него, и в семьдесят лет, была прекрасная память, а знал о харбинской литературной жизни он, конечно, больше многих.

Разбирая свою подшивку «Рубежа», Рокотов сожалеет, что у него есть не все номера. Он даже не может ответить на вопрос Перелешина, когда точно прекратился «Рубеж», какой номер был последним. Не у кого было узнать.

чез в августе 1945 г, когда в Харбин вошли советские войска и российские культурные учреждения, работавшие на оккупированной Японией территории, были закрыты, а их служащие арестованы.

[1] *Перелешин В*. Русская поэзия в Китае. // Russian Language Journal. 1971. № 91. С. 79.

В новогодней открытке конца 1977 г. М. Рокотов пишет Перелешину: «По просьбе из Австралии, где готовят сборник о Харбине и дальневосточной эмиграции, я и Ю.В. Крузенштерн сообща написали статью о "Рубеже". Я постарался припомнить и включить в нее побольше имен сотрудников. В списке поэтов впереди Арсений, Вы, Ещин, Лариса, Ачаир…»

Статья Ю.В. Крузенштерн-Петерец «О "Рубеже"» вышла в сиднейском журнале «Политехник» (1979, № 10), издававшемся, кстати, бывшими учениками Харбинского политехнического института. Там она рассказывает, что «Рубеж» был иллюстрированным еженедельником, выходил на 24 страницах, с большими фотографиями на обложке, например Шаляпина, Вертинского, короля Александра Сербского, какой-либо голливудской звезды. «Первые номера "Рубежа" вышли в свет в 1927 году, – пишет Ю.В. Крузенштерн-Петерец, ссылаясь на Рокотова. – Реформа произошла летом 1929 года, и журнал выходил с тех пор еженедельно по субботам до конца войны в 1945 г.» Выяснилось, что у Рокотова из журналов, например, за 1944 г. есть всего несколько номеров. Последний в его собрании – за 18 марта 1944 г. (от начала издания № 818). «Под ним подпись: издатель Е.С. Кауфман, редактор Л.П. Ефимов. Таким образом, «Рубеж» просуществовал 18 лет – и это весьма почтенный возраст для любого эмигрантского издания»[1].

Странно, что Ю.В. Крузенштерн-Петерец не указывает в статье даты выхода последнего номера «Рубежа». Ведь к тому времени она уже прочитала в «Новом русском слове» (от 29.01.1976) сенсационный для харбинцев очерк С. Яворского «Конец "Рубежа"», где автор точно эту дату называет. И даже послала вырезку с очерком во Францию своей подруге, тоже харбинке, Лариссе Андерсен. А в письме добавляет: «Посылаю Вам вырезку о "Рубеже" – вероятно, Вам интересно будет прочесть это. Вы знали этого Яворского? Я – нет. И что это – его имя или псевдоним?»[2]

С. Яворский в своем очень красочно написанном очерке рассказывает, как прочел статью Перелешина о «Рубеже» в «Новом русском слове», и как «прочувствованная статья поэта отозвалась неизбывной грустью в сердцах харбинцев». Она (статья) «залетела» даже в СССР и, «пройдя цепочку добрых рук, легла на стол автора этих строк». Автор (т.е. Яворский) заметил, что в воспоминаниях Перелешина «отсутствовали последние звенья биографии журнала, под белым пятном неизвестности оставалось и все относящееся к смерти журнала, о чем лишь строились догадки. Пробившись в мою заснеженную уральскую избу, перелешинские воспоминания, не знавшие ничего о смерти "Рубежа", попали в самую точку: в засы-

[1] Цит. по: Русский Харбин. М., 2005. С. 95.
[2] Письмо от 31 января 1976 г. // *Андерсен Л.* Одна на мосту. М., 2006. С. 393.

панной снегом избушке жил как раз человек, на руках которого и "умер" "Рубеж"». Яворский восклицает: «22 августа 1945 года! Вот дата смерти "Рубежа", которую не знал поэт Перелешин. В обезумевшем от невиданных событий городе все бурлит, куда-то мчится, торопится. Мое "Харбинское время" (в этой газете я статейщик-очеркист), – пишет Яворский, – вышло с взволнованным заголовком в центре страницы: "Русские! Русские! В Харбине! Пришли, прилетели, приплыли! " Русские, русские... Вдруг вспоминаю: "Рубеж"! Надо же выпустить очередной номер. После редактора и секретаря я в журнале следующая по нисходящему рангу инстанция: старший сотрудник. <…> Бегу в редакцию журнала (Сквозная, 7! – кто не знал этого маленького скромного домика, вмещавшего в себя газетно-журнальное сердце города?). Кроме зияющих пустотой редакционных кабинетов, нахожу растерянных работников типографии…»

И вот с ними-то автор очерка и начинает печатать журнал. Благо, почти все материалы номера уже сверстаны редактором «Рубежа» Е.С. Кауфманом. Тогда как сам Кауфман, замечает Яворский: «исчез одним из первых, по-видимому, даже значительно опередив события. Горькая история его внезапного перемещения в подвальное небытие довольно поучительна. В числе различных представителей населения города он приехал в воинский штаб приветствовать русскую армию. Делегацию приняли, переписали, – а потом почти всю отвели в тюремные камеры...»

Несмотря на усилия, пишет Яворский, журнал так и не вышел: «Все с оттисками шло хорошо. И вдруг нам подали оттиск обложки. И в наших сердцах зашевелился ужас: на носу у Сталина оказалось нечто похожее на огромный оскорбительный прыщ». Утром предполагалось исправить брак. Но…

Конец рассказа: «В 2 часа ночи около моей квартиры раздался топот солдат, и показались черные тени фуражек на оконных занавесках. В ту ночь я расстался с женой. Снова мы увиделись с ней лишь через 28 лет, а вновь соединиться смогли только в конце 1975 года – через 30 лет».

Яворский прав, говоря, что и крупицы сохранившихся знаний о Харбине важны. Но за 30 лет он, видимо, многое подзабыл, и это подрывает доверие к указанным им фактам. Возникают вопросы. Почему, например, он решил бежать выпускать «Рубеж» именно 22 августа (это была среда) – чтобы номер вышел в четверг? Тогда как из года в год журнал выходил по субботам. Зачем откровенно прояпонской газете «Харбинское время» (где он служил) радоваться приходу русских, воюющих как раз с японцами? Почему он пишет о Кауфмане неправду, да еще с таким высокомерием? Кауфман не опередил «события». По свидетельству жены, «его увезли, вместе с другими прямо с банкета, который дало советское командование в Харбине видным представителям эмиграции» (см. ниже первое письмо

М. Рокотова). Об этом банкете, куда писатели и журналисты были приглашены поименно, помнила и мать Перелешина. И мог ли банкет советского командования состояться до 22 августа, если советские войска 18–20 августа только еще входили в Харбин и командующий японской армией в городе даже еще не отдал приказ о прекращении военных действий? А если 22 августа Кауфман не был еще арестован, то зачем Яворский «побежал» выпускать «Рубеж»? Такие, например, вопросы хотелось бы задать «С. Яворскому».

Но тут выясняется, что Яворский вроде даже и не Яворский... Факты таковы:

Когда за несколько лет и до Крузенштер-Петерец, и до этого Яворского, а именно – в 1973 г., – Перелешин написал статью о «Рубеже» (которая «залетела в заснеженную избушку»), ему пришел отклик из СССР от бывшего заключенного сталинских лагерей Сергея Ильича Ражева. Ражев сообщил Перелешину, что в прошлом он был журналистом в Харбине и печатался под псевдонимом «С. Яворский». Перелешин такого журналиста вспомнить не мог и обратился с вопросом к Рокотову – знал ли редактор «Рубежа» такого журналиста. Выяснилось, что нет, не знал. Зато псевдоним этот Рокотову хорошо знаком, потому что это – один из его собственных, рокотовских, псевдонимов! «С. Яворский» – таким образом сам Рокотов подписывал некоторые материалы (см. ниже письма Рокотова). Казалось бы, вопрос исчерпан, ошибка Ражева очевидна. Ни чуть не бывало.

К удивлению Перелешина и Рокотова, С.И. Ражев продолжает настаивать, что С. Яворский – это он. Мало того, эмигрировав в 1970-е гг. из СССР, Ражев начинает печататься в эмигрантской прессе именно под этим псевдонимом: «С. Яворский» (например, подписывает цитированный выше очерк о «Рубеже»). Этим же псевдонимом он подписывает и объявление в эмигрантской газете «Русская жизнь» в Сан-Франциско:

> «Коллеги журналисты, печатавшиеся в Харбине! Если кто-нибудь жив и помнит СЕРГЕЯ ЯВОРСКОГО ("Заря", "Рубеж") откликнитесь. Вас ищет человек, только что вырвавшийся из-за "железного занавеса".
>
> Писать: Mr. S. Yavorsky, 64 Lisburn Str., Brisbane, 4169. Australia»[1].

И уже никакого Ражева: «Мистер С. Яворский» – и в почтовом адресе, как настоящая фамилия.

Почему Ражев так упорно пытается уйти от своей собственной фамилии, да еще присваивает чужой псевдоним?[2]

---

[1] См. письмо М. Рокотова от 24 октября 1976 г.

[2] Свидетельством того, что журналист «Яворский» в Харбине все же существовал (безотносительно к М. Рокотову), может служить фрагмент воспоминаний харбинской журналистки

Потому ли, что харбинцы помнят Ражевых как владельцев кондитерской в Харбине? Может быть, Сергей Ильич из этой семьи? Но что в этом зазорного? Наоборот, тогда понятно, откуда у него, бывшего зэка, советского подданного, только что приехавшего в Австралию, деньги на кругосветное путешествие, о котором упоминает в письме Перелешин.

Или дело в том, что в Харбине 1930-х гг. действительно был журналист Сергей Ражев, но только псевдоним его «С. Ражко». Был он в списке активных членов фашистской партии и постоянным сотрудником фашистской газеты «Наш путь», где, например, писал 7 ноября 1935 г.: «Россия для Россиян – это Национально-Трудовая Россия, общий отчий дом. Теперь заканчивается период подготовки и, с планом национальной революции и с планом национального фашистского устроения России в руках, – мы, Российские фашисты, – можем смело двинуться в бой с красной гидрой...» Надо признать, что оба Сергея Ражева – и из 30-х гг., и из 70-х – писали лихо, вдохновенно, хоть и косноязычно. Или это был один и тот же Ражев, пытавшийся уйти от своего прошлого, присвоив себе чужое? Свидетелей ведь даже по объявлению не найти.

Кстати, о Сергее Ражеве (Ражко) из фашистской газеты ни Перелешин, ни Рокотов не вспомнили – не читали они этой газеты. Как не вспомнила о нем и Ларисса Андерсен, когда Ражев навестил ее во Франции во время своего кругосветного путешествия, представившись Ражевым – Яворским. Она писала в письме Ю. Крузенштерн-Петерец от 26 июля 1977 г.: «Недавно я встретилась с одним человеком, который просидел 10 лет в лагере, потом 20 ждал разрешения выехать к жене в Австралию, наконец, выехал, проработал полтора года и решил на все заработанные деньги "пока жив" повидать мир»[1]. В комментариях к письму сказано, что речь идет о Сергее Ильиче Яворском (наст. фам. Ражев, 11 октября 1913 г., Санкт-Петербург – ? Австралия).

Так исчез С.И. Ражев и появился С.И. Яворский.

М. Шапиро: «… во время войны <…> я не написала ни одной статьи с критикой советского строя, ограничившись исключительно статьями на литературные, исторические темы, темы по вопросам русской культуры. <…> Однако на душе у меня все время было неспокойно, т.к. таких журналистов в Харбине было только двое: молодой *Яворский* и я. Яворский (псевдоним) усиленно писал статьи на биологические и, помнится, географические темы и ухитрялся ограничиваться ими, даже работая в "Харбинском времени" (японской газете на русском языке). Но наступил день, когда его вызвали в Японскую Военную Миссию, и только заступничество начальника по другой его службе спасло его» (*Шапиро М.* Женский концлагерь // Новый журнал. 1983. Кн. 150. С. 228–229). – *Прим. ред.*

[1] Цит. по: *Андерсен Л.* Одна на мосту. Указ. изд. 346.

И в 1985 г. этот (новый) С. Яворский выпустил на свои деньги роман «Звонит колокол»[1], где рассказал о том, как 20 лет боролся за право уехать на Запад.

В том же 1985 г. умер Рокотов. Последнее письмо от него Перелешину помечено 24 апреля 1982 г., где он пишет, что у него было два удара, не очень серьезных, «почти потерял слух, и очень ухудшилось зрение; много труднее писать и читать. А в общем, все – слава Богу, почти в полном порядке».

Письма М. Рокотова печатаются по копиям, сделанным В. Перелешиным, и с его примечаниями (в том случае, если они есть), написанными им уже в середине 80-х гг.

13 октября 1967
Озеро Тахо в горах Сиерра Невады

Дорогой Валерий, не знаю, как начать письмо: не нахожу слов, чтобы хоть отчасти оправдать свое свинство в отношении Вас... Получил Ваше письмо, насколько помнится, в 20-х числах июля, перед самым нашим с женой ежегодным, на целый месяц, отпуском (vacation), в самый разгар приготовлений к отъезду, а приготовления эти, надо сказать, полностью лежат на мне, так как жена работает в госпитальной лаборатории, а я уже семь лет как «за бортом», retired, и заменяю ее и по дому, и по саду, и по покупкам. Ну, словом, затыркался основательно. Самый факт получения письма очень обрадовал: «Помнят, значит!» – но, признаюсь, поставил в несколько затруднительное положение: абсолютно нет времени сразу сесть за ответ! А, кроме того, сознание полной беспомощности дать хоть сколько-нибудь удовлетворительные ответы на Ваши вопросы. Решил – отложу до конца вакэйшон, – и положил письмо в кучку всяких бумаг. Положил сверху и до сих пор, честно! – не знаю, каким образом вчера обнаружил. Обнаружил и... чуть не похолодел и стал «крыть» себя самыми предпоследними словами. Говорят, что я не выгляжу на свои 72 года, но я-то сам это хорошо знаю, хотя бы по одному тому, как часто теперь и мне изменяет моя память. Хорошо помню каждую мелочь из дней своей молодости, но часто забываю сегодня то, о чем узнал вчера, так случилось с Вашим письмом. Sorry! Awfully sorry!

Но что Вам сказать об Арсении[2]? Уехали мы из Харбина в мае 1941 г. Тогда я видал Арсения. После не только, разумеется, не видал, но и

---

[1] *Яворский С.* Звонит колокол: Роман. Сан-Франциско, 1985. 442 с.

[2] В архиве В. Перелешина сохранились ксероксы пяти подаренных ему Несмеловым книг, вырезки из прессы со стихами Несмелова, а также его стихи, переписанные М. Рокотовым из

не слыхал ничего до самого конца войны. В 1946 году стали поступать сведения о харбинцах, да и то, по большей части, одни слухи. Самое главное: советчики увезли из Харбина очень многих, в том числе русских журналистов и литераторов, в том числе и Арсения. Что и как – никто ничего сказать не мог.

В 1950 году приехали к нам Елизавета Александровна Кауфман и Юрий Ротт[1] (оба они теперь, уже давно, изменили свои фамилии на Selby <Соболев>). Они знали немногим больше нашего о Кауфмане[2]. Его увезли вместе с другими, прямо с банкета, который дало советское командование в Харбине видным представителям эмиграции. Был в Находке (это порт в Приморье), потом отправлен куда-то на Урал. И это было все. Потом время от времени приходили слухи о харбинцах в СССР, в том числе и о Кауфмане, который, по одним слухам, работал где-то в госпитале в качестве доктора (?), по другим – санитара[3]. И, наконец, пришел слух о его смерти. И это подтвердилось. Приходили слухи и известия и о других (совсем недавно, например, я узнал о неожиданной смерти Ачаира[4] в Новосибирске; более ранние слухи говорили о нем, что его расстреляли чуть ли не в Харбине еще).

Но о Несмелове не было ни слуху, ни духу.

В 1958 году нам удалось выписать из Харбина Анну Александровну[5] и семью ее дочери Ирины Радченко. Они многое нам рассказали о Харбине и харбинцах, но об увезенных ничего почти не знали.

сохранившихся номеров «Рубежа». Рокотов писал, что хорошо бы издать книгу стихов Несмелова, поскольку «считал его едва ли не самым талантливым из поэтов, с которыми приходилось иметь дело», несмотря на то, что плохо отзывался о Несмелове как о человеке, «ибо знал его и с этой стороны. Был он и отъявленным циником, и лицемером, и не брезговал под всякими дурацкими псевдонимами "сделать рубль" на рифмованной дряни под неважными газетными карикатурами» (из письма М. Рокотова от 14.03.1970).

[1] Елизавета Александровна Кауфман – жена главного пайщика «Зари» Евгения Самойловича Кауфмана. От первого (или второго) брака у нее был сын Юрий Ротт, учившийся в гимназии Х.С.М.Л. <Христианского союза молодых людей> и даже сидевший где-то в старших классах со мною на одной парте. – *Прим. В. Перелешина*.

[2] Кауфман Евгений Самойлович (1891–1971) был директором-распорядителем издательства «Заря», в котором издавался журнал «Рубеж», а после 1941 г. стал редактором журнала.

[3] По чьей-то догадке, санитаром работал не Евгений Самойлович, а доктор Кауфман, который, кажется, возглавлял в Харбине еврейскую общину. – *Прим. В. Перелешина.*

[4] Ачаир Алексей Александрович (Грызов, 1896–1960) – поэт, организатор кружка поэтов «Молодая Чураевка». В 1945 г. был депортирован в СССР и осужден на 10 лет лагерей. После освобождения работал учителем, недолго жил в Новосибирске.

[5] Анна Александровна, сестра Елизаветы Александровны, жены Кауфмана, одно время считалась женой Несмелова. Ей он посвятил свое прелестное стихотворение «За», надписанное «Анне». Моя мать однажды спросила, права ли она, относя это стихотворение к Анне Александровне, Арсений улыбнулся и подтвердил. После разрыва с А.А. Несмелов вернулся в тот же отель, где <жил> до того, как поселился с А.А. и ее дочерью, <я был у него однажды и> спросил: а где А.А.? Он ответил: «Да я ее прогнал». – *Прим. В. Перелешина.*

Сегодня утром я созвонился с Анной Александровной по телефону и стал расспрашивать ее, что ей известно об Арсении. «Абсолютно ничего». Они разошлись с ним давным-давно, еще в конце 30-х годов, насколько помню. Расстались мирно, но окончательно, и А.А., по ее словам, не знала фактически ничего о жизни Арсения за все последующие годы. Она знает, что он был в числе увезенных, но после того она ничего не знала о его судьбе и не знает, жив он или умер. Я передал ей Ваше письмо, просил ее помочь, чем она может. Но она, видимо, действительно ничем не может быть полезна. Сама она – совсем старуха, почерневшая, сгорбленная, больная эмфиземой легких; задыхается, пройдя полквартала. Я тоже не могу многого сказать о Несмелове, т.к. никогда близок с ним не был и никогда его не любил.

По его словам, он учился во 2-м Московском императора Николая I кадетском корпусе (где, кстати, я учился с 2-го до 7-го класса включительно), но проучился там всего два года и перевелся в Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус. Настоящая его фамилия – Митропольский. Говорил он, что был потом офицером, был на войне. Но мы с ним нигде до Харбина не встречались. При мне он во 2-м Московском корпусе не был, из чего логически заключаю, что был он на год или два (или 3?..) старше меня. Значит, вероятно, 1893 или 94 года. Я его не любил за его цинизм главным образом, но даже до того, как я узнал его в этом отношении, я уже почувствовал, вместо притяжения, какое-то отталкивание. Я, разумеется, могу ошибаться, но мне всегда казалось, что сущность человека всегда видна в его внешности; особенно много открывают глаза и улыбка человека. У Арсения глаза были «два застывших плевка» как однажды сказал (не об Арсении) Саша Черный. Белые брови, белые ресницы; глаза избегают смотреть прямо... А смех у него был всегда фальшивый, часто утрированно громкий. И ничего в нем не было от офицера, от честного русского офицера, каким он должен быть в моем представлении[1].

Но что Арсений был исключительно талантлив, это я признавал и говорил всегда, говорю и теперь. Был он большой мастер стиха. Но это все Вы лучше меня знаете, и я рад был узнать, что Вы пишете о нем и о многих других харбинских поэтах[2]. Несколько лет тому назад дала два

---

[1] М. Рокотов сам был военным – гвардии капитаном. Он окончил в 1914 г. Михайловское артиллерийское училище. Участвовал в Первой мировой войне и в Гражданской войне.

[2] Когда у В. Перелешина в газете «Новое русское слово» от 15.03.1970 г. вышла статья «Русские на Дальнем Востоке» (за подписью В. Салатко-Петрище), М. Рокотов написал ему: «не знаю, как и благодарить Вас за нее! Ведь это как раз то, чего недоставало! Я всегда считал, и считаю, что Харбин и харбинцы заслуживают гораздо больше внимания и должны получить гораздо более почетное место в будущей "Истории русской эмиграции" <…> Все, что Вы написали, по-моему, чудесно. Но пропусков (вполне естественно по молодости автора: 9-ти лет в Харбин) нашел достаточно. Если захотите, как-нибудь в другой раз напишу Вам о них,

подвала в «Новом Русском слове» Елизавета Рачинская[1]. Неплохо написала, но о Несмелове следовало сказать гораздо больше, чем она сказала; а о многих харбинских поэтах она просто даже и не упомянула.

Я ужасно рад, Валерий, что Вы снова начинаете печататься[2]. Надо, чтобы читающая публика познакомилась с Вами и оценила Вас, как даже уже я оценил Вас по Вашим первым юношеским, но уже тогда вполне зрелым и безупречным по форме стихам и «уцепился» за вас, как за новое большое открытие «Рубежа». Я мало разбираюсь в поэзии, но скажу ответственно, что вполне согласен с Арсением, ставившим Вас на одном с собой уровне, хоть Вы были с ним совсем разные по тематике. Вы мне тогда казались сродни Вячеславу Иванову... Читали ли Вы Симонова? Некоторые его вещи напоминают несмеловские, но слабее их, особенно потому, что он не умеет говорить сжато.

Ну, буду кончать. О нас с женой писать не буду, – неинтересно и многое Вы, вероятно, уже знаете от Виктора и Лиды[3]. Передайте им привет и расцелуйте ручки вашей замечательной маме, Евгении Александровне[4]. О ней я храню всегда самую теплую память. Обнимаю Вас и жму руку. Надеюсь скоро услышать о Ваших лаврах и всеобщем признании. Сердечно ваш М. Бибинов.

<Приписка на второй странице сверху:> Жена шлет всем вам свой привет.
<Приписка слева:> Сам я давно отошел от всякой литературной и журналистической деятельности.

31 мая 1970 г.

Дорогой Валерий,

по Вашему последнему письму вижу, что своим письмом с критикой Ваших стихотворных опытов[5] я доставил Вам немало огорчения. Вижу,

---

перечислю то, что вспомнилось и что заслуживало бы быть отмеченным и по части литературной, и театральной, и школьной, и спортивной…» (из письма от 03.04.1970).

[1] Рачинская Елизавета Николаевна (1905–1993) – писательница, журналистка, в Харбине выпустила сборник стихов «Ключи» (1926), сборник рассказов «Джебел-Кебир» (1937). В Сан-Франциско вышла ее книга воспоминаний «Перелетные птицы» (1982).

[2] Перебравшись в 1953 г. из Китая в Бразилию, В. Перелешин надолго, почти на 15 лет, замолчал – перестал писать, нигде не печатался. К литературной деятельности Перелешин вернулся в 1967 г.

[3] Салатко-Петрище Виктор Францевич (поэтический псевд. Ветлугин) – младший брат В. Перелешина; он и его жена Лидия жили неподалеку от М.С. Рокотова.

[4] Сентянина Екатерина Александровна (1897–1980) – журналистка, переводчица. Мать В. Перелешина. Печаталась во многих изданиях Харбина.

[5] В. Перелешин послал М. Рокотову свои последние стихи, и Рокотову они не очень понравились. В другом письме (от 22.04.1970) он, например, писал: «…такие "опыты", что проде-

что Вы рассердились на меня и, если не написали этого прямо, то по тону письма чувствуется, что у Вас в то время, когда писали, на уме было: «Тоже критик! С кувшинным рылом – да в калашный ряд!» Видите, все перепутал, написал, вместо «суконным» – «кувшинным» и задумался, – в какой же ряд? Не уверен, что последняя версия правильна, но мысль ясна, и я, разумеется, не стану спорить, что я никакой критик в поэзии. Одно дело – исчеркать синим карандашом Наташины вирши, и совсем другое – говорить со зрелым и очень талантливым поэтом. Поверьте, я никогда себя не переоценивал. Но иметь мнение – право каждого, и высказывал я Вам его всегда прямо, без экивоков, не лицемеря. До сих пор, помните, почти исключительно хвалил и часто превозносил до небес, потому что то, что Вы писали, всегда было первоклассным, талантливым и мастерским и по части формы, и по содержанию, и по мысли. Но Вы знаете меня достаточно хорошо: я консервативного мышления и взглядов и очень всегда откровенный человек. Понимаю прекрасно, что не всякую критику выслушивать приятно, как и неодобрительное мнение по поводу того, что Вы делаете, но обижаться на высказанное мнение, мне кажется, не следует. Ведь, зная меня хорошо, как Вы знаете, Вы не могли ожидать другого. Ну-с, давайте покончим говорить на эту тему. В следующий раз буду либо хвалить, либо, если вдруг что-то не понравится, промолчу.

Перехожу к другому – воспоминаниям о Харбине, который я начал узнавать примерно с лета 1920 года. Постараюсь быть сжатым. Если захотите по какому-либо отделу подробностей, – спрашивайте. Хоть памятью я за последние годы сильно ослабел, но обещаю «понатужиться» и сообщить все, что припомнится.

Для удобства – по отделам. Начну с образования: высшее – Юридический факультет с экономическим отделением. Среди профессоров – Н.В. Устрялов; Лев Зандер, после перебравшийся в Париж и там примкнувший к академической группе, Г.К. Гинс, Н.И. Никифоров, полк. ген. штаба Сурин и др. Политехнический институт, основанный и поддерживавшийся КВжд[1]. Декан – профессор Устругов, другие профессора – инженер Попов, Кулябко-Корецкий (там знаю очень мало). При институте – техникум, выпускавший хороших техников. YMCA создал свой Политехнический институт, параллельно жел-дорожному, но он просуществовал

лывает Чиннов (хотя бы в полученном мною вчера "Новом журнале") или Моршен (там же), несмотря на все свое остроумие, меня только раздражают. И вот, должен честно сказать Вам, что несколько из присланных Вами новых и прошлогодних Ваших стихотворений относятся к этой же категории. Опыты! <…> Вы сами прекрасно знаете, о чем я говорю: не о их содержании, а об "изломах" формы».

[1] Написание М. Рокотовым прописных и строчных букв в аббревиатуре КВЖД соответствует тому варианту сокращенной формы названия «Китайско-Восточная железная дорога», что устойчиво использовался в русском восточном зарубежье. – *Прим. ред.*

недолго. Позднее и Бюро Эмигрантов, насколько помню, открыло свой Политехнический институт. Но ни один, ни другой в сравнение не могли идти с жел-дор-ным[1] ни по размерам помещения, ни по оборудованию, ни по силе профессуры и постановке дела. За границей, в частности в Америке, Канаде, многие питомцы Харбинского политехнического института сделали хорошую карьеру, хотя здесь с них требовали сдачи дополнительных экзаменов, без чего диплом инженера и лицензия не давались. Тем, кто сравнительно прилично знал английский язык, пройти экзамены не составляло особенно большого труда. Был в Харбине Ориентальный институт, с профессором Хиониным, доцентом В. Маракулиным и др. Были различные курсы, например, машинописи, две зубоврачебных школы, две музыкальных школы и немало отдельных превосходных преподавателей пения и музыки.

По среднему образованию: мужское и женское коммерческие училища, прекрасно поставленные. Кроме них, два частных коммерческих училища (или одно?..), реальное училище, несколько мужских гимназий[2] (YMCA, имени Достоевского, 1-ая частная гимназия Бюро Эмигрантов... Как будто, Польская, Еврейская (это еще не все) и женские – Оксаковской и Генерозовой. Были, конечно, и городские школы (до 4-го класса).

Говоря о КВжд, я бы прибавил кое-что о ген. Хорвате, который пользовался всеобщей любовью не только русского населения, но и китайцев, которые поставили ему памятник около Железнодорожного Собрания. Ген. Хорват был женат на Камилле Альбертовне Бенуа, сестре известного художника. И сама она была неплохим художником-акварелистом. Жили Хорваты в предместье Харбина (за Старым Харбином) в барском поместье. К Д.Л. Хорвату подошла бы характеристика Лермонтова из «Бородина»: «Слуга царю, отец солдатам». Вторая крупная личность на КВжд – бывший ген. губернатор Приамурского края шталмейстер Н.Л. Гондатти. На КВжд он возглавлял Земельный отдел. Когда на КВжд пришли в 1924 (или 23?) году коммунисты из России[3], китайцы, по требованиям советчиков, арестовали троих из железнодорожной администрации: управл. дор. инженера Б.В. Остроумова (тоже яркая личность), Гондатти и заведующего Экономическим бюро И.А. Михайлова[4] – быв-

---

[1] Использование М. Рокотовым данных слогословных аббревиатур соответствует общепринятым и часто используемым вариантам произнесения слова «железнодорожный», в том числе в русском восточном зарубежье. – *Прим. ред.*

[2] Гимназии ХСМЛ имени Достоевского и другие были смешанные. – *Прим. В. Перелешина.*

[3] «Коммунисты из России» пришли в 1924 году в силу соглашения пекинского правительства с <советским послом Львом> Караханом. – *Прим. В. Перелешина.*

[4] Иван Адрианович Михайлов носил у недоброжелателей кличку Ваньки-Каина. – *Прим. В. Перелешина.*

шего Омского министра финансов, очень талантливого человека, но несколько склонного к интригам и всякого рода «adventures».

Из художников обязательно следовало бы упомянуть Василия А. Засыпкина, Клементьева, Софронова, скульптора Сыча (Покровского) без одной руки.

Газет в Харбине было гораздо больше, чем нужно было по количеству русского населения. Старейшая, с сильным уклоном влево – «Новости Жизни», с изд. Чернявским, ред. Клиориным (оба евреи) и несколькими сильными сотрудниками. Антиподами были, прежде всего, «Свет», издававшийся и редакт<ировавшийся> Гр. Гр. Сатовским-Ржевским; «Русский Голос» с д-ром Спасским, бывшим членом Гос. Думы Востротиным, А.И. Коробовым и др.

Самого большого тиража добилась «Заря» с М.С. Лембичем, бывшим сотрудником сытинского «Русского Слова», Г.Н. Шипковым и др. Одно время газета была только вечерней, затем перешла на увеличенный размер и утреннее издание; вскоре стала выпускать и «Вечернюю Зарю». Газета, как и большинство других в Харбине, была анти-большевистская, не серьезного академического типа, как если не всегда были, то старались быть «Свет» и «Русский Голос», с некоторым уклоном в сенсационализм и бульварщину.

«Рупор» был вечерней газетой, основан был очень скоро вслед за «Зарей», в 1920–1921 году, и сперва был скандально-бульварным под редакцией поэта Сергея Алымова и Л.В. Арнольдова. Через несколько лет был куплен Лембичем и заменил «Вечернюю Зарю».

Довольно большой газетой стала китайская по названию и по принадлежности китайскому чиновнику – газета «Гун-бао», на русском языке. Выходили в 2 различных издательствах газеты «Копейка». Была тянувшая влево газета «Молва». Советское консульство если не само издавало, то покровительствовало своей советской газете, то называвшейся «Трибуна», то «Россия». С ней произошел скандальный казус: когда СССР (или тогда еще РСФСР) прислал для переговоров с Китаем о Маньчжурии и КВжд посла Льва Карахана, газета «Трибуна» поторопилась с экстренным выпуском, где поперек первой страницы был крупный заголовок: «ПРИЕЗД СОВЕТСКОГОП ОСЛА». Буква П перескочила в хвост предыдущего слова. Было много хохота среди русских эмигрантов и форменная паника в «Трибуне» и во всех советских учреждениях. Говорят, погнали не одного, касавшегося к газете. Одно время фашисты Родзаевского выпускали свою газету (забыл название)[1] и, наконец, с 1927 или 28 года, а может быть,

[1] Фашисты К.В. Родзаевского издавали газету «Наш Путь». – *Прим. В. Перелешина.*

позднее, стала издаваться сравнительно большая газета «Харбинское Время», переманившая к себе сотрудников из других антисоветских газет.

Очень много в Харбине было попыток издавать журналы. В большинстве очень немногие из них выдерживали 2–3 номера. Названий и не упомнишь. Был «Синий Журнал», был «Огонек» (подражание российским), был журнал «Дали» (дамское «рукоделие»), был журнал «Фиал», неплохой, с большой претензией на художественность, но издатель А. Гзель вскоре уехал в Австралию, и издание прекратилось. Экономическое Бюро КВжд выпускало в течение пары лет очень интересный, серьезный полутолстый журнал «Экономический Вестник». Кто-то стал выпускать (и с трудом держался) еженедельный литературный иллюстрированный журнал «Рубеж». Кто-то стал издавать журнал для детей «Ласточка». Не знаю точно, когда (знаю, что примерно около 1925–27 года) оба эти журнала купила «Заря» и поставила их на ноги. Ну, об этих журналах я писать не стану, – Вы сами все знаете. «Заря» же издавала года два другой детский журнал для подростков – «Юный читатель "Рубежа"».

Говоря о литературных объединениях, Вы, Валерий, пропустили их «деда», так сказать, – «Общество Писателей и Журналистов» или, сокращенно, «ОПИЖ». Но он «зачался», кажется, в 1921 году, когда Вас еще, пожалуй, на руках носили. Основали его Н.Н. Дворжицкий (псевдоним Николай Алл, он теперь в Нью-Йорке) и я, только что скромно вступивший на газетно-литературное поле, поэтесса Елена Росс (Иконникова), поэтесса Таисия Баженова (совсем юное и наивное существо), ну, и еще кое-кто. Но поддержали сразу многие, среди них поэт Сергей Алымов, очень способный журналист Лев Арнольдов[1], талантливейший юноша Калашнов, неисправимый критик всего и всех Лавошников[2], учитель по профессии, не могший заставить себя признать даже Блока, и много других. Поначалу было много детски-наивного. Достаточно сказать, что первый приз за конкурс рассказов достался, неожиданно для всех, а всего более – для автора – мне. Но я бы теперь его никак не признал и никуда бы в печать не дал. Каждую неделю устраивались по четвергам собрания, к которым обязательно кто-либо из членов, по соглашению и уговору, приготовлял и делал доклад, а затем члены начинали обсуждение докладов, критиковали их, читали свои новые произведения и подвергались горячей критике. В ОПИЖе в 1921 году мы впервые узнали о Гумилеве, Блоке, Ахматовой,

---

[1] Льва Валентиновича Арнольдова я знал в Шанхае. Был он тогда редактором «Шанхайской Зари» и жил со старушкой матерью в изящной квартире, увешанной снимками китайской «мужской и женской красоты» (вторых я не приметил). – *Прим. В. Перелешина.*

[2] Лавошников, почти безработный и обнищавший, в 1939–44 годах неизменно посещал, вместе с сыном-подростком, все церковные чашки чаю и оправдывал свое существование многословными речами. – *Прим. В. Перелешина.*

Есенине, Волошине, Клюеве, Пастернаке, даже о Белом. Четверги ОПИЖа были гораздо интереснее более поздних собраний Чураевки. На них не только слушали, но и учились и сами активно и с жаром участвовать в спорах, переходивших в настоящие словесные схватки.

В следующий раз – только не ждите слишком скоро, – напишу еще о театре, о спорте, о цирке, кино, о музее... Заказывайте, о чем хотите узнать, какая отрасль харбинской жизни нуждается в пополнении, я считаю, что харбинская (ну, и шанхайско-тяньцзинская) русская эмиграция заслужила достаточно почетное место в истории.

А сейчас хочу кончить, так как взгляд на часы показал, что уже 2 часа 8 минут ночи. Уже третий week-end мы с женой проводим у себя на даче. Днем здесь чудесно, ночью (это в горах 6.250 примерно футов над морем) еще немного холодновато, – приходится топить и электрическое отопление, и камин. Ну, а пока он не прогорел, чтобы можно было закрыть трубу, я и сижу и караулю. Зная, что сидеть придется долго, взял с собой из города и Ваше последнее письмо, и почтовую бумагу специально для письма Вам, и свои краткие, в 1–2 слова, заметки для этого вот добавления к материалу о Харбине.

Бегу спать, чтобы не упустить завтра чудесного солнечного утра.

Передайте мой сердечный привет милой Евгении Александровне.

Вам жму руку и надеюсь, что раздражение от моей «наглой критики профана» у Вас если совсем не прошло, то смягчилось. Ведь Вы же и сами на вершине ставите Пушкина, а он, насколько знаю, стихотворной акробатикой не занимался. Крупные поэты в ней не нуждаются. Это только для тех, кто иначе не может добиться, чтобы о нем заговорили. Не унижайте себя. Я не говорю: не пишите нового, но не публикуйте своих опытов, пока они не достигнут явного и решительного успеха. Ваш Мих. Бибинов.

<1971, б.д.>

Дорогой Валерий! Здравствуйте!

Давно Вам не писал, как и от Вас не получал писем, и никаких новостей, – если они были, – о Вас не знаю. Много раз за эти месяцы собирался сесть за письмо Вам (у меня это обычно долгие сборы), тем более, что в прошлые разы не кончил сообщать Вам кое-какую информацию о Харбине. <…>

Перейду теперь, хоть вкратце, к Харбину. Ничего прежде не упомянул об организациях молодежи: были, конечно, комсомольцы, но были и фашисты Родзаевского, и мушкетеры, и временами на улицах происходили схватки. Были скауты российские и были «Костровые братья», организация YMCA. Но о них Вы знаете, вероятно, больше и лучше меня. Еще

были скауты-пржевальцы, путешественники и естественники, если можно так назвать, так как естествознание было их hobby и цель и весь интерес в жизни. И еще была организация еврейской молодежи «Брит-Трумпельдор», как будто полуспортивная, полуполитическая сионистская организация. Наконец, говоря о Харбине, нельзя умолчать о его спортивной жизни. Постановкой спорта Харбин мог поспорить с самыми крупными русскими городами, не исключая и столиц. В Харбине был неплохой стадион с велосипедным треком и точными по наклону виражами. Он существовал еще чуть ли не со времен постройки КВжд. Велосипедные гонки и состязания по легкой атлетике устраивались, насколько помню, в 20-х годах еженедельно. Позднее велос. гонок, насколько помню, не устраивалось; но состязания в легкой атлетике продолжались. Были рекорды не только близкие к всероссийским, но даже всеевропейским. <…>

Были в Харбине Яхт-клуб и Клуб водников YMCA, и в гонках по Сунгари участвовало до 20-ти яхт и ботиков. Было много хороших футбольных (особенно в 20-х годах), баскет- и воллей-больных команд… забыл упомянуть еще хоккейную! которые большей частью били и китайские местные, и приезжавшие из Мукдена, Кореи и Японии команды. Был еще в Харбине ипподром и вывезенные из России и Приморья хорошие рысаки и менее хорошие, но неплохие скакуны. На бегах и скачках процветал тотализатор. Летом харбинцы ежедневно тысячами перебирались на за-сунгарийские пляжи и спортивные площадки, и широкую желтую Сунгари во всех направлениях чертили яхты, гребные лодки китайцев, узенькие гоночные лодки яхт-клуба, катера и бесчисленные верткие оморочки. А зимой на катках звучала музыка и по льду носились наши конькобежцы.

Думал, что вмещу все в две страницы, но не сумел, нельзя же, стараясь показать, что Харбин не был серым, захудалым городишком, не упомянуть еще о нескольких культурных явлениях: во-первых, о симфонических концертах в саду Желсоба и великолепных постановках опер. <…>

И обязательно, конечно, надо сказать об Обществе Изучения Маньчжурского Края и, главным образом, о его великолепном музее, размещавшемся в предоставленной О-ву части огромного здания Московских торговых рядов на Соборной площади. К стыду своему, я побывал в нем всего раза 2–3, но впечатление получил большое. Там и художественно-исторический отдел, и сельскохозяйственный, и о специфической китайской медицине, и о религии китайцев, и об охоте в Маньчжурии. <…>

Захотите получить еще какие-нибудь сведения, спрашивайте, если знаю – сообщу.

Куда-то заложили Ваше последнее письмо, поэтому, вероятно, некоторые Ваши вопросы всё еще остаются неотвеченными.

Крепко жму Вашу руку, Валерий, желаю новых успехов, новых побед, новых достижений. Скажите маме, что всегда вспоминаю ее с искренним восхищением и «спасибо вашей маме, что она вас родила». Знаете, это откуда?.. Из чудесного, остроумного стихотворения в 4-х частях Дона-Аминадо, поздравления Сталину по случаю его 50-летия, что ли. В этой части, откуда цитата, «октябрята» поздравляют «вождя». Вот оно, если вспомню:

По беспроволочной сети
В этот день и в этот час
Все зародыши на свете
Прямо молятся на вас!
I
Вы из стали, мы из воска,
Вы ведете, мы идем.
Наша соска – ваша соска:
Что имеем, то даем.

Впрочем, в краткой, телеграмме
Все не выскажешь дотла,
Но... спасибо вашей маме,
Что она вас родила!

Как оно Вам нравится?

А я хочу Вас поздравить с такой замечательной мамой, как Евгения Александровна. Сердечный ей и Вам привет. Кланяйтесь также и Лиде и Виктору.

Ваш М. Бибинов.

<1971. Б. д.>

Дорогой Валерий, получил и Ваше большое и интересное письмо (получил 6 октября), и, позднее, оттиск Вашей статьи о «Русской поэзии в Китае»[1]. Последнее – нечто такое, за что Вам будут благодарны не только поэты с Дальнего Востока, но и все любящие поэзию и будущие историки русской эмиграции. Это многим может облегчить их работу в будущем. Мне, как современнику всех, кого Вы перечислили, это было особенно интересно, так как я был связан и с несколькими журналами, и с несколькими организациями литературного характера (а у самого последняя фраза получилась не ахти как литературно). Большое спасибо за присылку. За

[1] Russian Language Journal. 1971. № 91.

малым исключением, я лично знал всех перечисленных. Добавить мог бы немногое. Ну, например, говоря о Марианне Колосовой, я сказал бы, что под этим псевдонимом[1] она писала больше стихи о России, о своей боли за Родину... Другие ее псевдонимы были Джунгар (в конце 20-х, начале 30-х годов) и, главным образом, Елена Инсарова – вся лирика. Никак не могу припомнить Марию Волкову[2] в Харбине. Если не ошибаюсь, есть (или была) талантливая поэтесса Мария Волкова – донская казачка. Но, по-моему, она всегда была где-то в Европе. Не помню А.К. Горностаева. Если это псевдоним Сетницкого[3], которого я немного знал по его службе на КВжд в Экономическом Бюро, то никогда Сетницкий даже намека мне не делал, что он пишет стихи. Вместе с Сетницким в Экон. Бюро служил и Яшнов[4]. Я тоже не знал, что он поэт. Не знал или почти не знал поэтов Шанхая, Пекина, Циндао, Ханькоу (кроме Гроссе). А вот кого Вы пропустили, так это Николая Щеголева, Викторию Янковскую[5]. Впрочем, соврал: о Щеголеве Вы упомянули. И об Янковской тоже нашел. Sorry. Не упомянули в перечне журналов изданный, кажется, в 1922 году или чуть раньше А.А. Гзелем литературно-худож. журнал «Фиал». Издан он был очень хорошо со стороны, как теперь говорят, «оформления». Содержание было тоже довольно удачное. Помню, были там статьи Мих. Щербакова и Шахматова[6] (если не переврал последней фамилии; оба, кажется, шанхайцы), была довольно большая вещь Сергея Алымова «Гонолулу», даже одно стихотворение Блока, к которому я, по просьбе Гзеля, дал небольшой рисунок-заставку, не помню, вышел ли когда-либо второй номер. Первый стоил Гзелю денег, наверное, не окупился, и Гзель вскоре уехал в Австралию. Из «Гонолулу» помню несколько строк:

---

[1] Марианна (Ивановна) Колосова – не псевдоним, а подлинное имя поэтессы. – *Прим. В. Перелешина.*

[2] Мария (Вячеславовна) Волкова жила и, кажется, живет и сейчас (1985) в Германии. Ее стихи изредка выявлялись в харбинской печати, из чего я ошибочно заключил, что она харбинка. – *Прим. В. Перелешина.*

[3] Н.А. (Николай Александрович) Сетницкий – именно тот самый. Также преподавал он на Юридическом факультете. Как Сетницкий, возглавлял кружок «федорианцев» в Харбине, издавал по частям «Философию Общего Дела», а также собственный объемистый труд «О конечном идеале», привелось мне прочесть и сборники его стихов, подписанных именами Г. Горностаев, А.К. Горностаев. Некоторые брошюры, в частности, «Заметки об искусстве» он подписывал еще одним гетеронимом – Г.Г. Гежелинский. – *Прим. В. Перелешина.*

[4] Евгений Евгеньевич Яшнов, автор недурных стихов. В 1947 году в Шанхае его стихи были изданы его вдовой, зубным врачом Любовью Георгиевной Бессоновой-Савиновой. Вскоре после этого она уехала в СССР и увезла с собою богатейший архив покойного Е.Е. Яшнова. – *Прим. В. Перелешина.*

[5] Николай Щеголев, Виктория Янковская и многие другие не включены в мой перечень сознательно: сборников стихов у них в то время же было. – *Прим. В. Перелешина.*

[6] Самсон Шахматов, недурной дальневосточный писатель. – *Прим. В. Перелешина.*

Гонолулу! – звенят мои радости,
Гонолулу! – не сонм ли сонат?
И душа моя выпростать рада стих,
Целый выводок слов-весенят. (от слова весна)

Или – другое место:

Гонолулу, с тобою не мы ли
Распластались от зорь и до зорь?
Облака, точно лошади, в мыле
Выезжают на дальний дозор.

Алымов был, несомненно, очень талантлив, но и очень нестрог к себе. Ну, например: «выезжают на…» – грамотнее сказать «выезжают в дозор». А главное, выезжают – самое начало; когда еще не устали – лошадям не от чего быть «в мыле». Вот когда поскачут с «дальнего дозора», тогда будут «взмыленными», и, наконец, вообще очень спорно выражение «лошади выезжают», – на них можно выезжать, а они – выходят, выбегают, отправляются и т.п. Ну, да Бог с ним. А заодно и с такими сомнительными «поэтами», как Яков Аракин, Зароастра, кое-кто еще...

Еще в 1922 или 1923 году одна дама пыталась издавать в Харбине журнал «Дали». Вышло неск. номеров. Дамское рукоделье!

Ну-с, а теперь – о другом, помнится, я писал Вам, что послал «Качель» в подарок Архиепископу Иоанну (Шаховскому) и не получил от него ни ответа, ни привета, как, по Вашим словам, не получали и Вы. Но вот, несколько дней назад (4-5) пришло от него недлинное письмо, оказывается, он был в поездке по Европе несколько дольше 3 месяцев. Побывал в Святой Земле и довольно много времени провел в знакомой ему Югославии. Благодарит меня за присылку книги, пишет, что согласен с моей общей оценкой книги и дает кое-какие свои мнения и оценки. Думаю, что Вам, как и всякому человеку, – а человеку искусства особенно, – интересно узнавать мнения других о себе. Поэтому сделал некоторые выписки, но очень прошу Вас никак не пользовать его слов где-либо в печати или даже в разговорах с теми, кто может с архиепископом встретиться; это в том случае, конечно, если Вам что-либо не понравится. Но, по-моему, он ничего неприятного для Вас не говорит, скорее напротив. Но вот, читайте сами…

«...там есть хорошие, подлинные стихи, но есть и "отходы поэтические". (Это моя <М.Р.> вставка. Я бесцеремонно назвал их стихотворной акробатикой, кажется... Как видите, Странник много мягче). Это нечто еще несозревшее в сердце и в критическом сознании поэта. Перелешин – поэт умелый, но в этом и опасность – увлечься созиданием и разрешением формальных задач. Они все для него "под силу", и он немножко пленник

этого. Сонеты – благородная форма поэзии, но мне лично она сейчас мало что говорит и кажется манерной. (В молодости, помню, я упражнялся, переводя сонеты французских поэтов 19-го века, и сам кое-что писал таким манером. Сейчас это для меня никак "не звучит")[1]. Поэзии надо отходить от условностей. Почему автор свои стихи назвал "Качелями"[2] и мне, как Вам, неясно. Это ничего не добавляет к тексту и не объясняет его новой чертой. Но поэт имеет право на выдумку. Приятно, что Перелешин – верующий в Бога поэт. Это чудесно, но это и опасно: нередко такие поэты употребляют в с у е имя Божие. А это ответственно – до чрезвычайности».

Это все плохо или хорошо? В общем, это – похвала, но похвала, так сказать, данная несколько сверху, свысока. Но какой актер и какой художник не считает себя выше, опытнее, талантливее других? Кто этим не грешит, и я, пася поэтов и писателей на «рубежных» полях, прекрасно с этим знаком.

Более точную оценку о Вас и Страннике даст кто-то третий. <…>

Крепко жму руку. Евгении Александровне сердечный привет.

<1971. Б. д. На рождественской открытке>

Милых Евгению Александровну и Валерия поздравляем с Праздниками и шлем искренние пожелания всяких благ, из которых два: не болеть и, второе, специально для Валерия, – очень скоро найти хорошую службу; остальное «приложится».

Хочу ответить, Валерий, на то, о чем Вы писали мне 20 октября, отвечу сжато сейчас, а то когда еще раскачаешься. О том, что Вы энергично и успешно работаете на литературном и на журналистическом поприще, могу сказать лишь одно: очень одобряю. Одно плохо – плохо платят или совсем не платят. А время эта работа отнимает. Пробовали ли Вы писать, скажем, по-английски в американские газеты или журналы? На счет карточек наших «Рубежных» хозяев и сотрудников, – у нас ровно ничего нет, а что есть, за последние годы, то в одном экземпляре. Глеб Струве[3] – поэт

---

[1] Мудрствование высокопреосвященного поэта <Архиепископ Иоанн писал стихи под псевдонимом Странник> – не от силы, а от слабости. Как он «упражнялся» в молодости, не знаю, но к семидесятым годам «впал, как в ересь», в неслыханную простоту поэтической беспомощности. – *Прим. В. Перелешина.*

[2] Сборник мой – «Качель», а не «Качели». Этой же формой множественного числа пользуются Осип Мандельштам и многие другие. Об этом я писал в «Новом Русской слове» <10.2.1972> – «Качель или только Качели?» – *Прим. В. Перелешина.*

[3] Профессор Глеб Петрович Струве, с которым я переписывался много лет и письма которого недавно передал в Архив Лейденского университета в Голландии, умер 4 июня 1985 года в

и профессор Калифор. университета, читает, насколько я знаю, курс русской литературы иногда, редко, дает свои статьи в местную газету «Русская жизнь». Д-ра Ю.М. Волкова[1] я встречал в Харбине; он уехал в Америку, а м.б. сразу в Канаду, вместе с племянником моей жены[2] Юрой Ротт и, кажется, с Гуденковым: они, как будто, все вместе учились в YMCA. Наташа Резникова[3] в Шанхае еще вышла замуж за пожилого датчанина, после его смерти долго бедствовала в Европе. Не знаю, как и когда добралась до Нью-Йорка. Снова замужем за русским скульптором Глебом Дерюжинским. Этот муж тоже много старше Наташи; с работой у него дела идут плохо, он болеет, и живут они, как будто, очень неважно. Ей приходится служить где-то в конторе. В редких письмах жалуется, что смертельно устает, отец ее – давно в Палестине. Мать, как Вы знаете, давно уже умерла. Моя жена служит здесь же, в Берлингейме, в госпитале, в лаборатории в должности tissue technician[4], я – retired, а сын мой – дантист, женат, имеет двойню 11 лет, живет в Сакраменто в 100 миль от нас. Работает прекрасно. Ну вот, пока все. Крепко жму Вашу руку.

М. Бибинов.

21 февраля 1973 <В. Перелешиным исправлено: «октября»>

<…> Как ни трудно этому поверить, но я закончил, насколько это было возможно с моим далеко не полным комплектом «Рубежа», действительно необходимую работу по розыску Арсенианы. Разыскал и перепи-

---

возрасте восьмидесяти семи лет. Михаил Сергеевич Бибинов, гвардии капитан, скончался 29 мая 1985 года в Сакраменто. – *Прим. В. Перелешина.*

[1] В архиве Отдела рукописей ИМЛИ сохранилось 75 писем Ю. Волкова В. Перелешину из Канады за 1967–1990 гг.

[2] Жена М. Рокотова Агния Александровна была сестрой Елизаветы Александровны Кауфман. Третья их сестра Анна Александровна была гражданской женой А. Несмелова.

[3] В своих воспоминаниях В. Перелешин пишет, что в Харбине в начале 1930-х гг. Н.С. Резникова писала стихи, прозу, статьи. Позже выпустила сборники стихов: «Песни земли» (Харбин, 1938), «Ты» (Харбин, 1942). А редакция «Рубежа» в то время «занимала большую залу в квартире отца Наташи – присяжного поверенного С.Я. Резникова, умершего в Израиле около 1970-го года, и это географическое соседство сказывалось на всем укладе жизни дома. Доносился стук пишущих машин, раздавались звонки посетителей. Все заезжие знаменитости непременно бывали у Резниковых, и в их доме всегда можно было узнать о предстоящих приездах, о новых книгах, о прибытии очередного номера "Современных Записок" или "Чисел". Наташа, сама окончившая харбинский Юридический факультет, любила видеть вокруг себя писателей, поэтов, музыкантов, журналистов. У нее бывали один из "столпов" "Зари" Дмитрий Григорьевич Сатовский-Ржевский, Несмелов, Логинов, Хаиндрова». (Два полустанка // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Pereles`in. Amsterdam, 1987. P. 32).

[4] Патологоанатом (англ.).

сал все 16 просимых Вами стихотворений. Первые два, впрочем, были перепечатаны уже в июне. <…>

А дня 4–5 назад одна знакомая дама передала мне через *мою* «половину», недавний номер «Нового Русского Слова» <от 1–2 сентября 1973> с Вашей заметкой, – нет, не заметкой, а целой статьей на трех колонках – «Харбинский журнал "Рубеж"». Страшно приятно было читать Ваш лестный (преувеличенно) отзыв о моей роли в Вашей «карьере». <…> Моя заслуга ничтожна – забудьте об этом.

О «Рубеже» и путанице в датах… У меня не весь «Рубеж». Самый ранний – № 6 от 18 февраля 1928 г. Это был второй год издания. Журнал печатался в «Заре», но редактор-издатель был некий А.С. Цыганов, которого я никогда не знал. Журнал был двухнедельный, но с № 8 от 4 марта стал еженедельным. С № 9 зав. ред. частью был А.В. Петров (вероятно, фельетонист «Рупора» Полишинель). С № 13-го зав. ред. частью стал Н.Д. Шилов. У меня «Рубеж» за 28-ой год кончается № 48 от 19 декабря. Были ли еще номера (хоть один) за этот год, – не знаю. В 1929 г. журнал стал подпис. Е.С. Кауфман. Изд-во «Товарищество "Рубеж"». С лета 1929 года я стал работать как завед. редакцией. Но только в 1930 году, начиная с № 29, Кауфман сказал, чтобы переменили подписи. И с этого дня я и официально стал зав. ред., а Кауфман оставался редактором, хотя фактически он ни во что не вмешивался и только утверждал (ни разу ничего не изменяя) материал, подобранный мною для каждого очередного номера. Уже гораздо позднее я и официально стал редактором, а при японцах, по требованию полицейской цензуры, пришлось мне вновь называться в подписи под «Рубежом» своим настоящим именем.

Последних, после моего отъезда из Харбина, номеров у меня немного. Есть 3 номера за 1943 год: №№ 2, 10, 20. Не знаю, выходил ли «Рубеж» после этого. <…>. А пока – шлю Вам и милой Евгении Александровне мой сердечный привет, к которому присоединяется и жена. Желаю дальнейших успехов. И был бы страшно рад, если бы Вы сумели побывать у нас. Ваш искренно М. Бибинов.

11 мая 1975

Дорогой друг мой Валерий, здравствуйте!

<…> Я перечитал оба Ваших январских (!) письма и хочу, хоть кратко, коснуться их. <…> Сергей Ильич Ражев... Была в Харбине, кажется, булочная Ражева[1]. Как о писателе я о нем никогда ничего не слышал.

[1] В альманахе «Второй Прибой» (Харбин, 1942) среди рекламных объявлений читаем: «Союз конфетно-шоколадных фабрик и кондитерских при Главном Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. Пристань, Биржевая ул., д. 27, 3-й этаж. Тел. 67-08. Предс. Союза Г.Т. Ражев. Секретарь Г.В. Спехальский».

Псевдонимом Яворский подписывался я сам и в газетах, и в «Рубеже» под всевозможными очерками. Это был один из 4–5 рубежинских псевдонимов. Я впервые пустил его в обращение еще в 1921 или 22-м году, в харбинском «Синем журнале», просуществовавшем всего 2–3 недели, если не того меньше[1].

Лида Хаиндрова[2], действительно, чудесная женщина, и Вы совершенно точно и правильно ее охарактеризовали. Привет ей от меня и любовную память передайте ей, пожалуйста, когда будете писать. То же прошу передать и Ларисе[3], вместе с упреком: она должна не зарывать свой большой и очень разносторонний талант в землю. Бог дал ей этот талант не для того. Я все еще в восторге от ее «Кошки» в Вашем шанхайском сборнике.

Читая часть Вашего второго письма, посвященную поэзии, ее форме и содержанию, я решил честно Вам признаться полностью, а не намеками, как старался дать это понять Вам, говоря о сонетах: Вы настолько переросли мой скромный уровень (в сущности, чисто ученический уровень) знания поэзии, особенно теории, что, читая Ваши суждения и оценки, так же, как и писания Вейдле, я чувствую себя той свиньей, перед которой

---

[1] В конце 1974 – начале 1975 г. Перелешин и Рокотов уже обсуждали вдруг возникшего из небытия (точнее, из СССР) С.И. Ражева, который в письме пытался убедить Перелешина, что он, Ражев – и есть харбинский журналист С. Яворский. Перелешин спросил Рокотова – помнит ли он такого журналиста. В рождественской открытке М. Рокотов, отвечая на вопрос В. Перелешина, писал: «Ражева – Яворского никогда не знал, определенно. Этот псевдоним, один из 3–4, я себе придумал во время харбинского "Синего журнала" – всего пара номеров вышла под редакцией, помнится, М.Ц. Спургота и "Сыча" Покровского». Позже (см. письмо от 24.10.1976) эта тема возникнет опять. Комментируя эту информацию уже в середине 80-х гг., В. Перелешин писал: «Свидетельство Михаила Сергеевича Рокотова о "Яворском" драгоценно. Им окончательно разоблачаются притязания Сергея Ильича Ражева на то, что в Харбине он был журналистом. Я такого журналиста не знал и о таком не слышал. Лидия Хаиндрова тоже не знала и не слышала. Моя мать Е.А. Сентянина тоже не знала и не слышала. М.С. Рокотов не только не знал и не слышал, но раскрыл происхождение этого редакционного псевдонима <…>. Вернее всего, С.И. Ражев – из семьи владельцев хлебопекарен, купцов очень зажиточных».

[2] О Л.И. Хаиндровой (1910–1986) В. Перелешин пишет, что она была «красивой, очаровательной дамой с лицом кавказского типа (чудесные большие бархатные глаза, очень белая кожа). Говорила неторопливо, иногда произносила (и писала!) "ы" вместо "и", хотя по-грузински не говорила. Весь ее облик – барственный, мягкий, полный доброжелательства – располагал к ней сразу и навсегда» («Два полустанка». Указ. изд. С. 33). Она автор нескольких книг стихов. В 1947 г. уехала в СССР и поселилась в Краснодаре. В архиве Перелешина сохранилось 25 писем Л. Хаиндровой к В. Перелешину и 27 ответных писем.

[3] В своих воспоминаниях В. Перелешин не раз пишет о Лариссе Андерсен (род. 1914 г.), говорит, что в «Чураевке» все были влюблены в эту талантливую девочку. В 1940 г. вышел сборник ее стихов «По земным лугам». Упоминаемое стихотворение «Кошка» появилось в сборнике «Остров» (Шанхай, 1946). Из Харбина она уехала в Шанхай, потом в Сайгон, на Таити, и, наконец, поселилась в Париже. В архиве Перелешина сохранилось 86 писем Л.Н. Андерсен.

«мечут бисер». Честно: ничего я в поэзии не понимаю! Дальше простейших форм и лирики (в содержании) не пошел и не пойду. Идти дальше, любить или просто ценить таких, как Чиннов, Крученых и многие нынешние их подражатели – не хочу и не смогу. <…> Целую ручки милой Вашей мамы. Жена тоже шлет привет и Евг. Алекс., и Вам, и Виктору с Лидой.

24 октября 1976 г.

Здравствуйте, Валерий!

Давненько я не писал Вам, – больше полугода. Много больше. <…>

И вот, пришел «Ариэль»[1], весь сотканный из сотни с лишком сонетов, безупречных по форме, связанных общей необычной темой, новой для русской поэзии (с иностранной я почти не знаком), показывающей Вас не только на редкость большим мастером стиха, но и человеком с огромной эрудицией. По крайней мере, в области классики (Эллада, Рим). Все эти десятки греческих имен, использованных Вами в «Ариэле», не только дали Вам возможность создать много новых рифм, но и как бы сроднили Вас с древними поэтами и по форме, и по духу. Вряд ли в этих Ваших сонетах осталось что-то, явно говорящее, что автор – русский поэт. Хорошо это или плохо, не мне судить. Повторяю: поэт – сам себе хозяин, голова, цензор – все. О чем хочет, о том пишет, как чувствует, так и говорит. И я не собираюсь Вас «распекать» за то, что Вы так чувствуете, хотя мне это чуждо и непонятно. Но хочу все-таки поставить Вам несколько вопросов, на которые Вы, разумеется, не обязаны отвечать.

Вот они… Знает ли Ж., что Вы <u>писали</u> стихи о себе и о нем? Не протестовал ли он? Знал ли, что Вы <u>издаете</u> все эти стихи? А теперь – вопросы лично к Вам: не приходило ли Вам в голову (умную, но не всегда практичную), что «Ариэль» изданный неизбежно попадет в руки советчиков, которые без труда расшифруют Ваш акростих и второй акростих в мадригале[2]; что все это дело может очень не понравиться, что разыскать в Москве Женю Витковского, молодого, высокого, красивого поэта, недавно женатого и имеющего уже сына, – вовсе не трудно. И что, в результате, Жене (кстати, Женя, самое это имя, среди греческих имен в классическом

[1] Книга любовных стихов В. Перелешина «Ариэль» (Франкфурт-на-Майне, 1976) была обращена к поэту, переводчику из СССР Е.В. Витковскому, с которым В. Перелешин переписывался, но никогда не встречался.

[2] Термином «мадригал» Михаил Сергеевич подменяет принятый в поэтике термин «магистрал» – ключевой сонет венка. – *Прим. В. Перелешина.*

сонете – как на корове седло) может грозить много неприятностей, вплоть до Гулага? Ставлю на этом точку.

Теперь – о Яворском… На днях в нашей газете «Русская жизнь» появилось и прошло уже в 3–4 номерах это объявление:

ПРОСЬБА ОТКЛИКНУТЬСЯ

Коллеги журналисты, печатавшиеся в Харбине! Если кто-нибудь жив и помнит СЕРГЕЯ ЯВОРСКОГО («Заря», «Рубеж») откликнитесь. Вас ищет человек, только что вырвавшийся из-за «железного занавеса». Писать: *Mr. S. Yavorsky, 64 Lisburn Str., Brisbane, 4169. Australia.*

Как видите, он уже «вырвался» и живет в Австралии, и дает свое имя как Яворский, а не Ражев[1]. Я пока не «откликнулся», ибо совершенно не помню, чтобы я когда-либо знал человека с таким именем среди наших сотрудников, а пользовал это имя – С. Яворский – как псевдоним много раз для всяких очерков.

Ну, вот, – после долгого молчания – кислое письмо. Милой Евгении Александровне – сердечный привет. Если обидетесь и не ответите – не обижусь. Ваш и не Ваш М. Бибинов.

---

[1] С.И. Ражев настаивал на своем «яворстве». Для характеристики «С. Яворского» упомяну, что сразу по прибытии в Австралию он выпросил у меня все мои тогда не распроданные сборники – по одному каждого выпуска – с тем, что заплатит за них, «когда устроится». Устроившись (если это ему было нужно, ибо он не только не нуждается, но просто богат), оборвал со мною переписку, но успел вызнать у меня адрес Лариссы Андерсен и, совершая кругосветное путешествие, заехал и к ней в Иссанжо. – *Прим. В. Перелешина.*

В ПОИСКАХ МАРИАННЫ КОЛОСОВОЙ: ПИСЬМА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГУВЕРОВСКОГО АРХИВА

В.А. Суманосов

Мы с бабушкой родились в один день 19 января на Крещение, только я в 1961 г., а она в 1912 г. Ее звали Аксинья Кононовна. Она через всю жизнь пронесла свою неизбывную боль о раскулачивании родителей. Сама она под это каток репрессий не попала по простой причине – ее наспех выдали замуж.

Когда я расспрашивал свою бабушку о ее молодости, она с удовольствием рассказывала, каким большим было наше село Голубцово.

Вспоминая раскулачивание, она горячилась и всегда задавала вопрос, на который я не мог найти ответа. «За что родителей раскулачили, за что сослали в Нарым?» Я пожимал плечами и, видя накатывавшиеся слезы у бабушки, уходил от разговора.

Как же я сейчас жалею, что не записывал ее рассказы.

В феврале 2007 г. я освоил компьютер, ради расширения кругозора вышел в Интернет.

В поисковой системе «Рамблер» забил два слова – Сердитов+Голубцово.

Это фамилия моего прадеда по бабушке – Сердитов Конон Васильевич.

То, что произошло потом, вызвало у меня шок.

Оказывается, во всемирной паутине была информация о моем прадеде, что он был реабилитирован еще в 1989 г. А я узнал это спустя 18 лет, когда уже 9 лет как умер мой отец Александр Венедиктович.

И я потянул эту ниточку. Нашел дело моего деда. Узнал, как это все было в селе.

Узнал про село так много, что захотел написать книгу «Забытая история села Голубцово».

Как мне все говорили: «Для кого ты написал эту книгу? Кроме твоего села, это никому не интересно». Но это оказалось не совсем так. Я нигде не рекламировал книгу, просто отнес обязательные экземпляры в краевую библиотеку. И через год стал победителем краевого конкурса на лучшую книгу для молодого поколения о любви к малой Родине.

Кроме всего прочего, в книге я хотел отразить, как жители моего села участвовали в Гражданской войне. И нашел поразившие меня своей простотой воспоминания полковника Камбалина Александра Иннокентьевича – командира III Барнаульского полка Белой армии. Захотелось найти фотографию этого человека и издать его воспоминания.

На мое счастье, это удалось сделать. Ниточка поисков привела в Сан-Франциско. На счастье, судьба свела с корреспондентом газеты «Русская жизнь» Забегалиным Андреем Сергеевичем, и не без везения он нашел архив полковника Камбалина. Книга «Забытый полк» была издана в 2009 г. к 90-летию начала Сибирского Ледяного похода.

Ниточка поисков не обрывалась и повела дальше к поэтессе Белого движения Марианне Колосовой.

Впервые я услышал о Марианне Колосовой от Александра Михайловича Родионова, когда искал поэтический эпиграф к книге «Забытый полк».

По силе ненависти к коммунистам с ней мало кто мог сравниться, разве что Арсений Несмелов. Его мужская поэзия оказалась мне ближе и, в результате, я остановился именно на его стихотворении «К потомку». Стихи Марианны Колосовой в книге все же появились, когда по разным причинам пришлось удалить всю личную переписку и многое другое из архива полковника Камбалина Александра Иннокентьевича. Стихи были к месту, так как Марианна Колосова выразила за всех изгнанников – боль, отчаяние и проклятия победившим большевикам. Александр Михайлович Родионов раззадорил меня необходимостью найти фотографию Марианны Колосовой. И посоветовал уцепиться за статью Михаила Юппа – поэта, исследователя, коллекционера проживающего в Филадельфии («Компиляция, если не сказать хлеще»).

Не сразу, но связь с ним у меня была налажена. Вся беда в том, что он не любит Интернет, и электронной почты, соответственно, у него нет. Фото у него не оказалось, но он дал адрес ростовчанина Константина Хохульникова. Без особой надежды я написал тому письмо и, пару месяцев спустя, получил письмо с фотографией Марианны Колосовой. Сомнений, что это Колосова, у Хохульникова, бывшего полковника КГБ, не было. Каково же было мое удивление, что я видел это лицо на фотографии из архива Камбалина. Поделившись этим открытием с Забегалиным, я получил от него подтверждение моей правоты. Там же, в архиве, нашелся автографический подлинник стихотворения Марианны Колосовой «Бусы». Фотография Колосовой имела надпись на обороте «Дорогой Евдокии Андреевне от Е.И. и В.П.». Евдокия Андреевна, окончившая Смоленское епархиальное училище со званием домашней учительницы и прожившая в Харбине с 1920 г. по 1927 г. как бывшая жительница г. Барнаула, имела с Марианной Колосовой много общего, как оказалось в дальнейшем.

Пытался я найти следы пребывания Колосовой и в Чили, для чего написал письмо в Генконсульство России. На мое письмо пришел довольно быстрый ответ. Один из чилийских знакомых Марианны Колосовой, Володя Тейтельбойм, умер пять лет назад. На предложение поговорить о

Марианне Колосовой с Луисом Корваланом вынужден был отказаться. Осталась до сих пор малюсенькая надежда что-нибудь узнать у дочери Володи Тейтельбойма, которая сейчас работает дипломатом в посольстве Чили в Польше. Очень может быть, что есть общая фотография Колосовой и Тейтельбойма.

Очень жалею, что тема белоэмигрантов была мне не известна в 1994–1997 гг., а тогда, в Сан-Франциско, были еще живы люди, с которыми можно было поговорить. Они ждали до конца своей жизни возможности рассказать обо всем, что пережили в своих скитаниях по миру.

Мои поиски продолжались. В Гуверовском архиве Стенфордского университета были найдены письма Марианны Колосовой, которые предлагаются вашему вниманию. Никаких ссылок на номера коробок, где они лежат, я делать не буду. Никто не хотел их искать до меня, и сейчас таковых нет.

Из личной переписки Марианны Колосовой

Письмо Марианны Колосовой,
начатое 25 июня 1935 г., законченное 10 июля

Глубокоуважаемый Георгий Павлович!

Прежде всего сообщаю, что мною получены два Ваших письма с сургучными печатями и переданы по назначению. Письма мною были получены от молодого человека <приезжего>. Н.И. уехал на линию службы 6 июня. Письмо это написано мною 25 июня от руки, полежало две недели в ожидании оказии, и сегодня я решила переписать его на машинке <чтобы кое-что выбросить из него> и отправить просто по почте. Ваше письмо с вопросами «ребром» также получено, постараюсь, насколько позволят обстоятельства, ответить Вам и хотя бы туманно осветить мои поступки, которые некоторым кажутся «проступками».

Прежде всего о том, что Вы называете моим отходом от Вас.

1. Почему я подписалась под ответом Д. Бедному не так, как бы по Вашему следовало?

Да потому, что идеи и мысли, высказанные мною в этом стих., соответствуют идеологии этой группы, и я знала, что они не будут протестовать против такой подписи. А имела ли я право такую прямую и откровенную вещь подписывать другим именем? Поверьте мне, мой дорогой Брат и Друг, что я с большой радостью подписалась бы ИНЫМ именем, но я учла, что в теперешнее тяжелое время для нашей семьи я могла бы поставить под удар тех, кто меня совсем не уполномочивал это делать. Кроме того, я теперь совсем не знаю, соответствуют ли взгляды, выска-

занные мною в моих вещах, той линии поведения, которая намечена сейчас семьей. Если же для Вас эта вещь <ответ Д. Бедному> приемлема идеологически и не вредна тактически, то Вы можете отпечатать ее в листовках и подписать моим именем Вашей сестры и единомышленницы. И поверьте, что я буду очень рада этому. Или же включите ее <или разрешите мне включить ее> в тот сборник, который я сейчас составляю по Вашему приказанию. Вы можете мне резонно возразить, что я могла бы просто подписаться моим именем без указания моих убеждений. Да, я могла бы это сделать. Но здешняя обстановка требовала другого. Я считаю, что везде должна проводиться Великодержавная линия, и эта вещь <ответ Д. Б.> ничто иное, как удар сразу по трем врагам: по коммунистам, сепаратистам и по тем эмигрантам, которые не держат четкую линию Колчака, Краснова и Деникина. Кроме того, мои убеждения всегда соответствовали моей подписи под этой злополучной вещью, и я этого ни от кого не скрывала, т.к. знала, что в семье люди разных взглядов собраны.

2. Считаю ли я себя членом Вашей семьи? Да. Хотя не скрою от Вас, что в здешней обстановке мне это очень тяжело с 1932 г. Если бы Вы были здесь и знали, что я знаю, то и Вам было бы тяжело. Насколько возможно, что могла и умела, я выполняла до сих пор, а Ваши поручения и приказания <лично Ваши> для меня святы и впредь, что бы ни случилось, я буду считать долгом и счастьем исполнить каждое Ваше <личное> поручение, т.к. после смерти Ильи и Вани я никого больше в нашей семье не знаю, кроме Вас, и никому, кроме Вас, не верю. Были трое в нашей семье, кому я верила, и теперь остались Один Вы.

3. Нахожу ли я возможность работать по двум линиям? Да! Потому что я сейчас работаю не по двум, а по шести линиям, и близко время, когда я <если буду жива-здорова> буду работать в еще большем масштабе. Это я делаю вполне сознательно, и на это меня толкает жизнь и живые люди, которые вокруг меня мучаются, борются, и каждый по-своему любит Россию. И когда я вижу, что хороших и честных патриотов травят, я забываю, что они «инакомыслящие», и бросаюсь на помощь, и «сую свой нос, куда не следует», и «вмешиваюсь не в свои дела». Коли ЭТО преступление, то, конечно, я виновна перед Вами не раз и не два. Как раз в этом месяце я снова совершила такое преступление, снова заступилась за человека «чужого», и об этом Вы, конечно, получите или уже получили соответствующий доклад. Я когда-то давала присягу Колчаку на верность Богу и России, вторая моя присяга, данная мной здесь в изгнании, является для меня только повторением и подтверждением первой. Но, мой дорогой Старший Друг, я не давала присяги закрывать глаза и уши, если рядом будут мучить Русского честного патриота, я не могу отвернуться от него

только потому, что он не в той организации, где я; я помогу ему, а потом в России мы с ним разберемся, чья «вера» лучше.

Не знаю, достаточно ли я ясно рассказала все, чем перемучилась за эти четыре года. Если Вы не согласны с моими доводами, то с болью в сердце я вынуждена буду уйти из семьи.

4. Меня смущает не временное затишье, а то, что к работе прикасаются враждебные и грязные руки, и, несмотря ни на что, эти руки продолжают свою каинову работу. Очень тут нехорошо. Затем Вы, очевидно, ошибочно написали насчет фаш. «партии». Разъясняю: что с фаш. «партией» я никогда и ничего общего не имела и не имею и кроме отрицательного отношения, у меня к ней никакого другого быть не может. Я оказываю помощь работе фаш. организации <которая Вам известна> и с которой я была связана давно и политическими убеждениями и дружескими отношениями. А так как я знала, что члены нашей семьи состоят в других обществах, то я была уверена, что ничего плохого не делаю. Другое дело, если бы я была связана с людьми, враждебными нам. А со стороны этой организации я видела всегда только доброжелательное и сочувственное отношение к нам. Они всегда в нужных случаях подчеркивали свое глубокое уважение к жертвенности наших героев. Покойные И.А. и И.А. одобряли мою работу с этими людьми и считали их своими попутчиками во многом. И.А. и И.А. посылали свою литературу на ту сторону, вместе с ней посылали и ф. литературу, говоря: «люди там тоже разные, кому что понравится – наше или это, лишь бы скорее коммунистов сбросили». Эти люди <рфо> всегда с готовностью покупали и распространяли мою книгу с крестом на обложке, отлично зная, чей это знак, и никогда не задавали никаких вопросов и не делали никаких упреков, безмолвно уважая то, чему я служу. Итак, я не видела от этой группы никакого вреда для нас, кроме пользы, и в этом мое оправдание перед Вами. Не буду говорить о том, что эта организация не дала мне умереть от истощения в эти тяжелейшие для меня годы.

И, простите за откровенность, за свое хорошее отношение к нам эта группа видела от нашей семьи во многих и многих случаях незаслуженно враждебное отношение. Мало того, мной в точности выяснено, что члены нашей организации помогали громить и разваливать эту группу. И, разрушая здоровый организм, создавали рядом чуждый нашей семье грязный и гнилой организм, который заражает гниением теперь и их самих. Все это могу подтвердить именами и датами при более удобном случае. Ни Вы, ни я, никто из нас не виноват в подобных вещах, виноват самый метод работы, который был хорош раньше и совершенно не подходящ сейчас для данной обстановки. Вы говорите: «мы сильны качественно». К моему глубокому сожалению, я обязана сказать Вам, что здесь совсем не так. И от

этого общий упадок духа и общее неверие. Слишком много накопилось лжи. И плохо, когда ложь прикрывается тайной, ибо тогда тайна перестает быть святыней. А без святыни и веры не может быть жертвы и подвига. Все это говорю о здешней жизни, о других местах ничего не знаю. За последние годы прекратилась моральная поддержка <в виде писем> от членов нашей семьи, тогда как от инакомыслящих я со всех концов света имею массу писем и откликов. Итак, я до сих пор не подозревала о своем отходе от Вас, а после получения Вашего последнего письма, сознаюсь, стала думать, но не об отходе, а об уходе. Ввиду враждебного отношения ко мне здешней семьи, боюсь, что мне придется уйти, т.к. вижу, что мне «ставят всякое лыко в строку» и, конечно, в конце концов, за какое-нибудь случайное слово или дело меня просто могут исключить из семьи. Этого дожидаться мне бы не хотелось. Очевидно, не подхожу ко двору. Верю только одному Вам и поэтому с Вами искренна, а больше никому не верю. Если Вы, прочитав это письмо, решите, что лучше мне уйти – я уйду, если остаться – я останусь, но, наверное, ненадолго, т.к. опять наделаю каких-нибудь проступков и опять на меня будут доносы, а ведь у меня уже больное сердце, и мне очень тяжело даются подобные истории, а умирать раньше срока я не хочу, мне еще многое надо сделать. Ни в какой другой организации я присяги не давала, иду попутчиком тех, кто является попутчиком нашей семьи, помогаю всем, кто за Единую Неделимую Великодержавную и Православную Россию. По этому признаку различаю друзей и врагов. Перед Богом, Родиной и своей совестью считаю себя невиновной, а пред людьми… с людьми считаюсь только с теми, кого уважаю за стойкость и цельность, а посему Ваше слово для меня будет решающим.

Всегда преданная Вам

Сестра Б.Р.П. Марианна Колосова.

К сожалению, невозможно написать всего, что пережито и передумано. И десятой доли не сказала я того, что в душе. Еще раз повторяю, чтобы ни случилось – Вы и Нюся всегда останетесь для меня дорогими и родными людьми, от которых я кроме добра и радости ничего другого не видела. Всегда мечтаю, что когда подрастут Танюша и Георгий, сделать для них что-нибудь очень хорошее, хорошо, если это будет уже в России, т.к. там, надеюсь, что не буду ютиться на задворках жизни, а добьюсь и для себя и для дорогих мне людей лучшей жизни.

Простите, если сказала в этом письме что-либо неприятное Вам, но Вы хотели правды. Очень больно будет, если Вы будете мной недовольны, но изменить что-либо мне сейчас немыслимо, т.к. я считаю, что я обязана делать то, что я делаю. Ибо делаю свое дело не для корыстных целей и не

для личного самолюбия. Вы, наверное, слышали, каким неприятностям приходится подвергаться, идти по линии наибольшего сопротивления всегда бывает трудно. Работа ГПУ принимает самые разные формы, и когда я вижу наиболее определенную точку их проклятой работы – то для борьбы с ними я примыкаю к тем, кто в данный момент бьет в эту точку. И мне все равно, как называют себя мои попутчики. Верю, что Вы поймете.

Ответное письмо Георгия Павловича
от 10 августа 1935 г.

Глубокоуважаемая Марианна Ивановна.

Ваше письмо, составленное в горячих выражениях от 25 июня, получил в исправности. Сожалею, что затруднения по почте не дают мне возможности ответить Вам подробно, да и кроме того, в письме невозможно изложить свои мысли таким образом, чтобы они могли дать исчерпывающие объяснения на все Ваши мысли. А потому ограничусь одним пожеланием: не сходите с того пути, по каковому Вы дали клятву идти несмотря ни на какие затруднения.

Помните: Наше общество не ограничивается Харбинским, а по качественности Харбинских членов нельзя судить обо всем обществе и вследствие этого приходить к мысли об уходе из семьи. Сильные духом не отступают…

С Вашим разъяснением относительно подписи под ответом Демьяну Бедному согласен, а посему помещать этот ответ в составленном Вами сборнике, за подписью сестры, не надо.

Вы пишете: «Вам тяжело работать в теперешней обстановке и было бы тяжело мне». Везде тяжело, дорогая сестра. Люди остаются людьми, и это будет до тех пор, пока они не очистят помыслы и не отшатнутся от партийной распри, уже раз погубившей Россию. Весь ужас нашего положения и заключается в том, что каждый по-своему любит Россию, а отсюда каждый рекламирует свой рецепт спасения, защищая до обалдения не сущность, а форму, предпочитая большие программы и громкие слова тому скромному делу, каковому посвятило себя наше Общество, заявить твердо и ясно, что: мы русские, а не такие-то и такие, мы не партия и служим не людям; мы представляем из себя тех, кто, увидя горящий дом, без рассуждения бросились тушить огонь, в то время как другие затеяли спор, как лучше и какими способами надо тушить пожар. Представьте себе, если бы все вдруг дружно взялись бы помогать русскому горю… Тогда не надо было бы работать по шести направлениям и расточать свое здоровье и лучшие силы по другим путям. Что может быть лучше и практичнее то-

го пути, каковой был указан нашим славным Обществом тринадцать лет тому назад. Это подтверждает и шеф нашего Отдела, генерал Краснов, и писатель Амфитеатров, письмо какового в копии прилагаю для Вас только. Но люди стали находить свои пути, каковые настолько засорились партийными измышлениями и дрязгами, что, право, они давно потеряли настоящий путь, ведущий к Русской победе.

11 сентября 1935 г.

Глубокоуважаемый Георгий Павлович!

Ваше пожелание: «не сходить с того пути, по которому я дала клятву идти» – причинило мне незаслуженную боль. Я дала клятву быть верной моей Родине – Православной Великодержавной Единой Неделимой России. И этой клятвы я не изменяла ни на минуту. Но если те, с кем я обещала идти вместе, не сдержат таковой же клятвы своей и изменят России, то я не буду считать себя с ними связанной никакими узами. В той суровой обстановке, в которой я сейчас нахожусь, я ни на миг не забываю, что я представительница Великой России и все силы свои полагаю на то, чтобы держаться с достоинством и не уронить перед чужими свою национальную гордость. Уверяю Вас, что <… ное> письмо. Обрадовалась возможности поговорить с Вами. Кроме Вас у меня никого нет в нашей семье и не сердитесь на меня, если высказала что-либо, с чем Вы не согласны. Для меня «центр» – это Вы, ибо любить и уважать могу теперь только тех, кого знаю. К Вашим советам, указаниям и приказаниям всегда отношусь внимательно, т.к. знаю Вас за принципиального человека. Как подвигается Ваше лечение? Вы обязаны быть здоровым и не переутомляться. Вы нужны России, Вашей жене и детишкам, и нам.

Помоги Вам Бог!

Преданная Вам Марианна.

***

Кому же были адресованы эти письма?

Некоторое время назад состоялось объединение русской православной церкви в отечестве и за рубежом. Этому историческому событию предшествовали длительные переговоры. Одним из переговорщиков со стороны зарубежной церкви был протоирей из г. Наяка Георгий Георгиевич Ларин. Именно его отцу были обращены письма Марианны Колосовой.

18 октября 2010 г. я написал письмо Георгию Георгиевичу со слабенькой надеждой на ответ. Удача улыбнулась, через один час ответ был получен. Публикую эту переписку.

Здравствуйте, Георгий Георгиевич. Меня зовут Суманосов Виктор Александрович, мне 50 лет, я проживаю в России в городе Барнауле Алтайского края. В 2009 г. я со своим другом написал и издал книгу «Забытый полк» о III Барнаульском стрелковом полку Белой армии и его командире полковнике Камбалине Александре Иннокентьевиче. Об этом можете посмотреть по ссылке: http://rusk.ru/vst.php?idar=424590. Неоценимую помощь в поисках архива полковника Камбалина оказал мне Забегалин Андрей Сергеевич. Он по моей личной просьбе связывался с Вами по следующему вопросу. В архиве Камбалина была найдена харбинская фотография молодой женщины и мужчины с подписью на обороте «Дорогой Евдокии Андреевне от Е.И. и В.П.», а также рукописный автограф стихотворения Марианны Колосовой «Бусы». Составной частью книги были стихи Марианны Колосовой, которая за всех белоэмигрантов выразила боль и проклятия большевикам, захватившим на долгие годы власть в России. Сейчас я занят сбором материалов, воспоминаний о Марианне Колосовой и ее стихов. В Гуверовском архиве Стенфордского университета были обнаружены письма Марианны Колосовой к Вашему отцу и его ответ к ней. В приложенном файле я Вам их высылаю, высылаю также и фото, про которое говорил выше. Мужчина на фото опознан как генерал Косьмин Владимир Дмитриевич, вот ссылка о нем: http://east-front.narod.ru/bio/kosmin.htm.

Нигде, к сожалению, не могу найти других фотографий Марианны Колосовой.

Через Вас, отец Георгий, произошло воссоединение с Родиной Марианны Колосовой, о котором она мечтала всю жизнь на чужбине, но, к сожалению, при жизни не случилось. Прошу прощения, если чем-то нарушил Ваш покой.

Дорогой о Господе Виктор Александрович, от души благодарю Вас за присланные Вами интересные материалы о моем отце, и члене его отдела «Братства Русской Правды», поэтессе Марианны Ивановны Колосовой. К сожалению, нет у меня ни одной фотографии Марианны Ивановны, близкого друга моей мамы, Анны Алексеевны Лариной и моего отца, хорунжего Оренбургского казачьего войска – посылаю Вам его фотографию, снятую в Шанхае в 1923 г. Между прочим, существует стихотворение Марианны Колосовой, под заглавием «Казачке Тане», посвященное моей

старшей сестре – Татьяне Лариной – составленное вскоре после ее рождения в Шанхае в1930-м году. Еще раз – примите от меня огромное СПАСИБО за доставленную мне радость. С любовью во Христе, Протоиерей Георгий Ларин.

***

В том же архиве нашлось письмо Марианны Колосовой к еще одной нашей землячке – поэтессе Таисии Баженовой. Ее родной дядя был чиновником Алтайского казначейства и жил в Барнауле, у него часто гостила Таисия.

Дорогая Таисия Анатольевна!

На днях отправила Вам большое письмо. Книги посылаю одновременно с этим письмом. Посылаю две пачки по 9 штук каждая. Всего 18 книг, из них 3 надписаны – подарок Вам, а 15 для продажи. Цена каждой книги 35 центов американских, это, так сказать, себестоимость, а так как нужно будет еще проценты отчислять в пользу книгопродавцев, то придется продавать по 40 центов американских. Из них 35 центов мне и 5 центов книготорговцам. Боюсь только, что книги будут лежать в магазинах без движения, здесь их продают «с рук», т.е. несколько десятков человек берут у меня по 5 или 10 книг и продают среди своих знакомых. Таким путем книга продвигается быстро. Но попытка не пытка, попробовать можно и через магазины. Может быть, у Вас в Америке есть еще люди, которые покупают книги в книжных магазинах, а здесь их приходится «навязывать» покупателю, принося ему их на дом.

Сама я этим не занимаюсь, конечно, а через других. Напишите, есть ли у Вас что-либо изданное?

Заранее приношу мою искреннюю благодарность за Ваше милое отношение и заботу.

Целую Вас крепко.

Марианна.

Мой адрес: Harbin. Modigou

45, Chernougorskaya st.

Fl.7

Marianna Kolosoff

Писать можно и на этот адрес и на «Рубеж».

В записке, написанной Таисией Баженовой к этому письму, следующее:

Вот Вам автограф знаменитой поэтессы Марианны Колосовой.

Первое и последнее письмо. Выслала с каким-то ее «верноподданным» письмо, а я неожиданно переехала к заболевшей сестре и не удосужилась известить об этом, а она обиделась. Я только потом как-то узнала. Кто-то из Харбина сообщил.

***

В мае 2010 г. я прочел книгу Вадима Гольцова «Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова» и нашел лично для себя ключевую фразу в разгадке секрета о происхождении Колосовой и ее настоящей фамилии и отчества.

Там написано следующее:

«…Путь Анненкова лежал на юго-восточную окраину России – в город Джаркент, в 1-й Сибирский Ермака Тимофеева полк под командованием Петра Краснова…

…В полку было пять сотен. Первой сотней командовал есаул Алексей Георгиевич Рожнев, второй – есаул Алексей Георгиевич Грызов, третьей – есаул Толмачев, четвертой подъесаул Вячеслав Иванович Волков, пятой – есаул Анатолий Александрович Баженов…

…Со всеми офицерами у Анненкова были ровные отношения. Он всегда был в хорошем настроении, весел и остер на язык. Однако с командиром четвертой сотни подъесаулом В.И. Волковым эти отношения были сложными, а со стороны Волкова – почти враждебными…»

Я был поражен невероятному сплетению людских судеб!

Сын Алексея Грызова – Алексей Ачаир – стал поэтом, дочь Анатолия Баженова – Таисия – стала поэтессой, дочь Вячеслав Волкова – Мария – тоже стала поэтессой. Сам командир полка, легендарный Петр Краснов – прославленный генерал и литератор. Литературный клуб какой-то… А вот и разгадка ребуса про Марианну Колосову. Все, в общем-то, на поверхности. У есаула Алексея Рожнева было два ребенка – дочь и сын. Колос – рожь. Это же просто. Поэтому считаю, что Марианна Колосова имела девичью фамилию – Рожнева.

При поисках всевозможной информации о Марианне Колосовой я несколько раз ловил себя на том, что не так что-то сказал, не то написал и в итоге обижал людей, которые были готовы открыться больше, чем я рассчитывал, но из-за моей неловкости так ничего и не состоялось. Так, Михаил Юпп обещал выслать на мой адрес кое-что из литературного наследия Марианны Колосовой, но не выслал.

…Поиски Марианны Колосовой так захватили меня, что однажды мне приснился сон.

Я оказался в Харбине в поисках Марианны Колосовой.

…Нигде ее не было, и вдруг мы столкнулись. Она была точно такой, как на фото из архива А.И. Камбалина. В легком платье, в шляпе, кареглазая. Я стал сбивчиво говорить ей, как долго я ее искал, как много мне нужно сказать ей, задать столько вопросов. Сказал, что ее помнят на Родине. Она смотрела и улыбалась. И тут же «убила» меня первыми своими словами:

– Ты чекист? Зачем ты меня ищешь?

Я что-то залепетал – нет, мол, я только хочу издать книгу с Вашими стихами, но нашел я их так мало, всего пятьдесят восемь.

Она снова улыбнулась.

– У меня тысячи стихотворений и большинство из них никогда не были опубликованы.

– Ну, вот давайте и опубликуем их сейчас. Вы нужны Родине, Ваши стихи такие пронзительные. Это будет бомба.

– Бомба? Как я устала от этого. Когда в России будет покой… Родина? А ты знаешь, где моя Родина? Где я родилась, провела детство? Никогда не был в Усть-Каменогорске, Джарканте?

– Это теперь другая страна.

– Другая страна… А ты говоришь, Родина меня ждет.

– Не хотите встретиться с маленьким Георгием, сыном Вашей подруги Нюси Лариной?

– Где он живет, что делает?

– Георгий – протоиерей церкви города Наяк, участвовал в объединении православной церкви в Отечестве и зарубежной православной церкви.

– Это добрая весть, лучшая за последние годы. Слава тебе, Господи! Ты услышал мою молитву. Возвращайся, не нужна я никому на этом свете. Прощай.

Вот такой сон…

«ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ» В ТЕКСТОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А.А. Забияко

Текстология и источниковедение дальневосточной эмиграции – исследовательское пространство, испещренное лакунами, многим из которых и в далеком будущем не грозит перспектива быть заполненными. Так развивалась история восточной ветви эмиграции в контексте нашей отечественной истории (о чем написан не один труд), что когда все же пришло время – канули в прошлое идеологические запреты, развеялись страхи и стереотипы и наконец-то взялись за дело литературоведы, – оказалось, что «русская Атлантида» – не метафора. Ушли из жизни почти все русские писатели-харбинцы. Их немногочисленные мемуары зачастую грешат противоречиями и исполнены неомифологическими интерпретациями харбинского прошлого[1]. Чудом сохранившиеся частные архивы либо разошлись по рукам (к людям не всегда профессионально подготовленным), либо растерялись по беженским дорогам.

Хорошо, что часть из них все же сохранилась – но далеко не все в России[2]. Огромную работу по библиографической систематизации произведений русских эмигрантов в Китае проделал харбинский русист-подвижник Диао Шаохуа[3]. Китайская научная традиция создания полной библиографии по изучаемой теме оказалась неоценимой поддержкой для отечественного харбиноведения – даже несмотря на имеющиеся опечатки и неточности, возникшие, на мой взгляд, по причине автономности, лежащей в основе данного исследования. Начнем с того, что современные ученые не знают, с каким архивом работал Диао Шаохуа и какова его судьба. Возможно, это был архив Харбинского Политехникума, судьба которого – печальна. С.С. Левошко рассказывала, как в конце 90-х гг. прошлого века совершенно случайно попала в одну из аудиторий этого

---

[1] Об этом: *Забияко А.А.* Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии. К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям. Международная научная конференция (Москва, 16–19 ноября 2009 г.): Сборник статей. М., 2011. С. 247–264.

[2] Например: Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году. Хабаровск, 2003. 128 с.; *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. 204 с.

[3] Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Диао Шаохуа. Харбин, 2001.

учебного заведения, готовящуюся к ремонту и обнаружила там груды простых мешков из-под риса, куда свалены были журналы и газеты (это только она и смогла рассмотреть) русского Китая. К сожалению, в тот момент потрясенной исследовательнице не дали возможности посмотреть на эти сокровища, сославшись на то, что «все надо согласовать с руководством». А в следующий раз там уже ничего не было.

Долгое время исследование литературы и культуры дальневосточной эмиграции было неблагодарным занятием для широкого круга китайских ученых. А теперь, когда тема стала, говоря словами одного юного китайского исследователя, «модной», закрылись все доступные источники. Нынешние китайские историки и филологи уже и рады были бы «засучить рукава» на ниве харбинистики, да не с чем работать. Архивы стали собственностью разных ведомств, а они никак не могут найти между собой общий язык[1]. Между тем никем не востребованные сокровища стремительно дряхлеют и разрушаются.

В силу подобных причин истории недавних публикаций литературного и публицистического наследия дальневосточной эмиграции обрастают легендарными нарративами. Так, китайский исследователь Ли Янлен, последнее десятилетие издающий редкие экземпляры художественных произведений дальневосточных беженцев[2] и подготовивший существующий пока только в электронном виде «100-томник русской периодики в Китае» (название условное), рассказывает следующее. В годы культурной революции, когда хунвейбины сжигали все, что было написано на русском языке, а газеты русской эмиграции использовались как оберточная бумага и продавались на вес, он каким-то образом (этого Ли Янлен не сообщает) приобрел эти редкие издания и спрятал их у себя дома под крыльцом. Долгие годы об этом знал только он и его мать. К сожалению, к работе над обработкой и изданием этого уникального корпуса литературы и периодики китайский профессор не привлек российских исследователей-профессионалов: текстологов, архивистов, историков литературы. Это была бы работа, взаимно обогащающая исследователей (по ту и эту сторону границы».

Оттого, что дальневосточные эмигранты много переезжали (из Харбина им пришлось уехать в Шанхай, а из Шанхая – далее, рассеиваясь по всему свету), мы не имеем ни их дневников, ни записных книжек, ни черновиков, ни текстовых редакций авторских сочинений. Конечно, в последние пять лет появились поэтические и прозаические антологии, а так-

[1] Материалы круглого стола международной научной конференции (Харбин, 24–26 декабря 2011 г.).
[2] Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Пекин, 2005.

же публикации сочинений наиболее крупных художников слова[1]. Однако эдиционные характеристики этих изданий, даже если речь идет об антологии «Русская поэзия Китая», пока еще оставляют желать лучшего.

В нашем распоряжении – имеющиеся в отечественных архивах единичные поэтические и прозаические сборники, публикации в журналах и газетах времен эмиграции, совсем редкие образцы переписки харбинских сочинителей между собой и, позднее, переписки оставшихся в живых с первопроходцами-харбиноведами (Е. Витковским, Е. Таскиной, А. Ревоненко, О. Бакич и др.). Хранители писем, кроме А. Ревоненко и М. Солодкой, пока трепетно хранят свои сокровища[2]. Поэтому этот источник практически не досягаем.

Итак, желаемое в идеале единство авантекста, интертекста и текста при исследовании литературы дальневосточной эмиграции остается только мечтой. В подобной коллизии заместительную функцию зачастую выполняет интертекст, который берет на себя роль основного источника реконструкции литературных ориентиров, новаторских интенций, ценностной иерархии харбинских сочинителей. Под интертекстом мы понимаем не только и не столько цитатный уровень бытования художественного текста[3], но многообразные межтекстовые связи, возникающие в результате «преображения всех тех культурных языков, которые он [текст] в себя впитывает»[4]. В данном – семантическом – аспекте исследование интертекста включает и метатекстуальные, и архетекстуальные, и паратекстуальные явления. В структурном отношении интертекстовое пространство художественного мира поэта или писателя, на наш взгляд, складывается из претекста, автоинтертекста и интертекстуальной полемики с другими текстами.

Конечно, в первую очередь «интертекстуальная модель» текстологии и источниковедения литературы дальневосточного зарубежья предполагает обращение к прецедентным текстам, проявленным в упоминаемых именах писателей, литературных героев, в названиях произведений, в реминисцентном материале. Это служит источником реконструкции интеллектуальных деклараций писателя, способствует проникновению в его

---

[1] Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. 720 с; *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток, 2006; *Ещин Л.* Собр. стих. М., 2005. 80 с.; *Ачаир А*. «Мне кто-то бесконечно дорог…»: Стихотворения. М., 2009. 428 с.

[2] «Будто нет расстоянья и времени нет…» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко). Хабаровск, 2006; *Солодкая М.* «Бессмертна вещая созвучность…» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

[3] *Кожевникова Н.А.* Цитаты в литературе российского зарубежья // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сборник научных трудов. Тверь, 1999. Вып. 5.

[4] *Косиков Г.К*. Поэтика и герменевтика // Вопросы литературы. 1993. №. 2. С. 37–42.

круг чтения. Так, один из самых крупных художников слова русского Харбина Арсений Несмелов практически не оставил ни дневниковых записей, ни писем, ни, тем более, черновиков. Существует расхожее суждение о его довольно скудном образовании, дарованном кадетским корпусом (Е. Витковский). Но уже интертекстуальный анализ несмеловских текстов, в частности, претекстовый уровень позволяет скорректировать некоторые «строгие суждения» о нем.

В своем «срединном» сборнике «Без России» (1930) Несмелов через русскую литературу выясняет свои отношения с родиной:

Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то *Райский* и какой-то *Хорь*:
Саводников кладбищенские урны[1]!

И *Вера* – восхитительный «Обрыв» –
Бескрылая, утратившая силу.
И, может быть, ребенком полюбив,
Еще я вспомню дьякона *Ахиллу*.

(«Свою страну, страну судьбы лихой…»;
курсив мой. – *А.З.*)[2].

«Литературная» отстраненность воспоминаний о Родине выражается в нарочитом пренебрежении знаковыми для русской культуры персонажами. Это демонстративное ощущение «разрубания узлов» вперемежку с раздражением усиливается неопределенным прилагательным «какой-то», уничижительной отсылкой к толкованиям известного учебника И.Ф. Саводника, на котором было воспитано его поколение. Собирательному образу «Саводников *кладбищенские урны*» поэт противопоставляет «*Живую страну*, // Россию наших дней». В этой антитезе выявляется нежизнеспособность книжного наследия дореволюционных авторов, той «мудрости», которая в следующем сборнике будет обозначена как *«липкость книжной пыли, / без живого запаха флакон*» («Нищие духом»)[3].

Заметим, что претекстовый фон интертекстуальности представляет интерес лишь в особых случаях. Большинство харбинских поэтов доволь-

---

[1] Саводник В.Ф. – автор дореволюционного учебника по истории литературы «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1906).
[2] *Несмелов А.* Собр. соч.: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 1. С. 99.
[3] Подробно об этом: *Забияко А.А.* «Сердце жаждет поединка…»: Арсений Несмелов // *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. С. 217–255.

но однообразно демонстрируют свой «культурный фонд». Типичный жанром лирической декларации русских харбинцев становится «стихотворение-перечень» из знаковых образов писателей, составляющих основу русской классики. Но в этом смысле претекст интересен с социокультурной точки зрения: за исключением А. Несмелова, старшие писатели весьма деликатно, на уровне аллюзий апеллируют к литературным классикам, а «молодежь» практически поголовно вступает в открытое состязание-полемику. Зачастую эти «перечневые» стихотворения превращаются в реплику «всей России» («Россия» Н. Петереца[1], «За рубежом» Н. Светлова, «Гонг» Н. Щеголева[2] и т.д.). Молодежь, никогда Россию не видевшая, выстраивает свою аксиологию «по Несмелову».

Однако есть и «индивидуальные сценарии». Так, Николая Щеголева, принадлежащего уже к поколению «харбинских юнцов», «мучительные вдохновенья Блока, / Несущие свой яд через года» заставляют вернуться к поэтике «золотого века» – Грибоедову, Пушкину, Гоголю и т.д.[3]: «… я опять / все также занят / одним, одним / Мильон терзаний, / Белесый дым…» («Дым»)[4]; «Словно Гоголь я – в турецкой феске, / Остролиц и холоден, как лед…» («Ночью»)[5]. Своим alter ego он делает гоголевского Вия:

Угроза новой затяжной любви…
Ах, не попасть бы из огня да в полымя.
Борюсь с собой, держу глаза, как Вий,
Прикрытыми ресницами тяжелыми.

(«Заговор»)[6].

Любопытно, что, вернувшись в СССР, Щеголев перестал писать стихи, занявшись преподаванием и «культурно-просветительской» поденщиной. «Звериная жизнь» репатрианта (А. Ачаир) не способствовала лирическим медитациям[7]. Поэтому редкие публикации одного из даровитых поэтов «молодого Харбина» становятся единственным источником реконструкции его художественного мира.

---

[1] Русская поэзия Китая. Указ. изд. С. 425.
[2] Там же. С. 579–580.
[3] Об этом: *Забияко А.А.* «Одиночество злее марксизма…»: Николай Щеголев // *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы…» Указ. изд. С. 286–305.
[4] Русская поэзия Китая… С. 579.
[5] Чураевка. 1932. 27 декабря.
[6] Русская поэзия Китая… С. 572.
[7] Об этом: *Забияко А.А.* Николай Щеголев – харбинский поэт-одиночка // Новый журнал. 2009. № 256. С. 310–324.

Следующий уровень интертекстуального анализа – автоинтертекст[1]. Для понимания творческой эволюции писателя, чье авантекстовое «наследие» невелико, весьма важным является уровень его автоцитации и характер автометатропов. К примеру, «разрубленные узлы», «лысый череп» лампы или фонаря, целая парадигматическая система «волчьих» образов в художественном мире Арсения Несмелова коррелируют с его эпистолярными сентенциями. Так, из переписки поэта с И. Якушевым следует, что первоначально сборник, формирующийся в «голове» поэта вслед за «Кровавым отблеском», предполагал название «За разрубленные узлы»[2]. Образ «разрубленных узлов» появится у Несмелова в одноименном стихотворении, лирический субъект которого «заклинает» себя:

Лишь бы снова не попасть на привязь,
Лишь бы снова не попасть в козлы
Отпущенья… Лишь бы душу вывести
За разрубленные узлы!

(«За разрубленные узлы»)[3].

Хотя очередная книга была названа по-другому («Без России»), а стихотворение туда так и не вошло, образ «*разрубленных узлов*» в редуцированной форме появится уже в первом стихотворении сборника. Вплетение образа с «морской семантикой» в начальную декларацию сигнализирует об окончательном *разрыве* лирического героя *с родиной*: «разрублена последняя тесьма». При этом «женские» коннотации, характеризующие образ родины, позволяют судить и об особом, «мужском», отношении автора к объекту высказывания, и об автобиографическом подтексте прощания со своим прошлым – супружеским, отцовским, семейным.

Исследование автоинтертекстуального уровня органично перетекает в уровень «собственно» интертекстуальных отношений, обнаруживаемых в типологии приемов, семантических ореолов стихотворных метров, дискурсивных экспериментов, жанровых ориентаций и метатропов других авторов, позволяет наиболее полно эксплицировать аксиологическую иерархию, существующую в сознании писателя или поэта.

Из регулярной рубрики «Рубежа» «Книжные новинки» мы черпаем информацию о том, что харбинцы читали Набокова, Газданова, Бунина,

---

[1] Очерки истории языка русской поэзии XX века: Образные средства языка и их трансформация. М., 1995. С. 178–220.

[2] «Я готовлю здесь маленькую книжку стихов. Будет называться "За разрубленные узлы". Стихи бодро-волевые. К Рождеству издам» (Письмо А. Несмелова И. Якушеву от 14 августа 1930 г.) // Рубеж. 1995. № 2. С. 238–248.

[3] *Несмелов А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Указ. изд. С. 225.

Шмелева, Зайцева, Алданова. Логика «провинциальной парадигмы» в рецепции художественного наследия русских дальневосточников подсказывает, что мэтры «столичного» русского зарубежья должны были определенным образом влиять на становление художественного мастерства жителей «окраин».

И, действительно, в творчестве А. Несмелова, Н. Щеголева, Г. Гранина в сближении стиха и прозы мы, в частности, обнаруживаем типологические схождения с новациями В. Набокова, Г. Газданова. Лиризованные фрагменты весьма часто спорадически вплетены в сугубо динамичное, остро-фабульное повествование Несмелова – это характерная примета стиля его прозы. В таких отрывках на первый план выходит собственно личность автора, его точка зрения, его мысли и настроения[1].

Одним из характерных примеров построения прозаического текста по законам лирической поэзии является рассказ «По следам любви» (1933). Основу рассказа составляет «дневник самоубийцы», попавший в руки четырех мужчин, один из которых – муж той женщины, что любила несчастного при жизни. Герой дневника, называющий себя «пилигримом», «шаг за шагом» идет *«по следам любви»*, вспоминает все события, все места, все свои чувства. Посещая эти места, герой снова переживает все «значительные» события этого недолгого чувства. Сначала он хочет встретить свою возлюбленную, но затем понимает, что это ему не нужно: «Она мне не нужна, мне нужен я сам, взрастивший любовь. Нечто вроде самопожирания…»[2] Герой изживает свою любовь и, изжив, умирает.

Опыт реконструкции «прецедентного текста» привел нас через Владимира Набокова («Машенька», «Возвращение Чорба», «Приглашение на казнь») к Борису Пастернаку. Основной «уликой» становится так называемая «там-там – поэтика»: многократное повторение местоименного слова «*там»*. Оно звучит, словно заклинание, создавая суггестивный эффект, присущий лирическому тексту: «Милая, через несколько часов я буду опять *там*, где ступала твоя нога. Милая, когда меня не будет на земле, посети наши места. *Там* так хорошо!..»[3]

Именно в «Охранной грамоте» Бориса Пастернака (1929) местоименная поэтика «тамтамов» была впервые эффектно реализована. Там же были испробованы и другие приемы лиризации художественной прозы.

«Гением» почти постмодернистского обращения к интертекстуальности можно назвать самого юного из харбинских сочинителей – Георгия

---

[1] Об этом подробнее: *Забияко А.А.* Прозаические штудии харбинских лириков // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Благовещенск, 2009. С. 80–104.
[2] *Несмелов А.* По следам любви // *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Указ. изд. С. 537–546.
[3] Там же. С. 544.

Гранина[1]. Его прозаические произведения объединяет метапоэтическая установка: каждое из них касается темы творчества – от лиризованного *эссе* «Она», посвященного столь необходимому поэту образу Музы, – к *«отрывку из романа»* «Стихи», где рассказывается о первых неловких поэтических опытах маленького поэта и, наконец, заканчивая интертекстуальным переосмыслением мотивов современной и предшествующей прозы в рассказе «Дуэль». Судя по датам, начало прозаическим штудиям Гранина было положено *лирическим эссе* «Она». Жанровая принадлежность произведения определяется в соответствии с его признаками: краткостью формы, свободной композицией, проникновенным лиризмом и разнообразными приемами лиризации повествования. Но отличительным признаком этого жанрового новообразования становится *центонность*, возведенная в объект лирической медитации и литературоведческого раздумья.

В прозаическом тексте на полстраницы в явном и скрытом виде присутствуют цитаты из 9 стихотворений (по 2 из Блока и Гумилева), упоминаются 9 авторов, указываются характерные образы их лирики. В малом по объему тексте Гранин сумел выстроить целую «генетическую» систему поэтических координат, при этом не приведя ни одной ссылки на свое творчество. По всей видимости, в этом тексте он декларирует не только свое знание и тонкое понимание сущности творчества всех перечисленных авторов, но и объявляет себя преемником их достижений. В прозе Георгия Гранина подведен общий знаменатель под символистскими, акмеистскими и футуристическими концептами – задолго до В.М. Жирмунского, теоретически осмыслившего этот процесс[2].

Опора на «интертекстуальную модель» в текстологической практике исследования приводит к важным открытиям и гипотезам относительно пути развития литературы дальневосточной эмиграции. Во-первых, мы можем опровергнуть сторонников «провинциальной» парадигмы в исследовании литературы дальневосточных эмигрантов, утверждающих: «Писатели-эмигранты пребывают в надежном и вынужденном плену литературной традиции даже тогда, когда нарушен благоприятный контекст отношений с предшествующей культурой. Они постоянно обращаются к русской классике. И именно в этом качестве их произведения представляют ценный материал, позволяющий отчасти раскрыть проблему развития традиции и ее интерпретации в ситуации исторической драмы»[3]. Ли-

---

[1] О лирике Г. Гранина: *Забияко А.А.* «Пусть ничего и не было на свете…» (Георгий Гранин) // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» Указ. изд. С. 305–329; о прозе: *Забияко А.А.* Прозаические штудии харбинских лириков // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Указ. изд. С. 80–104.

[2] Об этом: *Забияко А.А.* Прозаические штудии харбинских лириков. Указ. изд.

[3] *Ястребов А.Л., Мурзак И.И.* Картина мира в слове изгнанников: цитирование и создание нового философского пространства в произведениях писателей-эмигрантов (А. Хейдок,

тературное творчество русских китайцев развивалось в более широком претекстовом пространстве, нежели творчество их западных собратьев по несчастью. Не только литературная традиция утерянной родины определяла вектор их развития, и не только образцы столичных мэтров эмиграции. Уже послереволюционные Пастернак и Багрицкий, Светлов и Тихонов, Пильняк и Замятин – вот те имена, что определяют специфику претекстового наполнения литературы русского Харбина. «Живая страна», о которой мечтал Несмелов, входила в его тексты через семантические ореолы лирики поэтов метрополии: Есенина, Маяковского, Пастернака и др.

Особенности «месторазвития» (А. Бем), определяемые уникальным положением Харбина и его статусом, привели к следующему. С одной стороны, партийные циркуляры не объявляли писателям запрет на прошлое, с другой стороны – писатели могли свободно знакомиться с новациями метрополии. В результате в творчестве русских харбинцев находят логическое завершение модернистские тенденции русской литературы, например – неонатурализм[1]. Но и все новации метрополии и западной эмиграции не просто поддерживаются, но и активно развиваются харбинскими и шанхайскими писателями, относительная свобода критики дает возможность отрефлектировать все эти «вливания» в провинциальный культурный дискурс.

Благодаря опоре на интертекст, можно с уверенностью говорить о самостоятельности многих поэтических новаций и художественных решений харбинских сочинителей, находящихся «среди двух миров»: между Китаем и Россией, «столицей» и «провинцией», эмиграцией и метрополией.

Б. Юльский, Я. Лович) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Благовещенск, 2006. С. 122–136.

[1] Об этом: *Забияко А.А., Девочкин А.* Проблема «натуралистического текста» в творчестве Арсения Несмелова // Вестник АмГУ. 2011. № 52. С. 148–157.

НЕСКОЛЬКО ВОЕННЫХ СТРАНИЧЕК ПРАПОРЩИКА МИТРОПОЛЬСКОГО (АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ В 1912–1917 гг.)

В.А. Резвый

В 1930-е гг. в среде русских эмигрантов т.н. восточной ветви первым среди поэтов неоспоримо считался Арсений Несмелов (1889–1945). После разгрома русской диаспоры в Китае, повлекшего за собой гибель Несмелова, положение не изменилось: первенство Несмелова-поэта никогда не ставилось под сомнение русскими литераторами Китая, сумевшими найти приют в других «странах рассеяния» либо ставшими добровольными или вынужденными «возвращенцами». Многие из них – поэты Валерий Перелешин и Лидия Хаиндрова, прозаик и мемуарист Петр Балакшин, главный редактор журнала «Рубеж» Михаил Рокотов – приложили немало усилий, чтобы спасти творческое наследие Несмелова от забвения. Неоценимую помощь оказали они составителям первого собрания поэтических и прозаических произведений Несмелова, вышедшего на его родине[1].

Второе, уже 2-хтомное собрание сочинений Несмелова, издано пять лет назад во Владивостоке[2]. Как засвидетельствовал сам писатель, «Арсений Несмелов родился именно в этом городе, в апреле 1920 года, когда местная газета "Голос Родины" впервые напечатала стихотворение, так подписанное[3]. До этого дня Арсения Несмелова не существовало»[4]. Подробно рассказал Несмелов и историю появления упомянутого стихотворения:

«…Нежась на госпитальной койке, поручик читал владивостокские газеты. В воскресных номерах их он увидел много стихов.

Асеев, Третьяков, Журин, какая-то Екатерина Грот и много других. Поручик вспомнил, что некогда, еще в Москве, и он писал и даже печатал стихи, и, выпросив у дежурного фельдшера несколько листов скверной рецептурной бумаги, без особого труда написал следующее…»[5]

Другими словами, поэт Арсений Несмелов возник не на пустом месте: еще до революции, в Москве, он публиковал стихи под своей подлинной фамилией – Митропольский. До сих пор таких стихотворений было

---

[1] *Несмелов А*. Без Москвы, без России. М., 1990.

[2] *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Е. Витковского, А. Колесова, Ли Мэн, В. Резвого. Владивосток, 2006.

[3] Ошибка Несмелова: стихотворение «Соперники» (в окончательной редакции «Интервенты») появилось в № 179 «Голоса Родины» от 4 мая 1920 г. В Собр. соч. (Т. 1. С. 11, 519) дата ошибочно исправлена на 4 марта.

[4] *Несмелов А*. О себе и о Владивостоке // Цит. по: *Несмелов А*. Собр. соч. Т. 2. Указ. изд. С. 642.

[5] Там же.

известно всего шесть[1], поэтому говорить о значимости дореволюционного периода творчества Несмелова не приходилось. Однако после выхода в свет «Собрания сочинений» были обнаружены материалы, позволяющие сказать с уверенностью: не будь в 1912–1917 гг. в Москве писателя Арсения Митропольского, не возник бы в 1920 г. во Владивостоке и не стал бы первым поэтом и недооцененным при жизни прозаиком русского Китая Арсений Несмелов[2].

Во всех справках о Несмелове сообщается, согласно его автобиографической заметке 1940 г., что печататься он начал в 1911–1912 гг. в журнале «Нива». Действительно, в «Ниве» однажды появилось стихотворение за подписью «Арсений Митропольский», но произошло это в 1916 г.; более того, стихотворение публиковалось не впервые[3]. При этом с приблизительной датой своего литературного дебюта Несмелов не ошибся: самая ранняя из обнаруженных публикаций Митропольского – два стихотворения – появилась в № 15 журнала «Женское дело» от 1 августа 1912 г. Автор – 23-летний прапорщик запаса, за плечами у него Нижегородский кадетский корпус (окончил в феврале 1908 г.), недолгое обучение в Санкт-Петербургском психоневрологическом институте и, с октября 1910 г., – год службы в Российской армии.

Если публикация в двухнедельном женском журнале выглядит случайной, то появление Митропольского в эфемерном журнале «Летучая мышь» вполне объяснимо: издавал и редактировал его Иван Иванович Митропольский (1872 – после 1917), старший брат Арсения, дебютировавший в литературе в 1890-е гг. Журнал просуществовал недолго – как, впрочем, и другие издательские начинания Митропольского-старшего. Стихи Арсения появились в первом (6 декабря 1912 г.) и последнем (4 января 1913 г.) из четырех вышедших номеров, причем в одном случае он подписался криптонимом «Армит».

В январе 1913 г. началось сотрудничество Митропольского с еженедельным литературно-художественным и общественно-политическим журналом «Живое слово», продолжавшееся до его закрытия в июле 1914 г. Именно на его страницах появилась бóльшая часть лирики Митропольского довоенного периода – 17 стихотворений. В целом они ничем не вы-

---

[1] См.: *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Указ. изд. С. 191–194, 526 (примеч.).

[2] Подробнее об этом: *Витковский Е*. Формула бессмертия // *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 3–4; *Ли Мэн*. Проза Арсения Несмелова // Новый журнал. 2006. № 245.

[3] Стихотворение «Скоро утро. Над люнетом…» см.: *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 193–194. Впервые (под заглавием «На позициях»): Путеводный огонек. 22 ноября 1914 г. № 22. С. 645. Без заглавия: *Митропольский А*. Военные странички. М., 1915. Перепечатано под заглавием «На позициях» (видимо, по первой публикации): Нива. 16 марта 1916 г. № 16. С. 280. Любопытно отметить, что 16 марта 1916 г. – дата произведения Арсения Митропольского в подпоручики.

делялись из потока стихотворений, печатавшихся в массовых журналах: подражательный характер, опора на апухтинско-надсоновскую традицию, избитые темы, стертые образы, банальные рифмы. Следует отметить, что в этот период Митропольский писал по прямому заказу: стихотворения за его подписью сопровождали снимки победителей конкурса фотографии, публиковавшиеся на первых страницах номеров журнала[1].

В октябре 1913 г. стихи Митропольского впервые появились в старейшем юмористическом журнале «Будильник». Видимо, сатирический жанр оказался ближе молодому автору, поскольку в нем он проявил себя куда более зрелым мастером, в том числе, и с технической стороны. В ноябре того же года Митропольский выступил и как детский поэт в журнале «Путеводный огонек», издававшемся известным писателем А.А. Федоровым-Давыдовым (1875–1936). В дальнейшем детские стихи Митропольского появились в журнале того же Федорова-Давыдова «Светлячок» и в литературном приложении для детей к журналу «Живое слово» – «Детские годы». О детских стихах Митропольского можно лишь сказать, что они находились на одном уровне с его лирикой тех лет. Повторялась и ситуация с заказом: Митропольский писал незатейливые стихотворные сопровождения к картинкам.

В июле 1914 г. имя Митропольского исчезло со страниц журналов – он был призван на действительную военную службу и вскоре оказался на фронте в составе 11 гренадерского Фанагорийского полка. В октябре того же года Митропольский был ранен и отправлен в Москву на поправку. По возвращении в родной город вернулся он и в литературу, но при этом, во-первых, не только как поэт, но и как талантливый прозаик, а во-вторых – с новой темой, на всю жизнь занявшей прочное место в творчестве Митропольского-Несмелова: темой Первой мировой войны. 20 октября в № 395 еженедельной газеты «Столичная молва» появились его стихотворение «Австриец» и короткий рассказ «Над Вислой», которые открыли серию, публиковавшуюся под заголовком «Военные странички». Вряд ли появление Митропольского на страницах этой газеты было случайным. С марта 1912 г. издателем «Столичной молвы» стал Анатолий Порфирьевич Гамов (1877–1927), а редактором с марта по июль включительно – Иван Митропольский. В конце октября 1912 г. газета перешла к акционерному обществу издательского и печатного дела «Московское издательство», но в августе 1914 г. (в первый месяц войны) ее издателем вновь стал Гамов.

---

[1] Одно из таких стихотворений – «Померкла туманная линия…» (Живое слово. Сентябрь 1913 г. № 38. С. 1) – было перепечатано (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» за 1914 г. Т. II. № 5. С. 125) и по тексту перепечатки республиковано в Собр. соч. Т. 1. Указ. изд. С. 191.

Отметим, что произведения Митропольского в «Столичной молве» никогда не были подписаны его полной фамилией и очень редко – полным именем: чаще всего подпись имела вид «Арс. М-ий». Но когда в январе 1915 г. в газете стали из номера в номер печататься объявления о готовящейся книге «Военные странички», имя ее автора указывалось полностью. Книга вышла в начале февраля, в выходных данных значилось: «Издание А.П. Гамова»; в нее вошло 12 рассказов и 5 стихотворений – все, что было опубликовано в «Столичной молве» до 5 января 1915 г. включительно[1]. Всего в газете появилось 29 рассказов и 13 стихотворений Митропольского; последняя публикация состоялась в № 437 от 10 августа 1915 г., на следующем номере у газеты сменился издатель.

В марте 1915 г. возобновилось сотрудничество Митропольского с «Путеводным огоньком», в мае – с «Будильником». Его детские и сатирические стихи зазвучали по-новому. Благодаря личному фронтовому опыту Митропольский мог одинаково искренне писать о войне как от себя, так и от лица находившейся под его командованием роты; стороннего наблюдателя, зарисовывающего «картинку с натуры»; детей, чей «папа уехал вчера на войну»; матери, у которой «два сына на войне»; военного корреспондента-фельетониста, гуляющего вдоль позиций.

Осенью 1915 г. Митропольский вернулся на фронт. С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. его произведения чаще всего появлялись в еженедельном иллюстрированном журнале-газете «Наша родина» – 9 стихотворений и 5 рассказов (в мае 1916 г. издание было прекращено). 4 мая 1916 г. Митропольский был назначен исполняющим обязанности командира комендантской роты штаба 25-го армейского корпуса (23 ноября официально назначен на эту должность). Число его публикаций резко сокращается: известно всего 4 стихотворения, появившихся в журналах с марта по декабрь 1916 г. Последняя по времени московская публикация – 2 стихотворения – состоялась в № 6 журнала «Будильник» от 4 февраля 1917 г. 1 апреля того же года Митропольский был отправлен в запас.

***

В настоящей публикации представлены все стихотворения Арсения Митропольского 1912–1916 гг.[2], так или иначе затрагивающие тему Первой мировой войны. Дополняет ее стихотворение «Случай из моей жизни» – пока что единственное произведение Митропольского-Несмелова, в котором идет речь об одном из самых темных мест в его биографии: в 1917 г., после увольнения в запас, он находился под следствием как сек-

[1] Кроме стихотворения «Скоро утро. Над люнетом…» и рассказа «Атака», впервые опубликованного в книге (хотя возможно, что первая публикация не выявлена).

[2] За исключением стихотворений из книги «Военные странички».

ретный сотрудник Московского охранного отделения. Единственный раз Несмелов упомянул об этом в 1935 г. при составлении его личного дела для Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). Укажем, кстати, на помету «Тюрьма» под стихотворением «Марш»[1] из сборника Несмелова «Стихотворения» (1921): думается, что ее можно отнести к тем же событиям 1917 г.

В заключение подчеркнем, что настоящая публикация отражает дореволюционное творчество Митропольского-Несмелова в том виде, в котором оно известно на сегодняшний день. Дальнейшие разыскания неизбежны, и работа в этом направлении может (и должна) быть продолжена.

Ночью

Смолкли залпы тяжелых орудий,
Замолчал за ручьем пулемет…
Гаснет небо… Усталые люди
Спят во рвах перепутанных рот.
Завернувшись плотнее в шинели,
Напряженны и сна лишены,
Часовые одни онемели
В тусклом свете ущербной луны.
Сыр окоп и угрюм, как могила,
Но и в нем коротка будет ночь…
Кто-то нежный, забытый и милый
Подойдет и захочет помочь…
Кто ты, Светлый? Ты бред истомленной
И безумно усталой души?
Ты нежданно приходишь из темной
Напряженной зловещей глуши…
Слышишь бешеный крик часового?..
Заворчал пробудившийся взвод…
Залп гремит широко и сурово,
И в ответ застучал пулемет…
Ночь пройдет… Торжествующе-шумный
Прилетит на рассвете снаряд…
– Приготовься!.. – Страшны и безумны
Истомленные лица солдат.

Опубликовано (подп. «А. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1914. 27 октября (№ 396). С. 1.

[1] См.: *Несмелов А*. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Указ. изд. С. 37.

***

Разве жаль свою жизнь,
Свои грезы, бесцветные мысли?
Как огромны мечи,
Что над нами нависли!
Правда, в сердце любовь,
В сердце нежность к кому-то, –
Всё же теплая кровь
Давит чарою лютой.
Всё, чем жил, – суета,
Черный призрак со мною,
Забывается та,
Что звалася женою.
Умереть! Это – миг,
Не тяжел он, не труден,
Я бы тихо поник…
Был бы сон непробуден.
О, простите меня!
Моя грусть неизмерна…
Слышу шепот из тьмы:
– Не вернешься, наверно!..

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 19 января (№ 408). С. 3.

***

Эта черная ночь,
Эти хриплые крики орудий,
Нам темно, нам невмочь,
Мы – усталые люди.
Ну, лети же, лети, –
Раздроби мои кости, –
Оборви все пути:
Хорошо на погосте.
Там жена и любовь…
Будет мыкаться… В сквере…
Ярко-красная кровь
Не из вен – из артерий,
Темно-синяя тьма…
Словно в шахте бездонной,

Гаснут искры ума.
Надвигается полночь…

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 19 января (№ 408). С. 3[1].

Одни

Папа уехал вчера на войну, –
Папа сегодня – далёко!
Дом погрузился совсем в тишину, –
Мальчикам так одиноко!
Часики в зале стучат и стучат,
Маятник ходит и ходит…
Бабушка часто целует внучат,
Грустная пó дому бродит…
Боря не знает, что значит война,
Глебик же знает: там пушка!..
Громко и страшно стреляет она…
Мокнет от слезок подушка…
Ночью весь дом, словно вымерший, спит, –
Тихо и в зале, и в детской:
Глебик же с папой в сраженье спешит,
С саблей своей молодецкой!
Утром проснется, – стучат и стучат
Часики в зале пустынной…
Бабушка входит, целует внучат, –
День такой скучный и длинный!..

Опубликовано (подп. «А. Митропольский») и печатается по:
Путеводный огонек. 1915. № 5. С. 169.

Затишье

Маленькие домики и кривые улицы
С длинными заборами… В колеях трава.
У крыльца семейство беспокойной курицы
И над всем бездонно светит синева.
Тишина и ласка. Девушка в оконце.

[1] Предыдущий текст («Разве жаль свою жизнь…») имеет подзаголовок – «Стихотворения», однако перед нами очевидно две части единого текста, а не два самостоятельных стихотворения.

Право, всё как греза наших юных лет.
Всюду столько света, воздуха и солнца,
Что проснется в каждом радостный поэт.
Отдыхая, курят пыльные солдаты
(Не у места как-то здесь усталый взвод).
Унтер Букоемов, вятич бородатый,
Замечтавшись, в небо смотрит и ждет.
Что с его глазами? строгий взор «старшого»
Стал мне незнакомым, в нем тоска, тоска…
Сколько в каждом сердце ясного, большого!
Как мечта о счастьи в каждом велика!
Может быть, уж скоро грянет выстрел первый,
Но теперь не надо думать ни о чем.
Пусть душа задремлет и задремлют нервы,
И война исчезнет со своим мечом.
Веет ветер сонный, навевая мысли
О стране нездешней, где всегда покой.
Ветки ив склонились, дремные повисли,
Нежной и весенней шелестя листвой.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 24 марта (№ 416). С. 3.

Мертвый город

В стене костела ряд пробоин,
Молчанье тяжкое кругом,
И городок, как павший воин,
Спит, опозоренный врагом.
На дотлевающем пожаре
Мелькают тени, слышен стон,
И веет горький запах гари
Из всех углов, со всех сторон.
Патруль проехал, скрылся снова;
Стихает четкий стук копыт,
И, встрепенувшись, ночь сурово
Далеким выстрелом гремит.
А в старой, ветхой синагоге
Чуть брезжит свет, и плачет в ней
Полубезумный и безногий
Столетний сгорбленный еврей…
Сгорел закат в мерцаньи алом,

Тьма наплывает, как поток,
И ночь беззвездным покрывалом
Закроет мертвый городок.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 13 апреля (№ 420). С. 1.

Весной

Над окопом небо голубое…
Стаял снег, тревожней стали сны…
Даже смерть и ожиданье боя
Не развеют радости весны.
Облака, как белые гондолы,
Не спеша, плывут над головой,
И лужок вблизи сгоревшей школы
Зеленеет молодой травой.
У солдат веселье… Разговоры
О победах, о вестях войны,
А вдали синеют нежно горы,
Золотой каймой обведены…
Вечерами – тишина над полем,
И, отдавшись сказочному сну,
Мы о чем-то светлом робко молим
Золотую девушку – Весну!

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 27 апреля (№ 422). С. 3.

Артиллерийский огонь

Глухой удар…
Визгливая граната
Со свистом злым, как раскаленный шар, –
Летит, летит стремительно куда-то.
И черный столб распыленной земли
Метнулся вверх и падает с шуршаньем…
Сковавший все тревожным ожиданьем –
Опять удар вдали…
И воздух весь до дрожи напоен
Мелодией зловещего полета.
Вот он звенит, вот замирает он,

И вдруг, остервенясь, кричит визгливой нотой…
Над головой оставила шрапнель
Ленивый дым, – комочек белой ваты, –
На этот раз она попала в цель,
И суетятся хмурые солдаты.
За визгом визг. За взрывом новый взрыв.
– Ишь, распалились, чертовы собаки!
И, затаив в своей груди порыв,
Мы ждем штыка, мы нервно ждем атаки…
И, оставляя позади окоп,
Крича: «Ура!.. Вперед, вперед, ребята!..»
Не видим мы, как вдруг раскроет гроб
У наших ног упавшая граната.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 11 мая (№ 424). С. 2.

Военный корреспондент

(Отрывки из фельетона)

…Случилось так… Послышалось жужжанье…
Всё ближе… Ближе… Чувствую – снаряд!
Томительны минуты ожиданья,
Ну, думаю, сейчас увижу ад!..
Нет, всё гудит… Стреляют из тяжелых,
«Оно» летит за тридцать девять миль…
Н-да!.. Ощущение весьма не из веселых…
Вдруг (мимо прогудел автомобиль)
Упало… Трах!!. Обсеяло болото,
Хлестнуло поле, речку и кусты…
…А то вот есть в окопах пулеметы.
Стреляют им на двадцать три версты.
Летит свистя… Разрыв его ужасен!..
Поручик Х… мне честью говорил, –
А уж ему, конечно, не до басен, –
Что скрыто в нем сто лошадиных сил!..
…Опять жужжит!.. Но к звуку «их», поверьте,
Я уж привык… Летят себе, как пыль…
Палят по мне!.. Ишь, пристрелялись, черти!..
(Вновь мимо пробежал автомобиль.)
…Здесь часто слышишь слово «гала-петер»:
– Снаряд бризантный – круглый шоколад…

Стреляют им австрийцы не на ветер:
Задобрить нас негодники хотят!..
Уж очень им из нашей гаубицы
Не вкусна «штучка»… Ну, au revoir!..
Я третий день гуляю вдоль позиций…
Брожу, гляжу… Они мне как бульвар…

Опубликовано (подп. «Армит») и печатается по:
Будильник. 1915. № 22. С. 7.

Веселая душа

В вихрях свинцового свиста,
Где мгновенья ярки,
Я повстречал юмориста
Необычайной марки.
Видом простой солдатишка,
На руке кольцо…
Чуть-чуть, пожалуй, плутишка:
С хитрецой лицо.
Стреляла мортира, бросив
Нам снаряд, но:
– «Ребята! Закашлял Франц-Иосиф!..»
И было смешно.
И мы привыкли к прибауткам
Этого чудака.
Хохот наш вторил нехитрым шуткам,
И смерть казалась – легка.
И когда он крикнул: «Братцы,
Братцы, я убит!..»
Не могли мы не засмеяться:
Такой смешной у него был вид.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Будильник. 1915. № 23. С. 5.

Ночью

Как блуждающий светит
Фонаря огонек…
– Жив ли? – тихо ответит:
– Подсоби-ка, дружок.

Подойдут санитары,
На носилки возьмут.
Жутко тлеют пожары,
Тучи низко ползут.
Гул далекого грома –
И опять тишина…
Из-за черного дома
Выплывает луна.
Бесконечное поле
Словно в кочках – гляди!
От печали и боли
Что-то рвется в груди.
Сколько трупов отметит
Огонек фонаря?..
Шатко зарево светит,
Тускло тлеет заря…

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 8 июня (№ 428). С. 2.

За мною!

(Солдатская, австрийская)

Копают, копают солдаты
Угрюмые черные ямы,
Вгрызаются в землю лопаты,
Швыряя на бруствер песок.
Пусть корни и камни упрямы,
Пусть поле туманом объято,
Но кончим окоп до утра мы,
И будет он очень глубок.

Из бревен надежных устроим
Навесы над ним и бойницы,
И ляжем в него перед боем
Геройски ждать русских полков.
И силу свою мы утроим
Окопами наших позиций…
Темнеет… Мы роем и роем,
И скоро блиндажик готов…

Мы проволокой острой, стальною
Лесную опушку затянем
И залпом губительным грянем,

Лишь враг только к нам подойдет…
Лишь он подойдет к нам толпою,
И нужное время настанет:
Полковник наш крикнет: За мною!!!
И… первый назад удерет.

Опубликовано (с пометой: «Перевел Арс. М-ий»)[1]
и печатается по: Будильник. 1915. № 25. С. 3.

Стычка

Эскадрон расфранченных улан
Мчался дико и смело…
Это был ураган,
Это было безумное дело.
Как орлы, налетали,
Разодетые пестро,
Поднимая копытами прах!
В их руках
Засверкали
Палаши исступленно и остро.
Мы лежали во рву,
Спрятав ружья в траву,
Затаивши дыханье, –
Тридцать пять человек!..
Был как век
Каждый миг ожиданья!
Весь в грязи, весь в дорожной пыли
Офицер приподнялся и крикнул короткое «пли!»
И нахалов хлестнул раскаленным кнутом…
А потом –
Крики, топот и гул…
Повернув лошадей,
Утекали уланы,
Бросив нам мертвецов
И кричащих людей,
Зажимающих раны…

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 27 июля (№ 435). С. 2.

[1] Немецкий вариант не обнаружен.

Секрет

Лес… Вечереет…
Тяжка дорога.
В тучах светлеет
Месяц двурогий.
Холодно, лужи…
– Митька, ты дошлый,
Осенью хуже
Этой иль прошлой?
– Сладко и этой…
Чмокает глина,
Капает с веток,
Капля – как льдина.
– Эх, покурить бы.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Столичная молва. 1915. 10 августа (№ 437). С. 3.

***

Под кустами, в мокрой чаще
Притаились, ждут.
Глуше ветер шелестящий,
Облака плывут…
Ночь угрюма… На дорогу
Ожидай врага.
Что-то жутко, хоть, ей-Богу,
Жизнь не дорога.
– Слышь-ка, Митька, возле елки
Человек иль так?..
Колет сердце холод колкий,
Давит тяжкий мрак.
Землячки из-под кусточка
Ловят каждый звук…
Огонек блеснул, как точка,
Загремело вдруг:
Через чащу к караулам
Отошел секрет.
Лес был полон ровным гулом:
Немцы были вслед.

***

– Вылезли, братцы?
Живы? Ну, что вы?
– Рады стараться!
Живы, здоровы…
Немцы за нами.

Опубликовано (подп. «Арсений Митропольский») и печатается по: Заря. 1916. № 7. С. 16.

После грозы

В яме, вырытой снарядом,
Труп австрийца… Тишина…
Поле днем гремело адом,
А теперь над ним – луна.
Дальше грохот, всё бледнее
Вспышки выстрелов – зарниц.
Дремлет ива, и под нею
Спит солдат, упавший ниц.
А в ручье, поднявши дуло,
Вражья пушка: кончен гром!
Всё забылось, всё уснуло
Бесконечным тяжким сном.
У сожженного фольварка –
Затаенный робкий плач.
Полный месяц светит ярко…
По шоссе несутся вскачь
Казаки… Скрипят обозы,
Чьи-то слышны голоса…
На траве блестит, как слезы,
Искрометная роса.
Тишина. Бегут минуты.
Ветер веет так легко…
И грохочет демон лютый
За полями далеко.

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по: Заря. 1915. № 32. С. 3.

Мать

У меня два сына на войне,
Два веселых молодых гусара,
И один вчера приснился мне…

Озаренный заревом пожара
По деревне ехал эскадрон.
Вкруг него пылали ярко хаты…
Впереди, на сером ехал он,
А за ним усталые солдаты.
Вдруг из хаты звонкий детский крик:
Там, в огне – покинутый ребенок!..
«Стой, гусары!» – слышу в тот же миг,
И Володин голос строг и звонок.
Соскочив с послушного коня,
Сын бежит в пылающие сени…
Как забилось сердце у меня,
Как тянулись несколько мгновений!..
Я проснулась… Утра слабый свет
Плыл в окно унылой мглой тумана.
– Целый месяц писем нет и нет,
Целый месяц сердце точно рана!..

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и
печатается по: Заря. 1915. № 32. С. 13.

Бивак

Вот костер блеснул из ночи –
Светит в жуткий мрак.
С каждым мигом путь короче,
Впереди – бивак.

Скорым шагом входят роты
В темное село.
Отдыхайте без заботы,
В хатах так тепло.

Отдыхайте… Завтра снова
Путь, возможно – бой.
Глянет смерть в глаза сурово,
Зазвенит косой.

Спите… Много ль возвратится
Вас в родимый край?
Спи, солдатик, если спится…
Отдыхай…

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и
печатается по: Наша родина. 1915. № 5. С. 12.

Окружили

Канул в бездну лютый
И кровавый бред.
Тихие минуты,
Тихий лунный свет.
Сердце чутко слышит
Шорох, каждый шаг:
Там, из ночи, дышит
Задремавший враг.
Только тьма спасает
Маленький отряд.
Что нас ожидает?..
Жуть в глазах солдат.
– Не пробиться ль, братцы?
Хватим на уру?..
– Рады постараться,
Сбросим немчуру!
Крикнул кто-то лютый,
Смерть открыла лик…
Ярые минуты,
Ярый свет и крик!

Опубликовано (подп. «А. М-ский») и печатается по: Наша родина. 1915. № 9. С. 12.

Разведчик

Серебряный крестик на детской груди,
С нашивкой погоны… Сам – крошка!
– «Эй, мальчик!.. Послушай – постой, погоди…
Давай потолкуем немножко.
Откуда? за что получил этот крест?
Лет десять тебе, – ведь не больше?»
– «Одиннадцать скоро. Из дальних я мест:
Из Радомской воли, из Польши.
А крест получил я за то, что пошел
Однажды один на разведку
И вражий секрет на опушке нашел…
Взгляните на эту вот метку». –
И ворот рубашки малец расстегнул:
Краснеют две раны… – «В июле,
Когда я врага за кустами спугнул, –

Поймал две австрийские пули».
Две тяжкие раны! И думалось мне:
«Какую он вытерпел муку!»
– «Прощайте, разведчик, – позвольте же мне
Пожать вашу смелую руку».

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Путеводный огонек. 1915. № 22. С. 640[1].

* * *

Мурлычет песенку солдат,
Дробя замерзший снег мотыгой.
Мне скучно, и блуждает взгляд
Над старой надоевшей книгой.
Тепло под прочным блиндажом,
Денщик принес охапку сена,
И кто-то вырезал ножом
На толстой балке имя – Лена.
Здесь мой предшественник скучал,
Наивный юный офицерик…
Поток войны его примчал,
Здесь был его случайный берег.
Темнеет. Утром сменят нас,
Займут окоп другим отрядом,
И чей-нибудь усталый глаз
Два имени увидит рядом.

Опубликовано (подп. «Арсений Митропольский»)
и печатается по: Наша родина. 1916. № 1. С. 9.

Дни жизни

Неинтересно слушать капитана
О том, как мы форсировали Стырь…
Придется спать, хотя еще так рано:
Военный лазарет – как монастырь.

Вчера хирург шутя извлек осколок
(Нога болит, как будто в ране зонд).
Лидусь, Лидусь, роман был так недолог:
– Лечитесь и пожалуйте на фронт!

[1] В ст. 15 очевидная опечатка: «нашел» вм. «вспугнул».

Тоска лежать! Но дня через четыре
Он на ногах, наверно, будет вновь,
И все огни, что только светят в мире,
Зажжет ему всесильная любовь.

Недели две – ведь это так немного! –
Сверкнут ему единым дивным днем,
А там вагон, недолгая дорога
И месяцы под яростным огнем.

В его мечтах, смятением объятых,
Так много светлой и живой тоски…
Но гасят лампы. В сумрачных палатах
Зеленый свет роняют ночники.

Опубликовано (подп. «Арсений М-ский»)
и печатается по: Заря. 1916. № 3. С. 15.

* * *

Тишина в седьмой палате.
Чинно. Скучно. В окнах – мрак.
Субалтерн грустит о Кате,
Капитан скучает так.

Шепчет ночь: не провороньте
Отдых, пулей данный вам,
И пока вы не на фронте –
Прочь из сердца грустный хлам!..

Что прекрасней и суровей
Старых курток и папах
И замытых пятен крови
На груди и рукавах.

Не грусти в пустой палате,
Позабудь про боль в плече!..
Хорошо бы… знаешь… к Кате
На удалом лихаче!

Пусть сжигает миг-диктатор
Сердце пламенным мечом…
А дежурный ординатор
Не узнает ни о чем!

Опубликовано (подп. «Арсений М-ий»)
и печатается по: Будильник. 1916. № 4. С. 6.

В походе

Все дождь и дождь… Усталые солдаты
Давно уж вслух мечтают про бивак.
Вот кончен лес. Чернеет кровля хаты,
И где-то близко – звонкий лай собак.
На панский двор свернули пулеметы…
И слышен крик: – «Дежурных!.. В штаб полка…»
Вдоль темных хат проходят мерно роты,
Текут деревней сонной, как река.
И всё кругом разбужено потоком
Усталых и продрогнувших людей.
Блеснул костер, и в отблеске широком –
Кружок солдат и морды лошадей.
Тепло в избе! Опять хозяйка-полька
Предложит мне ватрушек и яиц.
– «Спасибо вам… но что я должен? Сколько?»
И вновь в ответ обиженное – «Ниц!»
Окончен день. Денщик принес соломы,
Кладет в углу – и, значит, спать пора!..
Ложусь и сплю… и не разбудят громы
Теперь меня до самого утра!

Опубликовано (подп. «Арс. М-ий») и печатается по:
Путеводный огонек. 1916. № 11. С. 274.

Разведчик

Он был ранен меткой пулей
В грудь навылет… Взятый в плен,
Он, когда кругом заснули,
Убежал из вражьих стен.
Ночь была черна, как сажа,
Ветер выл, как злобный пес…
Вдоль костров, где грелась стража,
Невредимым Бог пронес.
Но в лесу – упал без силы:
Истомил тяжелый путь…
Утомленный и унылый
Лег солдат в овраг уснуть.
Вдруг, под полночь, близко слышит
Тихий шорох наш солдат…
Притаился он, не дышит,

Зорко в ночь глаза глядят!
Шевельнулся даже волос
Под фуражкой – страшно так…
Вдруг из мрака чей-то голос:
– «Не робей! Свои, земляк!»
Встал солдат, глядит с испугом…
Сердце мечется в груди…
Кто-то будет новым другом?
– «Эй, не прячься, выходи!»
Смотрит: глазки ярче свечек,
Ростом мал, слаба рука…
– «Кто ты, мальчик?»
– «Я – разведчик
Гренадерского полка».

Опубликовано (подп. «Арс. М-ский») и печатается по:
Путеводный огенек. 1916. № 13. С. 319.

В резерве

Веет тихий ветер над поляной,
Шелестит уснувшая листва,
Гаснет запад, как костер багряный,
И росой заискрилась трава.
Тихо, тихо… Только издалека,
Там, где гаснет огненный закат,
Словно грохот мощного потока,
Слышен тяжкий громовой раскат.
Но спокойно небо заревое,
Темный лес бестрепетно уснул:
Не грозы, а яростного боя
Этот грохот и тяжелый гул.
У костров, рассыпавшись, солдаты
Греют воду… Скоро наш черед, –
Скоро в эти грозные раскаты
Свежий полк на выручку пойдет…
А пока, внимая звукам боя,
Отдыхаем, – труден был поход!..
И темнеет небо заревое,
И туман по просекам ползет.
Скоро ночь, и с нею грянет битва…
Мы спокойны, прошлого не жаль, –

Но в душе у каждого – молитва,
Но в душе у каждого – печаль!..

Опубликовано (подп. «Арсений М-ий») и печатается по:
Путеводный огонек. 1916. № 20. С. 454.

Случай из моей жизни

I

Меня везли, арестованного в Киеве.
В купе неуверенно молчал конвой.
Усмешкой пренебреженье выявив,
Я был все-таки не свой.
А наутро офицер – мой сторож
Глядел подобострастно: и он сродни!
Поезд плелся в малахитовых просторах,
Спотыкаясь на полустанках. И день и дни.
И все-таки вечером (теплым, как грелка)
Мелькнул за окошком и шпиль, и сквер:
Мы подходили, громыхая на стрелках,
К черной и злой восставшей Москве.

II

Я спрыгнул на камень. Шпора,
Вздрогнув, просилась: «Нельзя ль назад!»
Но душа открыла все свои поры,
И вот у колонны твои глаза.
Вся спутанная соскользнула фраза.
Мелькнуло. Забилось. В руке рука.
Всё, затуманясь, исчезло разом,
Вздрогнул разбрызганный звяк штыка.
И мы пошли, скрестив зрачками
Стремленье прямо летящих душ.
Офицер прошептал: «Идите покамест».
Я шепотом бросил: «К утру приду».

III

Ты помнишь Москву? Она глухо бредила.
Вздыхал над столицей покорный час.
За небо цеплялся отблеск меди.
Высокий фонарь на площади – свеча.

Горбатый гном, нас повез извозчик
Мимо безмолвных домов-гробниц.
Глаза фонарей бульварной рощи
Щурились хмуро из-под ресниц.
Был коридор, и шаги, и двери,
Был провожатый и звон ключа…
Миг – и крутясь в огневевшей сфере
Двое помчались, сердца луча.

IV

А утром на площадь. В залу
Так входит усталый танцор.
Ты оставляла Москву, к вокзалу
Тебя оторвал мотор.
Я?.. прозвенел по сырому асфальту,
Не ник и на этой меже,
И не было слабости, не было жаль ту,
Которой не встречу уже.
А там, где ложился вечер,
Где хотели – под стиском скул, –
Чтобы страх мне лицо изувечил –
Я был прост и немного сутул.

V

Меня затискивали в угол
Какой-то офицер и еще матрос.
Как будто в пустые рукава пугал
Попадается альбатрос!
И даже в тюрьме… Но это не важно.
Лучше молчать, беречь, не дробить.
Известно давно: душа отважна,
Если сумела полюбить.
Любить – не поднять ли своими руками
Себя и швырнуть в синеву, как орла?..
……
ТЕБЕ – моя певучая память,
Подарившая два крыла.

Опубликовано и печатается по: Вечерняя газета (Владивосток). 1922. 11 июля (№ 337). С. 2.

ОТ «ПЕЧАЛЬНОГО» И «ТЕРПКОГО» К «ВЕГЕТАРИАНСКИ-ПРЕСНОМУ»: О ЗАГЛАВИИ ПЕРВОГО СБОРНИКА СТИХОВ Л. АНДЕРСЕН[1]

Г.В. Эфендиева, Р.В. Поливан

В мае 1940 г. в Шанхае у Лариссы Андерсен вышла первая книга стихов под названием «**По земным лугам**». В нее вошли поэтические произведения разных лет (всего – 51), написанные в период с 1930 по 1940 гг. включительно. Незадолго до этого события харбинская журналистка Е. Сентянина констатировала: «Ларисса Андерсен – поэтесса вдумчивая, тонкая, очень скупая. Стихи ее появляются крайне редко. Даже книги все еще нет, хотя она давно могла выйти»[2]. По словам самой Л. Андерсен, ей неоднократно советовали издать томик стихов еще в Харбине[3], но она ограничивалась публикациями в периодике: газете «Молодая Чураевка» и журнале «Рубеж». Три ее стихотворения («Колыбельная песенка», «Яблони цветут», «Память о весне») были напечатаны в коллективном сборнике «Семеро», изданном в 1931 г., на шестом году работы «Чураевки».

Таким образом, сборник «По земным лугам» явился своеобразным итогом раннего (харбинского) этапа творчества Л. Андерсен и в полной мере отразил мировосприятие молодой поэтессы, ее эстетические и философские искания.

Незадолго до этого события Александр Вертинский, прочитав стихи, приготовленные для первой книги Л. Андерсен[4], написал специальный очерк, где отметил следующее: «Этот материал попал мне в руки случайно, но Лариссу Андерсен я знаю давно. То есть столько лет, сколько я нахожусь здесь, на Д<альнем> В<остоке>, – года три-четыре. В первый год моего приезда сюда я прежде всего бросился искать поэтов.

Найти их было довольно трудно, ибо хотя в Шанхае представлены все виды искусств довольно интересно – литература здесь представлена наиболее бедно. <…>. Тем радостнее и чудеснее будет появление на шанхайском горизонте таких прекрасных и *терпких стихов*, какие обещает нам Ларисса Андерсен своей книгой "**Печальное вино**".

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту МК-6409.2010.6 «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)».

[2] *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. С. 5.

[3] Об этом см., например: *Андерсен Л.Н.* На острове // Русский Харбин. М., 2005. С. 88–93.

[4] Александр Вертинский так же, как Владимир Слободчиков, помогал Л. Андерсен советами в выборе стихов. Об этом: *Андерсен Л.Н.* На острове // Русский Харбин. Указ. изд. С. 91.

Когда книга выйдет в свет, читающие эти строки смогут насладиться ею в полной мере» (курсив и жирный шрифт наш. – *Авт.*)[1].

С Вертинским поэтесса познакомилась в Шанхае в 1933 г. «Печального Пьеро» русской эмиграции покорили не только красота и грация Лариссы Андерсен, но и ее стихи, которые он впервые услышал на одном из вечеров поэзии. Чуть позднее, в письме 1936 г., Вертинский признавался: «Я хочу поблагодарить Вас за Ваши прекрасные стихи. <…> Я *пью их медленными глотками, как драгоценное вино*. В них бродит Ваша нежная и **терпкая печаль**. "Le vin triste" – как говорят французы» (курсив и жирный шрифт наш. – *Авт.*)[2].

Французскую идиому «*vin triste*» (дословный перевод – «когда человек во хмелю бывает печален») Вертинский использовал и в своих «песенках», понимая под ней некое высокородное страдание, прекрасную в своей естественности грусть. Не случайно маэстро всегда пленяли женщины, у которых «в глазах печаль», – за внешней утомленностью и задумчивостью ему виделись глубина и страстность натуры. Напротив, ненатурально скучающие, жеманные особы становились объектами едкой иронии Вертинского. Так, в своей песенке «Femme Raffinee» («Рафинированная женщина») он обращался к даме, от которой невозможно «требовать многого», с такими словами:

Только не надо играть в загадочность
И делать из жизни «Le vin triste».
Это все чепуха, да и Ваша порядочность –
Это тоже кокетливый фиговый лист.
(А. Вертинский. «Femme Raffinee», 1933)[3].

По всей видимости, в Лариссе Андерсен маэстро находил полную противоположность подобной героине, полагая, что спокойная печаль, за которой скрывается чувственность, для поэтессы – самое естественное состояние. Метафора «le vin triste» в сознании Вертинского оказалась прочно связана с образом Лариссы Андерсен и ее поэтическим поведением. Не удивительно, что когда в 1940 г. он писал о предстоящем выходе сборника Андерсен, то настаивал на названии «Печальное вино».

Любопытно, что выражение «Печальное вино» пришлось по вкусу не только прославленному мэтру эстрады. Под таким заглавием выпусти-

---

[1] *Вертинский А*. Ларисса Андерсен // Шанхайская заря. 1940. 21 апреля. С. 3.
[2] Письмо А.Н. Вертинского Л.Н. Андерсен от 14 марта 1936 г. // *Андерсен Л.Н*. Одна на мосту. М., 2006. С. 380.
[3] *Вертинский А.Н.* Дорогой длинною… Стихи и песни. Рассказы, зарисовки, размышления. Письма. М., 1991. С. 308.

ла свой первый поэтический сборник Вера Инбер (Париж, 1914), пронизанный декадентскими мотивами (уход от действительности, культ личности, антиобщественные настроения). Стихи сборника были восприняты, с одной стороны, как бессодержательные и упадочнические, с другой – как элегантные и камерные. Так, Р. Иванов-Разумник (в отзыве на две книги стихов, «Четки» Ахматовой и «Печальное вино» Инбер), отметил в ее поэтических текстах «игрушечную жеманность»[1], а А. Блок нашел «горечь полыни, порой настоящую». Произведения, вошедшие в первый сборник В. Инбер, отличались тематической непосредственностью (любовь, южная природа), легкостью интонации и музыкальностью. Хотя в названии первого (как, впрочем, и второго – «Горькая услада») сборника В. Инбер слышится не столько французская идиома «*vin triste*», сколько фразеология А. Блока, а также А. Ахматовой, пронизывающая вообще всю раннюю лирику поэтессы. Вспомним блоковское словосочетание «*печальная услада*» («Да, есть печальная услада / В том, что любовь пройдет, как снег…») и ахматовское «*терпкая печаль*» («"Отчего ты сегодня бледна?" / – Оттого, что я терпкой печалью / Напоила его допьяна…»).

Кстати, между произведениями Инбер и Андерсен обнаруживаются некоторые образные и тематические переклички:

Хорош воскресный день в порту весной;
Возня лебедок не терзает слуха,
<…>
…Я радуюсь тому, что я одна,
Что я не влюблена и не любима,
<…>
Что я могу присесть легко на тюк,
Вдыхать неуловимый запах чая,
Ни на один вопрос не отвечая,
Ничьих не пожимая нежно рук.

(В. Инбер. «Хорош воскресный день в порту весной…», 1918; курсив здесь и далее наш. – *Авт.*);

…На перекошенной палубе только я
Воображаю себя матросом.
Ах, как привычно, *как весело быть ничьей*!
Неуемное сердце стучит и рвется.

(Л. Андерсен. «Пароход сумасшедший, пароход пьян…», 1934)[2].

---

[1] *Иванов-Разумник Р.* Жеманницы // Заветы. 1914. № 5. Ч. 3. С. 47–51.

[2] *Андерсен Л.* По земным лугам. Шанхай, 1940. С. 35. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

К метафоре «печальное вино» как-то обратилась и Наталия Крандиевская-Толстая, характеризуя все то положительное, что есть в поэзии Тэффи. Перелистывая убористый том «Грядущей России» за 1920 г.[1], Наталия Васильена произнесла: «А вот и стихи Тэффи, я их очень люблю, хотя они чуть-чуть нарочиты и театральны, как будто написаны под рояль, для эстрады, для мелодекламации. Но в них есть настоящая острота, то, что французы называют vin triste, печальное вино...»[2] Кстати, в 2000 г. была выпущена в свет антология произведений Тэффи, которая была названа «Печальное вино»[3].

Для «грустных, как вино, стихов» Н. Лохвицкой (Тэффи) характерны такие черты, как музыкальность, камерность, мотив одиночества, противопоставление мечты и действительности. То же можно сказать и о поэзии Л. Андерсен. В творчестве обеих поэтесс выявляются удивительные параллели, свидетельствующие о близости художественных миров и мировоззренческих установок Тэффи и Андерсен:

Иду по безводной пустыне,
Ищу твой сияющий край.
<…>
Я близко от радостной цели…
Как ясен мой тихий закат!
Звенят полевые свирели,
Звенят колокольчики стад…

Ты гонишь овец к водопою –
Как ясен твой тихий закат!
Как сладко под легкой стопою
Цветы полевые шуршат!

(Тэффи. «Иду по безводной пустыне»;
сб. «Passiflora», 1923).

В час, когда засыпает усталое, зрелое лето
В окропленных росою и пахнущих медом лугах,
Я иду за тобою немеркнущим благостным следом,
Ускользающим вдаль, где так светлы еще облака.
<…>
Я повсюду ищу, не оставил ли светлого знака
Ты, с пастушьей котомкой и ясным вечерним лицом…

[1] См.: *Тэффи*. Корабль. Проклятие // Грядущая Россия. 1920. № 2. С. 71.
[2] Об этом: *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 2006. С. 249.
[3] *Тэффи*. Печальное вино: Рассказы; фельетоны, воспоминания. Воронеж, 2000. 560 с.

И тропою, с шуршащей по платью, мерцающей рожью,
Возвратившись домой, я меняю в кувшине цветы,
Зажигаю лампаду… Я медленней, тише и строже…
И вечерние мысли, как травы дороги, просты…
(Л. Андерсен. «По вечерней дороге», 1936; С. 4).

Кроме того, хрестоматийная фраза Тэффи «Мы смехом заглушим свои стенанья» («Подсолнечник», 1922) оказывается созвучна ощущениям лирической героини Л. Андерсен «Вот опять я должна смеяться, чтобы сжалась и стихла боль…» («Ветер», 1934; С. 24–25).

Вертинский (как исполнитель целого ряда песен на стихи Тэффи и Веры Инбер), несомненно, был хорошо знаком с их творчеством, а также с литературной модой и настроениями русской эмиграции. Поэтому, думается, что он предложил Лариссе Андерсен заглавие «Печальное вино» не случайно и не только ради эффектной репрезентации сборника.

Однако Л. Андерсен, по собственным словам, «постеснялась такого романтического названия»[1] для своего первого томика стихов и предпочла более близкое ей, «природное» заглавие – «По земным лугам». Раздосадованный Вертинский счел его «провинциальным» и «*вегетариански-пресным*»[2]. Вероятно, маэстро был возмущен даже не самим, с его точки зрения, неудачным названием, а фактом непослушания Лариссы, отвергшей его совет. Думается, что выход сборника под иным заглавием стал для Александра Николаевича неприятным сюрпризом.

Тем не менее, «природное» заглавие представляется вполне закономерным для поэтического мышления и мироощущения Лариссы Андерсен. Во-первых, оно отражает одну из главных черт характера поэтессы – любовь к природе в ее первозданной чистоте и мудрости. Тонкое и эмоциональное восприятие природы было присуще Лариссе с раннего детства, которое она провела с родителями сначала в Хабаровске, затем во Владивостоке и, наконец, на острове Русском. Вероятно, любовь к красоте окружающего мира передалась Лариссе Андерсен по наследству от матери, которая тоже была очень чувствительна к природе.

Во-вторых, пространственно-временное заглавие сразу настраивает на мотив пути, движения, причем как в буквальном, так и в философском смысле. При этом важно, что сама фраза «*по земным лугам»* (в отличие, например, от «*земные луга»*) в синтаксическом плане уже подразумевает именно процессуальность, а не только созерцательность.

Как известно, мотив *пути* является одним из наиболее популярных мотивов лирики в целом, что можно объяснить его многоплановостью и неограниченностью трактовок – начиная от реальной дороги и заканчивая

---

[1] *Андерсен Л.Н.* На острове // Русский Харбин. Указ. изд. С. 91.
[2] *Вертинский А.* «По земным лугам»: Л. Андерсен. Стихи // Шанхайская заря. 1940.

жизненным, духовным движением. Философское понимание мотива нашло свое отражение в творчестве Пушкина, Лермонтова и других русских классиков, но особенно развилось в литературе модернизма и выразилось в так называемой общемодернистской «идее пути». Для эмиграции мотив дороги приобрел новое значение, связанное с реальным бегством, изгнанничеством, невольным странствием.

Лариссе Андерсен пришлось привыкать к кочевой жизни с раннего детства, как и всей «плеяде харбинских юнцов». Первыми впечатлениями будущей поэтессы стали «поезда, теплушки, корзинки, узлы – сумбур»[1]. Как вспоминала сама Л. Андерсен, «вечно куда-то бежали. Так и живу: то убегаю от чего-то, то за чем-то гоняюсь» [2].

Очевидно, что сама социокультурная ситуация ожидания и постоянная готовность к возобновлению пути, помноженная на особое миропонимание поэтессы, обострили ее восприятие жизни как непрестанного поиска. Однако не будет преувеличением сказать, что философское понимание мотива пути во многом было воспринято поэтессой от ее друга и учителя А. Ачаира, который, в свою очередь, испытал влияние Гумилева и его *жажды странствий*[3], а также восточной традиции, связанной с осознанием жизни как духовного пути и самопознания.

Само название сборника Л. Андерсен «По земным лугам» перекликается с заглавием ачаировской книги стихов «Тропы» (1939). Многие стихи Андерсен имеют «хронотопические» названия («По вечерней дороге», «В пути», «Ждет дорожка…», «Перелет») – так же, как и стихи самого Ачаира («Снова в путь», «Проще в лесу», «Тропа судьбы», «Прохожий»).

Как и Ачаир, Андерсен обращается и к образу реальной дороги, и к мотиву *устремленности*, и к философской метафоре *жизнь-дорога*, *Тропа Судьбы*. Ларисса даже вступала со своим учителем в своеобразные поэтические диалоги. Так, развивая тему рыцарства, связанную с мотивом странствий, доблестных походов, Ачаир закономерно выводил на первый план лирического героя-воина, для которого женщина – это только прекрасная добыча.

Смотри же, теперь безоружен
Я – воин, любовник и враг.
Ты – скромная радость жемчужин,
Ты сладость военных наград.

(А. Ачаир. «Добыча», 1933)[4].

---

[1] *Андерсен Л.Н.* На острове // Русский Харбин. Указ. изд. С. 88.
[2] *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты. Указ. изд. С. 5.
[3] Об этом: *Забияко А.А.* Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2007. С. 77–93.
[4] *Ачаир А.* Тропы: Стихи. Харбин, 1939. С. 25. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

На что Ларисса Андерсен смело парировала:

Я вовсе не оруженосец.
Я рыцарь. Рыцарь, как и ты.
<…>
Не за тобою, а с тобою
Я отправляюсь в этот путь,
Пока за собственной судьбою
Мне не придется повернуть.

Для нас равно звенят пустыни,
Шумят моря, цветут цветы.
(Л. Андерсен. «Святыня», 1937; С. 32).

Родственная связь лирики Ачаира и Андерсен обнаруживается и при реализации ими мотива реальной дороги, одновременно символизирующей и саму жизнь, прекрасную своей динамичностью и естественностью.

Как чист мой день! Как путь мой свеж!
Как очертанья далей новы…
Боярка мне краснеет: – Ешь! –
И сливы спелые лиловы.
(А. Ачаир. «Ранняя осень», 1930; С. 8).

Благодарю тебя, осенний день,
За то, что ты такой бездонно синий.
За легкий дым маньчжурских деревень,
За гаолян, краснеющий в низине.
<…>
Еще одним спасибо лик укрась
От луж, от брызг, от зреющей боярки,
Ты, беззаботно сыплющее в грязь
Такие драгоценные подарки!
(Л. Андерсен. «Моему коню», 1931; С. 38).

И пейзажная зарисовка осеннего дня, и сам эмоциональный настрой лирического субъекта обнаруживают явные переклички, продиктованные, в первую очередь, сходством мировосприятия и художественного мышления обоих поэтов. Движение ассоциируется со свободой и яркой, насыщенной жизнью. Лирический субъект воспринимает окружающий мир как гармоничное творение, не чинящее ему никаких препятствий, а напротив, щедро делящееся своими дарами.

Совсем иное звучание мотив пути приобретает в произведении Л. Андерсен «Поводырь», являющем собой не только очередную интерпретацию «эмигрантской» темы, но и шире – тему жизненного пути.

От милого старого дома
Я узкой тропою ушла.
Не скоро пристану к другому
Просить у кого-то тепла.
От солнца рукою прикроясь,
Привыкла я ждать и искать,
Пока не развяжется пояс,
Мой пояс щемящий – тоска.

(«Поводырь», 1930; С. 27).

Метафорой сложного пути становится пустыня, лишенная воды и иссушенная солнцем, что в общем контексте заставляет вспомнить о библейском пророке Моисее, сорок лет водившем свой народ по пустыне. Эти возникающие параллели особым образом углубляют тему индивидуального жизненного пути, вписанного в единую историю онтологических и житейских исканий человечества.

Ключевыми в стихотворении являются мотивы ожидания, поиска, требующие от лирической героини определенной выдержки и силы духа. Свой непростой путь она воспринимает как данность и терпеливо сносит все тяготы и лишения, не считая себя несчастной и не проклиная свою судьбу. Оставаться сильной лирической героине помогают ее мистические прозрения – некий невидимый поводырь, идущий впереди и указывающий ей дорогу.

Для сборника в целом характерна интерпретация мотива дороги именно как *жизненного пути*, однако по большей части он оказывается связан не с цепью лишений, а со спокойствием и размеренностью времени и пространства. Сама жизнь воспринимается как бесконечное движение, не имеющее границ и пределов – не случайно Л. Андерсен отдает предпочтение все же именно природным *земным лугам*, а не рукотворной *дороге*.

Образ *земных лугов* является сквозным в книге стихов Лариссы Андерсен; временами он конкретизируется за счет прилагательных зрительного (обонятельного, вкусового) восприятия («пахнущие медом луга», «нескошенный мятный луг») либо претерпевает некоторые семантические изменения («степные тропы», «согретая земля», «подзвездная ширь»).

Кроме того, движение *по земным лугам* отождествляется с цикличностью бытия, которая выражается и в повторении одних и тех же дейст-

вий («День за днем на лугу, босоногая, / Я медвяные травы топчу»), и в последовательной смене времен года («И каждой весной, неизменно, безумно и просто / Цветут на полях и на холмиках кладбищ цветы»). На это ориентирована и композиция сборника, ведь словосочетание *по земным лугам* – это поэтическая фраза из двух стихотворений, вошедших в книгу, причем одно из них помещено в начале:

Я не стану святой и строгой –
Так привычно моим ногам
Уставать по земным дорогам,
Танцевать *по земным лугам*.
(«Бьется колокол медной грудью…», 1939; С. 1).

а другое – в конце:

Вот и я, улыбаясь людям,
Прохожу *по земным лугам*…
(«Так старательно на могиле…», 1940; С. 56).

Также мотив круговращения бытия реализуется графически – с помощью многоточий, которые можно обнаружить не только во многих стихотворениях сборника, но и в самом заглавии – *По земным лугам...* С формальной точки зрения этот прием способствует восприятию всех стихов сборника как логического продолжения заглавия; с идейной точки зрения – выражает мысль о неисчерпаемости природы, мира, бытия и дальнейшем продолжении физического и духовного пути.

Таким образом, заглавие первого сборника стихов Лариссы Андерсен представляется очень органичным для поэтессы и являет собой некую ключевую формулу, отражающую два основных мотива не только данной поэтической книги, но и всего ее творчества: *мотив гармонии с природой* и *мотив пути* как непрестанного духовного поиска и постоянного физического движения.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРОПЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭТНОГРАФИИ (ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ ТЕКСТОВ ПИСАТЕЛЕЙ 1920–1940 ГГ.)

А.А. Забияко

Как обольстительны бывают дали!
Мы к ним спешим; мы радостны в пути…
Но вдруг – обрыв… Куда теперь идти?
Мы верных троп, увы, не наблюдали.
(А. Ачаир «Тропы»)[1].

За два с лишним века в контексте дальневосточной этнографии теснейшим образом переплелись, дополняя и развивая друг друга, сугубо научный и художественный подходы. В связи с этим необходимо пояснить, что в корпусе дальневосточной этнографии мы различаем *научную этнографию* и *этнографию художественную*. Понятие *художественная этнография* определяет личный опыт писателя, вступившего в общение с инокультурой и пытающегося осознать плоды этого взаимодействия сквозь призму своего мировидения. Здесь, конечно, не последнюю роль играет масштаб личности автора, его этнические установки и комплексы, глубина постижения своей культуры, степень открытости культуре чужой, предшествующий индивидуальный опыт межэтнических контактов.

В этом писатель отчасти сближается с исследователем-этнографом (и тот, и другой наблюдает, сравнивает, обобщает). Однако там, где ученый опирается на точность научных сведений и их же кладет во главу угла своих умопостроений, художник движим силами эмоций, ассоциаций и образного мышления, отчасти – художественной установкой. Например, этнографический текст в творчестве романтика будет существенно отличаться от того, как воплотит свои наблюдения писатель- реалист (сравним, например, творчество Майн Рида и Джека Лондона и т.д.).

Итак, под *художественной этнографией* понимается результат *художественного освоения* культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определенные географические пространства[2]. Мы не ставим задачи охарактеризовать все раз-

---

[1] *Ачаир А.* Лаконизмы. Харбин, 1937. С. 15.

[2] Предварительные размышления на эту тему представлены автором в публикации: *Забияко А.А.* Становление художественной этнографии Владислава Лецика // Лосевские чтения–2011: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2011. С. 87–110.

новидности – жанровые, стилевые, тематические – художественной этнографии[1]. Опыт изучения данного корпуса литературы позволяет нам сделать вывод о постепенном развитии из текста сугубо научного – научно-художественного текста, породившего так называемое *этнографическое повествование.* В центре внимания этнографических повествований – психология этноса, его мировоззрение. Герой этнографической прозы – чаще всего собирательный образ, получающий индивидуальное психологическое выражение в определенных ситуациях[2]. На наш взгляд, образцами такого типа этнографических повествований являются книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», романа Н.А. Байкова «Великий Ван», повести А.Г. Федосеева «Тропою испытаний» и т.д.

Постепенно в русской этнографической литературе начинают отчетливо выделяться произведения, в которых этнографический и натуралистический материал становятся благодатной почвой для реализации авторской концепции бытия: например, произведения беллетризованного характера (с искусно выстроенным сюжетом, авантюрной подоплекой) или, наоборот, лирико-философского наполнения (как, например, «Женьшень» М. Пришвина)[3]. Думаю, что художественная этнография по мере своего развития дает писателю больший жанрово-тематический и стилевой простор. Однако это налагает на автора и более строгие ограничения[4]. Как бы ни был увлекателен сюжет, этнографический материал должен сохранить свою содержательную составляющую, основанную на принципах достоверности, психологической грамотности и диалогичности[5].

Начало *художественному освоению* Дальнего Востока было положено как раз-таки учеными-путешественниками, вдохновленными загадочными тайнами дальневосточной тайги и образом ее обитателей –

---

[1] Попытки такого рода типологизации, на наш взгляд, довольно дробной, предприняты в работе: *Фокеев А.Л.* Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология. М., 2002. Складывается впечатление, что исследователь поставил себе цель охарактеризовать все возможные проявления художественной этнографии, представленные в отдельных произведениях.

[2] Там же.

[3] Явление *беллетристика* рассматривается вне оценочных позиций литературных иерархий и репутаций. Под беллетристикой понимается художественная проза, в данном случае противопоставленная научно-популярной, мемуарной, эпистолярной, очерковой литературе и публицистике.

[4] Данную проблему, на мой взгляд, можно проиллюстрировать сравнением двух произведений Г.А Федосеева – «Тропою испытаний» и «Смерть меня подождет». Введение мелодраматического (вкупе с детективным) сюжета во вторую повесть, на наш взгляд, снизило значимость этнографического материала и заставило автора не всегда удачно «скрещивать» стиль этнографического повествования и приключенческой повести.

[5] Замечательным примером такого рода этнографической беллетризации становится проза амурского писателя Вл. Лецика («Дед Бянкин – частный сыщик», «Божья роса», «Пара лапчатых унтов»).

С.В. Максимовым, Д.И. Стахеевым, А.В. Елисеевым. Движимые, в первую очередь, научным интересом, они занимались исследованием дальневосточной природы; бок о бок проживая с представителями коренных народов Дальнего Востока, делили с ними трудности и опасности таежной жизни; вписывая себя в их культурную парадигму, начинали познавать истоки собственной этничности. Даром художественного видения был наделен и Н.М. Пржевальский; именно его восторженное отношение к этим землям оказало огромное воздействие на учеников – Н. Байкова и В. Арсеньева. Вспомним, какое судьбоносное значение возымело напутствие Н.М. Пржевальского на Н.А. Байкова: «Если ты так любишь природу и охоту, – говорил Н.М. Пржевальский, – советую тебе после учебы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! Тайга – что твои сельвасы Бразилии! Степи – пампасы Аргентины! Такой природы нет даже у нас на Кавказе и Туркестане! Жаль, что мне не удалось побывать там вторично! Ты интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. *Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края*» (курсив мой. – *А.З.*)[1].

Специфической чертой дальневосточной этнографии стало то, что с 20-х гг. XX в. ее развитие осуществлялось параллельными путями – писателями, принявшими советскую власть и вложившими свои жизненные интересы в развитие советской этнографии (В.К. Арсеньев, М.И. Пришвин) и писателями, волею исторических потрясений оказавшихся в эмиграции (П.В. Шкуркин, Н.А. Байков). Поначалу они имели возможность читать работы своих коллег, даже встречаться друг с другом (например, В.К. Арсеньев и П.В. Шкуркин), обмениваться письмами (Н.А. Байков и В.К. Арсеньев), но постепенно «демаркационная линия» между эмиграцией и метрополией становилась все шире, границы – все глуше. В результате советский читатель знал и восхищался трудами Арсеньева и Пришвина, но совершенно не был знаком с наследием Байкова и Шкуркина, а в это время слава, например, эмигранта Байкова распространилась уже далеко пределы Китая и Маньчжурии, он стал любимым и переводимым писателем в Японии, сам король Югославии зачитывался его произведениями... После 1945 г. общая для дальневосточной эмигрантской литературы беда постигла и ее этнографическую составляющую – архивы были либо уничтожены, либо частично вывезены, либо закрыты на долгие годы.

Это и определило источниковедческие и текстологические проблемы дальневосточной этнографии, мало затрагиваемые, а тем более – изучен-

[1] *Байков Н.* Тайга шумит. Заветы Пржевальского. Харбин, 1937. С. 81–85.

ные в отечественной науке. В данном случае речь идет о связанных между собой вопросах аутентичности (атрибуции и аттетезы) некоторых текстов (Н.А. Байкова, М.В. Щербакова, В.К. Арсеньева)[1]. Исследование этих вопросов позволяет не только, как следует из названия, в общих чертах решить проблему атрибуции некоторых текстов писателей-этнографов и писателей-беллетристов, обращающихся к этнографическому материалу, но и проследить этапы становления корпуса литературы, посвященной этнографии Дальнего Востока, а также определить специфику развития этнографических разысканий «по ту и эту стороны границы», обозначить характер жанрово-стилистического своеобразия художественной этнографии отдельных авторов.

Наш исследовательский интерес, повлекший за собой неожиданно углубившиеся разыскания, был связан с темой *дальневосточного фронтира* и *фронтирной ментальности*[2] в художественной рефлексии писателей, волей судьбы оказавшихся на rendez-vous с инокультурным пространством[3]. Средоточием фронтирной ментальности стала фронтирная мифология жителей Дальнего Востока, воплотившаяся в образе *женьшеня* и связанного с ним мифо-ритуального комплекса[4]. Так называемый корень жизни привлек наше внимание не случайно. В 10–30-е годы прошлого века, после открытия девственных просторов Дальнего Востока и его природы, женьшень становится необыкновенно популярным и входит в массовое сознание не просто как панацея, но и как поистине *чудесное* растение: «Раньше настоящих лекарств было мало, культура народа была низкой. Поэтому люди верили в народные лекарства, хотя они не всегда помогали. В прежние годы – начало XX в. – много говорили и писали о женьшене. Чудо корень, излечивает, омолаживает, воскрешает даже; ночью светится, приносит счастье, фосфоресцирует, и др. легенды ходили о

---

[1] Вслед за текстологами под *атрибуцией* мы понимаем установление автора, если он не известен; под *аттетезой* – исследование вопроса о том, принадлежит ли сочинение тому автору, которому оно приписывается; под *аутентичностью* – общий вопрос о правильности текста (*Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 3–9).

[2] Под *фронтирной ментальностью* понимается «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья» (*Забияко А.П.* Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. Указ. изд. С. 10).

[3] Об этом: *Забияко А.А.* Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронтира в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 1. Благовещенск, 2011. С. 336–346.

[4] «Здесь была своя особенная жизнь и сохранился древний быт, очень далекий и чуждый современной культуре и цивилизации. Здесь доминировал "Закон тайги", жестокий с точки зрения обывательской морали, но рациональный и неизбежный. Властелином здесь был не человек, а дикий зверь, которому подчинялось все живое, не исключая и человека» (*Байков Н.А.* Дань Великому Вану // Австралиада. 2003. № 34. С. 43–45).

женьшене самые красочные»[1]. М. Пришвин, погрузившись во фронтирные реалии в 30-е гг., риторически замечал: «Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий…», а затем возвращался к своим «прелюдиям» (*М. П.*): «Он (корень) служит как бы стимулом справедливости и добра, эмблемой равновесия творческих сил природы и воплощения высшего существа вселенной, в нем заложена частица Великого Духа, жизни и движения в мировой бесконечности. ЖШ. – источник и корень жизни, незримый свет мировой энергии»[2].

Вполне закономерным стало наше обращение к текстам, посвященным данной теме: очерку «Корень жизни (Женьшень)» (Н.А. Байков) и сборнику рассказов «Корень жизни» (М.В. Щербаков). Мы не были «открывателями» самих текстов[3], но работа с ними обернулась почти детективным расследованием приключений «корня жизни» в текстах писателей-дальневосточников.

Николай Аполлонович Байков (1872–1958) – ученый-натуралист, воин-заамурец, доблестный солдат Первой мировой, дослужившийся до полковника, писатель. Вся жизнь и деятельность Н.А. Байкова была вдохновлена Маньчжурией, которую писатель называл своей «второй родиной»[4]. Он попал в эти земли задолго до революционных событий, прослужил в Маньчжурии четырнадцать лет, а затем, уже после фронтов Первой мировой, возвратился туда в качестве беженца. Начинал Н.А. Байков как ученый, да и в дальнейшие годы из-под его пера вышло множество нату-

---

[1] *Арсеньева А.* Арсеньев и женьшень // *Арсеньева А.* Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания // Рубеж. 2006. № 6 (868). С. 295.

[2] *Пришвин М.М.* Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. 2006. № 6 (868). С. 212, 250.

[3] Первые известные нам публикации данных текстов: *Байков Н.А.* В дебрях Маньчжурии (главы из книги) // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 243–259; *Байков Н.А.* Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223; *Щербаков М.В.* Корень жизни // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 101–146; *Щербаков М.В.* Корень жизни // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Т. 6. Пекин, 2005. Особенности эдиционного выполнения данных популярных изданий определили наличие многочисленных опечаток и возможных неточностей, что затрудняет научное исследование данных текстов.

[4] О творчестве Н.А. Байкова см.: *Ким Рехо.* Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297; *Ким Е.* По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // *Байков Н.А.* Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток, 2009. С. 5–52; *Хисамутдинов А.А.* В лесах Маньчжурии (К 125-летию Н.А. Байкова) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 120–125; *Плостина Н.Н.* Образы «иноплеменников» в творчестве русских писателей-путешественников (Дерсу Узала В.К. Арсеньева и Тун Ли Н.А. Байкова) // А.П. Чехов и его традиции в русской литературе. Вып. 3. 2006. С. 318–324.

ралистических очерков (н-р: «Звероводство в Маньчжурии»,1903; «В Маньчжурии»,1904; «Фауна и флора», 1905; «Охота у горы Маоэр-шань», 1907; «По тигровым следам», 1907; «Змеи и их приручение», 1911; «Маньчжурский тигр», 1925 и мн. др.).

Очерк Н.А. Байкова увидел свет в 1926 г. – сразу в двух изданиях[1]. Доступный нам текстовый вариант очерка «(Жень-шень)» представляет собой именно натуралистический очерк, со всеми содержательными и стилистическими характеристиками, определяющими этот жанр. Он состоит из шести частей, где, как уже следует из названия, женьшень – главный объект. Натуралист дает отдельное и подробное «Описание растения», рассказывает о «Распространении женьшеня», «Искателях женьшеня», об «Искусственном разведении» корня, приводит «Легенды и сказания» и, наконец, данные об использовании «Женьшеня в восточной медицине»[2].

Научную заданность материала «оживляют» несколько моментов: интригующая преамбула, легенды о женьшене, связанные с ними поэтизированные фрагменты. Приведем наиболее запоминающиеся (и, как выяснится позднее, не случайно): *«По понятиям китайцев, только чистый, непорочный человек может найти "корень жизни". Для человека порочного и безнравственного это недоступно, так как от такого человека растение исчезает, и корень глубоко уходит в землю, горы начинают колебаться и лес стонать, из зарослей выходит грозный владыка тайги, хранитель женьшеня – тигр, – и разрывает неудачливого искателя.*

Найдя дорогое растение, искатель бросает в сторону палку, закрыв глаза рукою, падает ниц на землю и произносит молитву для умилостивления божества. Молитва эта приблизительно гласит: Великий дух, не уходи! Я пришел сюда один с чистым сердцем и душой, освободившийся от грехов и злых помышлений. Не уходи!

После этой молитвы искатель решается взглянуть на открытое им растение» (С. 213).

Наконец, особенно занимательным компонентом очерка становятся воспоминания автора о корне, подаренным ему «на счастье» стариком Хосино и тесно сплетенные с этим же корнем былички. *Натуралист* позволяет себе привести примеры магического воздействия женьшеня на окружающих людей лишь самом конце, так сказать, походя, дистанцируясь от «суеверий»: «Не безынтересно, кстати, отметить судьбу этого корешка»

---

[1] *Байков Н.А.* Корень жизни (Жень-шень). Харбин: Издание Общества Изучения Маньчжурского Края, 1926; *Его же*. Женьшень // Вестник Маньчжурии. 1926. № 5.

[2] Цит. по: *Байков Н.А.* Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223. Как указывают публикаторы, текст очерка (очевидно, и название) печ. по: Вестник Маньчжурии. 1926. № 5. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

(С. 216). Но эти детали – каждая сама по себе – достойны стать сюжетом отдельного рассказа: случай с обезьянкой Байкова, странным образом нашедшей коробочку с корнем в столе писателя, история кражи корня в Киеве из магазина, по всей видимости, осуществленной богатым китайцем. Китаец трижды пытался приобрести корень (добравшись до воевавшего в Карпатах писателя и напоследок предупредившего его о том, что тот будет жалеть и раскаиваться в своем упорстве, отказываясь продать корень). Интересна и история владельца магазина, где был выставлен и затем похищен корень: впоследствии тот признавался, что «чувствовал какое-то непонятное беспокойство, доходившее иногда до галлюцинаций, все время, пока корень находился в магазине, и самый корень действовал на него притягательно. Только после исчезновения корня он почувствовал облегчение, несмотря на моральную ответственность за его исчезновение» (С. 216).

Все эти авантюрные подробности Байков старается дезавуировать – начиная с двусмысленных рекомендаций Хо-сина: «отдавая мне корешок, старый лесной бродяга предупредил меня, чтобы я не держал его при себе, в спальной комнате, и чтобы коробка, где он лежит, была обложена плотной оловянной бумагой; кроме того, он рекомендовал мне быть осторожным при пользовании им, применять только в крайнем случае» (С. 216). Читающий эти строки – в зависимости от его настроенности на проявление чудесного – может либо приписать корню магические способности, либо предположить в нем сильнейший стимулятор жизненных потенций [«несомненные радиоактивные свойства». – *Н.Б.*] (С. 219).

Завершает же очерк сухое и отстраненное от субъективных коннотаций резюме автора-натуралиста: «*Действия этого корня на себе я лично не испытывал.* На вкус он был сладковато-горек и немного жгуч.

Владелец магазина, где корень был выставлен, уверял меня, что в сырую погоду он издавал слабый, едва заметный фосфорический свет и распространял пряный специфический запах. *Лично наблюдать свечение корня мне не приходилось, но запах он имел определенный*» (С. 216; курсив мой. – *А.З.*).

В 1934 г. Н.А. Байков издаст сборник рассказов «В дебрях Маньчжурии»[1]. Включенный туда рассказ «За женьшенем» представляет собой еще более любопытное соединение научно-популярного дискурса с приемами беллетризации. Само начало его выполнено в диалогической манере, как будто некий экскурсовод ведет нас по своеобразному музею «под открытым небом» и предваряет свой рассказ об уникальном экспонате риторическим вопросом: «Вероятно, вам приходилось слышать о корне

[1] *Байков Н.А.* В дебрях Маньчжурии. Харбин, 1934.

"женьшень"?»[1] Далее краткий конспект цитированного выше научного очерка (графически выделенный тире, как рассказ-интервью) перемежается новыми элементами текста. Возьмем, к примеру, легенды о корне, а также подробные (в добавление к уже цитированным ранее) поэтизированные описания искателей женьшеня: «Жизнь, полная лишений, тревог и опасностей в дремучих лесах, наложила на этих людей особый отпечаток аскетизма и подвижничества. Это – человек, превратившийся в особое существо, с хитростью китайца, чутьем волка, глазом сокола, ухом зайца и ловкостью барса. Человек и зверь соединились в нем одно целое, создав интересный, оригинальный тип лесного скитальца, в душе которого развились поэтические струны любителя природы. Весь мир его – в тайге; миросозерцание его не выходит за ее пределы. Здесь провел он долгую и скитальческую жизнь, здесь же он сложит свои кости, в непрестанной борьбе за существование, одинокий, оторванный от людского мира, на лоне дикой, прекрасной природы. Как истый сын Востока, верящий в рок и предопределение, он безропотно и безмолвно несет бремя подвижнической жизни, не стремясь к улучшению ее условий» (С. 246).

Они являются логически оправданной экспозицией к появлению конкретного образа женьшеньщика – уже известного старика Хосина, вместе с которым рассказчик отправляется за корнем. Теперь именно Хосин становится субъектом, в уста которого вкладывается цитированная выше молитва [очерк «Корень жизни (женьшень)»].

Заметим – описание Хо-сина[2] уже встречалось в очерке «Корень жизни» в разделе «Искатели женьшеня», однако в тексте 1926 г. это была лишь иллюстрация к общим сведениям. В рассказе «За женьшенем» Хосин – главный герой, не этнографический пример, а *образ*, наделенный уже свойствами поэтического обобщения. Внося художественные элементы и «совокупляя» их с научными данными, Байков «очеловечивает» последние. Теперь его текст написан не в обобщенно-личной либо безличной манере научного дискурса. Автор создает персонифицированный и в то же время обобщенный образ носителя древней традиции и специфического мировоззрения таежного человека:

«Долго молился старый бродяга, благодаря могучего горного духа за богатую добычу. Звуки чугунного колокола, рокотавшие в лесной чаще, становились все тише и тише и постепенно замерли в далеких тайниках угрюмой тайги.

---

[1] Цит. по: *Байков Н.А.* В дебрях Маньчжурии (главы из книги) // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 243–259. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

[2] Так в очерке 1926 г. Цит. по указ. изд.

Я стал уже засыпать и сквозь одолевшую меня дрему слышал, как пришел старый Хосин, раскурил у очага свою длинную трубку и затих. Не будучи в состоянии преодолеть сна, я мельком взглянул на старого таежника и увидел его сидящим на корточках перед очагом; во рту его дымилась трубка и взор был обращен на тлеющие угли; красное пламя последних отражалось бликами в его глазах; мысли мои путались, и я видел перед собой, не то наяву, не то во сне гигантскую фигуру труженика леса, освещенную красными лучами нарождающейся зари» (С. 248). Это – заключительный аккорд рассказа.

В отличие от Н.А. Байкова, **М.В. Щербаков** не был путешественником-этнографом, страстным исследователем тайги. Его путь в литературу проходил весьма далеко от таежных троп, исхоженных Байковым и солдатами его заамурской «Тигровой роты». **Михаил Васильевич Щербаков** (1890–1956) был физиком по образованию, военным летчиком – по профессии, писателем – по призванию. Но в бурные 20-е гг. он много путешествовал по Дальнему Востоку, побывав в Японии, Корее, Гонконге, Сингапуре, Маньчжурии. Осев в Шанхае, руководил литературными объединениями «Понедельник» и «Восток»[1].

«Корень жизни» М.В. Щербакова – это и первый рассказ одноименного сборника, и его центральный образ[2]. Новелла «Корень жизни» – загадочная и многосмысленная – одно из лучших произведений Михаила Щербакова. Логика тематико-проблемного наполнения сборника позволяет судить о концептуальном значении для художественного целого мифологемы «корень жизни».

В сюжете рассказа переплетается динамика действия и кумулятивная однообразность каждой новой сюжетной ситуации: борьба за корень между нашедшим его женьшеньщиком – «голубым фазаном» Ли Фун-линем и охотником за женьшеньщиками – Цзян-Куем, затем борьба Цзян-Куя с «белым лебедем» корейцем Кимом; исполненное символического смысла, но вполне реалистичное убийство Кима тигром, переход корня в русские руки «Тигровой смерти» – Николая Тимофеевича, его приключения с корнем, и, наконец, убийство «Тигровой смерти» китайцем-аптекарем и кража корня, за которой следует отъезд разбойника в Шань-Си.

Философский посыл проявлен уже в эпиграфе – китайской пословице: «Где женьшень, там и тигры»[3]. Для восточных людей эта фраза становится непосредственной реализацией мифологемы, согласно которой *женьшень* – растительное воплощение Духа лесов и гор, а его животная

---

[1] *Перелешин В.* Михаил Щербаков // Новое русское слово. 1973. 6 июня.

[2] *Щербаков М.В.* Корень жизни // *Щербаков М.В.* Корень жизни. Шанхай, 1943.

[3] *Щербаков М.* От автора // *Щербаков М.* Корень жизни // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 102. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

ипостась – *тигр*. Но пословица есть пословица, она иносказательна. Жажда обладать корнем превращает в тигров людей.

Злокозненность Корня Жизни, попавшего в «нечистые» человеческие руки с целью наживы, по мысли автора, проявляется вполне последовательно: убийство рождает убийство. *Корень жизни* становится *знаком смерти* для каждого, вновь обретшего его правдой и неправдой. По мере каждого преступления возрастает и жестокость воздаяния гения охранителя». Потому совсем не очевидно, что и аптекарь Тун Зюй-кун, заполучивший корень вероломным и жестоким убийством «Тигриной смерти», обретет искомое богатство. Вспомним текст объявления в китайской газете, в котором говорилось о том, что Тун Зюй-кун продал свое дело в Хай Шень-Вее и отправляется на родину в провинцию Шань-Си, «чтобы провести остаток дней рядом с могилами своих предков» (С. 110). Его возвращение на родину, к могилам предков, символически напоминает о культе «возвращения мертвых», когда, по китайской традиции, покойник должен вернуться на родину.

В художественную ткань повествования Щербакова органично вплетен *натуралистический* опыт описания женьшеня, тигра, *этнографический* опыт наблюдения за повадками женьшеньщиков, тигроловов и т.д. и *этнорелигиозный опыт* осмысления этого синкретического мифологического концепта. Логика подсказывает, что для создания новеллы с этнографическим «подтекстом» необходимо было знание научных фактов. Именно такую парадигму мы выстраиваем при изучении художественной этнографии. Поэтому вполне обоснованно было предположить, что в своем произведении Щербаков активно опирался, например, на труды того же Байкова – в те годы прославленного харбинского натуралиста, члена ОИМК (Общества Изучения Маньчжурского Края), в честь которого был даже образован литературный кружок (кружок им. Н.А. Байкова).

Но – как следует из авторской пометы, рассказ «Корень жизни» М.В. Щербаков написал еще в 1924 г.[1] Действительно, первая, мало известная публикация рассказа была осуществлена в 1925 г.[2] Что же стало прецедентным текстом для Щербакова и почему название его рассказа, совпадающее с названием очерка Байкова, не было изменено впоследствии, а наоборот, дало именование целому сборнику? Именно этот вопрос

---

[1] Сборник «Корень жизни» формировался почти двадцать лет, туда в основном вошли рассказы, написанные в 1923–1930 гг. (в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг.); два рассказа датированы 1934 и 1935 гг. Произведения эти разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению: среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и фантастические рассказы («Утес Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т.д.

[2] *Щербаков М.В.* Корень жизни // Дымный след: Сб. лит.-худ. кружка. Вып. 1. Сан-Франциско, 1925.

определил следующий этап многотрудного пути историографических, источниковедческих и текстологических штудий. Он вывел на пересечение разных троп дальневосточной этнографии, в том числе – и «троп судьбы» дальневосточных писателей.

Очевидно, что Байков и Щербаков не были близко знакомы, а в годы, когда создавались сополагаемые тексты, судьба разбросала их по разные стороны Тихоокеанского региона. Но перед этим, начиная с 1920 г., Щербаков прожил несколько лет во Владивостоке.

В те годы китайская, корейская, японская речь доносилась из каждого квартала. Китайцы были неразрывной частью жизни русских дальневосточников. По-видимому, несмотря на сложное отношение к простым китайцам (у Щербакова – «манзам», «ходям», «китаезам»), восточная культура и литература в ее разных национальных проявлениях стала интересовать писателя еще с владивостокского периода творчества, побудив к изучению китайского языка, воплотившись в переводах, стилизациях и жанрах, синтезирующих формы европейской и восточной формы стиха[1].

Кстати, именно в те годы Щербаков впервые обратится к теме женьшеня. Это произойдет в поэтической форме:

Того, *кто волей тверд и помыслами чист*,
Проводят *гении* лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к *затерянным полянам*,
Сокрывшим *зонт цветов и пятипалый лист*.

Но *злобны демоны, владыка-тигр* когтист:
Не торопись звенеть серебряным даяном
Под вязью вывески торговца талисманом,
Где пряных зелий дух и горек, и душист.

Сложив шалаш, постись! Из недр росток женьшеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный *Небом срок*.

А в мглистый *час Быка*, созвездиям покорен,
С *молитвой праотцам* бери *олений рог*,
И рой таинственный, *подобный людям, корень*.

(1922; курсив мой. – *А.З.*)[2].

---

[1] Об этом: *Иващенко Е.Г.* «Восточные фантазии» М. Щербакова // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 4. Благовещенск, 2010. С. 87–97; *Ковальчук И.Ю.* Традиции китайской словесности в поэзии дальневосточной эмиграции // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 4. Указ. изд. С. 97–105.

[2] *Щербаков М.* Отгул: Стихи. Шанхай, 1944. Ранее – в лит.-худ. альманахе «Китай» (Шанхай, 1923) с датой под стихотворением: 1922 г. Цит. по: Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. С. 585.

«Твердая форма» сонета (зачин – развитие – поворот – заключение), очевидно, понадобилась Щербакову для концентрации своего понимания мифологии жителей дальневосточной тайги, связанной с женьшенем. Здесь и тайга (*лесистый Да-Дянь-Шань)*, и Духи (*гении*) леса и гор, *владыка-тигр, Неба срок, час Быка, олений рог, молитва*. Любопытна и субъектная организация стихотворения: несмотря на обращение «ты», оно воспринимается как личный императив, как некая заповедь, обращенная лирическим субъектом к себе. И – к каждому.

Данное произведение не стало поэтическим «откровением»: европейский лирический канон плохо вмещает сложнейшую специфику фронтирной ментальности и фронтирной мифологии, а экзотические лингвореалии с трудом скрещиваются с высокопарной лексикой. Но важно другое: выходит, что с комплексом мифологических сказаний о женьшене (а также тигре, Духе Гор и Лесов, священных местах) Щербаков познакомился до эмиграции.

В Предисловии к сборнику «Корень жизни» он напишет: «Собранные в этой книге рассказы написаны в разное время за двадцать лет жизни в Шанхае. Большинство – дань восхищения *перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера,* о которых все еще мало сказано в нашей литературе» (С. 101). При этом *русскости* в ее концептологическом и образном выражении в сборнике рассказов – весьма мало. Его русские – это особые русские, *русские дальневосточного фронтира*. Сквозь призму восприятия такого вот – особенного – русского человека пропущены в сборнике мифология и мифологические воззрения самых разных народов, населяющих Дальний Восток: *китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков.*

И, думаю, одним из достойнейших представителей *русского дальневосточного фронтира* стал для Щербакова Владимир Клавдиевич Арсеньев. Действительно, во время своего пребывания во Владивостоке Щербаков много общался с Арсеньевым, к тому времени уже прославленным исследователем дальневосточной природы, издавшим книгу «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914 г.). В ней Арсеньев дает подробнейшее описание быта и нравов китайцев, характеризует их хозяйственную деятельность и промыслы в Уссурийском крае, пишет о женьшене и женьшеньщиках.

Знакомство с этим трудом Арсеньева обнаруживается и во втором рассказе сборника Щербакова «Паршивый уголь» (1924). Там устами *русского*[1] капитана Вассера, – «заядлого таежника», прожившего немало лет на мысе Св. Ольги бок о бок с китайцами и «инородцами» – излагаются

[1] Вопрос о *русскости* капитана заслуживает отдельной темы. Однако в контексте разговора о таежных законах он выступает как носитель русского этнического сознания.

«священные законы тайги»[1]. Первый – «гостеприимство» (вплоть до абсурдных, с точки зрения европейца, форм), второй – «не воруй!» («нет тебе, вору, по всей тайге ни чифана, ни теплого ночлега»), третий – «братская клятва» («за ее нарушение одна кара – смерть. Тому, кто бросил братку в беде – смерть. Тому, кто убил братку – смерть через лютую пытку») (С. 116).

Убийство молодым Кун Си братки, бросившим своего же братку наедине с тигром, неоднозначно оценивается Вассером – русским человеком, но однозначно отрицательно – Вассером-таежником: «Закон тайги ясен. Статей в нем мало; снисхождений никаких: за смерть полагалась смерть. А тут, конечно, вина еще увеличивалась: ведь старик-то принял убийцу в дом, облагодетельствовал, можно сказать…» (С. 118).

Вполне возможно, что еще во Владивостоке Щербаков застал выход в свет и знаменитой книги «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» (1921) В его библиотеке, сохраненной частично В.А. Слободчиковым, это первое издание книги Арсеньева с надписью владельца «М. Щ.» есть[2]. По крайней мере, А. Несмелов, тоже общавшийся с Арсеньевым во Владивостоке, в своих беллетризованных мемуарах «Наш тигр» пишет о том, что Владимир Клавдиевич сам знакомил его с этим трудом, «который он в те дни готовил к печати»[3].

Итак, одним из возможных проводников на пути к художественной этнографии стал для М.В. Щербакова В.К. Арсеньев. Кстати, Арсеньев действительно хотел написать книгу о женьшене, для этого собрав «около 30 легенд китайских, русских, корейских, гольдских». Как пишет его первая жена, одно время он сам «тоже верил в чудесный женьшень, заказывал китайцам женьшеневые пилюли – коричневые, очень дорогие. Китаец приносил ему, он их глотал изредка. "Омолаживают, продлевают жизнь"»[4]. К чести Арсеньева, он не только был хорошо знаком с культурой гольдов, орочонов и других коренных жителей уссурийской тайги, но учил китайские иероглифы, был знаком с классикой китайской литературы. Этим Арсеньев, в свою очередь, был во многом обязан Павлу Васильевичу Шкуркину, с которым дружил после поездок в Харбин[5]. Для книги

---

[1] *Арсеньев В.К.* Хунхузы; Китайские законы // *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае; *Нансен Ф.* В страну будущего. М, 2004. С. 195–208; 208–234.

[2] Коллекция «русского харбинца»: Каталог собранья В.А. Слободчикова. М., 2006. С. 19.

[3] *Несмелов А.* Наш тигр // *Несмелов А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Владивосток, 2006. С. 669.

[4] *Арсеньева А.* Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания. Указ. изд.

[5] «Он несколько раз бывал в этом русском городе на китайской земле. Известно, что Арсеньев был в Харбине в 1916 году. Это неполные данные. <…> В Харбине он дружил с Павлом Шкуркиным, бородатым большим знатоком Китая и автором блестящих рассказов об этой стране. Володя рассказал, что китайцы очень азартны. Если играют, то на жен, на имущество, на "живое мясо". Отрезал кусок мяса и играет на него. Володя был поклонник Павла

«Китайцы в Усурийском крае» П.В. Шкуркин переводил ему все китайские документы[1], на работу Шкуркина «Китайские азартные игры» Арсеньев ссылается в главе «Азартные игры»[2]. Очевидно, это Шкуркин рассказал Арсеньеву о порядках китайцев, о быте и нравах хунхузов, а немного погодя и сам выпустил отдельно свои книги «Хунхузы» и «Игроки»[3]. В первой он, кстати, подчеркивает *этнографичность* своих историй, отказывая самому себе в *беллетристичности*.

Имя Арсеньева привело нас еще к следующему – курьезному – открытию, опять-таки связанному с именем Н.А. Байкова. Изучая текст книги «Китайцы в Уссурийском крае», мы не могли не обнаружить, что целые фрагменты из нее, посвященные чудесному корню и его добыче, дословно совпадают с текстом очерка Н. Байкова «Женьшень». Так, Байков с самого начала практически «цитирует» Арсеньева (см. гл. «Искатели женьшеня» из кн. «Китайцы в Уссурийском крае»). А в главах «Искатели женьшеня» и «Легенды и сказания» те самые поэтизированные фрагменты, что привлекли наше внимание выше, просто-напросто «скопированы» у Арсеньева (а затем повторены в Байковым в рассказе «За женьшенем»): условия, при которых корень попадает в руки женьшеньщика, молитва женьшеньщика, легенды о женьшене. Таких «заимствованных» фрагментов весьма много[4].

Стало быть, Николай Аполлонович Байков (к примеру, воспользовавшись тем, что в Харбине труды Арсеньева не были широко известны) проявил, мягко говоря, научную недобросовестность и создал компилятивный текст? Возникшая проблема атрибуции и аттетезы требует от нас поступательного движения по всем возможным этапам текстологического исследования данного типа. Здесь, как справедливо пишет А.Л. Гришунин, «труд исследователя-атрибуциониста напоминает работу судебного следователя»[5].

Принадлежность произведения (в данном случае – фрагментов текста) тому или иному автору может быть вскрыта и доказана в результате изучения архивных, эпистолярных и мемуарных материалов[6].

Шкуркина» (*Арсеньева А.* Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания. Указ. изд. С. 281–338).

[1] *Арсеньев В.* Введение // *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Указ. изд. С. 6.

[2] Там же. С. 194.

[3] *Шкуркин П.В.* Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; *Его же.* Игроки: Китайская быль. Харбин, 1926.

[4] См.: *Арсеньев В.К.* Искатели женьшеня // *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. *Нансен Ф.* В страну будущего. Указ. изд. С. 153–164 vs. *Байков Н.А.* Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223.

[5] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 254.

[6] Там же.

К сожалению, мы можем обратиться к данным только архива В.К. Арсеньева[1]. Архив Н.А. Байкова был уничтожен самим писателем в 1945 г. У нас есть автобиографические рассказы Байкова[2], а также мемуары первой супруги Арсеньева и публикация архива его вдовы[3].

Поэтому начнем не с архивов, а с биографически-документальных материалов. Н.А. Байков и В.К. Арсеньев были погодками, учениками Н.М. Пржевальского, поклонниками его таланта[4]. Они начали работать практически в одно и то же время, только на разных территориях Дальнего Востока. Байков – в Маньчжурии (1901 г.), Арсеньев – в Приморье и Уссурийском крае (1900 г.). Лично они не были знакомы, но, очевидно, следили за результатами изысканий друг друга. Даже любимые писатели у них были одни и те же: Ф. Купер, М. Рид, Ж. Верн[5].

До 1914 г., как подсчитано, Байков опубликовал 13 очерков о Маньчжурии, а Арсеньев начинает публиковаться только с 1912 г.[6] В период 1900–1920 гг. Приморье и Маньчжурия представляли еще единое геополитическое пространство: владивостокцы свободно вояжировали в Харбин, харбинцы – наоборот. Но когда Арсеньев в 1916 г. посещал Харбин, Байкова там не было – воевал на фронте.

Только в 20-е гг. между ними завязывается переписка. К сожалению, мы можем сослаться только на фрагменты писем Н. Байкова В. Арсеньеву[7]. Судя по этим письмам, Байков весьма уважительно относился к Арсеньеву и его разысканиям. Начиная с 1924 г. Байков, работающий над своей монографией «Маньчжурский тигр», в своих письмах просит Арсеньева, как «единственного знатока природы Д.В.», поделиться своими личными наблюдениями, а также – другими сведениями из известных ему источников: «Не имею под руками никакой соответствующей литературы, прошу, если возможно, оказать содействие к освещению затронутого вы-

---

[1] Архив ОИАК (Общество Изучения Амурского Края). Ф. В.К. Арсеньева. Публикации, основанные на архивных материалах: *Аргудяева Ю.В.* В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток, 2007; *Арсеньев В.К.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Владивосток, 2007. 704 с.; *Арсеньев В.К.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Владивосток, 2011. 608 с.

[2] *Байков Н.А.* Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4.

[3] *Арсеньева А.* Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания. Указ. изд.; *Сумашедов Б.* Путешествие по кольцам времени. Неизвестный архив Маргариты Арсеньевой // Рубеж. 2006. № 6 (868). С. 338–356; *Егорчев И.* В.К. Арсеньев. Две жены – две судьбы // Там же. С. 334–337.

[4] *Ким Рехо.* Байков. Указ. изд. С. 270–297; *Ким Е.* По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество). Указ. изд. С. 5–52; *Кузьмичев И.* Имя честного человека // *Арсеньев В.К.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Указ. изд. С. 13–41.

[5] *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24; *Егорчев И.* В.К. Арсеньев. Две жены – две судьбы. Указ. изд. С. 334–337.

[6] *Ким Е.* Из переписки Н.А. Байкова и В.К. Арсеньева // Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 294–299.

[7] Там же.

ше вопроса» (письмо от 9 января 1924 г. С. 296). А 10 августа 1925 г. Байков благодарит Арсеньева за три присланные книги трудов. Что это за книги – неизвестно, но ясно из письма, что Байков был знаком с другими работами Арсеньева давно: «судя по беглому взгляду, они так же интересны и живо написаны, как и все Ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Д.В» (С. 297).

Вполне вероятно, что в 1924–1925 гг. Арсеньев помог Байкову с подбором интересующей его литературы по изучению тигра и природы Дальнего Востока. Но ведь и сам Байков был тем редким «знатоком», каким называет он Арсеньева. Очерк Байкова 1926 г. сопровождается обстоятельным «Списком» (всего – 14 источников), из которого следует, что Байков опирался на многие серьезные исследования: труд П.А. Бадмаева «"Жуд-ши" Основы тибетской врачебной науки» (Спб., 1903); В.Б. Врадия «Китайские легенды о корне женьшень (человек-корень)» (Спб., 1900); В.Л. Комарова «Флора Маньчжурии» (Спб., 1907), «Словарь китайский толковый. Цы-юань» (Шанхай, 1915), книгу С.В. Максимова «На Дальнем Востоке (Спб., 1884.).

Первой в «Списке литературы» Байковым указана работа В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае». (Хабаровск, 1914). Стало быть, ученый-натуралист нисколько не стеснялся своего обращения к тексту коллеги. А второй в списке значится книга «В горах и лесах Маньчжурии» (Спб., 1915), написанная самим Байковым. Еще до революции по заданию Императорской Академии Наук Н.А. Байков собрал свои наблюдения и издал книгу «В горах и лесах Маньчжурии», включающую разнящиеся в жанровом и художественном наполнении произведения, очевидно, собиравшиеся постепенно: очерки «Флора и фауна», «Зоография», «Зверовые собаки», «Добывание пантов», «Пресмыкающиеся и земноводные», рассказы «Любовь хунхуза», «Заблудился», «Тигровые ночи», «Тайга шумит» и т.д. Автор, впервые введший тему Маньчжурии в русскую литературу, имел оглушительный успех, и через год книга была переиздана.

Поначалу тема чудодейственного корня упоминается в натуралистическом очерке «Звероловство»[1]. «Джень-шеню» здесь посвящено всего два абзаца, даны его разные именования на маньчжурском и китайском языках, научное название, подробно описан внешний вид, условия произрастания: «Растение это любит черноземную почву, не выносит жгучих солнечных лучей и растет исключительно в глубоких, темных и сырых падях, в тени непроницаемых густых зарослей (и т.д.)».

А завершает более чем 400-страничный труд оригинальный авантюрный рассказ «Корень жизни» (С. 440–463). Наше обращение к этому

[1] *Байков Н.А.* В горах и лесах Маньчжурии. Спб., 1915. С. 39–48. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.

тексту, наверное, было несколько запоздалым (это произошло, к сожалению, в самую последнюю очередь). Но оно стало решающим.

Первые строки рассказа погружают читателя в мир маньчжурской тайги, увиденной глазами поэтически настроенного автора: «Тихо в лесу. Не шелохнет ветерок в ветвях могучих кедров и лиственниц, не прокричит зверь, не пролетит птица. <…>

Под сводами дремучего леса вечно царит полумрак, даже летом, в яркий полдень здесь темно и сыро, как в погребе. <…>

С сухих заглохших ветвей дерев и толстых стволов старых елей свешиваются седые бороды нитевидных мхов, напоминая видом своим отжившие волосы павших здесь богатырей» (С. 440). Завязка рассказа – нахождение корня двумя женьшеньщиками, стариком Лу-Фа-бинем и его племянником Ван-ли-саном: «Войдя в шалаш и сбросив с плеча кожаную сумку, старик проговорил, обращаясь к молодому товарищу, разжигавшему огонь в очаге:

– Сегодня нам с тобой повезло! Хороший корешок нашли! Вот уже три года, как я не находил такого! Тяжелый! И видом совсем как человек! За него мы выручим большие деньги! Надо только его поскорее спрятать, а то как раз нащупают хунхузы и отнимут! – с этими словами он вынул из сумки небольшой корешок растения, величиной около четверти» (С. 441).

Повествовательная стратегия рассказа органично вписывается в расхожую для тех лет беллетристическую форму «личного рассказчика». Этот субъект повествования сразу выдает в себе натуралистические задатки. Натуралистическое описание сопровождается преамбулой: «Пока оба китайца будут заняты хозяйственными делами, мне, может быть, удастся вкратце изложить все то, что известно нам, европейцам, о драгоценном "корне жизни" и его добывании в драгоценных диких лесах Маньчжурии» (С. 442).

Далее следует подробное наукообразное описание женьшеня, даются его другие названия китайском, маньчжурском и японском языках, указываются места произрастания, перечисляются трудности помысла, целебные свойства «корешка». Отдельный абзац посвящен женьшеньщикам: «Опытный глаз по внешности сразу отличит искателя женьшеня в пестрой толпе маньчжуров и китайцев. Сухой, тренированный в ходьбе по горам, крепкий и жилистый, с суровым обветренным лицом, сутулый, одетый в синий оборванный костюм и остроконечную шапку, с берестяной котомкой за плечами и железной лопаточкой за широким поясом, – он заметно выделяется среди пестрой восточной толпы» (С. 447).

Однако натуралист лишь ненадолго внедряется в повествование, которое далее развивается по законам авантюрной сюжетики. В центре повествования – судьба корня, сюжет движется реализацией мифологиче-

ских представлений о нем. По пути к «цветущему» женьшеню унесен тигром юный Ван-ли-сан: «Струсил мальчишка и не пошел за мной! Великий дух разгневался и пожрал его, а цуветок превратился в гнилой пень!». Сам Лу-фан-бинь схвачен хунхузами и умирает от пыток, так и не раскрыв место хранения корней – большого и поменьше. Хунхузов, наконец, отыскавших схрон корней, было трое. Один убит подельниками, так как хотел сбежать с добычей, из оставшихся двоих один, предводитель Ван-до (этот одиозный персонаж, имеющий реального прототипа, появится и в других произведениях Байкова), убивает другого и отправляется с корнями в Посьет. По дороге во Владивосток его джонка не справляется с бурей. Ван-до гибнет, а тело хунхуза и спрятанные в одежде корешки волны выбрасывают на берег, где они оказываются найдены семьей бедного корейца. Финал рассказа символически умиротворяющ – корень достается тем, кто чист душой: «Тихая летняя плыла над уснувшею землей. Темное море, медленно колыхаясь в своем необъятном ложе, рокотало, и волны одна за другой набегали на плоский берег. Бледный серп месяца всплыл из-за неясных морских далей и бросил серебряный столб лучей своих на выпуклую грудь океана.

В одиноком океане рыболовной фанзы светился красноватый огонь.

Счастливая семья бедного корейца сидела, поджав ноги, вокруг низкого стола, уставленного чашками, блюдами и кушаньями. Из тонкого горлышка глиняного кувшина хозяин и хозяйка наливали подогретую китайскую водку и пили из маленьких, величиной с наперсток, чашечек.

Всем было весело. Даже дети участвовали в семейной радости, пили из рук матери сладкий теплый напиток, смеялись, кричали и угощали остатками еды своего любимца, остроухого пса, сидевшего возле них на задних лапах» (С. 463).

Песней счастливого корейца заканчивается повествование о корне жизни и завершается книга «В горах и лесах Маньчжурии».

Итак, первое (из доступных нам) повествование Байкова о женьшене дает долгожданные ответы и одновременно ставит новые вопросы. Во-первых, мы убеждаемся в том, что женьшень – *оригинальная тема* самого Байкова, по которой уже в 1914 г. им было собрано достаточно материалов, среди которых – условия произрастания и добычи корня, мифологические представления о синкретической связи тигра и женьшеня, о силе цветущего растения, о воздаянии корня неправедным добытчикам.

Во-вторых, в рассказе «Корень жизни» нет тех спорных фрагментов, которые мы цитировали и которые не единожды использовались Байковым в 20-е гг. Почему Байков эмигрантского периода решил ориентироваться, и столь кардинально, на текст Арсеньева? Для чего ему, самобытному исследователю, работающему вдобавок над собственной оригиналь-

ной темой тигра (действительно прославившей его), было необходимо создавать текст-компиляцию? Почему свой сборник 1934 г. он называет по аналогии с книгой Арсеньева (в то время – уже покойного) – «В дебрях Маньчжурии»?[1] Здесь могли сыграть роль, по крайней мере, несколько причин.

Во-первых, самая банальная. Байков вернулся в Харбин из Африки совсем не тем легендарным героем, которым он был до войны и революции. Чудом спасшегося, писателя никто не ждал. Настрадавшись от долгих и мучительных странствий, безденежья и безработицы, когда его семья просто-напросто могла погибнуть от голода, он, наконец, получает место в Харбине. Очерк о женьшене был *заказан* Байкову Обществом изучения Маньчжурского края (ОИМК), в который Байков был избран пожизненным членом[2]. В издании этого общества очерк и был впервые напечатан[3].

Издателям был нужен *научный текст.* А собственного текста под рукой у Байкова, этого ученого-мытаря, *не было*. Кроме того, слава Арсеньева в эти годы гремела – а о Байкове в те годы мало кто помнил. И Байков начал, словно с чистого листа. Он действовал как просветитель – читательской аудитории Харбина нужны были знания о том, что было уже сделано по изучению природы и быта обитателей их края. Как ученый позитивистского склада, Байков хотел «досказать» все невысказанное о женьшене. Потому он пошел путем, на первый взгляд, экстенсивного наращивания материала, более чем в четыре раза расширив представленные Арсеньевым данные, обогатив их красочными примерами из книг, при этом – добросовестно сославшись на первоисточник.

Подчеркнем – очерк Байкова более распространен, нежели заметки о женьшене Арсеньева. Возможно, что Байков как раз-таки воспользовался отсылкой Арсеньева к работе В.П. Врадия «Китайские легенды о корне женьшень (человек-корень)»[4]. Байков углубил сведения о женьшене личными воспоминаниями, своими датировками, известными только ему быличками, обогатил поэтизированными фрагментами и беллетризованным материалом. Это внесло в очерк атмосферу интимности, и, в свою очередь, расширило читательскую аудиторию издания ОИМК. Это же подтвердило и самостоятельность Байкова, его самовитость как ученого и писателя.

Конечно, маловероятно, чтобы, наоборот, Арсеньев опирался на неизвестные нам работы Байкова, напечатанные до 1914 г. Сам Байков при-

---

[1] *Арсеньев В.К.* В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1926.
[2] *Ким Е.* По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество). Указ. изд. С. 40.
[3] *Байков Н.А.* Корень жизни (Жень-шень). Харбин, 1926.
[4] См.: *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. Указ. изд. С. 158.

знавался, что «исключительно литературным трудом» стал заниматься лишь в 30-е гг. Но, как подмечала Е. Сентянина, первые свои рассказы о Маньчжурии он напечатал еще в 1901 г.[1]. Этими текстами мы, к сожалению, не располагаем и не известно, были ли они в архиве самого Байкова эмигрантских лет. Мы не имеем архива Байкова – но архив Арсеньева еще ждет своих текстологов.

Как бы то ни было, нам ясно следующее: в творчестве Байкова изначально соревновались скрупулезный натуралист и писатель-беллетрист. Именно соотношением беллетристического и научного содержания и отличаются тексты В.К. Арсеньева и Н.А. Байкова, посвященные одной теме – дальневосточной тайге и ее обитателям. В предыдущих работах путь Байкова в литературу был охарактеризован нами как путь *от этнографии – к художественному постижению инокультуры*[2]. Было подмечено, что в натуралистических заметках Байкова ученый постоянно соперничает с писателем. Этнограф деловито передает подробности охоты в маньчжурской тайге, научные сведения об «объекте описания», а художник неизменно трансформирует эти заметки в поэтизированные зарисовки из охотничьего и военного быта, где мифология играет особую роль. Очерк «Корень жизни женьшень» (1926) плавно перетекает в повествование «В дебрях Маньчжурии» (1934); «Маньчжурский тигр» (1925), «Тигры на Дальнем Востоке» (1927), «Охота на тигра» (1927) переплавляются в «Великого Вана» (1936) и т.д. При этом речь не идет об обязательной (возникающей в более поздних вещах) дифференциации натуралистических заметок и художественных повествований. Например, в едином пространстве повести «Великий Ван» научный и художественный текст сопряжены органично – нераздельно и неслиянно.

Несмотря на «вполне художественный» стиль своих работ[3], Арсеньев остался на позициях путешественника-этнографа, Байков же устремился в «дебри Маньчжурии» с художественной стороны. Из этого совсем не следует, что произведения Арсеньева от этого менее интересны, чем тексты Байкова, и наоборот. После смерти Арсеньева Несмелов писал о «целом хвосте подражателей, желающих пожать те лавры, которые выпали бы на долю Владимира Клавдиевича, если бы обстоятельства не заставили его остаться в СССР, где он безвременно и почил»[4]. Кого имел в виду А. Несмелов?

---

[1] *Сентянина Е.* Харбинские писатели и поэты. Указ. изд.

[2] Об этом, например: *Забияко А.А.* «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.). Указ. изд. С. 119–140.

[3] *Егорчев И.* Рукописи не горят. Они издаются… // *Арсеньев В.* Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Рубеж. 2008. № 8 (870). С. 338.

[4] *Несмелов А.* Наш тигр. Указ. изд. С. 669.

Целостность этнографического повествования Арсеньева однозначно приветствуется Несмеловым: «"Дерсу Узала" В.К. Арсеньева – не "охотничья литература", не отрыжка повестей Майн Рида и даже не "лондоновщина". Приключенческо-охотничий элемент в ней не первостепенен; он лишь фон для большого художественного задания – для проникновения в душу почти первобытной природы Уссурийского края с ее тайгой, еще девственной, по многим местам которой в те дни еще никогда не ступала нога европейца».

Богатейший материал оказался перед В.К. Арсеньевым, исследователем и художником. А он был именно ими обоими, а не ограниченным охотником, вооруженным скорострельной винтовкой, несущей смерть четвероногим обитателям леса <…> И все, что написал В.К. Арсеньев, – это поэма, посвященная этим сердцам, поэма, полная музыкальных шорохов тайги»[1]. Заметим: эти проникновенные строки вплетены Несмеловым (который сам не единожды публиковался под псевдонимом Арсеньев) в его интереснейшее с точки зрения повествовательной стратегии произведение «Наш тигр». Тигра, как известно, несмеловские герои не встретили. Но зато очень эффектно в данное повествование было включено описание тигра в музее, руководимом В.К. Арсеньевым и вставная новелла – рассказ самого Арсеньева из его «тигриниады».

А Щербаков? Вполне вероятно, что он был знаком и с работами Арсеньева, и с текстом «В горах и лесах Маньчжурии» Н.А. Байкова. Именно в таком ракурсе после знакомства с дореволюционной книгой Байкова видится и рассказ Щербакова «Корень жизни», и его одноименный шанхайский сборник: как парафраз байковского повествования, а также дальнейшее развитие темы женьшеня, философская полемика мистически настроенного писателя с натуралистом-позитивистом. Рассказ Щербакова и художественное целое его сборника уж никак не определишь по ведомству «этнографической прозы», именно в этом произведении мощным потенциалом обозначился эмигрантский опыт *художественной этнографии*[2].

На возможное «двойное влияние» двух больших знатоков дальневосточной природы на художественное сознание Щербакова косвенно указывает пример другого писателя-натуралиста, М. Пришвина: в его дневнике 30-х гг. заметки о женьшене и таежных нравах даются вначале со ссылкой «по Арсеньеву», а затем «по Байкову», вплоть до цитирования[3].

---

[1] Там же.

[2] Думаю, что именно такой опыт осмысления дальневосточной этнографии был соприроден художественному миру харбинского писателя «младшего поколения» Б. Юльского. Об этом: *Забияко А.А.* Мифология дальневосточного фронтира в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–170.

[3] См.: *Пришвин М.И.* Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.). Указ. изд. С. 248–249 (Арсеньев); С. 250 (Байков).

Попав на Дальний Восток в 40-е гг. и вобрав арсеньевский и байковский опыт осмысления фронтирной реальности (о чем свидетельствует напрямую дневник), М. Пришвин создаст уже сугубо художественное, лирико-философское повествование «Женьшень». В своем дневнике он позднее напишет: «Единственная вещь, написанная мною свободно – это "Корень жизни"»[1].

К чему привело нас столь долгое блуждание по тропам дальневосточной этнографии, испещренных развилками и перепутьями? Во-первых, к осознанию того масштаба научных исследований дальневосточных земель, что были предприняты отечественной наукой в первой половине XX в., но до сих пор остаются не до конца оцененными. Во-вторых, к прояснению специфики самой текстологической (и источниковедческой) методологии изучения художественной этнографии писателей-дальневосточников, разделенных историческими катаклизмами не только в пространстве, но, в первую очередь – во времени. Архивные разыскания последних лет, систематизация разбросанных по разным коллекциям, библиотекам, современным изданиям эмигрантских текстов только-только подводят нас к синхронному изучению материалов «по ту и эту стороны границы». Эти тексты не подтверждаются наличием рукописей и дневников, не всегда совпадают с текстом первого издания, зачастую произвольно купированы издателями, содержат многочисленные опечатки. Поэтому проблема аутентичности художественно-этнографических текстов дальневосточных писателей остается актуальной и животрепещущей. Однако работа над ней позволяет судить о специфике развития этнографической тематики в творчестве харбинских писателей. Они «скрестили» этнографический материал с беллетристическими приемами – и в большинстве случаев весьма удачно (например, в творчестве М. Щербакова, Б. Юльского).

Хитросплетения текстологических троп, темные места и тупики дальневосточной этнографии приводят нас к пониманию того, что мы находимся только в начале нашего пути – в поиске «верных троп».

---

[1] *Рязанова Л.* Предисловие // *Пришвин М.И.* Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.). Указ. изд. С. 202.

Культура дальневосточного зарубежья: искусство и проблемы адаптации

РУССКАЯ ДИАСПОРА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ОТ ОБЩИН В КИТАЕ И ЯПОНИИ ДО АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

А.А. Хисамутдинов

Перемещение огромного числа иммигрантов в довольно сжатом временном отрезке позволяет проследить как общие тенденции, так и своеобразие. Усиление миграционных процессов, проблема общин в Европе и современная геополитическая ситуация делают эти вопросы весьма актуальными. Исследование опыта адаптации людей, взаимодействие разных этносов, сближение культур и сохранение национальных особенностей оказываются в ряду важнейших проблем изучения современности[1]. Многолетнее проживание русских иммигрантов[2] рядом с другими народами, несомненно, способствовало этнокультурному взаимодействию и взаимному обогащению. На примере локальной российской диаспоры, сложившейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, можно легко проследить закономерности, тенденции и особенности развития межэтнического взаимодействия и сохранения собственной русской культуры.

Глобальная катастрофа в гражданской войне и, как следствие, вынужденный отказ от родины, прежде всего, неотвратимо угрожали отдельной личности. Приехавший в Китай человек был вынужден не только бороться за существование, но и доказывать всем свое право на существование[3]. Связь между общечеловеческой трагедией и отдельными индивидуумами стала общим понятием жизни в новых условиях. Характерной для представителей русской диаспоры была внутренняя отгороженность от социально-активной жизни в стране пребывания, где они вопреки всему были вынуждены жить, неся бремя недавних трагедий[4].

---

[1] Об этом: *Раев М*. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. 296 с.; Российская диаспора в США: По материалам международных Максимовских чтений // Континент. 2001. № 4 (101) и др.

[2] Под термином «*эмигрант*» автор понимает лицо, которое вынуждено покинуть свою страну, но не оставляет надежды в нее вернуться. Пример на Дальнем Востоке – русские, жившие в Китае, Корее или Японии. Термин «*иммигрант*» относится к лицу, который въезжает в другую страну с целью поселиться в ней навсегда. Пример – США.

[3] Русские в Китае: Исторический обзор. Шанхай, 2010. 572 с.

[4] Одну из первых социологических работ провела: Арнольд (в замужестве Мак-Гвайер, Щербакова), Антонина Романовна (1896–1988, Сан-Франциско). Окончила гимназию в Харбине и Калифорнийский университет. Эмигрировала в из Китая в США (1923). Секретарь Интернационального института в Сан-Франциско, где занималась социологическими исследования-

Следует учитывать и специфику Азиатско-Тихоокеанского региона, который стал ареной последнего этапа гражданской войны и последующего размещения почти миллионного населения выходцев из России в странах Дальнего Востока. **Географический фактор** явился одним из основных при образовании русских общин на тихоокеанском побережье, став двигателем ее формирования. Подавляющее число россиян ожидало возвращения в Россию, там большой процент русского рассеяния отмечался вблизи советской границы. По мере рассеивания иллюзий о возможности возвращения на родину подавляющее большинство русских эмигрантов предпочло уехать на постоянное местожительство в Америку или Австралию. В связи с этим надо подчеркнуть влияние страны исхода, ее связи с диаспорой.

Диаспора строилась на следующих основных признаках: *язык, культура, социально-общественные формирования и религия.*

Учитывая, что **русский язык** явился не только основой для общения выходцев из России различных национальностей, но и фундаментом, скрепляющим подавляющее число российских иммигрантов в странах Дальнего Востока, было решено остановиться на термине – русская диаспора, предпочитая слово «русские» слову «россияне»[1].

При этом первостепенное значение имеет **численный аспект**. Пока можно говорить о 400-500 тысяч человек, включая тех, кто жил на КВЖД[2]. Среди дальневосточных эмигрантов были представители всей России, но наибольшее число выехало из Приморской области, ближайшего региона к Китаю и Японии.

Уже из этого вытекает степень социальной активности общины: чем сильнее выражена культурно-интеллектуальная элита, тем выше активная позиция общины. Характерной особенностью русских общин являлось то, что все они при помощи личных связей, общественных институтов и периодической печати поддерживали тесные связи друг с другом. Это помо-

---

ми русской молодежи. Получила степень магистра по этой специальности в Университете Калифорнии в Беркли (1942). Автор многих статей о социальной жизни эмиграции («Новая заря», «Русская жизнь» и др.) // Музей Русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.Р. Арнольд.

[1] Впервые такой термин к выходцам из России был применен в уставе Русского благотворительного общества, основанного в Сан-Франциско в 1883 г. Третья статья его устава гласила: «Под именем "русского" разумеется всякий, кто родился в России и состоит или состоял в ее подданстве, без различия религии или племени» // National Archives. Records of Imperial Russian consulates in the United States. Reel 185 (Устав Русского благотворительного общества в Сан-Франциско от 15 июня 1883).

[2] Маньчжурия: Экономико-географическое описание. Харбин, 1934. С. 93; Русские // *Третчиков Н.Г.* Современная Маньчжурия в фактах и цифрах: Экономические очерки. Ч. 1. Шанхай, 1936. С. 74–75; Русские в Маньчжурии (По японской статистике) // Новая заря. 1939. 18 июля и др.

гает сопоставить историческую реальность, социальные характеристики и закономерности в функционировании разных общин, которые создают единое целостное поле русской зарубежной диаспоры.

Анализ деятельности русской диаспоры в Китае, в том числе, ее социальной структуры, является весьма сложным делом с точки зрения разнообразных характеристик и пестроты событий, когда чаще всего трудно обнаружить что-либо устоявшееся или типичное. Это можно преодолеть с помощью смены масштаба, что и привело автора к необходимости ввести термины «**большая**» или «**малая**» **община** и разграничить исследования их деятельности[1]. К первой нужно отнести общины, которые характерны наибольшим количеством иммигрантов, как правило, более пяти тысяч взрослого населения в одном компактном районе. Для них характерен большой процент централизации, широкий диапазон политической и общественной жизни. Как правило, они имеют ряд периодических изданий, конкурирующих друг с другом, несколько православных приходов разных юрисдикций и т.д. К большим русским общинам в указанном регионе нужно отнести *Харбин*[2], *Шанхай*[3] *и Тяньцзинь*[4].

Малые русские общины ведут более замкнутый образ жизни. Их общественный интерес замыкается в основном на благотворительности и религии, а общественная жизнь концентрируется вокруг православных приходов, играющих роль своеобразных социальных клубов. В большинстве малых общин нет русских периодических изданий, если не считать при-

---

[1] *Хисамутдинов А.А.* В Новом Свете или История русской диаспоры на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003. 323 с.

[2] См. издания о русских в Харбине и Маньчжурии на англ. яз.: *Bakich O.* Emigre identity: the case of Harbin. South Atlantic quarterly, 2000. P. 51–73; *Bakich O.* A Russian city in China: Harbin before 1917. Canadian Slavonic papers, 1986. P. 129–148; Creating a Chinese Harbin: nationalism in an international city, 1916–1932 // *James H.* Carter. New York; London, 2002. 217 p.; To the Harbin Station: the liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 // *David Wolff*. Stanford, 1999. 255 p.; Russian politics in exile: the Northeast Asian balance of power, 1924–1931 // *Felix Patrikeeff*. Houndmills; New York, 2002. 230 p.; «Matey» imperialists?: The tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917 / R.K.I. Quested, 1982. 430 p.; Administering the colonizer: Manchuria's Russians under Chinese rule, 1918–1929 // *Blaine R. Chiasson*. Vancouver, 2010. 285 p. и др.

[3] См. издания о русских в Шанхае на англ. яз.: Port of last resort: the diaspora communities of Shanghai // *Marcia Reynders Ristaino*. Stanford, 2001. 369 p.; Russian emigré life in Shanghai // *Valentin V. Fedoulenko*; an interview conducted by *Boris Raymond*. Berkeley, 1967; Life of a Russian emigré soldier // *Aleksandr N. Lenkoff*; an interview conducted by *Boris Raymond*. Berkeley, 1967 и др.

[4] См. издания о русских в Шанхае на англ. яз.: Tientsin; an illustrated outline history, by O.D. Rasmussen. Tientsin, 1925. 320 p.; Tianjin: lustrous pearl of the Bohai Gulf. Beijing: Foreign Languages Press, 2006. 238 p. и др.

ходских информационных листков. К малым общинам надо отнести общины в Японии[1], Корее и др.

Конечно, в малых общинах не наблюдается такого разнообразия общественной жизни, как в больших, меньше сохранилось там и документов по деятельности выходцев из России. Но отдельные черты жизни таких общин, выявленные посредством подробного локального изучения, порой сугубо индивидуального, хорошо дополняют общую историческую картину.

В общественном смысле все общины являются своеобразными сообщающимися сосудами. Подавляющее большинство событий, имеющих отношение к русской диаспоре, находило отражение в той или иной степени в каждой общине выходцев из России. Вместе с тем влияли на жизнь русских общин и изменения в политической жизни мира, касающиеся России и ее взаимоотношений со странами пребывания.

Среди предпосылок формирования общин прослеживается прямая связь с событиями, происходившими в России. В первую очередь по экономическим и религиозным причинам приезжали евреи или сектанты, политическими предпосылками явились события, вызванные Гражданской или Второй мировой войнами. Политические разногласия и пессимизм по вопросу будущего переустройства России помешали объединению общин.

Важнейшую нагрузку несут общественные функции общин – благотворительность, просветительство и т.д. Существование учреждений, имеющих сходные цели, но развивающихся независимо друг от друга, убеждает в том, что в ходе истории одинаковые причины приводят к одинаковым результатам и последствиям.

Русская община – это формация **социально-религиозно-политического быта**. Социальная роль общины выражается в том, что она своими собственными творческими силами организовывает местный (территориальный) элемент жизни, а также в отношении ее представителей к месту и стране оседлости.

Говоря о характере противоречий, надо учитывать то, что деятельность **общественных формирований** отнюдь не рассматривается как воплощение руководящего решения, оно было всего лишь фактором выявления мнения большинства общины и источником ее движения. В силу определенных политических событий общины проявляли почти полное единодушие, даже отдельные индивидуумы, настроенные радикально, бы-

---

[1] *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. М., 2004. 352 с.; *Он же*: Hakkei Roshiajin to Nippon. Yokohama-shi, 2010. 222 p.; Hakkei Roshiajin to Nihon bunka /Sawada, Kazuhiko, 1953. Yokohama-shi: Seibunsha, 2007. 390 p.

ли вынуждены соглашаться с большинством. В частности, это касалось социально-политических катаклизмов второй мировой войны. Это не могло не способствовать глубокому внутреннему кризису. Трагизм конфликта с существующей властью в России становится еще более ощутимым, когда анализируется деятельность русских эмигрантов, принимавших участие в радикальных организациях, в частности, фашистских.

Политическая – устанавливает отношение к процессам, происходящим в мире и Советской России. Община также характеризуется общественными, семейными и прочими принципами общежития, а также единством территориальных, бытовых, культурных и религиозных интересов. Соблюдение или игнорирование личностью декларируемых ей (или ее общиной) идейных принципов, конкретики жизни является своеобразным индикатором не только ложности или истинности этих принципов, но и жизнедеятельности общины в целом. Беженцы в Европе и на Дальнем Востоке несли в себе ненависть к процессам, происходившим в Советской России, идею реванша. Этому совсем не мешала память о поражении в Русско-японской войне или неудачи в Германии во время Первой мировой войны.

Изменение отношения к России у русских иммигрантов, живших в Китае, прошло несколько этапов. В 20-е гг. многие увлекались идеями сменовеховства[1]. В 30-е гг. вражда к советской власти несколько поутихла, так как надо было бороться за существование в новой стране, особенно во время перехода управления КВЖД под совместное китайско-советское управление. Во время японской оккупации Северного Китая ненависть к Советской России увеличилась. Во время Второй мировой войны маятник качнулся в противоположную сторону: подавляющее большинство бывших военных, участников Первой мировой, помнили свое поражение и

[1] Идеолог этого течения Н.В.Устрялов писал: «Следовательно, пред непреклонными доводами жизни должна быть оставлена идеология вооруженной борьбы с большевизмом. Отстаивать ее при настоящих условиях было бы доктринерством, непростительным для реального политика. Разумеется, все это отнюдь не означает безусловного восприятия большевизма или полного примирения с ним. Его не удалось победить силою оружия в гражданской борьбе – он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира (хотя бы относительного, ибо абсолютного мира при господстве большевиков ожидать трудно). Процесс внутреннего органического перерождения советской власти, несомненно, уже начинается, чтобы ни говорили сами его представители. И наша общая очередная задача способствовать этому процессу» (*Устрялов Н.В*. В борьбе за Россию: Харбин, 1920. С. 5). В сборнике «Наше время» он подвел итоги: «И с гордой радостью за родную страну, за ее всемирное дело и государственный подвиг, можно теперь сказать: да, великая программа – одолевает, чудесное преображение страны становится плотью и кровью. Сомнения и страхи рассеяны: над народами советской земли занимается заря подлинно новой и славной жизни» (*Устрялов Н.В*. Наше время. Шанхай, 1934. С. 11).

желали Советской России победы. Окончание Второй мировой войны привело не только к охлаждению отношений, но и возникновению холодной войны между Советами и Западом.

Попытки создать в Китае чисто эмигрантские партии были обречены на провал[1]. В Китае почти не было евразийцев[2], унаследовавших некоторые идеи славянофильства[3]. Ни младороссы[4], ни русские фашисты[5], которые хотели примирить историческое прошлое с революционной действительностью, не смогли добиться успеха. Деятели эмиграции повсеместно, как в Харбине, так и в других городах, не были удовлетворены деятельностью русских политических групп. Это разочарование привело к полной изолированности ряда деятелей, в том числе приверженцев старых русских партий, таких, как монархисты. Рядовой русский иммигрант считал себя вне политики. Вторая мировая война несколько всколыхнула политический процесс, но затем он опять пошел на спад.

Характер противоречий внутри диаспоры свидетельствует, что в силу определенных политических событий община самозамыкается. Это происходит в силу внутреннего желания как можно полнее сохранить в памяти прошлое, найти в нем способ уйти от проблем настоящего бытия и

---

[1] До японской оккупации для Маньчжурии было характерно разнообразие политической жизни: от фашизма до сибирского областничества. Этому способствовало обилие партий и общественных объединений – от ярко выраженных про-советских до радикально-монархистских и казачьих союзов. В частности, Е.М. Дубровин был харбинским представителем партии Великого князя Кирилла Владимировича и организации младороссов. В то же время он сотрудничал с Генеральным консульством СССР в Харбине. Насыщенная политическая жизнь в Шанхае, где также существовало множество партий, сохранялась более продолжительное время. Для русского Китая была характерна неразвитость приверженцев партий, которые существовали в царской России. В частности, Дальневосточный комитет Трудовой крестьянской партии «Крестьянская Россия» возглавлял Н.П. Малиновский.

[2] *Иванов В.Н.* Мы: Основы русской государственности. Харбин, 1926. С. 15; *Устрялов Н.В.* По поводу статьи П.В. Логовикова «Научные задачи евразийства» в евразийском сборнике «Тридцатые годы» (1931) // *Устрялов Н.В.* Наше время. Указ. изд. С. 183–186 и др.

[3] *Славянский Ф.А.* Великие Славянские задачи. Харбин, 1919. 112 с.; См. также: Славянское братство в Харбине: Устав (наказ). Харбин, 1919. 15 с.; Свет. 1924. 4 января (№ 1360). С. 1; *Устрялов Н.В.* Политическая доктрина славянофильства (Идея самодержавия в славянофильской постановке). Харбин, 1925. 74 с. и др.

[4] Борьба мировых сил. Россия и эмиграция. Шанхай, <б.г.>. 33 с.; *Петерец Н.В.* Младоросское становление. Шанхай, 1934. 53 с.; *Дыдымов А.* Пути и цели. Шанхай, 1939. 186 с. и др.

[5] *Родзаевский В.В.* Поджигатели мировой революции за работой. Харбин, 1937. 202 с.; Азбука фашизма / Сост. Г.В. Тарадановым (при участии В.В. Кибардина); под ред. и с доп. К.В. Родзаевского. Харбин, 1936. 111 с.; *Горячкин Ф.Т.* Кто же справляет десятилетие русского позора? Харбин, 1927. 27 с.; *Его же*: Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин, 1928. 104 с.; *Грачев П.П.* Советское сельское хозяйство и Российский крестьянин. Харбин, 1939. 50 с.; *Виноградов А.А.* СССР сегодня и завтра. Подсоветская Россия – российской эмиграции. Харбин, 1940. 23 с.; Инструкция юной фашистке / Под ред. В.П. Мазеина. Харбин, 1937. 10 с.; *Первухин М.К.* Мысли о фашизме. Тяньцзинь, 1927. 150 с. и др.

борьбы за существование и даже абстрактную возможность решения всякой проблемы. Самозамыкание и дальнейшая ассимиляция русской общины с американским населением служат основными причинами ее окончательного исчезновения.

Религиозная сторона быта определяется типом принадлежности к определенной конфессии или же юрисдикции (Русская православная зарубежная церковь или Московская Патриархия). Непросто складывались отношения внутри православия, которое сыграло огромную положительную роль в становлении русских общин в Китае, Японии и Корее. Разногласия, возникшие во время гражданской войны, привели к образованию разных юрисдикций, дроблению большинства русских приходов.

Много вопросов возникает и в контексте отношений между Русской православной зарубежной церковью и Московской Патриархией. Сегодня деятели этих организаций высказывают противоположные точки зрения, подчеркивая свое исключительное право решать судьбы русской культуры в зарубежье. Только после того, как окончательно определятся подходы к истории российских или русских диаспор во всех странах, критерий оценки их достижений или же идеологических провалов во всех взаимоисключающих аспектах, можно приблизиться к всеобъемлющему описанию истории православия за рубежом.

Культурная. В силу ряда причин, в том числе и политических, деятельность русских общин в основном ограничивалась рамками культуры во всех ее аспектах. Культурные начинания русских эмигрантов на Дальнем Востоке были неизмеримо более ценными и превосходили достижения политической жизни эмиграции. Театры, клубы, общества, научные труды, вклады в мировую науку и искусство сослужили службу не только самим эмигрантам, но и всей Китаю. Многие эмигранты гордились тем, что вдали от родины смогли не только преумножить свой талант, но и щедро поделиться им с окружающим миром.

Общекультурная работа русской диаспоры была огромной. Достижения русской культуры, имевшей самые тесные связи с европейской, оказали частичное влияние как на китайскую, так и японскую музыкальную и художественную культуры. Русские эмигранты оставили большой след в востоковедении и науке, став основателями школ изучения русского языка и культуры, а также участвовали в новом направлении в исторической науке – изучение России. При этом выходцы из России не только приобщали к русской культуре подрастающее поколение, но и пропагандировали достижения русской культуры среди китайцев и японцев. Внесли они и огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. В эмиграции появился целый ряд молодых авторов, которые вместе со старшими коллегами создали произведения, получившие мировое признание. Арти-

сты, преимущественно музыканты и танцоры, ученые и изобретатели находили свое место в самых разнообразных отраслях культуры и науки.

Хотя в своей деятельности община стремилась к сохранению своей индивидуальности, избежать процесса взаимодействия с дальневосточной культуры она не смогла. Надо отметить, что китайский язык, как и японский, а также культура ограничивали общение. Не было настоящего диалога культур.

Несмотря на внешние отличия, **национальная община** выходцев из России сильно не отличалась от основной – чисто русско-этнической. Наиболее крупными после русской считались общины еврейская[1], украинская и татарская. Особенностью еврейской общины было то, что некоторая ее часть симпатизировала Советской власти, продекларировавшей равенство наций в России. Украинская община, если не считать наиболее радикальной ее части, не выдвигала лозунгов отделения Украины от России. Тюрко-татары старались оградить себя от христианских традиций, но это отнюдь не означало, что они не хотели вернуться в Россию.

Социологическое понятие **идентификации** является одним из базовых концептов для данной работы, раскрывающих уровень повседневной жизни разных индивидуумов за пределами России. В первую очередь это касалось официального статуса нахождения в Китае, Японии или Корее. Русские эмигранты часто принимали гражданство Китая, имели статус беженца, находились на учете в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии или у японских властей, проходили регистрацию на иностранных концессиях (например, Шанхай), иногда получали советское гражданство с целью работы на КВЖД, пытались уйти от преследования китайских или японских властей с последующей репатриацией и т.д.

Структурные сдвиги сопровождаются разрушением старой социальной принадлежности, соответствующего ей комплекса идентичности и изменением механизма **самоидентификации**. В формировании новой социокультурной организации Китай как бы не участвует, оно лишь регистрирует ее существование. Только сами индивидуумы решают, как им функционировать, что является для них новым. Этот процесс происходит на самых разных уровнях – от повседневной жизни и личных желаний до изменений в условиях международных отношений. При спокойном течении жизни деятельность русской диаспоры или ее общин как бы стабилизируется и в значительной степени формализуется. И, наоборот, появле-

---

[1] См. работы на англ. яз.: Goodbye Shanghai: a memoir / *Sam Moshinsky*. Armadale, 2009. 219 p.; Survival in Shanghai: the journals of Fred Marcus, 1939–1949 / *Audrey Friedman Marcus, Rena Krasno*. Berkeley, 2008. 254 p.; Escape to Shanghai: a Jewish community in China / *James R. Ross*. New York; Toronto, 1994. 298 p. и др.

ние неких раздражителей общественного спокойствия, например, новой эмигрантской волны, производит взрыв в общественной жизни русской диаспоры. Конкретно-историческое описание процессов социально-культурных изменений является серьезнейшим аспектом не только в социологии, но и в историческом анализе.

Через срез даже сравнительно небольшой группы людей можно не только воссоздать определенную часть эпохи, но и проследить закономерности, имевшие место в русской диаспоре. Здесь важную роль приобретает самоидентификация каждого члена общины. Линии личных связей и взаимоотношений конкретных деятелей общины позволяют воспроизвести почти полную структуру жизни в ней, упорядочить процесс обобщения результатов исследования. Через социокультурные аспекты можно увидеть, как менялся личностно-психологический мир русского «китайца» или «японца», начиная с его отъезда из России до полного обустройства в Америке, Австралии или в Европе.

Здесь сплетаются социально-политические аспекты с экономическими, которые в совокупности можно обозначить так: представление индивидуума о причинах отъезда из России, о себе и своем месте в общественной иерархии как в России, так и в другой стране, представление о стране пребывания, роли, которой индивидуум стремится выполнить в другой стране, и его сопричастность к делам своих соотечественников, его понятие о желаемом уровне жизни и способах, позволяющих его достичь. При этом большое значение имеет отношение каждого индивидуума к вопросу, хотя бы теоретическому, о его возвращении в Россию.

Кризис самоидентификации был симптомом душевного разлада подавляющего большинства уехавших из России во время гражданской войны или после нее. Соблюдение социальных и общественных правил нередко было только внешним, часть русских попросту продолжали жить по инерции или же деградировали, пытаясь найти утешение в алкоголе, а женщины в проституции.

В определенной части русская община стремилась к самоизоляции, будучи не в силах разделить с кем-либо пережитое трагическое время.

В изучении русской диаспоры весьма важным является учет социальной трансформации тех, кто смог преодолеть внутренний конфликт и целиком войти в эмигрантскую действительность. При этом очень ценными становятся подробности повседневной жизни этих людей. Анализ их позволяет ответить на многие вопросы **ассимиляции**, которая в конечном итоге привела к окончательному рассеянию общин первых волн эмиграции. В Китае и Японии ассимиляция была затруднена, а в странах с европейской культуры облегчена, хотя и не значительно. Большим препятствием являлся язык.

У выходца из России существовало два основных пути. Общественная ситуация всегда приводила к тому, что всякий российский эмигрант неминуемо был обязан приспосабливаться к имеющимся вариантам действия и следовать имманентно установленному социальному стереотипу. В противном случае он должен был уйти в себя и как бы построить барьер между своей внутренней сущностью и окружающей действительностью. Здесь не происходит моментального перерастания русских социальных ценностей в ценности другого порядка. Конечно, существовал и третий тип, когда эмигрант – выходец из России в силу обстоятельств должен был надеть какую-то маску и жить по определенным законам общества, внутренне их не разделяя. Актуален вопрос о подвижности границ между общественным и индивидуальным, их взаимосвязи. В русской общине иногда происходило и некоторое противопоставление русского и других национальных характеров. Например, американский тип был характерен своей инициативной энергией, желанием как можно быстрее достичь благосостояния, для русского же типа было более характерно ожидание некоего руководства, которое направит его в нужное русло. В определенной мере это приводило к антагонистическим противоречиям.

Самозамыкание большинства членов русской диаспоры вылилось в локальное культурное многообразие, что создало основу самобытности русской общины. Художественная литература, в частности, мемуаристика, изобразительное искусство, музыка, театр порождали у члена общины иррациональное ощущение России, они не только деформировали память о прошлом, но порой превращались в мифологические элементы восприятия родины. Часто критики благоприятного отношения к России превращались в закостенелых поборников некой субстанции, которая носила имя «прежней России». Они брали на себя монополию на истину, представляя отдельной индивидуальности следовать безропотно указаниям руководителей общины. В своем большинстве в общественном мнении у русских эмигрантов было много чрезвычайно эмоционального, идущего от внутреннего желания как можно полнее сохранить в памяти прошлое, найти в нем способ уйти от проблем настоящего бытия и борьбы за существование, что в определенной мере приводило к деформации общественной деятельности. В известной мере это поддерживалась и официальной политикой Японии и Китая, что было особенно характерно в периоды общественных потрясений: Гражданская война, междуусобные конфликты в Китае, Китайско-Японская война, оккупация Северного Китая, вторая мировая и холодная войны. В этих условиях невозможно было переосмыслить свое моральное поражение и вынужденный отъезд в другие страны.

Ностальгия была одной из наиболее существенных причин кризиса у подавляющего числа представителей русской общины. Подобное ощу-

щение рождало у определенной части русских стремление оправдать свои ошибки, причины эмиграции воспринимались ими весьма субъективно, довольно часто они носили противоречивый и уродливый характер. Самозамыкание, ассимиляция русской общины с местным населением, естественный уход из жизни представителей старшего поколения послужили основными причинами ее окончательного исчезновения в рассматриваемый период. Впоследствии ностальгия стала основной причиной репатриации.

Подавляющему большинству россиян было свойственно разочарование. Над ними довлели воспоминания о трагедии, но вместе с тем имелось желание добиться успеха на новом месте. Легче других было реалистам, которые без особой драмы продолжили жизнь в новых условиях.

По **социальному** составу взрослое население русской диаспоры можно разделить на пять основных категорий, которые по-разному вписались:

1. Бывшие военные – потерянное поколение. Им пришлось сложнее других, учитывая отсутствие профессиональных навыков, пережитую трагедию, неврозы, психологическую надломленность. Для этой группы были характерны пьянство, семейные трагедии, которые нередко приводили к самоубийству. Представители этой группы в основном были наемниками в китайской армии, служили охранниками или занимались физическим трудом.

2. Деятели администрации, которые занимали высокое положение в России, аристократия. Их судьба была схожа с военными. В основном, они жили прошлым, создав духовный барьер между собой и окружающим миром.

3. Мелкие служащие, предприниматели, квалифицированные рабочие и др. Эта категория эмигрантов прибыла в Китай со здоровыми нервами, хотя некоторые и пережили личные трагедии. Они были морально подготовлены начать все с нуля. В дальнейшем представители этой категории пополнили средний класс Америки.

4. Молодежь и студенты. В свою очередь они разделяются на две группы: успевшие принять участие в гражданской войне и те, кто был в то время ребенком. Несмотря на эти различия, финансовые трудности и проблемы с языком, часть из них смогла закончить учебные заведения. Эта группа лучше других устроилась в Китае и Америке, добилась благополучия и сделала хорошую карьеру. Хотя и среди них было немало тех, кто нес на себе трагическое прошлое. Дети наиболее легко воспринимали китайский или японский языки.

5. Деятели искусства и интеллигенция (артисты, инженеры, врачи, юристы). Из них наиболее удачно устроились инженеры и врачи, сумев-

шие подтвердить свои дипломы или пройти переаттестацию. Именно эта группа явилась основной носительницей русских традиций и культуры. Благодаря ее представителям иностранцы смогли познакомиться с русской культурой и искусством.

6. Женщины. Подавляющее большинство испытало трагедию. Поэтому среди эмигрантов большой процент разводов. Молодые женщины в основном предпочитали выходить замуж за мужчин гораздо старше себя. Этим проявлялось определенное желание выжить в условиях Китая. Также отмечается незначительный процент браков с китайцами. Хотя в некоторых районах, как в Сахаляне, он был весьма высок. Немало спорных вопросов остается в контексте анализа ассимиляционного процесса, предстоит выяснить, какие тенденции проявляются в смешанных браках, насколько и каким образом сохраняются в таких семьях русский язык, родная культура и т.д.

Исход. Окончание второй мировой войны вызвало очередную волну русских беженцев из Китая и Японии. Они предпочитали уезжать в страны, где уже имеются большие общины. Как, например, в Америке (Сан-Франциско, Лос-Анджелес или Сиэтл), а также имеются предпосылки сохранения собственной культуры. Большую роль играли уже имеющиеся связи с русской эмиграцией на Дальнем Востоке.

Выходцев из России отличала духовность, ставшая для них моральным оправданием жизни в США или Австралии. Тогда и некоторые деятели эмиграции получили возможность вернуться к прежним антагонистическим настроениям и в спорах с теми, кто высказывал примиренческую позицию, выражали еще большую нетерпимость к советскому строю. Это способствовало активизации в Сиэтле, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других городах Америки или Австралии общественно-политической жизни: делению на партии и движения, появлению газет, журналов и другой печатной продукции.

Предпосылкой неизбежного слияния двух культур можно считать их подобие, а также то, что в основе как той, так и другой лежит принцип многонациональности. Вместе с тем, в американской культуре изначально заложен смысл втягивания других национальных культур. Эмигрантское состояние и самозамыкание постепенно привели к некоторому конфликту с реальной действительностью, поскольку американские стандарты были совершенно иными, чем в России, в странах Европы или Дальнего Востока.

Выводы. Хотя характер русских представительских учреждений в Китае или Японии в значительной степени отличается от подобных в Европе или Америке, где формы и факторы были различными, в итоге мы видим одинаковые результаты. Тем не менее, в Китае осела и огромная

часть людей, которые, перенеся шок от событий гражданской войны, так и не смогли вписаться в эмигрантскую жизнь. Они замкнулись в своих бытовых проблемах и до конца дней испытывали ностальгию по оставленной России.

Оторванная географически от России, российская эмиграция сохраняла с родиной связь духовную. Анализ деятельности русских общин в указанном регионе говорит и о том, что русские постепенно уходили в мир иной, так и не передав своих культурных и материальных ценностей новому поколению. В настоящее время на тихоокеанском побережье Америки и Австралии русская эмиграция второй и третьих волн является весьма малочисленной. Выдающиеся деятели русской эмиграции почти все ушли из жизни, довольно скромную роль в культурной жизни, за исключением Сан-Франциско или Брисбена, играют Русские центры. Несмотря на неоднократные попытки соединить общественные усилия всех потоков русской эмиграции воедино, сделать это не удается. Стремление к изолированности особенно характерно для тех, кто переселился за океан в последние годы. При этом утрачивается многое из культурного, в том числе, и архивного наследия эмигрантов первых волн.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ХУДОЖНИКА МАКАРИЯ ДОМРАЧЕВА В КИТАЕ В 1920–1940 гг. И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

С.С. Левошко

В 1924 г., отправившись из Ленинграда с театральной труппой в Харбин на гастроли, театральный художник Макарий Федорович Домрачев стал, по сути дела, «эмигрантом с советским паспортом». Его затянувшаяся «командировка» в Китай длилась два десятилетия, с 1924 по 1945 гг. Впервые достаточно подробно о китайском периоде жизни и творчества М.Ф. Домрачева в 2000 г. написал известный петербургский библиофил, коллекционер и исследователь В.Л. Фомин в статье «Книга и мечта о книге»[1]. Автор подчеркнул, что до 1994 г. он не встречал ни слова о том, что художник так долго жил и работал в Китае[2]. Особая ценность публикации В.Л. Фомина состоит в том, что он указал на фонд М.Ф. Домрачева в Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, сделав при этом важный для нас акцент на замечательную рукопись художника, названную им самим «Записки об архитектуре Китая» [3], не изданную даже фрагментарно…

Факт глубокого и последовательного изучения национальной архитектуры Китая русским художником-эмигрантом является уникальным. В своей профессиональной сфере творчества – сценографии – Домрачев работал чрезвычайно плодотворно и был в полной мере востребован. Только за 1925–1926 гг. в харбинском Оперном театре он оформил 34 (!) спектакля[4].

---

[1] *Фомин В.Л.* Книга и мечта о книге // Невский библиофил. СПб, 2000. Вып. 5. С. 161–171; *Фомин В.Л.* Макарий Домрачев – русский театральный художник в Китае // Культурное наследие российского государства: ученые, политики, журналисты и церковные деятели об историческом и культурном достоянии. СПб, 2010. Вып. 5. Ч. 1. С. 315–324.

[2] В это время как раз вышел словарь, где впервые были представлены материалы об эмигрантском периоде жизни художника: *Лейкинд Л.Л., Северюхин Д.Я.* Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 194. До этого издания имя Домрачева присутствовало в кн. (без упоминания китайского периода жизни): Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь / Под ред. О. Вальценбург. М., 1976. Т. 3. С. 439–440.

[3] ЦГАЛИ СПб (Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 410. (Фонд М.Ф. Домрачева). Оп. 1. Д. 1–68 (1915–1965).

[4] В одном из писем 1928 г. Екатерина Михайловна Домрачева, жена художника, пишет своей сестре Е.М. Вангесовой в Петроград: «Морька (домашнее имя художника. – *С.Л.*) работает по-прежнему адски… по 18 часов в сутки, а то и 24. Он очень замучен, но остановить его ни-

Столь серьезное увлечение национальной архитектурой Китая, ставшее настоящей страстью художника, которой он посвящает все свое свободное время, говорит о подлинном интересе русского художника к культуре страны, в которой оказался. Интерес к архитектуре, вероятно, в немалой степени определен одним обстоятельством. Дело в том, что М.Ф. Домрачев в течение 1906–1909 гг. два года учился в Петербургском институте гражданских инженеров[1]. Затем много лет работал в архитектурных мастерских в качестве подмастерья, занимался, как бы сейчас сказали, «визуализацией» проектов. Учеба в институте гражданских инженеров не прошла даром, она сформировала интерес к архитектуре, а главное, будущий театральный художник освоил азы проектирования, овладел начертательной геометрией. Уровень полученной им квалификации можно, наверное, соотнести с квалификацией техника. Где бы ни был Домрачев в Китае, он повсюду вел натурные обследования, зарисовывал, тщательно обмерял памятники и рядовую застройку, затем выполнял чертежи по крокам. Ведь и сценография, и мебельный дизайн, которым он также много занимался в эмиграции, требуют владения начертательной геометрией. Умение проектировать и выражать свои замыслы не только в эскизных рисунках, но и чертежах, готовых к реальному воплощению, только способствовали его сценографическому искусству и мастерству интерьерного дизайна[2].

В силу своей практической деятельности русским архитекторам, и тем, кому по долгу службы пришлось в конце XIX в. проектировать для КВЖД, не выезжая из Санкт-Петербурга, и тем, кто жил и работал непосредственно в Китае, волей-неволей, отвечая на социальный заказ, приходилось вникать и осваивать местную строительную культуру. Первые изучали национальные традиции по литературным источникам и увражам, для их проектов характерна внешняя версификация китайского стиля, не более того. Социально-культурный контекст деятельности архитекторов-эмигрантов был другой. Однако и здесь найдутся лишь единичные примеры целенаправленного натурного изучения китайских строительных традиций. Харбинский архитектор В.К. Вельс спроектировал в 1927 г. школу Пу-Юй в китайском неостиле, перед этим специально съездив куда-то на юг Китая с целью изучения местной архитектуры. Школа стала первым

чем нельзя, это уж такой человек, он ради своего Дела готов на все и себя, конечно, не жалеет абсолютно» (письмо от 5 ноября 1927 г.) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54.

[1] ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1183 (1906–1913). Первое заявление о приеме в ИГИ 1906 г. Отчислен в сентябре 1910 г. как студент 2 курса.

[2] О приверженности художника архитектурному творчеству говорит, к примеру, такой факт. Вернувшись в СССР из Китая и проживая в Новосибирске, М.Ф. Домрачев совместно с инженером А.И. Степановым в 1954 г. принял участие в архитектурном конкурсе на памятник вечной славы советским воинам Второй мировой войны «Пантеон». Их проект среди отобранных из 875 (!) демонстрировался в Доме архитекторов в Москве. О результатах конкурса см.: Архитектура и строительство Москвы. 1954. № 9.

сооружением в Харбине, архитектура которого натуралистично воссоздала местную традицию. Но каких-либо документальных свидетельств об этих изысканиях В.К. Вельса не обнаружено. В 1950-е гг. в Харбине появилось несколько подобных школе Пу-Юй сооружений, спроектированных русскими зодчими – например, дом Дружбы. Но, насколько известно мне, из более двух сотен русских зодчих, работавших в Китае с конца XIX в. по 1950-е гг., никто, кроме М.Ф. Домрачева, так целенаправленно, длительно и комплексно не занимался изучением национальной архитектуры Китая.

Сложился ценнейший комплекс материалов, который М.Ф. Домрачеву удалось сохранить и вывезти из Китая в СССР. Родственники Домрачева в 1982 г. передали его архив в ЦГАЛИ Санкт-Петербурга, где был образован фонд М.Ф. Домрачева. Этот уникальный фонд включает самые разнообразные документы: фотографии, рисунки, эскизы театральных декораций, акварели, конспекты по истории античной архитектуры, методические тетради для преподавания рисунка в национальном институте искусств в Ханьчжоу, в художественной школе Лю-Кай-Ши в Шанхае; письма самого фондообразователя и его жены, художницы и балерины Екатерины Михайловны Домрачевой (урожденной Вангесовой), записная книжка; печатный, графический материал для работы; источники для исследований, обмеры и сам 400-страничный рукописный труд в бесчисленных редакциях.

Речь идет об уникальной рукописи, которая осталась в неоконча-тельной редакции и не издана по ряду причин, хотя к этому прилагались многолетние усилия как самого Домрачева, его жены, так и коллеги и земляка по Шанхаю инженера А.И. Степанова. О рукописи в свое время знали в институте истории искусств АН СССР, но постепенно об ее существовании забылось.

Труд «Записки об архитектуре Китая» автор начал в 1930 г., работал над ним все годы жизни в Китае и продолжил в Новосибирске, по возращению в Союз в 1945 г. – до конца своей жизни. Рядом с некоторыми текстами или рисунками запись: «*задумано еще в Китае*».

Рукопись представляет научный интерес с нескольких сторон: как уникальное натурное и библиографическое исследование китайской архитектуры и живописи; как результат восприятия европейца-художника особенностей китайской архитектуры и живописи; как свидетельство глубокого интереса представителя русской творческой интеллигенции в эмиграции к национальной культуре Китая, стремления познать его архитектуру и живопись.

Американские, японские и многие китайские историки считают, что русская эмиграция в Китае не проявила настоящего интереса к его культу-

ре, игнорировала ее, относилась едва ли не свысока[1]. Существует множество фактов, в корне опровергающих это утверждение. В данном случае деятельность М.Ф. Домрачева как художника-сценографа, дизайнера, педагога и исследователя местной культуры – лучшее доказательство обратного[2].

Вехи жизненного и творческого пути М.Ф. Домрачева (13 мая 1887, Минск – июль 1958, Ленинград) известны по указанным словарям художников, двум публикациям В.Л. Фомина, воспоминаниям[3]. Свою задачу я вижу в том, чтобы ввести в научный оборот архивное наследие Домрачева, показать впечатляющее многообразие его деятельности, отражающее грани его художнической натуры, определить направления изучения его культурного наследия, созданного за годы жизни в эмиграции, обозначить ценность уникальной рукописи о национальной архитектуре Китая, что в свою очередь послужит популяризации его культурного наследия в целом.

Текст рукописи отчасти написан карандашом, отчасти чернилами, на русском языке, есть фрагменты на английском, китайском языках. Автограф довольно четкий, понятный, разбирается без труда. Домрачеву кто-то помогал писать – вероятно, жена. Текст изобилует редакционными правками, повторами, что свидетельствует о постоянной работе над рукописью, нет сносок, нет источников, – одним словом, она не составлена как научный труд, кстати, об этом он говорил и сам. Стиль письма Домрачева удивительно современен, знание истории искусства и зодчества Китая превосходно. Можно отметить, что и монументальное зодчество Японии М.Ф. Домрачев тоже хорошо изучил. Вероятно, всюду, где он бывал с гастролями, он умел находить для себя объект исследования, стремясь зафиксировать, осмыслить. Редкая, надо сказать, черта для художника. В первой главе «Национальный метод работы китайских художников» в одной из редакций рукописи сквозь призму мировоззрения русского художника анализируется творчество китайских живописцев рубежа XIX–XX вв., о которых мы знаем не так-то много. Осмысляются закономерности и особенности их творчества, влияние европейского искусства. Все это изложено не только с исключительным знанием материала, но и с лю-

---

[1] *Ли Мэн*. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

[2] О деятельности Домрачева как педагога остались свидетельства. Это не только авторские методические «Тетради», это и ученики. Николай Георгиевич Гиргилевич, ставший впоследствии известным сибирским художником, начинал когда-то в качестве театрального художника в харбинской оперной труппе – ученик М.Ф. Домрачева и В.А. Засыпкина. Ист.: Николай Георгиевич Гиргилевич (01.12.1901 – 04.12.1966): биографическая справка / Сост. Омский музей просвещения // Личный архив С.С. Левошко.

[3] *Фомин В.Л.* Указ. соч.; *Милашевский В*. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1989. С. 144.

бовью – даже с восхищением. Обширно его объективное знание китайских политических и культурных деятелей, художников. В «Исторической главе» отражаются события современного ему периода (1926–1931), непосредственным свидетелем которого он был, что представляет отдельный интерес для специалистов-историков.

Приведем один из вариантов структуры рукописи, которой он пытался придерживаться. Она показывает, что Домрачев планировал описать, каким исходным материалом владел, что его интересовало. Структура свидетельствует, что автор хотел охватить практически все: от генеральных планов городов и поселений до садового искусства и декора. Надо сказать, что не все главы были написаны: например, «Сады», «Мосты», «Храмы», «Дворцы». Термины даны в редакции самого автора М.Ф. Домрачева.

Гл. 1. Метод строительства в Китае
- **Основания китайских построек: платформы, террасы, балюстрады**
- **Стены (столбы и колонны, оконные и дверные проемы, верхние межстолбовые связи, система консолей доу-гун)**
- **Стропила и китайские крыши**

Гл. 2. Планы городов. Планы жилых участков
- **Городские жилые постройки**
- **Торговые городские постройки**
- **Постройки дворцового стиля**
- **Запретный город**
- **Летний дворец**

Гл. 3. Культовые постройки
- **Даосские монастыри (Лун Вана, трех императоров, г. Ашихэ в Маньчжурии)**
- **Буддийские монастыри (Лиин-инь провинции Чжецзян, центральный храм)**
- **Ансамбль храма Неба**
- **Пагоды**
- **Ступа национального типа**

Гл. 4. Ворота
- **Деревянные, каменные**
- **Городские**
- **Пай-лоу**
- **Ворота крепостные**
- **Городские стены**

Гл. 5. Великая китайская стена
Гл. 6. Китайские сады
Гл. 7. Мосты
Гл. 8.Могилы

Структура многократно переделывалась, менялись объекты, но круг вопросов не уменьшался, всеохватность оставалась. Исходным материа-

лом для исследования архитектуры служило не только изучение исторических материалов, но и в неменьшей степени натурное обследование многочисленных памятников, и не только религиозных сооружений, дворцов, но и самых рядовых объектов. На основании обмеров Домрачев вычерчивал проекции сооружений (на всех чертежах имеется масштаб или масштабная линейка), конструктивные разрезы и добился в результате такой практической работы глубокого понимания действия пространственных конструкций, их типов и особенностей. Он изучил традиционные системы крыши, «китайский ордер» (система гоу цзя), традиционный декор, дал транскрипцию специальных китайских строительных и архитектурных терминов.

Кроме архива собственных эскизов, кроков, рисунков, схем, чертежей, Домрачев сформировал тематическую подборку вырезок из местной периодики (классифицированы по темам: ворота, храмы, декор, пагоды и т.д.), небольшую коллекцию открыток, записей рассказов художников о символике декора, судя по чему представляется, что он в определенной степени освоил китайский язык. Собственно фотографий мало, и они не лучшего качества, вероятно, фотопечать была ему малодоступна. Некоторые фотографии разлинованы, видимо, для точного копирования. Возможно, фотографии хорошего качества семья оставила в своем архиве.

Есть несколько акварелей архитектурных памятников, ярких, насыщенных, в духе дальневосточной освещенности; к сожалению, некоторые из них разорваны.

Кроме типологии сооружений, их пространственно-функциональной организации, конструктивных схем, М.Ф. Домрачева глубоко интересовала символика и иконография декора сооружений. В рукописи есть довольно обширные разделы, посвященные разным видам дракона, феникса, летучей мыши. Имеется вариант текста популярного описания построек разного типа, встречающихся в народном строительстве Китая.

Представим еще одну редакцию структуры рукописи, которая показывает ее насыщенность уникальным иллюстративным материалом, зачастую выполненным собственноручно.

Вступление. Своеобразие китайской архитектуры. Строительные материалы. Исторические условия сохранения памятников.

Хронология Китая. Краткая история периодов, принятых в дореволюционном Китае.

Китайская постройка.

1. Основные китайские постройки (22 рис.)

Лестница («лестница духов»);

Балюстрады разных периодов

2. Столбы-колонны (21 рис.).

– основная конструктивная деталь в китайском зодчестве

– базы столбов-колонн (6 рис.)

– кронштейны
– верхние связи между столбами
– каменные колонны (храм Конфуция в Шандуне)
– консольная система «доу-гун» (20 рис.)
– стены и потолки (18 рис.)
– двери и окна (12 рис.)
– крыши (37 рис.)
3. Конструктивные чертежи (18 рис.)
4. Графический расчет уклона китайской крыши (5 рис.)
5. Украшения на крыше (14 рис.)

Уже в СССР М.Ф. Домрачев, не рассчитывая только на свои силы, предложил своему знакомому по Шанхаю инженеру А.И. Степанову, проживающему тогда в Свердловске, соавторство и попросил его помощи в подготовке рукописи к изданию. Степанов в одном из писем Домрачеву пишет: «Часто вспоминаю Вас, когда Вы у нас жили, рисовали китайцев, нашего водоноса, которого звали Поды-хай»[1]. По этому бытовому факту видно, что в эмиграции они знали друг друга неплохо; хотя, возможно, там, в Шанхае, дружбы между ними не было, однако именно к Степанову обратился художник.

В течение 1957–1964 гг., даже уже после смерти художника, Степанов упорно пытался доработать рукопись по текстам Домрачева. Она представлялась им на ученых советах разного рода, где неизменно вызывала большой интерес тем, что исходный материал собирался именно в Китае, и одобрялась известными учеными, историками архитектуры и искусствоведами. Например, она была представлена для ознакомления Игорю Грабарю, который весьма заинтересовался трудом Домрачева. Им был созван ученый совет сектора истории искусств АН СССР. Далее рукопись была представлена в институте китаеведения АН СССР. Рассматривал рукопись и академик, зав. сектором истории архитектуры института истории искусства АН СССР А.В. Бунин, который для начала обещал опубликовать материал в виде статей в «Ежегодниках АН СССР» и Сообщениях института истории искусств. А.В. Бунин, по словам Степанова, заинтересовался изданием труда лично и даже согласился быть его научным редактором, что вроде бы обеспечивало продвижение к заветной цели[2]. Однако

---

[1] Письмо от 15 июня 1955 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 42 (1954–1964).

[2] Письмо А.И. Степанова Е.М. Домрачевой от 9 января 1958 г.: «В Москве в одном из издательств сообщили, что планируют издавать аналогичный труд о китайской архитектуре в 1959 г. Сделал его Ащепков из Новосибирска, он был там главным архитектором города и сейчас преподает в институте. Его трудов я не видел, но у меня закралось подозрение, почему он собрался заняться Китаем, будучи в Новосибирске? Был ли знаком с ним Домрачев? И вы его знаете? Не попали ли к нему какие материалы Д.? Ходил я в М. во многие издательства, все очень одобрительно отзывались, но никто не брался издавать книгу, во-первых, план уже заверстан, а во-вторых, откровенно заявляли, что ничего в китайской архитектуре не по-

даже 40-страничный материал с 15 иллюстрациями, переданный Бунину, так и не был опубликован.

В ноябре 1958 г. Степанов, получив замечания от рецензента О.Н. Глухаревой, специалиста по изобразительному искусству Китая, назначенной самим А.В. Буниным, пишет Домрачеву: «Что касается основного труда, то… еще не начал переделывать в связи с замечаниями Глухаревой и института. Выдохся. Трудное это дело. Часто вспоминаю, знаю, какие надежды у Вас на издание, но не могу пробить эту брешь, и потому мне совестно становится»[1].

Несмотря на работу над рукописью в течение восьми лет, она так и не была издана даже фрагментами[2]. Представляется, что кроме внешних причин (специализированные издательства отказались; изменилась политическая обстановка в отношении к КНР и пр.), были и другие, внутренние: рукопись не была доведена до конца самим автором. Ему не удалось справиться с огромным собранным материалом – во-первых, из-за его масштабности, во-вторых, из-за отсутствия опыта подготовки текста к публикации на должном уровне, а соавтора, способного это сделать, не нашлось. А.И. Степанов таковым, к сожалению, не являлся, несмотря на всю искреннюю заинтересованность и бескорыстную помощь. А.В. Бунин предлагал в соавторы новосибирского архитектора, профессора, уроженца Харбина Е.А. Ащепкова, но по неизвестным причинам сотрудничества не случилось. Возможно, Ащепков на тот момент был занят выходом в свет

нимают. Короче говоря, я добрался до самого академика Грабаря Игоря, который очень заинтересовался трудом, был созван ученый совет сектора истории искусств академии, где я выступил с докладом перед лицом 20 почтенных академиков. Должен Вам сказать, что такого оборота дела я не ожидал, и выступать перед такими учеными тов. мне было нелегко, но доклад прошел хорошо, при этом я демонстрировал ряд рисунков, которые привез с собою. После доклада задавали вопросы, а затем были выступления. Все отнеслись очень положительно к труду, и было принято решение принять его к изданию. Было принято решение привлечь еще одного автора от академии, а именно А.В. Бунина и этого проф. Ащепкова. С привлечением Бунина я согласился, без этого ничего не выйдет, так как надо иметь заинтересованного человека из среды академии, а с Ащепковым не согласился, так как не знаю, насколько он нужен и являются ли его труды и материалы такими, чтобы могли дополнить и улучшить качество наших, во всяком случае, если он сможет это дать, то надо посмотреть. После рецензирования рукописи в институте китаеведения АН и других местах будет принято окончательное решение, которое должно выразиться в юридическом оформлении в виде договора». [*Прим.*: Евгений Андреевич Ащепков, род. 12.05.1907 в Харбине, получил инженерно-архитектурное образование в Харбинском политехническом институте. Публиковался в издательстве АН с 1950 г. по истории русского народного зодчества Сибири].

[1] ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.

[2] А.И. Степановым на основе материалов рукописи были подготовлены две статьи: «Наследие и новаторство в китайской архитектуре» и «Дракон в китайской архитектуре и орнаментике». Публикации этих статей не обнаружены. В фонде М.Ф. Домрачева сохранилась рукопись А.И. Степанова «Наследие народного зодчества Китая» (1959. 12 с.). Была ли она опубликована, установить не удалось.

своего монографического труда об архитектуре Китая, и на самом деле в 1959 г. была издана книга его очерков[1]. М.Ф. Домрачев никогда не упоминал об Е.А. Ащепкове, вероятно, не знал его, хотя одно время жил с ним в одном городе. Не стоит даже говорить о таких причинах, как плохое состояние здоровья Домрачева, иначе он не обращался бы за помощью.

Таким образом, весь этот ценный историко-архитектурный материал до сих пор остается не введенным в научный оборот. Какая-то часть зарисовок Домрачева хранится в Музее восточных культур в Москве, куда он их лично переслал. Тем не менее, знание об этом исключительном наследии Домрачева представляется важным и нужным. Оно дает перспективу исследования всеобщей истории архитектуры, истории архитектуры Китая, делает точнее и объемнее наши знания о жизни и деятельности художественной эмиграции (в данном случае с советским паспортом) на зарубежном Дальнем Востоке, об их потенциале, творческой направленности, личных интересах и реалиях быта.

Яркая личность русского художника вырисовывается из писем его жены Е.М. Домрачевой к своей сестре в Ленинград. Она постоянно пишет, что Макарий «остается еще на один сезон». «Вот уже 4 года как мы здесь. Но видимо, это уже последний год. Ведь ехали ровно на сезон, уехало, помню – полный вагон, а сейчас нас только 8 человек здесь»[2]. И так все 20 лет.

Он надеется «поработать по Китаю», хочет поехать в Мукден (ныне Шэньян. – *С.Л.*), посмотреть «хоть один настоящий китайский город», обращается к жене Екатерине Михайловне с просьбой делать зарисовки китайского орнамента для своей будущей работы. Макарий Федорович не сомневался в своем возвращении на родину, он настоятельно советовал жене заняться английским языком, который, по его мнению, всегда пригодится в Союзе. Домрачевы пересылали в Союз родственникам свои эскизы на китайские сюжеты, которые могли пригодиться художнику в будущем.

В письмах Е.М. Домрачевой к ленинградским родственникам отразились ее живые впечатления от театральных постановок мужа, рецензий в газетах, реакции критики и публики. «Прошел Солтан» («Сказка о Солтане и золотом петушке». – *С.Л.*) с очень большим успехом. Сегодня 6-й аншлаг. Макарий сделал не только декорации очень красивые, но и все костюмы для нее шились по эскизам его. Костюмы чудные, красочные и очень богато выглядят, хотя все сделано из самого дешевого материала. Ну, конечно, все газеты и публика пела Морьке бесконечные панегири-

---

[1] *Ащепков Е.А.* Архитектура Китая: Очерки. М., 1959. 368 с. 284 ил.

[2] Письмо от 26 октября 1928 г. // ЦГАЛИ СПБ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54 (Письма Е.М. Домрачевой из Харбина сестре Е.М. Вангесовой, 1928–1930).

ки»[1]. «Вот и открытие сезона (в Шанхае. – *С.Л.*). Успех чудный. Масса иностранной публики. Все номера шли под настоящие аплодисменты… Шанхай такой огромный город, в котором получить рекламу, это будет реклама для всего Дальнего Востока. Если так дело пойдет, то можно и заработать, и увидеть почти четверть земного шара, а ведь для него (Домрачева. – *С.Л.*) это все в жизни»[2]. И на самом деле, они побывали с гастролями не только в Советской России (Хабаровске и Владивостоке), но и в Японии (Киото, Уокохома, Камакура, Осака и других городах), Корее, на Филиппинах, о чем Домрачев тоже оставил по-художнически цепкие впечатления.

По мнению художника Владимира Милашевского, соученика Домрачева по петербургской Новой художественной мастерской, оставившего свои воспоминания, он «был для Дальнего Востока тем же, чем был Николай Бенуа для Европы и Латинской Америки»[3]. Это сильное сравнение.

Обратившись к фонду М.Ф. Домрачева с целью знакомства с уникальной «эмигрантской рукописью» по истории китайской архитектуры, я поняла, что культурное наследие русского театрального художника М.Ф. Домрачева, созданное им в Китае за двадцать лет, во всем своем многообразии и целостности практически не изучено. Если театральное искусство хоть в малой мере отображено в словарных статьях и двух небольших публикациях В.Л. Фомина (ни в коей мере не претендующих на искусствоведческое исследование), то научно-исследовательское наследие художника, а также другие сферы его деятельности (дизайнерская, педагогическая) – просто неизвестны. Данную работу я рассматриваю как возможность привлечь внимание специалистов к эмигрантскому периоду жизни художника, его уникальному рукописному наследию, а также как попытку реконструкции истории его создания и осмысления содержания.

---

[1] Письмо от 5 ноября 1927 г. // ЦГАЛИ СПБ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54.
[2] Письмо от 28 сентября 1928 г. // Там же.
[3] *Милашевский В.* Указ. соч. С. 122.

Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики[1]

ПТИЦЫ ПЕВЧИЕ (О ХАРБИНСКИХ ПОЭТАХ И ПОЭТЕССАХ)

А. Ачаир

В моем книжном шкафу в просторной, хорошей клетке сидят (и висят вниз головой иногда) две певчие птицы – сибирские вьюрки из нашей прекрасно-дикой тайги.

Удивительное дело! – эти певчие птицы поют очень тихо и очень редко, только тогда, когда светит ярко солнце, да раздается около пение или музыка… Когда они попадают, стало быть, – в родную духовную стихию… В другое время они предпочитают клевать конопляные зерна (4 фена за полфунта, хватает на неделю) и верещат друг на друга – по-своему разговаривают…

Один из вьюрков как-то заболел и лежал на боку целых две недели. Его подруга растерянно смотрела на него и не знала – чем ему помочь – да и могла ли?

Слава Богу, поправился мой милый, ярко-перистый вьюрок; он-то и поет, главным образом, а спутница его жизни потихоньку ему вторит.

«Вьюнки – птицы певчие», – так говорится в школьном атласе Брэма[2].

Впрочем, я не орнитолог и собственно птичьим вопросом не интересуюсь. И потому лишь, что редакция «Харбин в зеркале прессы» просила меня дать очерк о харбинских поэтах, я начал о птицах. Хорошо, что не занял полностью предоставленного мне места.

О харбинских поэтах?.. О тех, кто поет свои песни, так же, как и птицы…

Молчит птица – молчит и поэт…

В это время люди по последнему слову техники строят свою цивилизацию и – поэзией не интересуются. А в безучастной среде – не до песен.

И все же мы пишем о поэтах и поэзии, а поэты пишут о том, что они чувствуют, видят и любят – во вне – и в себе самих.

---

[1] Составление, подготовка текстов к публикации и примеч. Г.В. Эфендиевой. Работа осуществлялась в рамках выполнения проекта МК–6409.2010 «Социокультурный контекст художественного наследия дальневосточных писателей-эмигрантов (текстологический и источниковедческий анализ)».

[2] Школьный атлас картин из «Жизни животных Брэма». СПб., 1903.

Условия культурной жизни Харбина сложились так, что и до сих пор здесь работают и нарождаются кружки любителей художественной литературы, – стало быть, в Харбине все-таки любят поэзию, и не грех будет сказать, что ради них-то – этих любителей песен сердца – я и пишу настоящий очерк…

Но ближе к делу.

Харбинские поэты…

Начнем с первой буквы алфавита:

– Андерсен Ларисса!..

Не отвечает. Стало быть, нет в строю…

– В отпуску, гостит у своей тети Терпсихоры…

– Жаль!..

Неудачное начало с буквы А.

Начнем с конца:

– Шмейссер Михаил!..

Отвечает прозой. Пишет рассказы и занят журналистикой. Изредка – 1–2 стихотворения в год…

Придется бросить совсем эту буквенную методу… Станем по-иному.

И остановимся на следующих харбинских поэтах: В. Логинове, В. Перелешине, Н. Резниковой, Е. Рачинской, Арс. Несмелове и Ф. Дмитриевой.

Георгий М., надеемся, на нас не обидится, т.к. в последний раз мы слышали его еще в «Белой Голгофе» несколько лет тому назад[1]. Георгий М. с того времени, как будто, стихов не писал и, во всяком случае, не печатал…

В. Обухов также не может быть на нас в претензии, т.к. за «Лестницей в облака»[2] не последовало ни одного сборника, где мы встретили бы его имя[3]. И хотя рядом с лестницей в облака стоят и библиотечные лестницы, однако В. Обухов – молчит также. Несмотря на то, что он просил литься утренние трели, когда утром «ясен был он и прост» –

Я таким певучим менестрелем
Даже в детстве не был и не рос…

Неужели же это было только поэтической фразой?

В. Обухов должен писать, может писать, но…

---

[1] Георгий М. – поэт и журналист Георгий Тихонович Мурашев (1900–?). В 1936 г. в Харбине в соавторстве с Я. Ловичем выпустил сборник рассказов и стихов «Офицерская шинель. Белая Голгофа».

[2] «Лестница в облака» – коллективный поэтический сборник, вышедший в Харбине в 1929 г. Помимо 8-ми стихотворений В. Обухова в него вошли произведения Н. Алябьева, Т. Андреевой, Г. Копыловой, Н. Резниковой, Н. Светлова.

[3] Единственный сборник стихов В. Обухова (1905–1949) «Песчаный берег» вышел в Харбине в 1941 г.

Но перейдем к намеченным нами для очерка именам.

Василий Логинов – беллетрист по преимуществу – дал превосходные стихи в нескольких номерах харбинского журнала «Рубеж» за 1938 год, и мы знаем, что у него подлинный талант литературного работника и большой опыт. Однако имя Логинова редко встречается на харбинских страницах. Обидно!

Также редко встречается имя одаренной Е. Р. (Елизаветы Рачинской), выпустившей сборник своих рассказов[1]. Ее строгая манера и классичность стиля находят поклонников. Но Е. Р. скупа и неразговорчива. Из немногих присланных нам стихотворений Е. Р. мы выбрали два, чтобы привести здесь.

ОДИНОЧЕСТВО

Был вечер дик, был вечер глух,
И ветер дул холодный, хлесткий,
Когда, как некий добрый дух,
Ты вдруг возник на перекрестке.

И я забыла этих дней
Тревогу жадную и муку,
И сжала в трепетной, в своей
Твою спасающую руку.

Но ты не знал, что в этот час,
Мечту с действительностью сливший,
Одна тоска томила нас
О невозможном и несбывшем.

ТЕБЕ

Да, этих слов старо очарованье
И знаю я, что может быть оно
В счастливый миг короткого свиданья
Тобою мне случайно отдано, –

Но все ж твержу единственное имя.
И в этот час, одна в своей глуши,
Люблю тебя за созданную ими
Чудесную взволнованность души.

[1] Единственный сборник рассказов Е. Рачинской (1904–1993) «Джебель-Кебир» вышел в Харбине в 1937 г.

Н. Резникова – писательница: ее романы[1] читаются и на библиотечных полках не залеживаются. Отдается поэзии она как бы в порывах излить свое настроение или переживаемое чувство. В вышедших за прошлые годы сборниках: «Семеро», «Излучины», «Лестница в облака», «Багульник» – ее имя постоянно и неизменно встречается. Но для сборника «Песни земли» – своих собственных стихов – Н. Резникова отобрала немного пьес присущей ей интимной лирики.

Так как этот сборник выпущен в 1938 году, мы не можем его не отметить.

Первое стихотворение пропитано тоской, да и весь сборник посвящен памяти покойной матери – радостного в нем мало.

Пожелтела в саду трава.
Вечера над рекой тихи…
Пересказаны все слова.
Перечитаны все стихи.
И седеет твоя голова…
Это было уже не раз.
Это будет опять, опять.
Осень. Свет твоих синих глаз.
И тоска, то нельзя отнять…

А вот другое.

Нет, слов не надо, слов так много,
А правда лишь одна…
И будет ночь темна.
И месяц будет – пьяный кубок,
И будет петь душа…
Горячие, сухие губы
Целуешь, не дыша.
Одно мгновенье.
Во мраке яркий свет.
Весны волшебное цветенье.
Самозабвенье. Бред.

В этом последнем стихотворении – в словах: «И будет петь душа» – как нельзя лучше выражено поэтическое кредо музы Резниковой.

Нам остается сказать о В. Перелешине, Арсении Несмелове и Фаине Дмитриевой.

---

[1] Наталья Резникова (1912?–1990-е?) – автор романов «Измена» (Харбин, 1935), «Побежденная» (Харбин, 1937); книги рассказов «Раба Афродиты» (Харбин, 1936); сборников стихов «Песни земли» (Харбин, 1938), «Ты» (Харбин, 1942) и др. книг.

Сборник стихов Валерия Перелешина вышел в конце 1937 года. Как мы знаем, за это время в жизни этого поэта, кажется, едва ли не единственного представителя молодых поэтов из «Круга поэтов» и «Чураевки», произошел перелом. И о стихах последующего за сборником периода мы не даем отзыва, так как они сбивчивы по построениям и ощущению мира. Новый поэт-инок еще в искании своих путей, а Валерий Перелешин оставил нам «В пути» к своему совершенствованию много тщательно отделанных стихотворений.

Нам очень нравится его стихотворение: «Мудрею. Старею. И даже во сне не летаю».

И ряд других, как «Гекзаметры», «Отповедь», «Ты совсем, как на сцене» и, наконец, «Элегия» – служат лучшими, по нашему мнению, образцами творчества В. Перелешина.

ЭЛЕГИЯ

Ветер торопит на юг; высыхают прощальные слезы.
Миг – и подымет матрос якорь тяжелый со дна.
Снятся уже парусам золотые морские просторы.
Волны уже о корму пенные чешут хребты.
Будешь ты слушать теперь нереид и веселых тритонов,
Будешь следить, как вдали тонет в волнах Фаэтон.
Кто же, о, кто же другой повторит вас, античные ритмы,
Снежным седым небесам милой суровой страны?

Валерий Перелешин идет по пути нео-классицизма,[1] и, думается, его муза сумеет сочетать призвание сердца с призванием духа человеческого.

Арсений Несмелов. Наиболее известный из дальневосточных поэтов говорит сам за себя. Его «Полустанок», изданный в 1938 году, пропитан харбинским воздухом. И однако это – только Полустанок. Есть в этом сборнике «Песни об Уленспигеле», появившиеся также в «Русских Записках». Есть у Несмелова поэма «Через океан» и достаточное число отдельных сборников, и множество разбросанных по многим изданиям отдельных стихов. Но благодаря тому, что эти стихи именно разбросаны и сборники включают каждый в себе по небольшому числу стихотворений, о Несмелове можно судить по-разному. Одно неоспоримо – его своеобразная манера и насыщенная динамикой сжатость поэтической фразы. К тому же едва ли кто из наших поэтов дал такие «харбинские» стихи, как «Ло-

[1] *Неоклассицизм* – термин, применяемый в российском искусствоведении для обозначения художественных явлений последней трети XIX–XX вв., которым присуще обращение к традициям искусства античности, искусства эпохи Возрождения или классицизма. Однако здесь А. Ачаир, скорее всего, имел в виду неоклассицистские интенции акмеистов.

дочник» или «Стихи о Харбине», стихи о построечниках и целый ряд других. В этом – большая заслуга поэта, раз он поднял целину.

Несмелов не принадлежит к числу «молодых».

Но где же молодые? Где смена нам, готовящимся идти по ту сторону перевала жизни – через долины – к новым вершинам и жертвам или по скату – на отдых.

Молодых не видно и не слышно.

Пока что – единственная Фаина Дмитриева отважилась идти по дороге поэтов.

У нее нет еще сборника[1], но отдельные, довольно часто появляющиеся в печати стихотворения заставляют обратить серьезное внимание на эту начинающую поэтессу.

Фаина Дмитриева не подражает никому. Она взяла свое собственное направление. У нее есть свой, правда, еще не широкий, мир. Своя еще девическая непосредственность. Временами прорывается детскость.

Что выйдет из Фаины Дмитриевой – судить пока трудно, однако она смело взяла в руки управление своим одиноким суденышком. Направление? – спросите ее сами, как и спросите пишущую, знакомую вам молодежь, почему они – будущие поэты – не относятся серьезно к своему дарованию и еще не работают над собой, и не пробуют свои силы? Ф. Дмитриева – впереди их.

Харбин – полон возможностями.

Началась новая страница нашей жизни в Азии. Много сюжетов, много мотивов – и из нового, и из старого, отличного от Европы и привычных нам образов и стилей.

Мне говорят, что моих вьюрков – певчих птичек обязательно надо выпустить на волю в Благовещенье. Но в Благовещенье еще холодно, и они не найдут корма. А птицы, как и поэты, как это ни странно, не перестают быть живыми существами и равно чувствуют и холод, и голод, и тоску, и надежду, и их сердца преисполнены любовью к Красоте и Светлой Свободе.

Да освободится наша родная Россия! И Песня Освобожденья звонко и радостно да пронесется над родной Землей!

Пора зачинать эту песню!

Сейчас ночь. Вьюрки мои спят. Но настанет утро, взойдет солнце и, если Бог приведет, мы дождемся новых, счастливых, весенних песен.

И радостно на душе от сознанья, что кто-то их услышит и кто-то их будет петь. А что это будет – мы в это глубоко верим.

---

[1] Единственный сборник стихов Ф. Дмитриевой (1913–1990) «Цветы в конверте» вышел в Харбине в 1940 г.

Харбин – «провинциальный» город, как говорят парижане, но когда в Париже еще вечер, у нас – уже близится утро.

Нам первым придется вставать и начинать свои песни, и так хочется, чтобы поняла молодежь, как важно быть смене, чтобы не перестал слать свои призывы Русский Колокол. Как нужно, чтобы к моменту, когда раздастся зов:

– Эй, выходите на смену! Старый звонарь отзвонил! – чьи-то молодые, крепкие и честные руки взялись бы продолжать Благовест Русской Культуры, а с ней и Поэзии, и может случиться, благовест этот будет раздаваться слышнее из Модягоу или из Чинхэ или из Затона[1]. И понесется – к Родной Земле.

Опубликовано и печатается по:
Харбин в зеркале прессы. 1939. № 2. С. 6-7.

[1] Модягоу, Чинхэ, Затон (наряду с Зеленым Базаром, Алексеевкой, Нахаловкой, Гондаттьевкой и др.) – тихие окраинные районы (поселки) Харбина начала XX в., где преимущественно селились наиболее скромные в материальном отношении представители российской эмиграции (в том числе и семьи многих харбинских поэтов и писателей). В Модягоу (свое название этот район получил от небольшой речки с китайским названием, которое русские харбинцы произносили на свой лад – «Модяговка») в разные годы жили, например, Валерий Перелешин (на ул. Церковной), Марианна Колосова (на ул. Черногорской), Арсений Несмелов (на ул. Раздельной), Николай Байков (на пересечении ул. Церковной и Раздельной) и др. Н. Ильина так писала о Модягоу: «Наиболее удаленным от реки, но самым зеленым и уютным был третий район города, преимущественно одноэтажный. Тут были скамейки за оградами палисадников для отдыха, бесед и щелканья семечек, попадались и дома с завалинками и резными наличниками окон... Некоторые жители держали коров, они паслись на зеленом пустыре, и вечерами улицы оглашались мычанием – коровы шли домой. И еще доносились мерные удары колокола из монастыря, чья стена белела где-то там, за пустырем...» (Дороги и судьбы. М., 2011. С. 42). Модягоу осваивался довольно активно, что впоследствии сделало его одним из самых привлекательных «спальных» районов Харбина (харбинским «Царским селом», где жили богатые люди).

ХАРБИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

Е. Сентянина

Все книги, очерки и заметки о писателях неизменно начинают теперь с рассуждения о том, что литература вышла из моды, что писать, в сущности, не для чего и не для кого, но что, тем не менее, «рассудку вопреки, наперекор стихиям» человеческий дух не угасает и раскрывает себя в немодном, несвоевременном, неблагодарном творчестве и, что всего удивительнее, в творчестве подлинном.

Весьма редко, однако, обращает кто-либо внимание на то, что за творчеством, за литературой стоят живые, думающие и чувствующие и, конечно, незаурядные люди. О том, в каких условиях протекала напряженная творческая мысль этих людей, узнавать приходится разве только из некрологов, которые чаще всего свидетельствуют о поразительной духовной устойчивости, о необычайной способности к сопротивлению и подвигу.

Что творчество есть преломление жизни – это азбучная истина. Но как часто этой истиной пренебрегают! Писатель пишет, его читают, запоминают, его творчеству радуются, перед ним подчас преклоняются, – а сам он остается в стороне, как скорлупа, содержащая что-то ценное, что уже извлечено из нее.

Вот почему «Рубеж» поручил своему сотруднику собрать сведения о харбинских писателях и поэтах, к числу которых относятся и несколько имен, тесно связанных с Харбином, главным образом, через наш журнал.

Как живут эти люди? Какими путями шло их творчество? Что сами они думают о себе, о творчестве, о его законах?

ЛАРИССА АНДЕРСЕН – поэтесса вдумчивая, тонкая, очень скупая. Стихи ее появляются крайне редко. Даже книги все еще нет, хотя она давно могла выйти. Пишет Ларисса Андерсен только тогда, когда не писать не может. Работать же подолгу над стихами она не согласна: «Мне даже как-то обидно пассивно сидеть с карандашом, – ведь когда-то мечтала быть джигитом или пожарником», – признается она.

Жизнь у этой поэтессы сложилась подвижная, непоседливая. Родилась в Хабаровске, в полку; первые воспоминания относятся к поездам и пароходам. «Вечно куда-то бежали, – говорит поэтесса. – Так и живу: то убегаю от чего-то, то за чем-то гоняюсь», – хотя в счастье Ларисса Андерсен не верит. У поэтов не бывает счастья, потому что они – ротозеи и чудаки, потому что:

«…За все терновою наградой
Нам не рай обещан голубой,
А тоской пронизанная радость
И охваченная счастьем боль».

Поэзия – внутренняя болезнь и болезнь хроническая. От этого недуга поэтессу отчасти спасают танцы. «Танцы – это уже другое. Это живет в теле, и это приятно вытанцевать. Необходимо почувствовать ритм руками, ногами и лицом. Девочкой я выплясывала, забираясь в рощу. Распускала волосы. На сцене – это хуже. Но ведь деревья не покупают билетов!..»

«Когда я буду старая и слабая, я буду сидеть в кресле и покачиваться в такт затихающей музыке в моем теле. А писать много буду только тогда, когда меня посадят в тюрьму или отрежут ноги», – заканчивает Ларисса Андерсен. Действительно, сотня стихотворений и два-три рассказа – не много. Но на всем, что пишет эта поэтесса, лежит печать большого дара наблюдения, запоминания и умения выражать мысли по-своему, ярко, смело и ново.

АЛЕКСЕЙ АЧАИР (Грызов) постранствовал еще больше. Вехами на пути его жизни мелькали Туркестан, Кавказ, Сибирь, Поволжье, Москва, Алтай, Якутская область, Владивосток, Корея, Шанхай, Гонконг, Филиппинские острова, Китай, Харбин. Но родным навсегда осталось сибирское казачье войско: Алексей Ачаир – родом казак, родился в Омске, в 1896 году. Учился в 1 Сибирском Имп. Александра I кадетском корпусе и Петровской Академии.

Стихи начал писать с 8–9 лет, печатался с 1918 года в бесчисленном множестве разных изданий. Выпустил в свет 4 книги стихотворений: «Первая» (1925 г.), «Лаконизмы» (1937 г.), «Полынь и Солнце» (1938 г.) и «Тропы» (1939 г).

В двух последних голос Алексея Ачаира звучит уже определенно, уверенно, – это голос зрелого поэта, поэта степей, широких просторов, мужества, идеализма, полетов «на свежие высоты», чести, верности и рыцарства.

Легко, широкой струей, не знающей порогов, льется вдохновение Ачаира. Он быстро вдохновляется, подчас незаметными мелочами. Для всякого – пустяк, а для Алексея Ачаира – событие, толчок, способный всколыхнуть душу до потаенных глубин. Его творчество стихийно, буйно.

Свое направление Ачаир определяет как «лирическую романтику» и прибавляет: «к сожалению». Да, в нем есть нечто сродни Северянину, но есть что-то и цветаевское. Но тематика его неисчерпаема, его тема – сама жизнь; чувство его непосредственно.

Вот строки, выхваченные почти наугад из его книги «Тропы»:

«Так мчатся, как вихорь, как птицы, –
С засиженных мест поскорей, –

На передовые позиции
Запряжки шальных батарей.

И этой же волею пьяны,
Струги казаки волокли…
И так же идут со стоянок
В открытую синь корабли.

Изнеженность? выгода? – плесень!
Болото без края и дна!
Есть много ликующих песен,
Но песня свободы – одна».

Нечто дон-кихотовское есть во всем облике Ачаира, хотя теперь этот Дон-Кихот, – старший секретарь крупного учреждения, – проводит долгие дни за письменным столом, на котором не найти стихов: стихам отданы ночи. В жизни – проза, однообразие, – «ни сказок, ни фей». Но в творчестве эта же самая жизнь горит, как радуга.

НИКОЛАЙ АПОЛЛОНОВИЧ БАЙКОВ – писатель совершенно особенный. Писатель-натуралист, писатель-ученый, писатель-исследователь. Родился он в Киеве, в 1872 году, потомственный дворянин, окончил классическую гимназию и военное училище, служил в XVI Гренадерском Мингрельском полку, затем в Заамурском Округе пограничной стражи. Участвовал в усмирении боксерского восстания, в войнах 1904–05 г., 1914–17 г. и в Гражданской. Имеет чин полковника и все боевые ордена до св. Владимира включительно.

Много путешествовал, исследовал Маньчжурию по поручению Академии Наук, за что удостоен звания «сотрудника-корреспондента» и награжден участком земли в Уссурийском крае площадью в 500 десятин. С 1920 по 1923 годы путешествовал по Африке и Индии, затем вернулся в Маньчжурию и был здесь инициатором Музея и Об<щест>ва Изучения Маньчжурского края.

С 1930 г. занялся исключительно литературным трудом. Но еще в 1901 г. начал печатать рассказы о Маньчжурии в русских журналах; печатал и научные статьи.

Помимо чисто научных и научно-популярных книг, издал «В горах и лесах Маньчжурии» (1915 г., СПб), «В дебрях Маньчжурии», «По белу свету», «Тайга шумит» и готовит еще ряд сборников о путешествиях и роман из жизни русских таежников.

Герои рассказов Н.А. Байкова – сильные, мужественные, отважные люди лесов и гор, охотники, хунхузы, солдаты. Творчество Байкова – рус-

ская параллель Дж. Лондону, Кэрвуду и другим авторам книг о смелых и свободных людях, о суровой природе, о жизни вдали от цивилизации, от закона, от машинного века с его газолином, пылью и скукой…

Книги Н.А. Байкова покоряют и взрослые сердца, но особенное очарование таят они для юношей, всегда склонных к романтике, к путешествиям и приключениям. Во многие молодые души вложил Н.А. Байков здоровую волю, мужество и благородство, дух предприимчивости и свободолюбия. Покорил он и сердце юного короля Югославии, Е.В. Петра II, приславшего автору свой портрет с собственноручной надписью.

Многие книги Байкова переведены на иностранные языки.

АРТЕМИЙ ЛИШИН (Савицкий) пишет романы исключительно исторические. Его увлекает пышность, величие, грандиоз. Его герои – коронованные деятели великодержавной России. Может быть, потому, что все его детство и юность прошли бок о бок с царскими дворцами, с могучими взмахами крыльев российского великодержавного орла.

Родился в 1884 году, учился в Царскосельской гимназии, а так как директором ее в то время был поэт И. Анненский, то естественно, что А.В. Лишин, как и все воспитанники гимназии, навсегда впитал великую любовь к поэзии и литературе.

А.В. Лишин занимал хорошую должность на Кит<айско> Вост<очной> жел<езной> дороге. В то же время занимался политической публицистикой, работая в разных изданиях. По окончании службы уже всецело посвятил себя журналистике. Работал в газете «Гун-Бао» и одновременно был ее редактором.

Сравнительная материальная обеспеченность или долгожданный досуг помогли ему, наконец, вполне найти самого себя: А. Лишин стал писателем. Он издал уже две книги: «Наследие Петра» и «В дни Елизаветы».

Писатель говорит, что его «особенно увлекает XVIII век, – по своей красочности и выдающимся качествам тогдашних деятелей». Сейчас Лишин живет в Дайрене. Он заканчивает новую книгу, тоже историческую.

ВАСИЛИЙ ЛОГИНОВ как беллетрист близок к Байкову по духу. Он написал ряд чудесных сибирских и уральских рассказов, из которых часть вошла в книгу «Ял-мал». В этой книге целый ряд вещей следует поставить, с художественной точки зрения, на большую высоту. Они часто фантастичны, всегда романтичны, красочны и рисуют мало знакомый быт русских окраин.

Родился и учился В.С. Логинов в Екатеринбурге, затем в Петербурге в Политехническом институте, но сменил его на юридический

ф<акульте>т университета. По окончании образования заведовал большим лесопромышленным делом на Урале. От красных бежал во Владивосток, путешествовал по Ниппону и долго жил в Иокагаме. С 1923 года обосновался в Харбине, где занялся журналистикой.

Литературой стал заниматься с 1908 года. Стихи, рассказы, пьесы, статьи, рецензии, – таков «репертуар» В. Логинова. Особым дарованием его был стихотворный фельетон, который В. Логинов подписывал «Капитан Кук».

Как поэт, Василий Логинов является классиком, – ему люба строгая форма. Взор его обращен чаще назад, чем вперед: он охотнее вспоминает, чем пророчествует. Не случайно эпиграфом к своей книге стихов – «Створа триптиха» (1935 г.)[1] – он поставил двустишие Гумилева:

«Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами».

Он обещал нам еще две «створы», но… обещанного ждем пять лет. Все же и первая «створа» очень характерна для Василия Логинова. Он очень ясен и рассудочен. У него идея всегда перевешивает и звуковую, и образную сторону стиха. Он и сам признается, что любит:

… «читать чеканные стихи,
Которые измыслил строгий Брюсов».

И у него тоже стихи рождаются, как Минерва, – из головы. Отсюда их целомудренность, некоторая отрешенность и приподнятость.

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬСКАЯ – поэтесса еще совсем молодая, – она начала печататься немного больше года тому назад, в «Рубеже», если не считать ее первых стихов, написанных, когда ей было всего 10 лет, и напечатанных в школьном журнале гимназии имени Хорвата в Харбине, которую она окончила.

Родилась она в Ярославле, детство провела в Самаре. Потом – беженство, Харбин, школа, замужество…

«Писать для меня – радость ни с чем несравнимая, – говорит поэтесса. – И порывы творчества, и черновую работу приемлю, как счастье. Люблю русскую поэзию за ее глубину и проникновенность. Пушкин… Лермонтов… Блок… и многие еще. Хорошо, что так много их, обнаживших перед нами свои прекрасные души!

Люблю людей, душу человеческую… Это – дыхание Божие, святое чудо.

[1] Е.А. Сентянина ошибается, на самом деле сборник «Створа триптиха» вышел в 1932 г.

Верю в счастье. Верю, что оно живет в нас самих чудесным крылатым пленником каких-то, часто неведомых, глубин нашего «я». Но как много надо сил, чтобы обрести его и удержать, не дать улететь.

С чувством благоговения и благодарности приемлю Природу, – она так много и так бескорыстно дает нам в нашем бесконечном одиночестве…»

Е. Недельская – идеалистка и, может быть, поэтому ее стихи, всегда свежие, искренние и ненадуманные, овеянные мягкой женственной грустью, так нравятся читателям. Они – как глоток родниковой воды для истомленного зноем и трудной дорогой путника.

На днях выходит из печати первая книга ее стихотворений – «У порога».

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ (А.И. Митропольский) – москвич. Уезжал из древней столицы дважды, оба раза – воевать. В германскую войну сражался поручиком XI Гренадерского Фанагорийского полка. Уехав в 1918 г. в Омск, назад не вернулся и, вместе с армией Колчака, оказался во Владивостоке.

Писать начал рано: в 1912–1913 гг. печатался в «Ниве»; в 1914 г. издал «Военные странички» (стихи и рассказы); затем – «Стихи»; поэму «Тихвин» (1922 г.); «Уступы» (1924 г.); «Кровавый отблеск» (1928 г.); «Без России» (1931 г.); поэму «Через океан»; сборник «Полустанок», посвященный Харбину, и поэму «Протопопица» (1939 г.).

Литературный багаж, таким образом, накопил немалый. К нему надо прибавить еще огромное число рассказов, фельетонов, статей, рецензий. Большую часть этого А. Несмелов не считает литературным творчеством и соглашается говорить серьезно только о тех своих стихах, которые включены в сборники.

Обычный тон стихов А. Несмелова бодрый, почти веселый. Это не мешает ему иногда переходить на тон самой задушевной нежности и проникновенного лиризма.

«За вечера в подвижнической схиме,
За тишину, прильнувшую к крыльцу…
За чистоту…За ласковое имя,
За вытканное пальцами твоими
Прикосновенье к моему лицу»…
«…За щедрость глаз, которые как чаши,
Как нежность подносящие ковши».

(«Без России»).

Арс. Несмелов – наблюдательный знаток природы. Он любит ранние утра на реке, когда свежий ветер нашептывает простые и добрые слова, когда так сладко дремать над задумавшимся поплавком (А.И. Несмелов – страстный рыболов), когда по розовеющему небу замедленной поступью идут облака:

«Плавно, без усилия
Шествует в лазурь
Белая флотилия
Нерожденных бурь».

Но так же силен Арс. Несмелов и в патриотических, и в военных, и в героических, и в полемических, и в шуточных стихах, так же верно, метко пишет он о спорте («Гребные гонки» его, например, полны огромного напряжения).

Глубокому интересу к истории древнего и недавнего прошлого обязан Арс. Несмелов такими блестящими вещами, как «Песни об Уленспигеле», «Протопопица», «Баллада о даурском бароне».

По направлению А. Несмелов сближается с Цветаевой и Пастернаком, но есть у него свои собственные, индивидуальные и неповторимые приемы.

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН (В.Ф. Салатко-Петрище, потомственный дворянин) прошел путь, небогатый внешними событиями, но внутренне глубоко насыщенный драматизмом. Родился он в Иркутске, в 1913 году, с детских лет живет в Харбине, где окончил гимназию и Юридический факультет.

Писать стихи начал с 5–6 лет, с 14-ти уже печатался. В 1937 г. издал книгу «В пути». Подобранные в хронологическом порядке, стихотворения этой книги, действительно, дают верное представление о том сложном и мучительном пути, который прошло сердце этого поэта, и который приведет его через многие уклоны, сомнения и разочарования к решительному перелому: в 1938 году, 24-х лет от роду, Валерий Перелешин стал иноком Германом.

Памятником этого события и первых впечатлений нового мира оставил он вторую книгу стихов – «Добрый Улей». Улей – это идеальный образ монастыря, проникнутого любовью и снисходительностью; излюбленный символ поэта – рабочая пчела.

Источником вдохновений для Валерия Перелешина «живая» жизнь никогда не была. Прежде, чем приблизиться к ней, он субъективизировал, возвышал и очищал ее. При этом она становилась подчас условной. По-

этому и творчество Валерия Перелешина чуть академично и суховато. У него сердце имеет меньше авторитета, чем весы рассудка, мастерства и вкуса.

Есть в нем книжность, оглядка и сдержанность. Его влекут античные образы, чеканные классические формы версификации, – он пишет сонеты, гекзаметры и элегические двустишия.

«И для того ль, подобно узам,
Ты на него низринул Сам
Мучительную нежность к музам
И к запыленным письменам?»

спрашивает он у Бога, несомненно, о себе самом.

Перечитывая обе его книги, поневоле соглашаешься с ним, что им руководило некое предопределение, когда из молодого юриста, намеченного для научной карьеры, он стал «ловцом». В настоящее время он живет в Пекине и готовится к миссионерской деятельности.

«И вот, опрастывая мрежи,
Ты просияешь, как дитя,
На голых скалах побережий
Живую душу обретя».

(«Добрый Улей»).

Последнее время В. Перелешин начал заниматься стихотворными переводами: работает над знаменитой поэмой Кольриджа «Старый Моряк», перевел ряд стихотворений других английских поэтов. Особенно интересно то, что он сделал несколько попыток дать точный стихотворный перевод китайских классических поэтов. Это поле почти еще не возделано…

Е.И. РАЧИНСКАЯ родилась в Финляндии; среднее образование получила в Харбине, где также окончила Харбинский Юридический факультет.

Начала писать с юношеских лет. Печаталась в харбинских газетах, в «Рубеже» и заграницей, в «Иллюстрированной России». Издала сборник рассказов «Джебел Кебир» (1937 г.).

Любимый поэт – Тютчев. В стихах Елизавета Рачинская ищет совершенства формы, связанной с глубиной творческого замысла и искренностью поэтического вдохновения.

Вот – наиболее характерное для нее стихотворение:

«Вот так лежать у моря в летний зной,
Купаясь в ласковом, целительном озоне,
И быть одной, совсем, совсем одной,
И погружать в песок горячие ладони.

Ведь счастья нет, и горя тоже нет…
И бедной жизни нашей теплое дыханье
На зеркале времен – лишь легкий след,
Рожденный случаем, без цели и названья.

Опубликовано и печатается по:
Рубеж. 1940. № 24. С. 5–8[1].

[1] Окончание очерка см.: Рубеж. 1940. № 25. С. 10. Во второй (заключительной) части очерка представлены творческие портреты поэтессы и писательницы Н. Резниковой, поэтессы Л. Хаиндровой, поэта и беллетриста М. Шмейссера, писателя Б. Юльского, детской писательницы Е. Васильевой (псевдоним «Юрка») и поэтессы В. Янковской. Опубликовать окончание очерка в настоящее время не представляется возможным, т.к. нужный номер журнала отсутствует в научных библиотеках ГАРФ, ГАХК, РГБ, Дома русского зарубежья.

РОМАН СОВ<ЕТСКОГО> КОМИССАРА КУЙБЫШЕВА И ХАРБИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ МАРИАННЫ КОЛОСОВОЙ

Ю. Холмин

Что поведала сотруднику «Рупора» талантливая поэтесса. – Любовь красного комиссара к белогвардейке. – Офицерская организация в лапах Чека. – Личный секретарь Ленина. – «За десять лет борьбы и крови я изжила свою любовь».

Конечно, никто в СССР не знает, а в Харбине станет об этом известно впервые лишь сегодня, что умерший на днях в Москве один из столпов большевизма – Валерьян Куйбышев – 15 лет тому назад был героем необычайной романтической истории, которая могла бы послужить превосходной канвой для увлекательного романа или сценарием для кинофильма.

Этот замечательный случай в жизни Куйбышева связан с раскрытием большевиками тайной офицерской организации и… спасением Куйбышевым членов этой организации от расстрела.

Единственным лицом, знающим всю правду об этой истории, является известная Харбину и живущая здесь поэтесса Марианна Колосова. Ей выпало на долю стать героиней любви красного комиссара и спасительницей группы белых офицеров из страшных лап ГПУ.

ВИЗИТ К ТАЛАНТЛИВОЙ ПОЭТЕССЕ

В интересной беседе для «Рупора» Марианна Колосова любезно согласилась открыть эту страницу прошлого, опустив, однако, ряд фактов, имеющих для нее личное значение или опасных для тех, кто может пострадать в СССР.

Мы приводим беседу в таком виде, как она велась.

Наше посещение поэтессы пришлось на утренние часы. Хозяйка только что встала ото сна и занималась в смежной спальне своим туалетом. А на кухонной плите в это время весело посвистывал и приветливо пыхтел паром на примусе огромный чайник.

Нас провели в комнату, где Марианна Колосова отдыхает от работы и набирается поэтического вдохновения, чтобы писать свои чудные стихи.

Она встретила сотрудника «Рупора» с очаровательным радушием, сразу же рассеявшим неловкость, вызванную нашим вторжением.

Наша задача облегчалась тем, что деликатная тема о Куйбышеве затронута самой поэтессой в стихотворении «Письмо наркому», опубликованном в прошлом году, в четвертом томике ее произведений.

– В ваших стихах, посвященный Куйбышеву, – заметили мы, – есть пророческие слова:

«Задумаюсь о чьей-то смерти,
Вздохнув о юности сперва».

ЛЮБОВЬ КУЙБЫШЕВА

– Да, вы можете написать, что я предсказала смерть Куйбышева. Я, действительно, часто думала о том, что он скоро должен умереть. – В голосе Марианны Колосовой послышались жесткие нотки и глаза блеснули враждой, а слово «должен» было подчеркнуто.

– Что значит «часто думала»?

– А вот почитайте последнее восьмистишие:

«Но я твой след подкараулю
И обещаю, как врагу,
Что в черном браунинге пулю
Я для тебя приберегу.
За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил».

– Он сильно любил вас?

– Думаю, что да. Я знаю, что я ему очень нравилась.

– А вы тоже любили его? Ведь вы пишите в ваших стихах:

«И молодость мою и нашу
(Ты тоже был молод тогда)
Любовной памятью украшу…»

ВРАГ РОССИИ

– В конце стоит «похоронивши навсегда», – заканчивает поэтесса. – Он нравился мне потому, что я ему нравилась. Это часто бывает с молодыми девушками. Я же была тогда совсем глупенькой девчонкой. Но ненависть все же победила. Ведь он – красный комиссар. Враг моей России!

Русая голова склоняется к руке. Глаза опускаются долу, Марианна Колосова на минуту задумывается, потом со вздохом говорит:

– Ах, если бы я тогда была старше! Если бы я была в России сейчас!

– Что же тогда?

– О, я рассмотрела бы тогда истинное лицо Куйбышева. Я бы другими глазами видела комиссаров, чем 15 лет назад, – с затаенной решимостью восклицает она, а мы невольно бросаем взор на то же «Письмо наркому», где стоит:

«Слезами женскими заплачу
Над милым сердцу словом «Русь».
Решать мудреную задачу
С мужской отвагою возьмусь».

– И долго длилось ваше знакомство с Куйбышевым? – продолжаем мы наш «инквизиторский» допрос.

– Около трех месяцев. Но мы виделись каждый день, – следует ответ.

– Расскажите, пожалуйста, как это случилось.

15 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

– Это было в 1920 г., – начала Марианна Колосова свои воспоминания. – Я работала тогда в тайной офицерской организации. Нас раскрыли. Посадили в ГПУ. Угрожал расстрел. Случайно наше дело попало на ревизию Куйбышеву. Он тогда ревизировал целый ряд городов и приехал в наш город инкогнито. На допросе мы встретились. Я еще не знала его имени. А он сразу обратил на меня внимание. Я работала в нашей организации в качестве агента связи. Белые в то время часто пользовались услугами женщин для этой цели. И вот, будучи под арестом, я решила прибегнуть к моей опытности в такого рода делах. Увлекшийся мною Куйбышев отнесся, однако, ко мне по-джентельменски. Тогда еще у большевиков не было звериного отношения к женщинам, а национализация их пришла много позднее. Благодаря заступничеству Куйбышева меня и моих сообщников выпустили на свободу, но оставили в качестве поднадзорных.

Конечно, не только интерес ко мне заставил Куйбышева так поступить. Был тайный расчет, что мы войдем в связь с остававшимися непойманными офицерами и выдадим их, таким образом, с головой ГПУ. К счастью, этого не случилось. Как ни была я молода, я взяла правильную тактику и стала вращаться только среди видных комиссаров и членов компартии.

– Это произошло в Москве? – спрашиваем мы.

– Нет. Я не могу сказать в каком городе. Быть может, мои сотоварищи по организации еще живы и находятся там же. Я не могу послать их на смерть необдуманной болтливостью.

– Вы говорили, что знали Куйбышева только три месяца. Что же было потом?

ПИСЬМО КУЙБЫШЕВА В ТОМСК

– Он всячески пытался не отпускать меня далеко от себя. Уговаривал поступить в сельхозинститут в Москве. Тогда он развивал в беседах со мной грандиозные планы о строительстве, стараясь заразить меня своим коммунистическим энтузиазмом. В то время он не был таким, как в последние годы… – сильный эпитет срывается с губ Марианны Колосовой. – Но я уехала в Томск.

– Могли бы еще что-нибудь сообщить о нем?

– О, я мало знаю его! Помню, он рассказывал мне, что был одно время личным секретарем Ленина. Вот если бы я могла показать вам его

письма ко мне, вам легко было бы составить мнение о нем как о партийном работнике. Но я уж теперь плохо помню, что он писал. Куда? В Томск. Там и остались письма. Они имели историческую ценность, но я боялась взять их с собой, потому что Владивосток, куда я пробралась из СССР, был тогда в руках белых, и переписка с Куйбышевым могла быть превратно понята и скомпрометировала бы меня.

– Быть может, вы вспомните какой-нибудь характерный случай из ваших встреч с Куйбышевым?

В ТЕПЛОЙ КОМПАНИИ

– Он не прочь был иногда поиронизировать над советским режимом. Случалось это, конечно, в «своей компании», среди таких же комиссаров. Куйбышев любил под веселое настроение рассказать последний анекдот про Ленина или Сталина или вообще про советскую жизнь. Бывало, вдруг запоет: «С красным знаменем вперед оголтелый прет народ». Другие комиссары в долгу не оставались, тоже рассказывали что-нибудь. Видно, веры в то конечное торжество коммунизма ни у кого не было! Думаю, нет и сейчас.

Беседа подходит к концу. Благодарные за милую откровенность нашей собеседницы, мы только тут спохватываемся, просим прощения за нашу настойчивость: ведь мы, наверно, разбередили старую рану.

– Нет такой раны, – бодро отвечает Марианна Колосова. – Только, пожалуй, не напишите чего-нибудь лишнего, – внезапно просит она.

– Только то, что вы рассказали.

– Ну, хорошо. Пишите. Только я очень боюсь, – смущенно улыбается она на прощание.

ПИСЬМО НАРКОМУ

Тов. Куйбышеву

С тобой навеки мы чужие.
Я не твоя и ты не мой.
К себе в советскую Россию
Ты не зови меня домой.

Платочек алый женотдела
Ты мне в награду не сули.
Найду себе другое дело
От ваших лозунгов вдали.

Слезами женскими заплачу
Над милым сердцу словом «Русь».
Решать мудреную задачу
С мужской отвагою возьмусь.

Над голубым листком в конверте
С чудесным штемпелем «Москва»
Задумаюсь о чьей-то смерти,
Вздохнув о юности сперва.

И молодость мою и нашу
(Ты тоже молод был тогда)!
Любовной памятью украшу,
Похоронивши навсегда…

В огромных залах Совнаркома
Мелькает черный твой портфель,
Я выгнана тобой из дома.
И у меня иная цель.

Отброшенная вашей бурей
К подножью чуждых жестких скал,
Я повторяю, бровь нахмуря:
«Напрасно ты меня искал!»

Да будет злоба в каждом слове.
Возненавидя вашу новь,
За десять лет борьбы и крови
Я изжила твою любовь.

И вот хозяину портфеля,
Который держит Русь в аду,
Я говорю: «Мели, Емеля!» –
Я в лагерь твой не перейду!

Но я твой след подкараулю
И обещаю, как врагу,
Что в черном браунинге пулю
Я для тебя приберегу.

За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил!

10 августа 1930 г.

Опубликовано и печатается по:
Рупор. 1935. 28 января. С. 3.

НА СМЕРТЬ Б.В. БУТКЕВИЧА

М. Щербаков

Вслед за Леонидом Ещиным ушел второй из нашей кучки литературной молодежи, унесенной революционными годами на Дальний Восток: в Марселе, в городской больнице, вероятно, в полной нищете и одиночестве, скончался в прошлом августе 35-тилетний даровитый поэт и беллетрист Борис Васильевич Буткевич, писавший под псевдонимом «Борис Бета».

Не могу не вспомнить о нем не только потому, что был с ним в приятельских отношениях и что он был талантлив, но также и потому, что он всецело наш, дальневосточный автор, начавший впервые печататься на Дальнем Востоке в те времена, когда под нашими ногами еще оставался клочок русской земли – сумбурный, нелепый, милый Владивосток.

Едва ли мне приходилось встречать когда-либо в жизни такое расхождение между внешним и внутренним обликом человека, как то было у Бориса Васильевича. Я ясно помню, как вскоре после каппелевского переворота во Владивостоке, то есть весной 1921 года, в редакции газеты «Русский Край», где я тогда работал, впервые появилась плечистая приземистая фигурка в предельно засаленной и расхлястанной кавалерийской солдатской шинели и клетчатой кепке. Голова у этой фигурки была большой, лицо – лобастым, широкоскулым и землистым, с настолько резко выраженной ассиметрией сторон, что казалось часто перекошенным в гримасу. Но зато глаза были пытливыми, умными, застенчивыми и какими-то детскими,

– Борис Бета, талантливый поэт и прочее... Отлично кушает водку... – отрекомендовал его тоже работавший в газете Леонид Ещин. – Милорд, чем нас сегодня порадуете?..

И Бета, промямлив что-то басом, сконфуженно полез в карман за пухлой рукописью на газетных гранках, обнаружив под невозможной шинелью столь же нелепые в той обстановке гольфные коричневые брючки и спортивные чулки.

Не могу сказать, чтобы творчество Бориса Васильевича захватило меня сразу же. Он принадлежал к тем авторам, с недостатками которых надо сначала свыкнуться, чтобы затем оценить их достоинства. У каждого пишущего есть более или менее индивидуальный художественный канон, который кажется ему, естественно, наиболее правильным. А в вещах Беты, в особенности в его стихах, многое царапало меня, казалось сырым, невнятицей, некоей недоделанностью или косноязычием, которые особен-

но обидно резали слух рядом с блестящими строфами, невольно остававшимися в памяти.

Когда я познакомился поближе с Борисом Васильевичем, причина всего этого в его вещах стала мне понятной. Из всего богемного Владивостока – а в те годы там еще сохранились осколки настоящей, я бы сказал, «классической» русской богемы – вероятно, самым богемным был Бета. Утром он редко знал, где будет спать ночью. И эта богемность была у него не только прирожденной привычкой (в одном из стихотворений он упоминает о цыганской крови в жилах отца), но и вполне сознательным принципом, который Бета методично проводил в своей жизни «наперекор стихиям».

Ставя творчество превыше всего, Борис Васильевич считал, что творец уже за одно то, что дает другим высокое наслаждение своим искусством, имеет право быть свободным от всякого иного труда, от всех материальных забот. Об его жизненных удобствах должно думать общество. Прав ли он был или нет – это вопрос иной, но в условиях революционного Владивостока, а затем первых эмигрантских лет такой взгляд, ясно, оставался чистой романтикой.

И поэтому, несмотря на сравнительно приличный заработок в газетах, Бета или кочевал по знакомым, или проводил ночи на редакционных столах и талерах печатных машин, а нередко и просто под открытым небом, на скамейке подле памятника Невельскому, о чем он сам рассказывает в поэме «Взморье, где я жил»:

Не одолеть тебе бродягу,
Не позевну, не позвонюсь,
Над бухтой на скамейке лягу,
На сыроватой протянусь...

И дальше:

У Невельского, на скамейке,
Глядеть бы вечно на июнь,
Понюхать ветку – запах клейкий
И слушать чайкой – Гамаюн...

Следует ли после этого удивляться, что Бета пил и временами – сильно. Но периодами его обветренное и загорелое лицо приобретало менее землистый оттенок, а костюм и обувь – более свежий вид. Это значило, что Бету приютил кто-нибудь из семейных поклонников его таланта, заставил взять себя в руки и воздерживаться от алкоголя. Затем Борис Ва-

сильевич снова срывался, обычно ссорился с хозяевами, так как алкоголь обострял его природную обидчивость, и снова становился бездомным бродягой.

Вероятно, немалую роль в этом образе жизни сыграла и его неудачная любовь к одной из тогдашних обитательниц Владивостока, отраженная с иронической усмешкой над самим собой едва ли не в большинстве его вещей того периода.

Таким Бета был в Приморье, таким же он провел некоторое время в Харбине, нелегально перебравшись туда через границу после занятия Владивостока большевиками. Таким же он оставался и здесь, в Шанхае, где Бета провел некоторое время, ожидая отъезда с сибирскими кадетскими корпусами в Сербию.

Несомненно, что его не переменила и Европа, только жизнь там много требовательнее, и в последнем письме, полученном Вс. Ивановым из Марселя в 1926 или 27 году, не помню точно, Борис Васильевич писал нам, что работает кочегаром на пароходе, плавает по Средиземному морю. Последний его рассказ, помещенный в № 5 «Чисел» – «Возвращение Люсьена» – носит, конечно, автобиографический характер и отражает его жизнь последнего времени, суровую жизнь «докера», портового грузчика.

Об этом свидетельствуют также отрывки его писем к Нине Берберовой, которые последняя приводит в своей статье о смерти Б.В. Буткевича, напечатанной в «Последних Новостях».

«Я ношу мешки в порту, – пишет ей Борис Васильевич, – и вечером трясутся руки, смертельно не хочется думать... Внешняя жизнь моя очень бестолкова: сейчас я "докер", а весной кочегаром плавал к африканским берегам и к малоазиатским, летом был пастухом... Только что вернулся из Нижних Альп, где пас коров... Моя работа с тяжестями не прекращается… Я намерен отправиться на уборку мусора...»

Вот что смогла дать, несомненно, талантливому начинающему писателю «старушка-Европа», в которую он так рвался. А ведь после напечатания его рассказа «О любви к жизни» сам И.А. Бунин, по свидетельству той же Н. Берберовой, спрашивал: «Кто такой Буткевич? Талантливый человек. Много, очень много хорошего».

«Критики, – пишет она далее, – отнеслись к неведомому автору благосклонно. Окрыленный, он стал посылать в Париж повести, стихотворения... Они пропадали где-то в редакционных столах, в редакционных корзинах... От него остался ненапечатанный роман "Голубой павлин", затерянный в одной из парижских редакций…»

Следует ли после этого удивляться, что видя такое отношение к своему творчеству со стороны русских парижских издательств, Борис Васильевич пришел в отчаяние и писал:

«Я упустил все сроки сделаться хорошим прозаиком. Вот уже два года, как я ушел из жизни и никто из моих друзей ничего обо мне не знает. Она нелегкая, моя теперешняя жизнь, но становится еще тяжелее, когда я начинаю пытаться куда-то выскочить, начинаю изображать из себя беллетриста, когда удел мой быть докером, кочегаром, пастухом…»

Жутью, холодной жутью полного отчаяния веет от всех этих строк. И особенно обидны для нас слова о том, что Бета по небрежности прервал связь с ними, своими дальневосточными друзьями, которые неоднократно разыскивали его следы и даже печатали в харбинском «Рубеже» бережно хранившиеся его рукописи, чтобы заставить его откликнуться. Ведь мы, конечно, не последовали бы примеру парижских редакций, а поддержали бы его веру в себя и свой талант, и это, быть может, спасло бы его от преждевременной нелепой гибели.

Да и вообще, останься Борис Васильевич здесь, на Дальнем Востоке, его творчество, в котором было столько своеобразия и нежной прозрачности, имея некоторую материальную и большую моральную поддержку, наверное, развернулось бы много шире, так как на внимание со стороны дальневосточных читателей и редакторов Бете жаловаться не приходилось и на долю его вещей выпал здесь редкий, пожалуй даже – исключительный успех.

***

Трудно сказать, в чем интереснее Бета, в стихах, или в прозе. Может быть, наиболее своеобразным был он в своих прелестных, кружевных миниатюрах, так как эта форма, не стесняя требованиями стихотворной техники, давала ему возможность наиболее яркого выражения причудливой нежности и легкости его большого лирического дарования.

Бета всегда элегичен и романтичен. В его стихах яснее всего просвечивает Блок, преломленный через влияние позднейших футуристов, в особенности, пожалуй, Пастернака. Приемами последнего – сдвигами планов, не непосредственным, а как бы вторичным отражением действительности – Бета часто пользуется в построении своих художественных образов. Сам он считал себя учеником Н. Гумилева, однако в его стихах мало четкости и яркости, присущих акмеизму.

Тематика его поэзии очень разнообразна, но в общем тоне его лирики лишь изредка звучат жизнерадостные нотки. Да и сам он любил слова: «угрюмый», «хмурый», «мрачный». Динамика его стихов часто достигает большого напряжения, а ритмическое движение дает иногда интересные мотивы, в особенности, в «Фокстротной Поэме» (сборник «Парнас между Сопок». Влд. 1921 г.). Однако в общем стихи его по большей части технически «сыроваты», недостаточно обработаны.

Что касается прозы, то большинство его вещей, печатавшихся на Дальнем Востоке, были удачной стилизацией, и Бета мечтал выпустить их в Европе отдельным сборником. Среди них некоторые удивляли исторической эрудицией автора.

Для прозы Буткевича характерна легкость, с которой идет развертывание сюжета и та творческая интуиция, которая позволяет ему превращать самую, казалось бы, избитую тему в художественную вещь. Словесные краски Беты акварельно легки и воздушны, на них почти везде лежит некоторая печальная туманная дымка, лишь изредка подымающаяся, чтобы показать вещи в неожиданно-резком и смелом повороте.

Темы этого цикла рассказов, независимо от стилизованной автором эпохи, почти всегда – несчастная любовь и гибель от нее.

Видение под внешней оболочкой вещей других, трансцендентальных сущностей – вот в чем основная черта и аромат творчества несчастного погибшего художника.

Опубликовано и печатается по:
Понедельник. 1931. № 2. С. 156–160.

ЧЕРВЕРТЬ ВЕКА ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЫ

А. Ларин

На глазах нашего поколения сама жизнь произвела переоценку многих ценностей и изменила характер многих профессий. Особенно это относится к области журналистики и литературной работы.

Когда-то эта область носила характер совершенно частной деятельности, и недаром представители данной профессии причислялись к лицам так называемых свободных профессий.

Постепенно это все коренным образом изменилось. Журналистика и литература постепенно оказались призванными служить государству и тем новым идеям, на базисе которых в настоящее время происходит перестройка всей мировой системы.

Вполне понятно, что при таком положении общественно-политический и социальный вес каждого журналиста и литератора значительно возрастает и становится тем крупнее, чем более широкой одаренностью обладает каждый отдельный представитель данной области общественного труда, а также чем более солидный опыт имеет он за собой.

В соответствии с этим так называемые юбилейные даты, связанные с профессиональной деятельностью журналистов и литераторов, помимо чисто личного, приобретают еще большее общественное значение. <*Отношение*>[1] к ним со стороны общественных кругов становится таким же, как отношение к юбилейным датам в работе государственных деятелей, представителей науки и других важных областей человеческого прогресса.

В настоящее время исполнилось 25 лет газетной и литературной работы хорошо известного во всех кругах российской эмиграции Маньчжу-Ди-Го журналиста и литератора Н.П. Веселовского.

Юным студентом Н.П. Веселовский посещал аудитории юридического факультета в Казанском университете, когда над Россией разразилась революционная гроза. Выждав, когда началось антикоммунистическое движение, он вступил добровольцем в ряды Белой армии.

После пребывания на фронте Н.П. Веселовский к зиме 1918–1919 г. был командирован в Омск, где тогда же и началась его журналистская работа в газете «Сибирская Речь», в которой работали тогда Сергей Ауслендер, известный «Аргус» и многие другие из столичных журналистов и писателей.

---

[1] Угловые скобки здесь и далее употребляются для предположительного (восстановленного) текста.

Под руководством этих крупных сил Н.П. Веселовский прошел первую серьезную школу газетной работы. Полученный здесь опыт сыграл роль прочного фундамента для его дальнейшей работы в той же области.

Однако вооруженная борьба продолжалась и весной 1919 г. Н.П. Веселовский снова отправился на фронт боевых действий. В то же самое время он принял на себя обязанности военного корреспондента газет «Сибирская Речь» и «Русская Армия».

На фронте он был ранен и к осени 1919 г. получил производство в офицерский чин.

Далее начался знаменитый Ледяной поход, во время которого Н.П. Веселовский заболел тифом и находился в столь тяжелом состоянии, что его пришлось оставить вблизи Иркутска.

По выздоровлению он поступил в Иркутский университет и успел закончить его по старой университетской программе. Получив звание профессорского стипендиата, Н.П. Веселовский в течение двух лет работал ассистентом в том же университете и одновременно с этим прошел два курса Высшей Драматической Школы, что позднее, уже в Харбине, помогло ему занять место одного из наиболее серьезных театральных рецензентов.

Научной работе Н.П. Веселовского в Иркутском университете не суждено было продолжаться, так он был снят с этой работы как «элемент социально чуждый и политически враждебный».

В 1925 г. ему удалось бежать через Сибирь и Маньчжурию и обосноваться в Харбине, где началась энергичная и продуктивная работа Н.П. Веселовского в русских эмигрантских газетах в качестве публициста и рецензента. В разное время статьи, рецензии и фельетоны Н.П. Веселовского печатались в газетах «Русское Слово», «Заря» и «Харбинское Время», и в настоящее время он продолжает работать в газете «Голос эмигрантов».

Сотрудничает он и в заграничных газетах – в парижском «Возрождении», в берлинском «Новом Слове» и нью-йоркской газете «Россия».

Непоколебимая верность русским национальным идеям, яркий стиль, солидная эрудиция в политических вопросах – все это выделило статьи Н.П. Веселовского из другого газетного материала и привлекало к ним внимание местных и заграничных кругов российской эмиграции.

Несмотря на интенсивную газетную работу, продолжающуюся до настоящего времени, за последние годы Н.П. Веселовский включился также в работу чисто литературную, проявив в области беллетристики большое стилистическое мастерство, динамичность в разработке основной темы, умение отчетливо обрисовать характеры отдельных персонажей.

Харбинская и шанхайская критика встретила беллетристические произведения Н.П. Веселовского весьма благожелательно, отметив в них много ценных и положительных сторон.

Рассказы Н.П. Веселовского печатаются в журналах «Рубеж», «Луч Азии», «Прибой». В прошлом году совместно с Б. Юльским им был выпущен сборник рассказов «Восток и Запад». В настоящее время он работает над большой повестью.

Не остался Н.П. Веселовский чужд и области драматургии. В 1941 г. была поставлена его пьеса «Поединок», получившая первую премию на всеманьчжурском конкурсе драматургов. В том же году была поставлена написанная им совместно с Б. Юльским пьеса «На новом пути».

Столь разнообразной и разносторонней является газетная и литературная работа Н.П. Веселовского. Но вся эта работа, помимо различных публицистических и художественных целей, определяется еще основной единой целью, той самой, которая более четверти века назад заставила Н.П. Веселовского сменить студенческую тужурку на шинель добровольца и вступить в ряды Белой армии.

Таким образом, юбилейная дата в литературной работе Н.П. Веселовского в то же самое время является юбилейной датой честного служения русским национальным идеям.

Опубликовано и печатается по:
Время. 1944. 5 февраля. С. 5.

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ НА 40-ЛЕТНЕМ ПУТИ

С. Недолин[1]

«Паче всего люби родную литературу и звание писателя предпочитай всякому другому».
Салтыков-Щедрин.

Завтра друзья и соратники по литературно-художественному кружку имени Августейшего поэта К. Р.[2] оказывают мне великую честь, отмечая исполнившееся в августе сего года 40-летие моего сотрудничества в провинциальных и столичных газетах и журналах России, главным же образом, проходящую на глазах у всех харбинцев работу в местных изданиях.

Это приятное для меня событие заставляет старое, больное сердце переживать некоторое, еще не испытанное доселе, волнение, а в душе моей все эти дни мелькают воспоминания о пройденном пути. Кое-что из этих воспоминаний я и позволю себе довести до сведения читателей «Зари».

***

Ярославль на Волге…

В 5-ом и 6-ом классах гимназии, которые я проходил в Ярославле, детские игры и забавы уже забываются, пушок на верхней губе придает некоторую солидность, и я начинаю жадно набрасываться на книги и журналы, восхищаться, критиковать и спорить о прочитанном и даже опьяняться мечтой о том, что, дескать, «не боги горшки обжигают»: не написать ли мне самому рассказ, а то и целый роман? Но пока, слава Богу, писатель пишет только «для себя», не решаясь читать свои произведения даже близким приятелям. А зато какой простор для будущей «знаменитости» в классных и, особенно, в домашних сочинениях!

Так или иначе, преподаватель словесности, он же классный наставник и инспектор гимназии А.П. Красовский, раздавая исправленные сочинения, особенно поощряет будущего Сергея Недолина:

– Молодец, брат! Писателем будешь…

Отмечаю это как первую радость на моем литературном пути. Воз-

---

[1] Недолин (наст. фамилия Поперек, а также Попперек или Попперэк) Сергей Александрович (1880, Нижний Новгород – 1954?, г. Тайшет Иркутской обл., Озерлаг?) – литератор и журналист. Закончил Московский университет. С 1909 г. служил в Петербурге. В 1915 г. был призван на военную службу, которую проходил в Главном управлении Красного Креста. После демобилизации в 1917 г. жил в Сибири. В 1918 г. приехал в Харбин, где до 1929 г. служил в Управлении КВЖД. В 1937–1943 гг. работал в редакциях местных газет. Автор множества рассказов, фельетонов и театральных рецензий, нескольких пьес и оперных либретто. Публиковался также под псевдонимом «Маманди» (в пер. с кит. «подожди», «постой») и др. В 1945 г. был арестован и депортирован в СССР. Приговорен военным трибуналом к 10-ти гг. лагерей; впоследствии реабилитирован.

[2] К. Р. – криптоним великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915).

можно, что если бы не эта неосторожность почтенного педагога, тот огонек писательства, который затеплился в моей душе в юные годы, не разросся бы в целое пламя, которым необходимо гореть каждому прикоснувшемуся к литературе человеку.

Мой писательский «зуд» увеличивался не по дням, а по часам.

В Коломне Московской губернии я жил в высококультурной и любящей литературу семье земского врача А.Н. Хабарова. Супруга его Полина Захарьевна, седая, румяная женщина с солнечными серыми глазами, очень любившая и понимавшая литературу, узнав мою страсть к писательству, всячески поощряла ее, руководя моим чтением и добиваясь, чтобы я прочитывал ей свои писания. Но я таил свои рассказы, а потом и стихи, полагая, что читать их обязаны, по долгу службы, редакторы, и намечая соответствующую жертву. Супруги Хабаровы знали лично В.Г. Короленко[1], который редактировал тогда журнал «Русское Богатство» и пользовался репутацией не только крупного писателя, но и прекрасного, отзывчивого человека.

Глубокоуважаемого Владимира Галактионовича Короленко я и избрал первой жертвой своего литературного темперамента, послав ему какой-то рассказ.

Первый, ныне совершенно забытый мною опыт по линии беллетристики, разумеется, провалился. Но замечательно то, что такой знаменитый и чрезвычайно занятой человек, как В.Г. Короленко, возвратил мне мой первый рассказ в сопровождении весьма пространного, написанного в высокохудожественном тоне письма, где подробнейшим образом разбирались все достоинства и недостатки рукописи, высказывалось искреннее сожаление, что его нельзя напечатать, и заключался горячий призыв ни в каком случае не бросать дела, а приняться за него со всей энергией и присылать свои опыты в «Русское Богатство».

Это – увы! – огорчительное письмо уважаемого и горячо любимого писателя я хранил, как святыню, как своего рода благословение на избранный путь, но… путь этот я временно оставил, так как в письме Короленко было указание на мою молодость и неопытность, которых сразу не изживешь.

Затем я опять в тихом Ярославле, где в 1889 году был «пушкинский» выпуск гимназии, на котором я и получил аттестат зрелости. А осенью я уже был в Москве и в весьма приподнятом настроении входил под священные своды Св. Татьяны, избрав для себя естественный факультет Императорского Московского университета. Мои коллеги – ярославцы, с ко-

---

[1] Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель. В 1895–1900 гг. проживал в Петербурге, редактировал журнал «Русское богатство».

торыми я поглощал литературу, оказались здесь же, только на разных факультетах. Наш пламенный литературный кружок не переставал функционировать, моя страсть к писательству пробудилась с новой силой, и первый год в университете я посвятил не столько наукам, сколько новым опытам по части беллетристики. Опыты эти были сплошь неудачными, что объясняется, как я теперь понял, узкой партийщиной нашей журналистики начала текущего века.

Обидно было и то, что я, как любитель природы, выбрал для себя естественный факультет, любить же природу и любить естествознание – два дела разных. И когда однажды профессор Карузин сказал мне в анатомическом театре, около синего трупа какого-то бродяги, что я со своим скальпелем «суюсь не в свое дело», мне оставалось только расписаться в правильности этого замечания, и я решил бросить естественный факультет.

Мой суровый отец, живший тогда в Саратове, и моя коварная консерваторка, тоже приехавшая из Москвы на лето в Саратов и притворявшаяся при строгих родных ко мне совершенно равнодушной, знойное и пыльное саратовское лето, отсутствие заработка, в котором я нуждался, и т.д., и т.д. сделали то, что я в июле 1901 года пустил себе из бульдога пулю в то место, где билось мое буйное сердце. Как легко люди в 21 год от роду решаются покинуть жизнь, неземная красота которой для них еще совершенно неведома!

Свежее, росистое утро следующего за «самоубийством» дня, склоненные надо мной лица похожих на ангелов сестер милосердия, фельдшериц и сиделок, бодрое чиликанье птичек под окном летнего барака городской больницы и т.д. еще сильнее, чем внезапное решение умереть, убедили меня в том, что я хочу жить.

В два счета знакомыми учительницами, курсистками и приятелями была мобилизована некая сумма денег, и, со стыдом убедившись, что моя старушка-мать, пока я был в больнице, совершенно поседела, я отправился на излечение в крымский городок Алушту.

Плохо горящие керосиновые фонари этого чумазенького татарского городка, давшие материал для моей преисполненной «гражданской скорбью» корреспонденции в ялтинскую газету «Крымский Курьер» послужили толчком для начала, если можно так выразиться, моей «литературной карьеры».

Весьма поощрительное письмо тогдашнего редактора этой газеты, известного писателя М.К. Первухина[1], дало начало моим дальнейшим пи-

[1] Первухин Михаил Константинович (1870–1928) – русский писатель-фантаст, журналист. Редактировал газету «Крымский курьер» (1900–1906). После Октябрьской революции эмигрировал в Румынию, потом переехал в Италию.

саньям в «Крымский Курьер», ставший затем «Русской Ривьерой».

Сотрудничество в маленькой провинциальной газетке, платящей (и то с трудом) 1 копейку гонорара за печатную строку – дело ерундовое, но дружба с М.К. Первухиным, этим пламенным журналистом, прекрасным человеком и великим неудачником, а главное, то обстоятельство, что в названной газете печаталось решительно все, что я туда посылал (рассказы, статьи по разным вопросам, а особенно по искусству, стихи, корреспонденции и пр.), – все это составило предмет моей писательской радости и дало мне возможность «набить руку» в газетной работе.

Таким образом, мои первые печатные строки, сладость которых так знакома всем пишущим, появились в августе 1901 года, с какового срока я и исчисляю свой писательский стаж.

Осенью 1901 года я в Москве поступил на юридический факультет университета, уже чувствуя себя «настоящим» писателем. До самого отъезда из Европейской России в августе 1917 г. я не переставал посылать материал в названную ялтинскую газетку, относясь к ней как к какой-то любимой «крестной маме». Кстати, с М.К. Первухиным я сохранил дружбу до конца его дней и еще в Харбине получал от него интересные письма из Рима.

Дальнейшие этапы моей писательской биографии были вкратце следующие.

До окончания университета знакомство с Л.Н. Андреевым[1], к которому я явился в его уютную, утопавшую в цветах квартиру в Тишинском переулке. Приветливость первой жены писателя, встретившей меня на парадном с леечкой, и радушие самого красавца хозяина сразу очаровали меня. Леонид Николаевич в это время гремел не только как беллетрист, но и как фельетонист газеты «Курьер» (Фейгина)[2] «Джемс Линч». Быстро завоевывающий славу писатель, блещущий остроумием, глубоким знанием литературы и восхищающий теплым, проникновенным подходом к незнакомому человеку, вновь наполнил мою душу редкостной радостью, тем более, что принесенные мною писания показались ему приемлемыми для «Курьера», и кое-что из этих еще слабых (по столичному масштабу) строк прошло в названной газете, которая, к сожалению, очень скоро закрылась.

Однако я подружился со всей семьей Андреевых, и особенно с его красавицей сестрой Риммой Николаевной, супругой редактора газеты Ря-

---

[1] Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – русский прозаик, драматург, публицист. Карьеру в литературе начал в 1897 г. как судебный репортер и фельетонист в газете «Курьер».

[2] Фейгин Яков Александрович (1859–1915) – журналист, критик, переводчик; редактор-издатель газеты «Курьер».

бушинских[1] «Утро России» А.П. Алексеевского[2]. В этой газете стали проходить кое-какие мои статьи.

Но широк и разнообразен был газетно-журнальный мир Царской России. Журнал «Голос Жизни» (Туркина[3]), газета «Вечерняя Почта» (Холчева[4]), петербургская «Наша Жизнь» проф. Ходского[5], «Юная Россия» проф. Д.И. Тихомирова[6] и некоторые другие издания охотно печатали мои писания в годы студенчества.

В эти годы я нередко проводил летние каникулы в Ялте, где жил обычно у обедневшей и «обогемившейся» графини Н.И. Подгоричани, имевшей квартиру в том же доме, где и М.К. Первухин. Приезжавшие в Ялту братья-писатели, естественно, тяготели к милейшему редактору местной газеты, а он их доставлял наверх в квартиру Подгоричани, где можно было снять комнату, получить обед и т.п. Эта комбинация дала мне возможность познакомиться с А.И. Куприным, М.П. Арцыбашевым, С.Г. Скитальцем, В.В. Башкиным, Д.Н. Крачковским, С.Н. Сергеевым-Ценским, В.И. Полем (композитор), А.С. Рославлевым и многими другими.

В эти же годы я часто заглядывал в Алушту, где жил на даче редактора-издателя «Юной России» Д.И. Тихомирова, весьма благоволившего ко мне, встретился с М.Н. Альбовым, С.Н. Серафимовичем и, главное, с И.С. Шмелевым, с которым связан крепкой дружбой. (К сожалению, писем из Франции от И.С. я давно не получаю и потерял его из вида). Кстати сказать, в те дни И.С. Шмелев писал лишь для детей в «Юной России» и не знал, что его ждет впереди великая слава, перемахнувшая далеко за пределы России. И.С. очень скромен и, горячо любя литературу, долго не решался стать профессионалом, более полагаясь на свое высшее образование и карьеру чиновника. (Он был податным инспектором в г. Влади-

---

[1] Рябушинский Павел Павлович (1871–1824) – крупный московский финансист и промышленник, издатель газет, в том числе ежедневной газеты «Утро России», выходившей в 1907, 1909–1918 гг.

[2] Алексеевский Аркадий Павлович (1871–1943) – журналист, сотрудник «Курьера», впоследствии редактор московской газеты «Утро России». Первый муж (в гражданском браке) старшей сестры Андреева Риммы Николаевны Андреевой.

[3] Туркин Никандр Васильевич (1863–1919) – журналист, театральный критик, редактор газеты «Вечерняя почта». Сотрудничал также в «Голосе Москвы», «Московской газете».

[4] Холчев И.Н. – издатель и владелец типографии. Редактор «Вечерней почты» – ежедневной газеты кадетского направления, выходившей в Москве в 1904–1905 гг.

[5] Ходский Леонид Владимирович (1854–1919) – профессор петербургского университета, экономист, публицист. Редактор-издатель журнала «Народное хозяйство» (1900–1905) и газеты «Наша жизнь» (1904–1906).

[6] Тихомиров Дмитрий Иванович (1844–1915) – педагог, один из организаторов в России вечерних воскресных школ для рабочих. В 1894–1915 гг. – редактор журнала для детей «Детское чтение» («Юная Россия»).

мире, где им и задумана потрясающая повесть «Патока»). Без излишней скромности скажу, что выйти на путь профессионального писательства уговорил Шмелева я, имея своим соратником по этой части Д.И. Тихомирова. И первый опыт И.С., принесший ему сразу крупную известность, был «Человек из ресторана», над которым он работал в Москве, переделывая повесть на моих глазах 8 раз. Писатель жил тогда в полуподвальном этаже дома проф. В.О. Ключевского в родном ему Замоскворечье. Продолжая это воспоминание, скажу, что я первый обратил внимание критики на «Человека из ресторана», указав на эту вещь Д.В. Философову, который вел тогда критический отдел в «Русском Слове».

Указанные знакомства, сблизившие меня кое с кем из известных русских писателей, зажгли меня желанием иметь в Москве собственный журнал, который я мыслил себе в виде Миролюбовского «Журнала для всех». Но денег на это дело у меня не было.

В конце 1905 года, еще будучи студентом, я написал трехактную пьеску из студенческой жизни «Зиночка», которая с успехом прошла в январе 1906 года на сцене Московского Литературно-Художественного Кружка, дав мне первый крупный литературный заработок – около 1300 р., считая в том числе издание пьески С.Ф. Рассохиным. На эти деньги я объездил Европу, и впечатления от поездки охотно печатались в разных газетах.

В 1908 году старый знакомый нашей семьи, бывший директор Воткинского завода, горный инженер В.В. Воронцов, любивший меценатствовать, имел неосторожность дать мне 10000 р. на издание вожделенного журнала, который под названием «Лебедь» и выходил в Москве двухнедельными выпусками в течение полугода. Я в то время был так наивен, что даже не знал о необходимости для нового издания широкой рекламы и целиком полагался на «имена» писателей, большинство которых упомянуто выше, плюс А.А. Блок, С.М. Городецкий, А.С. Белоруссов (последний редактор «Русских Ведомостей»), Саша Черный, М. Гофман, худ. В.В. Переплетчиков и др. Редакция помещалась в моей квартире (Скатертный пер., 6), и в этой квартире полгода было буквально разливанное море для пишущей богемы, которая энергично помогала мне возможно скорее «разыграть» полученную на издание сумму.

Через полгода журнала, который еще более сблизил меня с пишущей братией, – не стало. И как хорошо эту кончину осветил один юмористический журнал:

Лебедь белокрылый,
Твой печален рок, –
Плачется издатель
Бедный Поперек.

Чтобы знать в издательстве
Лучшую юдоль,
Надо знать издательство
Поперек и вдоль.

После такого удара помощник присяжного поверенного, он же неудачливый издатель С.А. Недолин, уехал из Москвы в Петроград.

В Северной Пальмире – прекрасная служба в Министерстве Земледелия и Государственных Имуществ (заведование «столом прессы») и неторопливые вылазки в газеты и журналы: «Вестник Европы», «СПБ Ведомости», «Журнал для всех», «Лукоморье», «Журналов журналов», «Свободным Художествам» и т.п. Главная же работа в «Бюро русских журналистов», которое снабжало провинциальные издания произведениям столичных писателей. Это Бюро (редактор проф. Д.П. Поздеев) состояло в ведении МВД, продавало наши писания по дешевке бедным провинциальным газетам, мы же каждое 1 и 15 число получали изрядные стопки полновесных царских рублей. Но… это Бюро, конечно, не могло дать писателю вожделенного «имени» в столицах и поэтому… Сергей Недолин остался «безыменным».

В Петрограде я сошелся с кружком работавшего у меня в «Лебеде» молодого писателя Ю.Л. Слезкина, где бывали гр. А.Н. Толстой, С.А. Ауслендер, вездесущий С.М. Городецкий и многие другие. Чрезвычайно удачные беллетристические опыты Слезкина, еще же более пьесы А.Н. Толстого и С.А. Ауслендера <*взвинчивали*>[1] меня, и я <*тщательно*> отшлифовал <*нрзб.*> свою вторую пьесу <*нрзб.*>, которая была принята к постановке репертуарным советом Малого театра А.С. Суворина и даже авансирована в сумме 400 р. Но… пьеса осталась в портфеле театра, а после «великой бескровной» потерялась. (Ныне я ее нашел и дал В.И. Томскому).

В Сибири, куда я прибыл в августе 1917 г. из Петрограда, меня хорошо встретила пресса Новониколаевска и Томска. В последнем я стал фактически редактором «Народной газеты», пока в газету не явились эсеры, с которыми мне было не по дороге.

Осенью 1918 г. судьба завела меня во Владивосток, где я был секретарем при уполномоченном Сибирского правительства Л.М. Загибалове (отце карикатуристки Вита).

19 октября того же года я прибыл в Харбин, где < *нрзб.*> жену (Анну Владимировну, урожденную Горохову, из <*нрзб.*>) и остался сторожить <*КВЖД*>. Друзья указали на меня редактору тогдашней газеты «Вестник Маньчжурии» И.А. Доброловскому, и он предложил мне начать работу в

[1] Здесь и далее угловые скобки употребляются для предположительного (восстановленного) текста.

этой газете, которая, несмотря на тенденциозность, велась на редкость живо и талантливо.

И вот С. Недолин сделался фельетонистом С. Маманди. А тут появилась газета <*нрзб.*> маститого Г.Г. Сатовского-Ржевского и… «Маманди» <*стал*> «Кокоида». Того и другого в глаза хвалили, а за глаза не знаю, – со стороны <*виднее*>. Но самому работать было легко и радостно.

«Русский Голос», «Вечерняя Заря», позднее «Заря» утренняя, «Русское Слово», «Гун-Бао», «Рупор», «Харбинское Время Вечером» (фактич. редактор), «Харбинское Время», <*ее*> утренний выпуск, «Рубеж», «Луч Азии», журнал «Нация», сборники «Кио-Ва-Кай», «Зигзаги», редактирование «Ока Дальнего Востока», «Женского отдела», «Бамбука» (утром он выходил из печати, а к вечеру уже расходился!). «Друг полиции»… Да разве упомнишь все издания, в которых Сергей Недолин, С. Маманди, Кокоида, Карась, Ив. Ключевой, <*нрзб.*>, Экросс, Я. Ладин, < *нрзб.*> Злодий и пр., и пр. печатался за 23 года пребывания в Харбине!

Издание ныне разошедшихся детских книжек «Два цыпленка» и особенно «Мишка», выпуск Московским землячеством маленькой поэмы «Москва», особенно же постановка труппой В.И. Томского <*отрывка*> автобиографической <*пьесы*> «Мать» 16 сентября 1939 г. – вот мои радости последних лет.

А вот отрыв (по болезни и иным обстоятельствам) от работы в прессе в настоящее время, главное же – полная невозможность (по материальным причинам) издать к юбилейному дню хотя бы пару книг («Незатейливые рассказы», «Незатейливые стихи») – вот это великое огорчение!

Однако же, как старый литературный воробей, по секрету скажу, что это отнюдь не мешает:

«Паче всего любить родную литературу и звание писателя предпочитать всякому другому».

Впервые опубликовано (с подзаголовком «Юбиляр-литератор С. Недолин о самом себе») за подписью «Сергей Недолин-Маманди и печатается по: Заря. 1939. 5 октября. С. 4.

ПИСЬМА ИЗ ТАИТИ

Л. Андерсен[1]

Дорогой Друг, опять грешна перед Вами: давно не писала. Извините: ужасно много дела в большом доме, куда люди (которые мы) только что переехали[2]. Если бы мне было все равно, как жить, то было бы проще, но я люблю разводить уют, а разводится он не сразу. Надо кое-что купить, а в новом городе тоже неизвестно где, кроме того, надо ругаться с мужем, так как у нас совсем разный вкус и разные идеи. А прислуги-то у меня не было три месяца, так что и времени не было на уют, – только на кухню и на чистку да стирку. Теперь у меня уборщица, очень странное существо: не то мужчина, воображающий себя женщиной, не то правда не совсем мужчина, не то представляется. Никому он (или она) этим не мешает, напротив, такие здесь представляют особое сословие и ценятся как работники, потому что не так гоняют, как обычные, нормальные сексы. Моя Пьеретта носит платье, цветочек в волосах, как и все, впрочем, мужчины и женщины любого возраста (и я тоже) и очень чисто убирает, то напевая, то свистя очень ловко. Они все чистые, любят воду (и это страна воды), очень сексуальные и вообще – инстинктивные. Христианская религия у них главным образом для того, чтобы ничего не делать по воскресеньям. Но так как надо и гулять, а в воскресенье полагается только клевать носом на крылечке «фарэ» (дом), то гуляют или в субботу или в понедельник, а иногда и оба. Гулять, т.е. пить, танцевать тамурэ (это вертеть задом) и петь под гитары и много смеяться, – нужно обязательно. Когда этот раж проходит, они вообще грустные люди.

Мистики у них полно, но только самой примитивной и темной. Они вечно видят привидения. Ощерятся, как собаки, бледнеют и смотрят перед собой: «Тупапао»... А другие, т.е. европейцы, ничего не видят. Если они знают, чье это «Тупапао», то перехоранивают тело вниз лицом и говорят, что помогает. Но всех не перехоронишь и потому «Тупапао» гуляют по всему острову. Особенно около «мараэ» – бывшие алтари, где приносили в жертву собак, черных свиней и людей. Но даже европейцы утверждают, что там что-то есть, какие-то «вибрации». Наслушавшись всего этого, я побоялась пройти мимо нашего «Мараэ» в лунную ночь, когда мне обычно не спится, а повернула обратно. Тем более, что мой песик вдруг поджал хвост и побежал домой.

---

[1] Представленные ниже тексты Лариссы Николаевны Андерсен (в замужестве Шез) напечатаны под псевдонимом «Загогулинка».

[2] На Таити, куда Л. Андерсен с супругом приехала из Вьетнама, она жила в 1968–1969 гг.

Очень много говорят здесь о «Тики» (идол из камня или дерева). «Тики» бывают живые и бывают мертвые. С живыми надо обращаться вежливо, если что не так, как ему нравится, – обязательно должно случиться что-то плохое. А с мертвым – неважно.

Камни тоже есть живые. И все такие места – «Табу». Когда-то здесь крутился еще немой фильм «Табу». Я его помню. Играли два туземца отсюда, кажется, они и теперь здесь, – прожили все деньги и вернулись восвояси ловить рыбу и подбирать бананы и кокосовые орехи: зачем им деньги! Директор фильма решил поселиться на месте «Табу», несмотря на предупреждения. Однажды, глянь, а дом сгорел. И соседи видели большую собаку («Тупапао» часто превращаются в собаку), которая бегала по дому в ту ночь пожара. Когда он закончил фильм и поехал в Париж, то умер в автомобильной катастрофе, причем его шофер, негр (не с Таити) рассказал, что внезапно большая собака бросилась на автомобиль – и это послужило причиной несчастья. Когда переносили большого «Тики» с площади, где он уже привык, в музей Гогена, – три рабочих из пяти умерли через несколько дней. Не знаю, чем оградили себя двое оставшихся в живых. Видите, какой у нас Таити. Страшно.

Вот я расписалась, а мне уже надо идти готовить обед. Утро проходит. А еще манит лагуна – пойти купаться, это ведь тоже надо, как таитянам. Вода. Сегодня нет дождя и океан вокруг голубой и безмятежный.

Здешние колдовские места мне нравятся. Но (оправдываюсь) мне нравится не только это, – мне нравится, что наш дом на горе и далеко видно, что можно купаться, что не очень жарко и что нет никакой войны (как во Вьетнаме) и никакого голода вокруг. А может быть, потому они и грустные? Ну, что делать? Потанцевали, ну, побренчали, поели, сколько могли, – а они тут толстенькие, – ну все красиво, но ведь всегда одинаково красиво, другого и не бывает. Бороться не за что и не с кем, разве с акулами.

Не ругайте меня за долгое молчание. Очень хочу писать, но совсем не успеваю. Вот еще занавески надо заканчивать, – сама шью. Только боюсь, что удеру купаться.

Всегда Ваша Загогулинка с Мараэ[1].

Papeete. Tahiti. 13 марта 1968 г.

Опубликовано и печатается по:
Оккультизм и йога. 1969. № 41. С. 150–152.

---

[1] Мараэ – священное место в дохристианских полинезийских обществах, использовавшееся как в религиозных, так и в общественных целях. В переводе со всех полинезийских языков означает «очищенное, свободное от сорняков, деревьев место». Мараэ играли важную роль в жизни древних жителей острова Таити. Оно представляло собой священную площадку прямоугольной формы, в одном из углов которой на приподнятой прямоугольной платформе (аху) находилась статуя божества.

***

Дорогие Друзья! Я все еще сижу на Таити и снова решила написать Вам. Я здесь совсем замарфилась и хотя один поэт написал в стихах, что «за то, что ты была Марфой на земле, ты будешь Марией на небе», – я что-то слегка в этом сомневаюсь. Для неба надо жертвовать земным, а мне все хочется и на небо поглядывать, и на земле пошаривать... Ну, и кроме того, что хочется, еще надо (вот уже скоро) торчать на кухне, убирать и т.д., так как дом большой, сад большой (как я люблю), но помощников у меня весьма мало. Энергии тоже маловато.

Здесь не очень жарко и я было обрадовалась, но оказалось, что климат «фальшиво-хороший»; месяц, два по приезде сюда все бегают и восторгаются, а потом понемножку затихают и все норовят поспать, отдохнуть, все говорят: «надо будет сделать», а время идет, идет, ничего не делается... «Ну, завтра»... и завтра проходит, опять солнце быстренько укатывается и, как говорят таитяне, «падает в воду», а потом вообще забывается счет дням и часам, все удивляются, что пришло Рождество или еще что-то... Вот и я стала такой и от того, что отбиваюсь от этого оцепенения, только устаю.

Правда, это не просто оправдание. Я ездила на остров Рангируа. Очень странное впечатление: с аэроплана видно какую-то уходящую вдаль, словно Млечный путь, полоску, – белесую, плоскую. Кое-где она расширяется и там какая-то корочка, что-то зеленое, как плесень. Это гигантское кольцо кораллового рифа; там, где оно шире, растет кое-что: деревья, фрукты, цветы, построены домики, завелась жизнь, люди, собаки, чушки. В середине кольца огромная лагуна, сама как море. Синяя, дико синяя, с белым песчаным дном, с чудесными лесами кораллов, между которыми снуют разноцветные рыбы (и маленькие, маленькие акулочки)... Из кораллов все, вся почва из коралловых белых осколков. На кораллах растут деревья, строятся дома. У домиков сидят люди… Если они уже наловили достаточно рыбы и наелись, то они сушат сети и просто сидят. А что еще можно делать, что еще нужно делать перед лицом этой яркой синевы, этой уводящей глаза и душу белой дороги, перед лицом Вечности. Вот придет большая волна, – один день – и все это смоет, и вся эта жизнь уйдет обратно, в вечность, в синюю вечность, откуда пришла... Из кораллов ты взят и в кораллы отыдеши...

Вот как только я вдохновилась, пришли, одна за другой, соседки. Одна – таитянка, принесла отведать торта и рассказала, что магазины опять закрыты – никак не могут перепраздновать (Рождество). Вторая – француженка, принесла показать новое платье и посоветоваться, хорошо ли на сегодняшний коктейль подать... Ну, и все, конечно, пожаловались друг другу на что-нибудь. На Таити это большей частью какая-нибудь

уборщица или прачка, которая обещает придти, но не приходит. Спит или гуляет. Если гуляет, почти всегда значит – пьет. Без этого трудно расшевелиться и гулять.

После соседок пришлось отправиться на кухню. Пока что-то пыхтит в духовке, дописываю. Но уже не о синей вечности...

Всегда Ваша Загогулинка.

Papeete. Tahiti. 8 января 1969 г.

Опубликовано и печатается по:
Оккультизм и йога. 1970. № 44. С. 142–143.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник сектора истории культуры и искусства Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск).
E-mail: suerte.09@mail.ru

Дябкин Игорь Анатольевич, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, аспирант АмГУ (г. Благовещенск).
E-mail: igor-dyabkin@mail.ru

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск). *E-mail: sciencia@yandex.ru*

Кузнецова Ольга Феликсовна, старший научный сотрудник Отдела рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: oliaol.555@gmail.com

Левошко Светлана Сергеевна, кандидат архитектуры, доцент, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: s_levoshko@mail.ru

Пищикова Татьяна Васильевна, по образованию инженер-электрик, окончила Харбинский политехнический институт (род. в 1930 г. в Харбине, в семье эмигрантов). В 1954 г. приехала в СССР. Жила и работала в Калуге. После выхода на пенсию занялась восстановлением родословных, семейной хроникой. Чл.-корр. Русского генеалогического общества. Составитель и редактор книг: Григорьев М.П. «На востоке» (2000); Фарафонтов А.П. «По Забайкалью, Маньчжурии и США» (2001); Хаиндрова Л.Ю. «Сердце поэта» (2003) и др. Скончалась в 2004 г. в Калуге.

Поливан Регина Викторовна, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, аспирант АмГУ (г. Благовещенск).
E-mail: regina_polyone@mail.ru

Резвый Владислав Александрович, редактор издательства «Водолей», исследователь русской поэзии XX века, составитель собраний стихотворений русских поэтов и поэтических антологий (г. Москва). *E-mail: telemachus1981@gmail.com*

Солодкая Маргарита Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств (г. Краснодар). *E-mail: vsolod@mail.ru*

Суманосов Виктор Александрович, по образованию инженер-механик, окончил Алтайский политехнический институт. В настоящее время активно занимается историческим краеведением, поиском и публикацией архивных материалов. Составитель книг: «Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии» (в соавторстве; 2009), Колосова М. «Вспомнить, нельзя забыть: Стихи» (2011) и др. (г. Барнаул).
E-mail: sumanosov@rambler.ru

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). *E-mail: amir.khisamutdinov@vvsu.ru*

Эфендиева Галина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск). *E-mail: galina.efendiyeva@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Источниковедение дальневосточной россики: архивы и частные коллекции

Эфендиева Г.В. О судьбе творческого и архивного наследия писателей русского Китая 8
Гребенюкова Н.П. О материалах архива А.В. Ревоненко в собрании Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова 24
Солодкая В.Б. Книжные раритеты «китайской» русской эмиграции в частной коллекции Л.Ю. Хаиндровой 29
Пищикова Т.В. Александр Павлович Фарафонтов: История поиска 41

Эпистолярное наследие

Левошко С.С. Православные мемориальные сооружения Русско-японской войны в Маньчжурии петербургских и харбинских архитекторов (1909–1913) 70
Дябкин И.А. К истории публикации автографов Р.Ф. Унгерна фон Штернберга (По материалам Российского государственного военного архива) 84
Эфендиева Г.В. Два письма С.Г. Шахматова А.И. Митропольскому: новые документы к творческой биографии Арсения Несмелова 96
Кузнецова О.Ф. Из писем редактора харбинского журнала «Рубеж»: Михаил Рокотов – Валерию Перелешину 103
Суманосов В.А. В поисках Марианны Колосовой: Письма из коллекции Гуверовского архива 128

Текстология и поэтика

Забияко А.А. «Интертекстуальная модель» в текстологии литературы дальневосточного зарубежья 140
Резвый В.А. Несколько военных страничек прапорщика Митропольского (Арсений Несмелов в 1912–1917 гг.) 149
Эфендиева Г.В., Поливан Р.В. От «печального» и «терпкого» к «вегетариански-пресному»: О заглавии первого сборника стихов Л. Андерсен 172
Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 1920–1940 гг.) 181

Культура дальневосточного зарубежья: искусство и проблемы адаптации

Хисамутдинов А.А. Русская диаспора на Дальнем Востоке: от общин в Китае и Японии до Америки и Австралии 203
Левошко С.С. Деятельность русского художника Макария Домрачева в Китае в 1920–1940 гг. и его культурное наследие 216

Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики

Ачаир А. Птицы певчие (О харбинских поэтах и поэтессах) 226
Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты 233
Холмин Ю. Роман сов<етского> комиссара Куйбышева и харбинской поэтессы Марианны Колосовой 242
Щербаков М. На смерть Б.В. Буткевича 249
Ларин А. Четверть века литературной работы 252
Недолин С. Радости и огорчения на 40-летнем пути 255
Андерсен Л. Письма из Таити 263

Сведения об авторах 267